РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **доктор исторических наук В.А. Ильиных**
Ответственный секретарь **кандидат исторических наук С.В. Шарапов**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2021. № 4 (24)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 7–8

From the Editors 9–10

Реформы и развитие экономики

В.М. Арсентьев, А.Е. Макушев. Акционирование промышленного производства в контексте государственной политики в конце XIX – начале XX века (на примере Среднего Поволжья) 11–21

Д.А. Мамонтова. Принудительный труд в практике исполнения наказаний в Западной Сибири 1920-х годов 22–31

Л.Н. Лазарева. Экономическая реформа 1965 года в контексте проблемы многофакторности причин распада СССР 32–44

А.А. Гужаловский Дефицит и теневая экономика в Белорусской ССР на фоне экономических реформ середины 1950-х – середины 1960-х годов 45–57

С.Н. Андреенков. Влияние рыночных реформ на экономику Сибири (1990-е годы) 58–71

Е.Е. Тиникова, Е.В. Прищепа. Социально-экономические проблемы монопрофильных поселений Хакасии в условиях рыночной экономики 72–79

Аграрные преобразования в XX веке

В.В. Кондрашин. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? 80–92

О.В. Бершадская. Бедняцкие слои населения в социальной структуре черноморской деревни (1920-е годы) 93–98

В.А. Ильиных. Сельскохозяйственные переписи в Сибири в 1920-е годы: организация, методы обработки 99–110

А.А. Плясуля. Форсированное совхозное строительство в Западной Сибири (1928–1931 годы) 111–122

В.Б. Лапердин. Экономическое положение машинно-тракторных станций Западно-Сибирского края в 1930-е годы 123–134

С.В. Шарапов. Животноводство Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны 135–147

Демографическое развитие в контексте экономических реформ

В.А. Зверев, И.И. Пономарев. Сибирское казачье войско: возобновление поколений казаков и неказачьего населения в конце имперского периода 148–163

О.Б. Дашинамжилов. Рождаемость и смертность городского населения Новосибирской области в 1959–1970-х годах: региональные факторы и особенности 164–174

Р.В. Павлюкевич. Влияние преобразований Н.С. Хрущева на миграционные потоки между Красноярском, Казахской ССР и республиками Средней Азии в 1960-е годы 175–186

А.А. Бурматов. Воспроизводство населения Западной Сибири в условиях перехода к рынку (1989–2002 годы) 187–202

■ **Открытые архивы**

Д.С. Орлов. Развитие животноводства в Алтайском крае во второй половине 1980-х годов (объяснительная записка ветеринарного отдела агропромышленного комитета Алтайского края) 203–213

■ **Miscellanea**

А.В. Кореневский. Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? Часть 2 214–233

■ **Сообщения**

В.Н. Мамяченков. Животноводство Среднего Урала в 1953–1964 годах 234–239

■ **Научная жизнь**

К 50-летию со дня рождения доктора исторических наук Вадима Марковича Рынкова 240–242

CONTENTS

From the Editors (*in Rus.*) 7–8

From the Editors 9–10

■ **Reforms and Economic Development**

V.M. Arsentiev, A.E. Makushev. The Corporatization of Industrial Production in the Context of State Policy in the Late 19th – Early 20th Century (on the Example of the Middle Volga Region) 11–21

D.A. Mamontova. Forced Labor in the Practice of Enforcing the Sentences in West Siberia in the 1920s 22–31

L.N. Lazareva. Economic Reform of 1965 in the Context of the Problem of Multifactorial Causes of the Collapse of the USSR 32–44

A.A. Guzhalovsky. Deficit and Shadow Economy in Soviet Belarus on the Background of Economic Reforms of the Middle 1950s – Middle 1960s 45–57

S.N. Andreenkov. The Impact of Market Reforms on the Siberian Economy (1990s) 58–71

E.E. Tinikova, E.V. Prishchepa. Socio-Economic Problems of Single-Industry Settlements of Khakassia in the Context of the Market Economy 72–79

■ **Agrarian Transformations in the 20th Century**

V.V. Kondrashin. Politics “Facing the Village”: Did the NEP Have Potential in the Agrarian Sector of the Country’s Economy? 80–92

O.V. Bershadskaya. Poor Strata of the Population in the Social Structure of the Black Sea Village (1920s) 93–98

V.A. Il’inykh. Agricultural Censuses in Siberia in 1920s: Organization and Processing Methods 99–110

A.A. Plyasulya. Forced State Farm Construction in Western Siberia in 1928–1931 111–122

V.B. Laperdin. Economic State of Machine and Tractor Stations of West Siberian Region in 1930s 123–134

S.V. Sharapov. Animal Husbandry of Novosibirsk Region in the Context of State Agrarian Policy on the Eve and During the Great Patriotic War 135–147

■ **Demographic Development in the Context of Economic Reforms**

V.A. Zverev, I.I. Ponomarev. Siberian Cossack Army: Renewal of Generations of Cossacks and Non-Cossack Population at the End of the Imperial Period 148–163

O.B. Dashinamzhilov. Fertility and Mortality of the Urban Population of the Novosibirsk Region in 1959–1970: Regional Factors and Features 164–174

R.V. Pavlyukevich. The Impact of Khrushchev’s Transformations on Migration Flows between Krasnoyarsk, the Kazakh SSR, and the Central Asian Republics in the 1960s 175–186

A.A. Burmatov. Reproduction of the Population of Western Siberia in the Conditions of Transition to the Market (1989–2002) 187–202

■ **Open Archives**

D.S. Orlov. The Development of Animal Husbandry in the Altai Territory in the Second Half of the 1980s (Explanatory Note of the Veterinary Department of the Agro-Industrial Committee Altai Territory) 203–213

■ **Miscellanea**

A.V. Korenevskiy. The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of “Moscow as the Third Rome” Was “Invented”? Part 2 214–233

■ **Review Articles**

V.N. Mamyachenkov. The Animal Husbandry in the Middle Urals in 1953–1964s 234–239

■ **Scientific Life**

On the 50th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences V.M. Rynkov 240–242

2022 · № 4 (24)

Тема выпуска:
РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Представляемый номер журнала посвящен анализу регионального опыта осуществления российских экономических реформ на протяжении второй половины XIX – начала XXI в. Ставилась задача исследовать досоветский, советский и постсоветский этапы экономического реформирования, а также проследить общее и специфическое влияние пространственного фактора на замыслы, реализацию и результаты реформ в аграрной и демографической сферах. Круг авторов представлен как ведущими учеными, так и начинающими исследователями, география авторского коллектива достаточно широка.

Первый тематический блок номера «Реформы и развитие экономик» объединяет статьи, посвященные изучению воздействия законодательства на промышленное предпринимательство, функционирования народно-хозяйственного комплекса, анализу влияния реформ на развитие социальной сферы. Важное историографическое значение имеет анализ разработки и реализации реформ 1960-х и 1990-х гг., рассматриваемых в контексте переформатирования действующих экономических моделей.

В раздел «Аграрные преобразования в XX веке» входят работы, в которых анализируются общие закономерности и региональная специфика аграрных преобразований и их влияние на динамику сельскохозяйственного производства в нашей стране в 1920-е – первой половине 1940-х гг. Особое внимание уделено научному осмыслению особенностей реализации новой экономической политики в аграрной сфере: на основе анализа политики «Лицом к деревне» рассматривается проблема потенциала нэпа; осуществлена реконструкция организации сельскохозяйственных переписей в 1920-е гг. и методов обработки их материалов; показан процесс обеднячивания деревни в условиях нэпа. Важное место занимает анализ организационно-производственных механизмов модернизации сельского хозяйства в 1930-е гг. – машинно-тракторных станций и совхозов. Показано функционирование аграрного строя сталинского социализма в годы Великой Отечественной войны.

Экономические преобразования оказывают резонансное воздействие на все сферы жизни общества, в том числе и на демографические процессы. В Сибири, учитывая низкую плотность и высокую миграционную активность населения, реакция на реформы имеет ряд особенностей. Статьи, представленные в тематическом разделе «Демографическое развитие в контексте экономических реформ», позволяют читателю познакомиться с различными аспектами сибирской демографической динамики на протяжении XX в. В качестве предмета исследования авторы выбирают актуальные и малоизученные вопросы движения населения. Представленные материалы свидетельствуют, что в зависимости от конкретных условий экономическая политика может играть как определяющую роль в изменении воспроизводства населения и активности миграционного движения, так и, наоборот, оказываться на втором-третьем плане, уступая логике демографического перехода. При этом оба фактора в течение XX в. ведут к сокращению численности населения не только из-за снижения рождаемости, но и благодаря сохранению высокого уровня смертности.

Традиционная рубрика «Открытые архивы» представлена публикацией докладной записки ветеринарного отдела Алтайского краевого агропромышленного комитета «К ветеринарному отчету по Горно-Алтайской автономной области за 1986 год». Ее содержание имеет важное значение для понимания особенностей развития аграрного сектора в первой половине 1980-х гг.

В разделе «Miscellanea» представлена статья, в которой прослеживается процесс усвоения русской средневековой литературой учения о Москве как Третьем Риме, трансляции и реактуализации данной доктрины. Эта публикация является второй частью исследования, опубликованного в № 6 нашего журнала за 2021 год.

Надеемся, что помещенные в данном выпуске материалы будут востребованы специалистами и полезны широкому кругу любителей отечественной истории.

Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Владимир Андреевич Ильиных,
кандидат исторических наук
Наталья Владимировна Гонина

Выпускающие редакторы	**доктор исторических наук В.А. Ильиных** **кандидат исторических наук Н.В. Гонина**
Ответственный секретарь	**кандидат исторических наук С.В. Шарапов**
Корректор	**Т.В. Соболева**
Верстальщик	**В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик	**К.А. Васильев**

2022 · No. 4 (24)

The Theme of the Issue:

RUSSIAN ECONOMIC REFORMS IN REGIONAL DIMENSION

FROM THE EDITORS

Presented issue of the journal is devoted to analysis of regional experience in implementation of Russian economic reforms during the second half of the 19th – early 21st centuries. The task was to investigate pre-Soviet, Soviet and post-Soviet stages of economic reforms, as well as to trace general and specific influence of spatial factor on the plans, implementation and results of reforms in agrarian and demographic spheres. Circle of authors is represented by both leading scientists and novice researchers. Geography of the group of authors is quite wide.

First thematic section of the issue “Reforms and development of economies” combines articles devoted to the study of legislation impact on industrial entrepreneurship, functioning of the national economic complex, and analysis of reforms impact on social sphere. Analysis of development and implementation of reforms in 1960s and 1990s is important for historiography in the context of reformatting existing economic models.

Section “Agrarian transformations in the 20th century” includes articles that analyze general patterns and regional specifics of agrarian transformations and their impact on the dynamics of agricultural production in our country in 1920s – first half of the 1940s. Attention is paid to scientific understanding of implementation features of new economic policy in agrarian sector: problem of NEP potential is considered on the base of analysis “Facing the Village” policy; also were reconstructed organization of agricultural censuses in the 1920s. and methods of processing their materials; was shown process of impoverishment of countryside under the NEP. An important place is occupied by analysis of organizational and production mechanisms for agricultural modernization in 1930s: machine and tractor stations and state farms. Another topic – reconstruction of Stalinist agrarian system functioning during the Great Patriotic War.

Economic transformations have a resonant impact on all spheres of society, including demographic processes. In Siberia, taking into account the low density and high migration activity of population, reaction to the reforms has a number of features. Articles presented in thematic section “Demographic development in the context of economic reforms” allow reader to get acquainted with various aspects of Siberian demographic dynamics throughout the 20th century. As a subject of research, authors choose actual and little-studied issues of population movement. Presented materials show that, depending on specific conditions, economic policy can play both a decisive role in changing the reproduction of the population and activity of the migration movement, and vice versa, turn out to be in the second or third plan, yielding to the logic of demographic transition. At the same time, both factors during the twentieth century led to reduction in the population, not only due to decrease in birth rate, but also due to persistence of a high mortality rate.

Traditional section “Open Archives” is represented by publication of memorandum of Altai Regional Agro-Industrial Committee veterinary department “On the veterinary report on Gorno-Altai Autonomous Region for 1986”. Its content is important for understanding the development of agricultural sector in the first half of the 1980s.

The “Miscellanea” section contains an article, describing the process of assimilation by Russian medieval literature of the idea of Moscow as the Third Rome, translation and reactualization of this doctrine. This publication is the second part of a study published in our Journal 2021, issue 6.

We hope that the materials presented in this issue will be in demand by specialists and useful to a wide range of lovers of national history.

Editors-in-chief
Doctor of Historical Sciences
Vladimir Andreevich Il’inykh
Candidate of Historical Sciences
Nataliya Vladimirovna Gonina

Executive editor	**Doctor of Historical Sciences V.A. Il'inykh** **Candidate of Historical Sciences N.V. Gonina**
Executive secretary	**Candidate of Historical Sciences M.A. Reznikova**
Corrector	**T.V. Soboleva**
Layout designer	**V.V. Vvedenskiy**
Web designer	**K.A. Vasil’ev**

В.М. Арсентьев
А.Е. Макушев*

АКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-1
УДК 94:338(470.7)"1880/1917"

Выходные данные для цитирования:
Арсентьев В.М., Макушев А.Е. Акционирование промышленного производства в контексте государственной политики в конце XIX – начале XX века (на примере Среднего Поволжья) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 11–21. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-01.pdf

V.M. Arsentiev
A.E. Makushev*

THE CORPORATIZATION OF INDUSTRIAL PRODUCTION IN THE CONTEXT OF STATE POLICY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE MIDDLE VOLGA REGION)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-1

How to cite:
Arsentiev V.M., Makushev A.E. The Corporatization of Industrial Production in the Context of State Policy in the Late 19th – Early 20th Century (on the Example of the Middle Volga Region) // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 11–21. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-01.pdf]

Abstract. The acceleration of the processes of early industrial modernization in Russia, observed at the end of the 19th – beginning of the 20th century, was accompanied by the complication of organizational and institutional forms of industrial entrepreneurship. In this regard, corporatization processes acquired a special role, which made it possible to bring the business to a qualitatively new level of development. At the same time, government circles, in the context of the emerging economic recovery, realized the need to improve the legislative support for the activities of joint-stock enterprises. Changes in the legal framework gave rise to the need for the management of companies to make adjustments to the functioning of joint-stock enterprises, to interact more actively with administrative and state structures. This article will attempt to study the impact of state initiatives in the field of joint-stock legislation on the practice of joint-stock business in the industrial sector in the Middle Volga region. The analysis showed that at the turn of the 19th – 20th centuries, the joint-stock form of capital mobilization in industrial production became more and more popular among representatives of the business world of the Russian province, despite the desire of the state to exercise control over the corporatization process and even regulate this form of business. At the same time, an important feature of the corporatization process in the provinces of the Middle Volga region was the desire of the founding owners of joint-stock companies to preserve the family principle by maintaining administrative and managerial functions and distributing shares and shares according to the kinship principle. On the whole, the appeal of industrialists to this progressive form of doing business was largely due to the new realities associated with the entry of the Russian economy to a new round of its development.

Keywords: industrial entrepreneurship, joint-stock company, share partnership, government policy, separate legislation, Middle Volga region.

* **Виктор Михайлович Арсентьев,** доктор исторических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Россия, e-mail: vicars@bk.ru
Viktor Mikhailovich Arsentiev, Doctor of Historical Sciences, National Research Mordovian State University, Saransk, Russia, e-mail: vicars@bk.ru
Андрей Евгеньевич Макушев, кандидат экономических наук, Чувашский государственный аграрный университет, Чебоксары, Россия, e-mail: main@academy21.ru
Andrey Evgenevich Makushev, Candidate of Economic Sciences, Chuvash State Agrarian University, Cheboksary, Russia, e-mail: main@academy21.ru

The article has been received by the editor on 30.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Ускорение процессов раннеиндустриальной модернизации в России, наблюдаемое в конце XIX – начале XX в., сопровождалось усложнением организационно-институциональных форм промышленного предпринимательства. В этой связи особую роль приобретали процессы акционирования, позволявшие вывести бизнес на качественно новый уровень развития. При этом правительственные круги в условиях наметившегося экономического подъема осознавали необходимость совершенствования законодательного обеспечения деятельности акционерных предприятий. Изменения в правовой базе порождали перед руководством компаний необходимость внесения корректив в функционирование акционерных предприятий, более активного взаимодействия с административно-государственными структурами. В статье предпринята попытка изучения влияния государственных инициатив в области акционерного законодательства на практику акционерного дела в промышленной сфере на территории Среднего Поволжья. Проведенный анализ показал, что на рубеже XIX–XX вв. акционерная форма мобилизации капиталов в промышленное производство становилась все более и более популярной среди представителей делового мира российской провинции, несмотря на стремление государства осуществлять контроль за процессом акционирования. При этом важной особенностью процесса акционирования на территории губерний Среднего Поволжья было стремление владельцев-учредителей акционерных обществ сохранить семейное начало благодаря сохранению административно-управленческих функций и распределению акций и паев по родственному принципу. В целом же обращение промышленников к данной прогрессивной форме ведения бизнеса во многом было обусловлено реалиями, связанными с выходом российской экономики на новый виток своего развития.

Ключевые слова: промышленное предпринимательство, акционерная компания, паевое товарищество, правительственная политика, сепаратное законодательство, Среднее Поволжье.

Статья поступила в редакцию 30.04.2022

Экономические реалии России в конце XIX–XX в. знаменовали не только стремительный рост промышленных показателей количественного плана, но и изменения качественного характера, выражавшиеся, в том числе, в переформатировании организационно-производственных форм промышленного предпринимательства. В этот период наряду с индивидуально-частными и семейными наблюдался быстрый рост ассоциированных форм ведения бизнеса, гораздо более адекватно и полно отражавших запросы быстро растущего сектора экономики рыночно-индустриального типа с более высокой ролью технико-технологической и инфраструктурной составляющей, требовавшей более масштабных вложений как в основной, так и в оборотный капитал.

Вопросы, связанные с анализом процессов акционирования российской экономики в конце XIX – начале XX в., достаточно хорошо освещены в научной литературе. Однако полученные результаты связаны главным образом с выявлением общероссийских тенденций, и далеко не всегда в них определялась региональная специфика. С учетом этого сохраняется актуальность рассмотрения региональных особенностей в развитии акционерных форм предпринимательства, позволяющая создать более полную картину процессов раннеиндустриальной модернизации России.

Впервые акционерные компании в России громко заявили о себе во второй трети XIX в. При этом наиболее активно они возникали в сфере транспорта, что прежде всего было

обусловлено стремительным развитием речного парового судоходства, а также в промышленности, вступившей в новую фазу своего развития в связи с начавшимся промышленным переворотом[1].

Именно в этот период принимается закон, ставший ключевым в формировании общей нормативно-правовой базы деятельности акционерных компаний в XIX – начале XX в. Царским указом от 6 декабря 1836 г. было утверждено «Положение о компаниях на акциях»[2]. По мнению многих исследователей, этот закон опередил свое время, позволив создать в России прогрессивное акционерное законодательство. Он фактически утвердил в России разрешительную (концессионную) систему учреждения компаний акционерного типа. Это давало возможность властным кругам контролировать процесс учреждения и деятельности акционерных предприятий на локальном уровне посредством уставов, «высочайше» утверждавшихся.

Кроме того, данный указ позволил установить формальные критерии для идентификации акционерных предприятий, к которым были отнесены паевые товарищества и акционерные общества.

В последней четверти XIX в. внимание государственных кругов к акционерным компаниям еще больше усилилось. Из числа узаконений данного периода можно выделить принятое 5 апреля 1883 г. «высочайше утвержденное» мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении существующих ныне правил относительно открытия новых акционерных коммерческих банков»[3], а также положение Комитета министров об уставе товарищества, «высочайше утвержденное» 11 ноября 1883 г.[4] Сенатским указом от 3 декабря 1884 г. вводились «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах, а равно в общественных и частных кредитных установлениях». В соответствии с ними лица, находившиеся на высоких государственных должностях, не могли состоять в правлении акционерных компаний. При этом право владения акциями за ними сохранялось[5].

Правительственные решения касались также регламентации текущей деятельности акционерных компаний. Одним из наиболее важных дополнений в акционерном праве явилось утвержденное 21 декабря 1901 г. царским указом Положение Комитета министров «Об изменении и дополнении действующих узаконений относительно общих собраний и ревизионной части акционерных компаний, а равно состава правлений оных»[6].

Рост темпов акционерного учредительства, наблюдавшийся в конце XIX – начале XX в., стал поводом для новых инициатив правительства, связанных с изменениями в области налогообложения акционерных обществ. В этой связи необходимо отметить, что практика акционерного законодательства в России с 1880-х гг. начинает корректироваться с точки зрения задач фискальной политики.

С 1824 г. в России окончательно утвердилась патентная система обложения торгово-промышленной деятельности, позаимствованная на Западе. В ее основе лежал государственный налог, дифференцированный по классам или разрядам торговых и промысловых предприятий. Данная система предполагала расчет налога лишь только по внешним признакам с учетом вероятной доходности. Реальные размеры торговых оборотов и чистой прибыли торгово-промышленных предприятий и отдельных плательщиков учесть было невозможно[7].

На протяжении второй половины XIX в. в России предпринимались попытки сглаживания указанных недостатков патентной системы путем дифференцирования торгово-

[1] *Арсентьев В.М.* Акционерные формы промышленного предпринимательства России XIX века в дореформенный период (на примере Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2013. № 2.
[2] ПСЗ-II. Т. XI. № 9763.
[3] ПСЗ-III. Т. III. № 1484.
[4] Там же. № 1830.
[5] Там же. Т. IV. № 2559.
[6] Там же. Т. XXI. № 20874.
[7] Обзор иностранных законодательств о промысловом обложении. СПб., 1893. С. I–II.

промышленных предприятий и введения дополнительных сборов. В соответствии с принятыми 15 января 1885 г. «Правилами об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным)» в отдельную группу были выделены акционерные предприятия, для которых устанавливался свой порядок налогообложения. Они должны были платить дополнительный процентный сбор, рассчитывавшийся исходя из чистой прибыли. До этого времени на акционерные общества налагалась единая пошлина в сумме 565,5 руб. в год. Налогообложение всех остальных торгово-промышленных предприятий осуществлялось по раскладочному принципу исходя из предполагаемой прибыли[8].

Усложнение налогового законодательства применительно к акционерным обществам породило необходимость усиления правительственного контроля над деятельностью акционерных обществ. Указанная цель достигалась не только путем усиления административного надзора, но и более демократичным методом – путем распространения на акционерные общества обязанности осуществлять публичную отчетность. Предпринятые в середине 1880-х гг. инициативы в этой области стали важным шагом на пути стремления правительства и общественных кругов сделать деятельность акционерных компаний «прозрачной». До этого времени источников получения информации о деятельности акционерных компаний в России было немного, к тому же доступ к ним широким кругам общественности был весьма ограничен. В частности, информация об открытии акционерных компаний и учреждении уставов публиковалась в Полном собрании законов Российской империи, а также в Собрании узаконений и распоряжений правительства. Хотя она и имела статус правовой, ни к законам, ни к подзаконным актам отнести публикации такого рода нельзя.

Порядок публичной отчетности перед правительством, в котором четко прослеживалось стремление сделать ее более оперативной и придать регулярный характер, был прописан дополнениями, внесенными в условия деятельности ряда зарубежных акционерных компаний, становившихся своего рода прецедентом для распространения этой практики на российские акционерные компании в 1886 г. В соответствии с ними с января по март каждого года общество должно представить отчетную документацию в Министерство финансов и Министерство внутренних дел, а также опубликовать ее в периодических изданиях «Правительственный вестник», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости»[9]. В 1887–1888 гг. число месяцев для публичной отчетности было сокращено до одного, перечень учреждений был дополнен губернским податным присутствием, а список периодических изданий – местными губернскими ведомостями[10].

Необходимо отметить, что прозрачность и публичность государством провозглашались в качестве важнейших принципов существования акционерных компаний. Публиковались не только уставы, но и текущая документация – отчеты и балансы. Обязательной для публикации была также информация о времени и месте проведения общего собрания акционеров, которая должна была размещаться заблаговременно.

Хотя вопросы, связанные с деятельностью акционерных компаний, постоянно находились в поле зрения правительственных структур, нововведения в этой области происходили довольно медленно. На протяжении всего изучаемого периода в России продолжала действовать разрешительная система учреждения акционерных предприятий. На практике эта система выглядела таким образом, что любое акционерное общество могло начать свою работу лишь после подписания «высочайшего указа»[11]. В условиях реализации принципов свободного предпринимательства данное правило выглядело анохронизмом.

Анализируя практику реализации акционерного законодательства, следует отметить, что наибольшее внимание уделялось порядку учреждения и регламенту деятельности, а

[8] ПСЗ-III. Т. III. № 2664.
[9] Там же. Т. VI. № 3487.
[10] Там же. Т. VII. № 4815, 4891, 4915; Т. VIII. № 5143, 5436, 5482, 5503.
[11] Там же. Т. VI. № 3487; Т. XXXI. № 34706.

также выработке общих правил к подготовке и утверждению уставов акционерных торгово-промышленных фирм, что являлось важнейшим элементом сепаратного законодательства в условиях действовавшей в России разрешительной системы. С правовой точки зрения Устав считался специальным законом, а главным аргументом правомерности данного заключения являлось правило, по которому все уставы должны были утверждаться императором. Данное обстоятельство являлось фактором весьма сложного и противоречивого взаимодействия практик сепаратного и общего законодательства в решении целого ряда вопросов, связанных с деятельностью акционерных компаний в России.

Процедура разработки и утверждения уставов проходила весьма длительный этап согласования, была довольно громоздкой и сопровождалась обилием делопроизводственной документации и обширной перепиской. Содержание уставов могло изменяться на протяжении существования акционерной компании. Вносимые правки должны были отражать все значимые изменения в ее функционировании. При этом все это должно было согласовываться с правительственными структурами. Лишь после утверждения правок уставы перепечатывались, а информация о внесенных изменениях публиковалась в периодических изданиях.

Основания для изменения текста уставов акционерных компаний могли быть самыми различными. Наиболее часто это происходило по причине перепрофилирования компаний, освоения ими новых направлений деятельности, увеличения или уменьшения размеров уставного капитала и др.

Например, в устав Товарищества Алатырских паровых и водяных мельниц в 1904 г. по согласованию с правительством были внесены изменения в п. 1, где традиционно прописывались профиль и основные направления деятельности предприятия. Суть их состояла в расширении отраслевой структуры и направлений торговой деятельности компании. К мукомольному делу и хлебной торговле добавилась возможность заниматься лесопильным производством, вести оптовую и розничную торговлю не только собственной продукцией, но и многими другими товарами как внутри страны, так и за границей, приобретать движимое и недвижимое имущество и др. Кроме того, внесенные в устав изменения были связаны с переносом правления паевого товарищества из Москвы в г. Алатырь, а также его переименованием в «Торгово-промышленное товарищество К.Н. Попова и К° в г. Алатырь»[12].

Как видим, правительственная политика и экономические реформы непосредственным образом влияли на практику акционерного предпринимательства. В конце XIX в. акционирование стало весьма эффективным инструментом реализации индустриальных проектов, инициатором которых являлось государство. Реформы С.Ю. Витте привели к увеличению государственных заказов на некоторые виды промышленной продукции. Достигнутое таким образом стимулирование спроса приводило к оживлению масштабов промышленного производства в ряде отраслей, что в свою очередь породило своего рода «инвестиционный голод». Одним из наиболее действенных способов решения такого рода проблемы являлось ассоциирование капиталов путем создания предприятий акционерного типа. Это позволяло довольно оперативно концентрировать ресурсы, благодаря которым происходило усиление производственного потенциала предприятий за счет их технико-технологического перевооружения.

Процесс разработки и реализации акционерного законодательства имел свою специфику применительно к различным отраслям и сферам промышленного производства. В частности, в конце XIX – начале XX в. существовал запрет на создание акционерных обществ в винокуренной промышленности. В то же время в пивоварении и табачном производстве, также подвергавшимся акцизному обложению, такого рода ограничений не было. В частности, в 1882 г. учреждено самое крупное пивоваренное предприятие акционерного типа во всем Поволжье – Товарищество Жигулевского пивоваренного завода в Самаре, инициатором создания которого был А.Ф. фон Вакано. В Саратовской губернии в

[12] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 25. Д. 563. Л. 3.

конце 1890-х гг. в предприятие акционерного типа преобразуется Клейменовский пивоваренный завод, в структуру которого вошел завод В.В. Вормса в Вольске, а в 1903 г. табачная фабрика З.Я. Левковича, ранее бывшая торговым домом, получила статус товарищества на паях[13].

Рассматривая отраслевую направленность акционерного предпринимательства в границах Среднего Поволжья (Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская губернии), следует отметить, что оно стремилось максимально использовать конкурентные преимущества региона. Одной из отраслей, определявших его отраслевую структуру, являлось сукноделие, традиционно развитое в Симбирской губернии. Уже в 1893 г. начинает свое действие товарищество Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных, а в 1894/1895 г. силами этой предпринимательской семьи создается торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина. Во втором десятилетии XX в. создается товарищество на паях Тепловской суконной мануфактуры Алима Агишева (1912 г.) и Товарищество Ишеевской мануфактуры В.А. Арацкова (1913 г.)[14].

Но все же наиболее активно процесс акционирования на территории Среднего Поволжья затронул мукомольную промышленность. Являясь одной из наиболее динамично развивавшихся отраслей, мукомольное дело становилось чрезвычайно выгодной сферой инвестирования капиталов. Благодаря расширению рынка сбыта у мукомолов появился стимул для увеличения масштабов производства, что было невозможно без его модернизации. В Самарской и Саратовской губерниях акционирование в указанной отрасли приобрело наибольший размах. Необходимость взаимодействия с более крупными торговыми партнерами и получения кредитных займов побуждала бизнес к изменению организационно-правового статуса своих предприятий. Это не только благотворно влияло на престиж фирм, но и повышало доверие к ним со стороны акционерных коммерческих банков, являвшихся главными игроками на кредитном рынке. В конце XIX – начале XX в. в Самарской губернии создается товарищество паровой крупчатой мельницы в Самаре (1882 г.), торгово-промышленное товарищество «Н.Е. Башкирова наследники в Самаре» (1912 г.), Товарищество Я.Г. и И.Я. Соколовых (1909 г.), товарищество мукомольных мельниц Алексея Таратина в пос. Мелекесс (1910 г.)[15].

В Саратовской губернии также активно идет процесс создания акционерных обществ в мукомольном деле, в том числе и путем преобразования торговых домов. В этот период учреждаются товарищество паровой мельницы в Царицыне (1902 г.), торгово-промышленное товарищество «Иван Васильевич Меркульев и сыновья» в г. Вольске (1907 г.), торгово-промышленное товарищество «Братья Шмидт в Саратове» (1910 г.), торгово-промышленное товарищество на паях «Семен Иванович Степашкин в Саратове» (1911 г.), акционерное общество «Бр. Георгардт» в Царицыне (1913 г.)[16].

В других губерниях Среднего Поволжья мукомольное дело хотя и не в таких масштабах, как в Самарской и Саратовской губерниях, но также было охвачено акционированием. В частности, в Симбирской губернии уже в 1877 г. было учреждено паевое Товарищество Алатырских паровых и водяных мельниц[17]. В 1903 г. утверждается устав паевого товарищества Репьевских мельниц и фабрик в г. Сызрань[18].

Следует отметить, что акционирование предприятий было тесно переплетено с другим важным трендом экономического развития изучаемого периода – монополизацией. Часто все это сопровождалось слиянием нескольких фирм и укрупнением производства, позволявшим занять более весомое положение на рынке. В частности, экспансионистскую стратегию

[13] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 345. Оп. 2. Д. 5. Л. 29; Список фабрик и заводов Российской империи на 1910 г. М.; СПб.; Варшава, 1912. С. 764.
[14] Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914. С. 46–49.
[15] Там же.
[16] Там же; Саратовские губернские ведомости (неофициальная часть). 1902. 10 нояб.
[17] ПСЗ-II. Т. 25. Ч. 2. № 57798; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 563. Л. 1–2.
[18] Сборник сведений о действующих… С. 50–51.

избрали владельцы трех крупных паровых мельниц Саратова, объединившись в 1910 г. в «Саратовское мукомольное общество». В дальнейшем саратовские мукомолы выходят на общероссийский уровень монополистической интеграции, став в 1912 г. членами Всероссийского мукомольного банка[19].

В отличие от суконного производства и мукомольного дела, в других отраслях промышленного производства Среднего Поволжья акционирование не было столь заметным процессом. Тем не менее в конце XIX – начале XX в. в регионе и в них действовало несколько довольно крупных акционерных предприятий.

В частности, в Саратовской губернии в 1899 г. учреждается акционерное общество «Саратовская мануфактура – Бумагопрядильная фабрика» с основным капиталом 2 млн руб.[20] В Самарской губернии в 1894 г. начало свое функционирование паевое товарищество Богатовского сахарного завода (основной капитал 1 200 000 руб.), а в 1901 г. – Мелекесской льнопрядильной ткацкой мануфактуры (основной капитал 750 тыс. руб.)[21].

На территории Казанской губернии действовало два крупных акционерных предприятия. В 1870 г. было учреждено (а в 1907 г. реорганизовано) фабрично-торговое товарищество братьев Крестовниковых (основной капитал 3 млн руб.). Фирма объединяла стеарино-мыльный, химический и глицериновый заводы в г. Казани, а также бумагопрядильную фабрику в с. Поляны Московского уезда. Общество вело активную торговую деятельность в городах Европейской России, а также в Сибири, Туркестане и Персии[22]. С 1894 г. развернуло свою деятельность крупное акционерное торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов с основным капиталом в 4 млн руб. В его рамках действовали льнопрядильная ткацкая фабрика, кожевенные заводы и мастерская для изготовления предметов обмундирования, снаряжения и продовольствия войск, располагавшиеся в Казани, а также кожевенные заводы в Перми и г. Камышлове Пермской губернии. Компания осуществляла торговлю в Санкт-Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Саратове[23].

С 1875 г. ведет свою историю торгово-промышленное товарищество на паях П.В. Сергеева в Пензе. В 1913/1914 г. основной капитал товарищества составлял 800 тыс. руб. Ему принадлежали писчебумажная фабрика, лесопильный завод, мельница в Пензе, склады в Саратове, Казани, Тифлисе, Ростове-на-Дону на Нижегородской ярмарке[24].

Объектом внимания акционерного предпринимательства в Симбирской губернии было производство асфальта. В 1881/1883 г. создаются Товарищество Сызранского асфальтового завода и Общество Сызрано-Печерской асфальтовой и горной промышленности[25].

С акционерным производством связаны успехи металлургической промышленности изучаемого региона. В 1896 г. учреждается Общество Волжского стального завода (основной капитал 1,5 млн руб.) для эксплуатации расположенного близ Саратова сталелитейного, чугуноплавильного и чугунолитейного заводов. С 1900 г. начинает свое действие акционерное общество Паратовского сталепрокатного и машиностроительного завода (основной капитал 7,5 млн руб.). Целью данного общества стала эксплуатация сталепрокатного, машиностроительного и судостроительного завода в с. Паратове Казанской губернии, принадлежавшего Волжско-Вишерскому горному и металлургическому акционерному обществу[26].

С металлургией было связано проникновение иностранного капитала в экономику региона. Германское акционерное общество «Русской железной промышленности» в 1892 г.

---

[19] *Сергеев А.П.* Монополистический капитал в промышленности Нижнего Поволжья в начале XX века // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С. 90.

[20] Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. СПб., 1905. Т. 1. С. 922–923.

[21] Сборник сведений о действующих… С. 11–20, 54–55.

[22] Статистика акционерного дела в России. СПб., 1913. С. 156.

[23] Сборник сведений о действующих… С. 98–99.

[24] Там же. С. 120–121.

[25] Указатель действующих в империи… Т. 1. С. 402–404, 415–416.

[26] Там же. С. 507–508, 754–755.

приобрело металлургические и металлообрабатывающие заводы в Саратове и Екатеринославле, построенные усилиями варшавского общества металлических заводов Б. Гантке[27].

Всего же, по данным разных источников, на территории Среднего Поволжья в границах Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерний нами зафиксирована деятельность более 40 акционерных обществ и паевых товариществ.

Механизмы акционирования в промышленности были самыми различными. В одних случаях крупные промышленные предприятия по инициативе владельцев приобретали акционерную форму. Акционерные компании нередко создавались на базе торговых домов. Причем достаточно часто такого рода трансформация была формальностью с точки зрения изменения прав собственности. Владельцы-учредители, не желая выпускать бразды правления из своих рук, распределяли паи исключительно между родственниками, стремясь уже в новой организационной форме сохранить семейное начало и продолжить предпринимательскую династию.

Именно такой сценарий выбрали саратовские бизнесмены братья Г.Н. и А.Н. Серебряковы. Семейное дело Серебряковых первоначально было связано с пищевой промышленностью, уходя своими корнями глубоко в XIX в. В 1873 г. усилиями братьев создается кондитерская фабрика в г. Царицын. Для более успешного развития коммерческой составляющей производства было решено учредить торговый дом, позволивший существенно усилить позиции на рынке. Для придания финансовой стабильности своему делу братья решили диверсифицировать капиталы, направив значительную их часть в металлообработку. В 1900 г. братья Серебряковы основывают проволочно-гвоздильный завод в г. Царицын и практически сразу же придают ему статус акционерного общества под названием «Братья Г. и А. Серебряковы». Судя по размерам основного капитала (было выпущено акций на сумму 2 млн руб.), братья хотели придать своему делу грандиозный размах[28].

Создав акционерную компанию, семья сохранила практически все финансовые и управленческо-распорядительные функции в своих руках. Владея большей частью акций и имея возможность влиять на процесс избрания членов правления, братья Серебряковы формировали его состав из круга близких родственников, стараясь в минимальной степени вовлекать туда сторонних лиц. Кроме того, все самые значимые руководящие должности также занимали члены семьи. По сведениям 1909 г., старший из братьев, Григорий Нестерович, состоял в должности директора-распорядителя компании, а его брат Александр Нестерович – в должности директора. Своих детей братья также вовлекли в семейное дело. Вопросами технического состояния предприятия занимался сын старшего брата – Григорий Григорьевич, а за развитие коммерческой составляющей фирмы отвечал сын младшего брата – Александр Александрович[29].

Следует отметить, что такого рода семейный подряд приносил свои плоды. Фирма Серебряковых была весьма успешной, а выбор принципиально нового направления семейного бизнеса полностью оправдал себя. Дела шли в гору и на протяжении последующих 13 лет с момента основания металлургического предприятия его обороты планомерно увеличивались. Особенно стремительно производственные показатели завода выросли в 1910–1913 гг. В этот период численность рабочих выросла с 240 до 600 чел., годовое производство – с 400 тыс. руб. до 2 млн руб., а энерговооруженность – с 375 л.с. до 700 л.с.[30] Ассортимент выпускаемой продукции был весьма широк: проволока, проволочные гвозди, конно-подковные гвозди, петли, заклепки, шайбы, оцинкованные канаты, пружины, цепи электросварки и др. В источниках за 1913–1914 гг. кондитерская фирма Серебряковых

[27] Указатель действующих в империи… Т. 2. Дополнительные сведения об иностранных акционерных компаниях. С. 255–256.

[28] Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / сост. инж. Л.К. Езиорański; Сов. съездов представителей пром-сти и торговли. СПб., 1909. [Обработка металлов]. № 1231.

[29] Там же. № 1588.

[30] Список фабрик и заводов России 1910 г.: По офиц. данным фабрич., подат. и горн. надзора. М., [1910]. [Выплавка и обработка металлов]. № 7902; Фабрично-заводские предприятия… № 1588.

действовала под вывеской «Метрополь», имела торговые представительства в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринославле, Харькове, Одессе, Баку и Ташкенте[31].

Так называемая «семейственность» при переводе промышленных предприятий и торговых домов в формат акционерных обществ сохранялась также в суконном производстве. В частности, правление образованного в 1912 г. в Симбирской губернии товарищества Тепловской суконной мануфактуры полностью состояло из близких родственников ее бывшего владельца – Алима-Абдулы Агишева. При этом сам он занимал должность председателя правления, а его дети, Хасан и Мухамеджан, являлись членами правления. Кандидатом в члены правления был также близкий родственник – Хасан Еникеев[32].

Аналогичный способ обеспечения преемственности дела и сохранения главенствующих позиций «рода-основателя» выбрали другие известные татарские предприниматели Среднего Поволжья – Акчурины. В 1893/1894 г. по инициативе главы рода, почетного потомственного гражданина Тимербулата Курамшевича Акчурина, создается паевое торгово-промышленное товарищество в Симбирской губернии. В его собственности находились две суконные фабрики в с. Гурьевка и с. Сомайкино. Хотя учредитель вплоть до своей смерти сам руководил бизнесом, он постепенно приобщал к делу своего старшего сына – Хасяна. Последний к началу второго десятилетия XX в. сосредотачивает в своих руках все ключевые административно-управленческие функции, а в источниках за 1913 г. он уже сам значится в должности директора-распорядителя. Двое других сыновей Тимербулата Акчурина также не остались в стороне от семейного бизнеса. В 1913 г. Якуб и Абдулла Тимербулатовичи входили в состав правления, занимая должности директоров компании[33].

В региональной практике акционирования в масштабах Средневолжского региона даже в начале XX в. сохранялось преобладание закрытых форм организации компании, когда инвестирование средств осуществлялось посредством оборота именных паев. Например, по данным 1913/1914 г. исключительно такая модель использовалась в четырех паевых товариществах, учрежденных владельцами суконных предприятий Симбирской губернии[34].

Тем не менее все больше промышленных компаний изучаемого региона использовали смешанную модель формирования основного капитала, когда наряду с закрытыми формами использовались открытые, предполагавшие выпуск так называемых «обезличенных» акций – «на предъявителя».

В практике акционирования конца XIX – начала XX в. мы обнаруживаем еще один тип компаний – так называемые «анонимные» общества, предпочтение которым отдавали преимущественно иностранные предприниматели. В частности, на территории Среднего Поволжья свои бизнес-проекты реализовывало анонимное Германское акционерное общество «Русской железной промышленности», в 1902 г. купившее Саратовский проволочно-гвоздильный и болтовый завод у уже упомянутого выше общества металлических заводов Б. Гантке в Варшаве[35].

Упоминая об участии иностранного капитала в процессах акционирования российской экономики, следует отметить, что у него в этой области были даже определенные преимущества. Для иностранных акционерных компаний предусматривалась иная, значительно более упрощенная схема проникновения на российский рынок. При учреждении отечественных компаний действовала так называемая разрешительная система, не отличавшаяся оперативностью, требовавшая активных контактов с государственными структурами и довольно сложная с точки зрения выполняемых процедур. Иностранные акционерные компании хотя и подчинялись российским законам и постановлениям, были освобождены от необходимости получения «Высочайшего» разрешения, они проникали в Россию на основе

[31] Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Изд. 2-е. Петроград, 1914. [Обработка металлов]. № 82.
[32] Там же. [Обработка волокнистых веществ]. № 1632.
[33] Указатель действующих в империи… Т. 1. [Торгово-промышленные предприятия]. С. 963; Фабрично-заводские предприятия Российской империи… Изд. 2-е. [Обработка волокнистых веществ]. № 1633, 1635.
[34] Сборник сведений о действующих… С. 24–25.
[35] Фабрично-заводские предприятия Российской империи… Изд. 2-е. [Обработка металлов]. № 1587.

принципов концессионного права. Причины столь лояльного отношения к иностранным акционерным компаниям со стороны российского правительства весьма недвусмысленно объяснил И.А. Вышнеградский, один из главных акторов российской финансовой системы 1880-х гг. По его мнению, правительство должно было создавать в бизнес-кругах за границей благоприятный имидж России с точки зрения ведения бизнеса с целью избежать «недоверие к устойчивости правил, определяющих положение иностранных компаний в России»[36]. Данные слова хорошо иллюстрируют общую позицию властей в этот период, суть которой состояла в создании благоприятных условий для функционирования иностранных капиталов с целью их привлечения в страну.

Иное отношение к иностранным подданным существовало в том случае, если они участвовали в деятельности российских акционерных компаний. В конце XIX – начале XX в. правительство проводит политику ограничения присутствия в них иностранцев. Установление ограничений на право владения паями и акциями, а также при выборе состава правления, а также директоров и кандидатов в директора, было одним из каналов вмешательства государства в деятельность акционерных обществ. Однако данные ограничения не имели жесткой директивной формы, обязательной к исполнению. Решение о введении данного регламента принималось в каждом конкретном случае отдельно. Оно прописывалось в уставе предприятия при его утверждении или же вносилось позднее в качестве дополнения.

Наибольшей дискриминации подвергались лица иудейского вероисповедания. Например, в 1904 г. по инициативе Министерства финансов в Устав «Торгово-промышленного товарищества К.Н. Попов и К° в г. Алатыре» внесен пункт о запрете евреям приобретать акции и становиться пайщиками компании[37]. В Устав торгово-промышленного товарищества на паях «Н.Е. Башкирова наследники в Самаре» также была включена формулировка, что «пайщиками должны быть лица не иудейского вероисповедания»[38], т. е. устанавливался полный запрет на участие евреев в делах предприятия.

В других случаях для лиц иудейской веры ограничивалась возможность входить в состав правления, а также избираться на должности директоров и кандидатов в директора. Причем если одни компании вводили полный запрет, то другие устанавливали квоты на участие носителей иудейской веры в решении финансово-управленческих вопросов. В частности, паевое товарищество Репьевских мельниц и фабрик допускало к управлению лиц иудейского вероисповедания в количестве одного из трех директоров и одного из двух кандидатов[39].

Иногда возможность участия иудеев в деятельности акционерных обществ дифференцировалась в зависимости от места жительства. Например, в уставе товарищества Ишеевской мануфактуры В.А. Арацкова, правление которого находилось в Москве, было прописано, что «директорами и кандидатами в директора не могли быть лица иудейского исповедания, не пользующиеся правом жительства в Москве»[40].

Этническую гомогенность своего бизнеса стремились поддерживать предприниматели-мусульмане. Наглядным примером такого рода устремлений является деятельность татарских предпринимателей, владельцев суконных предприятий Среднего Поволжья – Агишевых, Акчуриных, Дебердеевых. Даже после создания ими паевых товариществ управленческий состав и контингент пайщиков практически полностью состоял из лиц мусульманского вероисповедания.

Как видно на примере Среднего Поволжья, акционерное предпринимательство в России в конце XIX – начале XX в. осуществлялось под непосредственным влиянием государственной политики. Во многом именно благодаря ей в этот период заметно увеличились масштабы промышленной предпринимательской деятельности не только в

[36] *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006. С. 127.
[37] РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 563. Л. 52–52 об.
[38] Сборник сведений о действующих… С. 46.
[39] Там же. С. 51.
[40] Там же. С. 25.

индустриальных центрах страны, но и в провинции. Как показывает статистика, данная форма мобилизации капиталов становилась все более и более популярной среди представителей делового мира. Одним из главных стимулов акционерного предпринимательства было усиление позиций на рынке посредством получения целого ряда дивидендов в организационно-экономическом, производственно-техническом и правовом планах. Прежде всего это выражалось в получении дополнительных возможностей осваивать новые отрасли производства, осуществлять торговую деятельность в более широких географических границах, развивать свою рыночно-транспортную инфраструктуру, приобретать движимое и недвижимое имущество, пользоваться банковскими кредитами и др.

Обращение промышленников к этой прогрессивной форме ведения бизнеса во многом было обусловлено новыми реалиями, связанными с выходом российской экономики на очередной виток своего развития. В тренде стремительно ускорявшейся раннеиндустриальной модернизации для достижения успеха требовалась активная интеграция участников рынка для более масштабной концентрации ресурсов в реализации тех или иных предпринимательских проектов. Распространение масштабов акционерного учредительства свидетельствовало о выходе промышленного предпринимательства на новый этап своего развития. Ведение дел в компаниях акционерного типа уже представляло собой бизнес в полном смысле этого слова в соответствии с существовавшими на то время мировыми стандартами развития коммерции и рынка.

Литература

Арсентьев В.М. Акционерные формы промышленного предпринимательства России XIX века в дореформенный период (на примере Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2013. № 2. С. 24–37.

Сергеев А.П. Монополистический капитал в промышленности Нижнего Поволжья в начале XX века // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С. 87–102.

Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. 603 с.

References

Arsentiev, V.M. (2013). Aktsionernye formy promyshlennogo predprinimatel’stva Rossii XIX veka v doreformennyy period (na primere Srednego Povolzh’ya) [Joint Stock Forms of Industrial Entrepreneurship in Russia in the 19th Century in Pre-Reform Period (on Example of Middle Volga Region)]. In *Economic history*. No. 2 (21), pp. 24–37.

Sergeev, A.P. (1972). Monopolisticheskiy kapital v promyshlennosti Nizhnego Povolzh’ya v nachale XX veka [Monopoly Capital in the Industry of Lower Volga Region at the Beginning of 20th Century]. In *Iz istorii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya i klassovoy bor’by v Nizhnem Povolzh’e*. Volgograd, pp. 87–102.

Shepelev, L.E. (2006). *Aktsionernye kompanii v Rossii: XIX – nachalo XX veka* [Joint Stock Companies in Russia: 19th – Early 20th Century]. St. Petersburg, Izd-vo SPb. gos. un-ta. 603 p.

Д.А. Мамонтова*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ПРАКТИКЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-2
УДК 94:343.8(571.1)"1920"

Выходные данные для цитирования:
Мамонтова Д.А. Принудительный труд в практике исполнения наказаний в Западной Сибири 1920-х годов // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 22–31. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-02.pdf

D.A. Mamontova*

FORCED LABOR IN THE PRACTICE OF ENFORCING THE SENTENCES IN WEST SIBERIA IN THE 1920S

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-2

How to cite:
Mamontova D.A. Forced Labor in the Practice of Enforcing the Sentences in West Siberia in the 1920s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 22–31. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-02.pdf]

Abstract. The paper is devoted to the study of the forced labor of the prisoners in the 1920s. The idea of the correction of the criminals by the labor involvement was crucial for the Soviet penal policy. Until 1924 it was regulated by legislative documents such as the decree of VTsIK, dated 17 May 1919, “On the forced labor camps” and the decree of the RSFSR People’s Commissariat for Justice, dated 15 November 1920, “The Regulations on general detention places”. In 1924 the Corrective-Labor Code of 1924 became the fundamental document in this sphere. All articles devoted to the labor were based on the articles of the Labor Code of 1922. It implied there was the legal support of the labor of the prisoners and those who were sentenced to the forced labor without detention. Based on the paperwork of the places of detention of West Siberia (Novonikolaevsk/Novosibirsk, Barnaul, Biysk, Omsk) the author analyzes the possibilities of the realization of the legal foundations of the forced labor organization in practice. Study shows that the conditions of the places of detention (material security, number of the employees, overpopulation in prisons) prevented them from full compliance with requirement relating to the labor of this part of the population. Furthermore the forced labor served as the mean for “normalization” of the work of these places of detention (elimination of the overpopulation in prisons and the lack of money) in the first place, not for correction. Despite all difficulties of the attempts of the realization of this idea of using and stimulation of the labor of the prisoners, it continued to exist in the 1930s – 1940s (on a reduced scale) even after the tightening of the Soviet penal policy’s foundations.

Keywords: sphere of labor, penal policy, forced labor, the Corrective-Labor Code of 1924, West Siberia.

The article has been received by the editor on 27.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению принудительного труда заключенных в 1920-х гг. Для советской пенитенциарной политики ключевой стала идея исправления преступников путем привлечения их к трудовой деятельности, которая регламентировалась в законодательно-нормативных актах. До 1924 г. это были декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. и Постановление Наркомата юстиции

* **Дарья Андреевна Мамонтова,** студент-магистрант, Новосибирский государственный университет; лаборант, научно-образовательный центр «Наследие» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, e-mail: darya.mamontova_1998@mail.ru
Darya Andreevna Mamontova, Master’s Student, Novosibirsk State University; Laboratory Assistant, Research and Educational Center “Heritage” of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: darya.mamontova_1998@mail.ru

РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г. В 1924 г. основополагающим документом в этой области стал принятый Исправительно-трудовой кодекс. Все статьи в нем, посвященные труду, основывались на положениях Кодекса законов о труде 1922 г., что в теории предполагало правовое обеспечение труда заключенных и осужденных к принудительным работам без содержания под стражей. На материалах делопроизводства мест заключения Западной Сибири (новониколаевских/новосибирских, барнаульском, бийском, омском) автор исследует, насколько правовые основы организации принудительного труда могли быть реализованы на практике. Исследование показывает, что состояние мест лишения свободы (материальная обеспеченность, количество персонала, переполненность) не позволяло в полной мере выполнять требования, предъявляемые к труду данной группы населения. Более того, труд в первую очередь выполнял функцию «нормализации» деятельности данных пенитенциарных учреждений (устранение переполненности и нехватки средств), нежели исправительную. Несмотря на возникающие трудности при попытках реализации идей применения и стимулирования труда заключенных в 1920-х гг., они продолжили свое существование в 1930–1940-х гг. (в ограниченных масштабах) после ужесточения основ советской пенитенциарной политики.

Ключевые слова: сфера труда, пенитенциарная политика, принудительный труд, Исправительно-трудовой кодекс 1924 г., Западная Сибирь.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022

Труд в раннесоветском государстве рассматривался как важнейшая основа его существования и требовал соответствующей кодификации. Конституция РСФСР 1918 г. объявляла труд обязательным для всего населения страны, провозглашая лозунг: «Не трудящийся да не ест» (ст. 18)[1]. Однако в силу своего всеобъемлющего характера труд требовал учета его дифференциации и в ряде случаев особых форм его реализации в экстремальных условиях Гражданской войны. Так, в принятом в том же году первом советском Кодексе законов о труде (КЗоТ), помимо общих принципов правовой регламентации, произошла легализация и регламентация принудительного труда, провозглашена всеобщая трудовая повинность[2].

В 1922 г. был разработан и принят принципиально новый в своей основе КЗоТ, просуществовавший в данной редакции с некоторыми внесенными в него изменениями вплоть до 1971 г. Работы, предоставляемые населению РСФСР, обозначались как «вольнонаемные» (ст. 5)[3], что являлось принципиальным отличием от первого КЗоТа. Всеобщая трудовая повинность, будучи отмененной, наряду с милитаризацией труда уже исчезла из Кодекса. Более сложным оказалось решение проблемы правовой определенности с трудом принудительным, который сохранил свой статус особенного, специфического, но практикуемого в СССР в отношении заключенных. В существующей профессиональной литературе данная проблематика носит фрагментарный характер. Историки пенитенциарной политики рассматривают прежде всего практические аспекты применения принудительного труда, для правоведов важна регламентация правовых основ принуждения к труду. В данной публикации ставится задача рассмотреть факторы и тенденции формирования в новых условиях того направления, которое обозначилось как «исправительно-трудовая политика» в 1920-е гг. в соединении обоих аспектов на региональном сибирском уровне.

[1] Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (дата обращения: 16.04.2022).

[2] *Красильников С.А.* Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 4. С. 1030.

[3] Кодекс законов о труде 1922 г. // *Киселев И.Я.* Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 344.

Идея труда как средства исправления преступников стала ключевой для советской пенитенциарной политики. Но хотя мысль об исправительно-трудовом воздействии на заключенных крайне активно продвигалась в практику учеными-пенитенциаристами в 1920-х – начале 1930-х гг.[4], она не являлась изобретением советского периода.

В Уголовном Уложении 1903 г. среди видов наказаний фигурировали каторжные работы[5], т.е. принудительный труд, который таким образом переходил в практическую плоскость уже в позднеимперский период. Позднее, в 1915 г., привлечение заключенных к работам упоминалось в последнем нормативном акте имперской России, касающемся пенитенциарной политики, – Общей тюремной инструкции. Среди целей организации работ при местах заключения обозначились следующие: 1) отвлечение осужденных от праздности; 2) приучение их к труду; 3) обучение полезным ремеслам; 4) предоставление заработка[6].

В годы Гражданской войны требования исправительно-трудового воздействия на заключенных также фиксировались в законодательно-нормативных актах. К ним относились декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. (ст. 31)[7] и Постановление Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г. (ст. 111)[8]. Во втором документе обозначалась привязка к конституционной норме в виде пояснения, что труд является обязательным «для каждого гражданина РСФСР», в том числе и для заключенных.

В 1924 г. на второй сессии ВЦИК XI созыва был принят Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР, подводивший не только итог опыта уголовно-исполнительной политики в первые годы нэпа, но и ставивший существующую практику на правовую основу. Тем не менее уже на том раннем этапе действие Кодекса распространялось на пенитенциарные учреждения в системе Главного управления мест заключения (ГУМЗ НКВД РСФСР), в то время как лагерно-тюремная система ОГПУ находилась вне его применения.

Особое внимание в ИТК 1924 г. привлекали вопросы средств исправления преступников, среди которых выделялись проведение культурно-образовательных мероприятий и организация трудовой деятельности. Построение рабочего процесса как самих заключенных, так и осужденных к принудительным работам без содержания под стражей основывалось на статьях КЗоТа (ст. 29, 57)[9]. По нему регламентировалась продолжительность рабочего дня и условия применения сверхурочных работ[10]. Труд провозглашался обязательным для всех способных к нему заключенных (ст. 52). Работы делились на внутренние, проводившиеся в пределах места заключения, и внешние, осуществлявшиеся вне его, которые, в свою очередь, делились на хозяйственные и производственные (ст. 60).

Особое место в ИТК 1924 г. отводилось организации принудительных работ без содержания под стражей. Так же как и труд в пенитенциарных учреждениях, его условия основывались на статьях КЗоТа (ст. 29), однако с большим распространением на осужденных к этому виду работ норм трудового права[11]. Например, им полагался двухнедельный отпуск один раз в году (при непрерывной работе не менее 5½ месяцев) (ст. 37), а также отпуска по болезни и материнству (ст. 38).

---

[4] См., например: *Ширвиндт Е.*, *Утевский Б.* Советское пенитенциарное право. М., 1927. С. 24, 26; *Утевский Б.С.* Как советская власть исправляет преступников. М., 1930. С. 15–16.

[5] *Бердинских В.А.*, *Веремьев В.И.* Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. С. 14.

[6] *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: https://lawbook.online/gosudarstva-prava/revolyutsionnoe-dvijenie-politicheskiy-43847.html (дата обращения: 16.04.2022).

[7] Декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_458.htm (дата обращения: 16.04.2022).

[8] Здесь и далее: Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_772.htm (дата обращения: 16.04.2022).

[9] Здесь и далее: Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071 (дата обращения: 16.04.2022).

[10] *Красильников С.А.* Между правом и наказанием… С. 1032.

[11] Там же. С. 1033.

Первый советский Исправительно-трудовой кодекс основывался на соединении его установок с положениями КЗоТа, что в последующем «размывалось» и уходило из правоприменительной практики мест заключения.

Один из ведущих советских пенитенциаристов Б.С. Утевский в изданной в 1930 г. работе «Как советская власть исправляет преступников» утверждал, что советское государство не допускает подневольного, каторжного, мучительного и унизительного труда даже в месте заключения[12]. По его мнению, такой подход к труду являлся одним из главных отличий от дореволюционной и зарубежной пенитенциарных систем[13]. Однако где проходит граница между трудом обязательным и трудом принудительным? Сам Утевский разницу между этими понятиями видел в правовом обеспечении труда в пенитенциарных учреждениях. В советских местах лишения свободы труд заключенных, по его утверждению, строго охранялся трудовым законодательством[14].

Возьмем данное утверждение специалиста за точку отсчета в попытках разобраться, насколько доктринальные установки советской власти совпадали с реальными возможностями организации труда в местах заключения. Мы полагаем, что условия мест заключения в 1920-е гг. (нехватка средств, переполненность, несоответствие кадров предъявленным требованиям и их текучесть и пр.) не позволяли построить рабочий процесс в соответствии с законодательством, т.е. нарушались принципы обязательности и правовой обеспеченности труда заключенных.

Для дальнейшего конкретно-исторического анализа следует иметь в виду, что судебные репрессии (приговоры) подразумевали два основных вида исполнения наказаний: помимо заключения на сроки в места лишения свободы существовали наказания без содержания под стражей, на которые также распространялся принцип принудительных работ, которые иногда назывались также обязательными работами. Такого же рода практика распространялась и на тех, кто наказывался во внесудебном, административном порядке. Указанные выше меры применялись в отношении лиц, которые совершили неопасные преступления и приговаривались на сроки заключения от месяца до года[15]. Кроме того, данный вид наказания имел под собой и прагматический аспект, применяясь, в том числе, для снижения нагрузки на места заключения и, соответственно, для сокращения расходов на их содержание. Такая необходимость диктовалась снятием мест лишения свободы с государственного обеспечения с 1922 г.[16], что существенно сокращало сметы расходов.

Несмотря на гипотетическую выгоду данного вида наказания, его исполнение на практике было связано с различными трудностями. В 1920-х гг. в стране не было условий для организации такого рода работ[17].

Во-первых, из-за нехватки рабочих мест создавалась конкуренция между судимым и несудимым населением. Работодателям приходилось в первую очередь давать работу именно осужденным судами, чтобы не обращать наказание в фикцию[18]. Во-вторых, существовали явные проблемы в организации данного вида работ, среди которых можно выделить неявку подсудимых. Так, на 1 января 1923 г. 43,7 % осужденных не явились на обязательные работы[19].

В качестве попыток решения данных затруднений деятелями юстиции в качестве предложений выдвигались идеи отправки осужденных на вредные и неприятные работы[20] или передача их на учет органов ГУМЗ, а не Наркомата труда[21], с целью ликвидации

[12] *Утевский Б.С.* Как советская власть исправляет преступников… С. 20.
[13] Там же; *Ширвиндт Е., Утевский Б.* Советское пенитенциарное право… С. 157.
[14] *Утевский Б.С.* Как советская власть исправляет преступников… С. 15.
[15] *Красильников С.А.* Между правом и наказанием… С. 1032.
[16] С 1925 г. места заключения стали переходить обратно на госбюджет.
[17] *Красильников С.А.* Между правом и наказанием… С. 1039.
[18] Еженедельник советской юстиции. 1922. № 36. С. 13.
[19] Там же. 1923. № 13. С. 294.
[20] Там же. 1922. № 36. С. 13.
[21] Там же. 1923. № 6. С. 126.

конкуренции. Тем не менее данных о реализации этих предложений, по крайней мере на страницах «Еженедельника советской юстиции», не было.

В 1927 г. в «Еженедельнике советской юстиции» вышла статья, в которой проводился анализ статистики исполнения принудительных работ в Москве в 1925 г. (5565 дел) и 1926 г. (6 тыс. дел). Исследование показало, что исполнение наказания осуществилось только для 54,3 % приговоров, а в остальных случаях осужденные получили замену работ штрафами, освобождением по болезни, амнистией и другим из-за отсутствия достаточного количества мест для работ[22].

Такая же ситуация наблюдалась в Сибирском регионе. В 1927 г. в акте о состоянии и деятельности Барнаульского исправительно-трудового дома (исправтруддома) отмечалось, что из 614 человек, приговоренных к принудительным работам без содержания под стражей, только 29 фактически отбывали наказание (4,72 %)[23].

В 1928 г. вопрос о принудительных работах становится одним из приоритетных на страницах «Еженедельника советской юстиции». Дебаты о них начались еще в 1927 г., когда была озвучена мысль о возможности использования труда преступников безвозмездно[24]. Однако в 1928 г. центром обсуждения становится принятое 26 марта постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД о карательной политике и состоянии мест заключения. В нем утверждались три основных принципа принудительных работ: 1) бесплатность; 2) хозяйственная выгодность; 3) реальность репрессии. Платность допускалась лишь для лиц, отбывающих наказание без лишения свободы по месту службы, либо по особому определению суда для лиц, не имеющих средств к существованию, но не более госминимума данной местности[25].

Подобное изменение основ организации работ осужденных не могло остаться незамеченным в регионах страны. В местной сибирской газете «Советская Сибирь» в 1928 г. часть сообщений, посвященных пенитенциарной политике и в частности трудовой деятельности данного контингента населения, отводилась публикациям информации о нормативных документах и разъяснений к ним. К таковым следует отнести постановление СНК РСФСР о принудительных работах, в котором говорится о бесплатности работ тех, кто ранее по найму не работал[26], что расходится с документом, опубликованным в «Еженедельнике советской юстиции». Также объявлялось, что осужденные к принудительным работам без содержания под стражей должны являться на них со своим живым и мертвым инвентарем[27] (в сельской местности[28]), что указывает на региональную специфику. Об этой сибирской сельской специфике свидетельствует и распоряжение Сибадмотдела об отсрочках по отбыванию наказания в форме принудительных работ трудовому крестьянству на все время полевых работ[29].

Кроме определенных черт, присущих Сибирскому региону, в данном случае необходимо отметить и несоответствие нововведений трудовому законодательству. В первую очередь это касалось заработной платы, которую осужденные на данный вид работ, согласно ИТК 1924 г., должны были получать (ст. 31). Во-вторых, вышеприведенная статистика, публикуемая в «Еженедельнике советской юстиции» и в делопроизводстве сибирских мест лишения свободы, доказывает, что требование обязательности труда для всех групп населения не выполнялось в связи с отсутствием на то подходящих условий.

Помимо работ, выполнявшихся без содержания под стражей, естественно, имелись те, что выполнялись непосредственно заключенными пенитенциарных учреждений. Часть этих

[22] *Красильников С.А.* Между правом и наказанием… С. 1039.
[23] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 157. Л. 6 об.
[24] Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 34. С. 1051.
[25] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Там же. 1928. № 14. С. 418.
[26] Советская Сибирь. 1928. 15 мая.
[27] Там же. 7 апр.
[28] Там же. 15 мая.
[29] Там же. 13 мая.

работ была направлена преимущественно на поддержание жизнедеятельности самого места лишения свободы и проводилась внутри него. Такие работы делились на хозяйственные, т.е. направленные на удовлетворение повседневных нужд пенитенциарных учреждений, и производственные – в мастерских.

Таким же образом делились работы внешние. На них могли отправлять только заключенных высшего разряда[30] или тех, кто не подлежал строгой изоляции (ст. 123 Постановления НКЮ РСФСР, ст. 67 ИТК 1924 г.). Осужденные, отправляемые на данный вид работ, требовали сопровождения конвоем (ст. 124, ст. 68 соответственно) и как минимум одним надзирателем (ст. 124, ст. 69 соответственно), который следил за трудовым процессом.

Организация работ заключенных также не была лишена определенных трудностей. В «Еженедельнике советской юстиции» отмечалось, что они, как и осужденные на работы без содержания под стражей, составляли конкуренцию несудимой части населения. Такая ситуация происходила из-за того, что наниматели стремились взять на работу именно заключенных, поскольку им это было более выгодно (не нужно оплачивать страховые отчисления, вносить за них деньги на культработу и пр.). Очередное исходившее от пенитенциаристов предложение решения данного вопроса – отменить конкуренцию в те места работы, куда нанимаются вольнонаемные рабочие[31] – так и осталось без последующей реализации.

Для поощрения заключенных, работающих особо продуктивно, в ИТК 1924 г. вводилась система зачета двух дней рабочих за три дня срока лишения свободы (ст. 52). На практике же данная мера применялась широко даже при выполнении самой простой работы[32]. Подобное нарушение положений ИТК 1924 г. следовало связать с проблемой переполненности мест заключения, а также с бедственным положением самих заключенных. Содержать заключенных было невыгодно, особенно когда их количество превышало норму[33].

Далее рассмотрим, как в региональных условиях Сибири решались проблемы организации труда заключенных, содержавшихся в местах их изоляции.

Труд заключенных в местах лишения свободы Сибири был организован в соответствии с нормативно-правовыми актами, регламентирующими их деятельность. В первые годы советской власти в данном регионе в местах заключения наиболее распространенной практикой стало создание различных мастерских – в новониколаевском концентрационном лагере[34] и доме принудительных работ (Домпринраб)[35], в барнаульском месте лишения свободы[36], в омской тюрьме[37].

Анализ делопроизводственных документов показывает, что работа при пенитенциарных учреждениях протекала по-разному – в зависимости от условий, в которых они находились. Так, некоторые мастерские оказывались недостаточно оснащены необходимыми материалами, из-за чего они могли обеспечивать лишь нужды исключительно самого места заключения[38], в других же удавалось обеспечивать выполнение заказов, принимаемых от других ведомств[39].

---

[30] Все срочные заключенные делились на три разряда – начальный, средний и высший. При поступлении в место лишения свободы заключенные зачислялись в начальный разряд. Перевод в следующий разряд зависел от успехов заключенного в работах и занятиях, соблюдения или нарушения установленного режима. Заключенные, зачисленные в высший разряд, обладали некоторыми привилегиями – например, их камеры могли быть открыты в течение всего дня, их могли отправлять на внешние работы.

[31] Еженедельник советской юстиции. 1925. № 19. С. 534; Там же. С. 534.

[32] Там же. 1926. № 5. С. 137.

[33] Об этом же свидетельствует также применение в виде наказания принудительных работ без содержания под стражей, а также периодически проводимые амнистии и условно-досрочные освобождения.

[34] ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1 об.

[35] Там же. Д. 27. Л. 3 об.

[36] ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

[37] Там же. Д. 12. Л. 23.

[38] ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Д. 27. Л. 3 об.

[39] ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 12. Л. 23 об.

Распространялась практика выполнения внутренних хозяйственных работ, дававших потенциал самообеспечения. В частности, при ряде пенитенциарных учреждений были организованы собственные огороды, например, в Барнаульском и Бийском[40], где выращивали различные культуры (пшеницу, овес, картофель, викторию). Выполнялись и другие работы – рубка дров, оборудование бараков, заготовка сена для скота[41]. Такого рода внутренние работы считались бесплатными. Однако, согласно акту «О вознаграждении содержащихся в местах лишения свободы», некоторые виды хозяйственных работ, требующих специальных навыков (например пекарство), должны были оплачиваться в соответствии с низшими ставками, утвержденными Отделом труда[42]. В таком случае можно предположить, что и часть работ по оборудованию бараков, требовавшая специальных навыков, скорее всего, также подразумевала оплату, но, вероятно, на этом администрация средства экономила.

Еще одной проблемой организации работ заключенных являлось их отсутствие (даже внутри самих мест лишения свободы!). Об этом свидетельствуют заявочные ведомости на требование продуктов для довольствия заключенных в новониколаевских исправтруддомах за октябрь 1923 г., январь–май 1924 г.[43] (рис. 1–3).

Данные показывают, что в исправтруддомах № 1, 2 на фоне практически регулярного увеличения числа заключенных количество человек, занятых на внутренних и хозяйственных работах, могло как расти, так и падать, но стабильно оставалось низким (от 12,5 до 46,2 %). Резкий рост занятости по женскому отделению исправтруддома произошел в январе 1924 г., тогда как в остальные месяцы уровень занятости женщин оставался примерно на одном уровне. Это может свидетельствовать о том, что труд женщин приспособить под условия мест заключения было проблематично.

Кроме привлечения заключенных к внутренним работам, последних отправляли и на внешние. До издания ИТК в 1924 г. также существовали ограничения, касающиеся категорий заключенных, которых можно было посылать на подобные работы. В «Положении о принудительном привлечении лиц, не занятых общественно-полезным трудом» отмечалось, что при выводе на внешние работы следовало разбираться, в чем обвиняется заключенный, а также предпринимать меры предосторожности против побега, осуществляя надзор за заключенными[44]. Однако на практике встречались случаи, когда эти меры предосторожности нарушались. Так, в 1920 г. в концентрационном лагере Новониколаевска принималось решение об отправке на внешние работы пленных офицеров и поляков (на какие конкретно работы – не указывается), хотя на такие работы они могли быть назначены только по нарядам ЧК[45].

Отчеты, в которых приводилась информация о деятельности мест заключения, показывают, что заключенных отправляли на строительство железной дороги[46], на работы в хлебопекарню, на мельницу, на молочную ферму[47], т.е. преимущественно на работы в сферах сельского хозяйства и строительства. Можем ли мы утверждать, что на данных видах работы был недостаток работников из числа несудимого населения? Учитывая существовавшую ситуацию безработицы в стране – вряд ли. Данные об отправке на внешние работы заключенных, не соответствующих определенным характеристикам, скорее, свидетельствуют о действительном недостатке работ внутри мест лишения свободы, а также, возможно, о попытках их разгрузки[48].

[40] ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об.
[41] ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 28; Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 47, 19 об.
[42] ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 13. Л. 94.
[43] Там же. Д. 81. Л. 7, 63, 97, 121, 131.
[44] Там же. Д. 1. Л. 1.
[45] Там же. Л. 4.
[46] ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об. – 31.
[47] Там же. Л. 35 об.
[48] В случаях затруднительного ежедневного возвращения заключенных с внешних работ на месте этих работ должны были организовываться помещения для их размещения.

После издания ИТК 1924 г. виды работ заключенных не претерпели каких-либо изменений. Осужденные по-прежнему выполняли хозяйственные и производственные работы как внутри мест лишения свободы, так и вне их.

На протяжении периода с 1925 по 1927/1928 г. продолжала существовать проблема недостатка видов и масштабов работ, к которым можно было бы привлечь заключенных. Например, в сведениях о работах в Новониколаевском исправтруддоме № 2 за квартальный период октябрь–ноябрь и декабрь 1925/1926 г. указано, что за отчетный период 11 348 суток были заняты на работах всеми заключенными, из них: 1 443 суток – в мастерских (12,7 %), 2 008 – на внешних работах (17,6 %), 6 892 – на бесплатных хозяйственных работах (60,7 %) и 1 005 – на работах в канцелярии и культпросветработах (8,8 %). Платных хозяйственных работ за указанный период выполнено не было. При этом количество часов, не занятых работами, равнялось 16 059 суткам (58,5 %), из них 12 061 – из-за отсутствия работ (75,1 %)[49].

Также в сведениях о работах по местам заключения Новосибирского округа за 4-й квартал 1926/1927 г. (июль–сентябрь) и 1-й квартал 1927/1928 г. (октябрь–декабрь) отмечалось, что всего всеми заключенными было проведено 214 865 суток, из них: 54 054 было проведено на работах (25,1 %), без работы – 160 811 (74,8 %), при этом из-за отсутствия работ – всего 34 856 суток (21,6 %)[50].

О том, что в работах было задействовано недостаточное количество заключенных, и о попытках решения этого вопроса свидетельствует требование, высказанное в переписке с Сибирской краевой инспекцией мест заключения, о необходимости расширения как производственной деятельности, так и отправки на внешние работы с целью вовлечения большего числа заключенных в трудовую деятельность[51].

К другим проблемам, которые имелись и до 1925 г., относилась невозможность функционирования рабочих частей мест заключения, как это требовалось по ИТК 1924 г., из-за отсутствия средств, необеспеченности мастерских помещений, нехватки специалистов. Несмотря на то, что в целом мастерские продолжали работать как на удовлетворение нужд самих мест заключения[52], так и сотрудничали с различными госучреждениями, кооперативными организациями и частными лицами[53], появляются сведения о ликвидации некоторых цехов из-за убытков, невозможности обучения заключенных квалифицированным профессиям[54].

Еще одним видом работ заключенных, который не нашел отражения в статьях ИТК 1924 г., стал отпуск крестьян, лишенных свободы, на полевые работы по месту жительства. 25 апреля 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением ввели практику длительных отпусков (до трех месяцев). Впоследствии эта практика была пролонгирована на время полевых работ 1926 г. Однако затем эта процедура стала усложняться – ужесточались требования к отчетности о нахождении крестьян-заключенных на полевых работах, указывалось, что они не должны были в этот период делать «ничего предосудительного»[55]. Такое ужесточение произошло из-за выявленных случаев, когда заключенные, отпускаемые на данный вид работ, на самом деле уже не имели ничего общего с сельским хозяйством и в этот период занимались преступной деятельностью. Также были крестьяне, которые не возвращались в места заключения по истечении срока полевых работ.

Эти особенности касались и Сибирского региона. В частности, в докладе о деятельности Новосибирского исправтруддома № 2 за первый квартал 1925/26 г. отмечалось девять случаев побега, из которых восемь пришлось на заключенных, не вернувшихся из 3-месячных отпусков на полевые работы[56]. В одном из номеров газеты «Советская Сибирь»

[49] ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 87. Л. 94.
[50] Там же. Д. 89. Л. 90.
[51] Там же. Д. 91. Л. 75.
[52] См., например: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 89. Л. 34.
[53] См., например: Там же. Л. 34, 35.
[54] Там же. Л. 34, 35; Д. 93. Л. 173.
[55] *Красильников С.А.* Между правом и наказанием… С. 1038.
[56] ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 87. Л. 88 об.

упоминался случай, когда заключенный, отпущенный из исправтруддома на полевые работы, обворовал квартиру, в которой поселился, и скрылся[57].

Из приведенных выше документов и материалов складывается картина того, с какими сложностями и препятствиями сталкивались самые прогрессивные проекты раннесоветских пенитенциаристов. Нельзя не увидеть, что исправление трудом заключенных действительно выступало привлекательным в контексте не только гуманизации системы наказания, но и являлось частью более общего проекта создания новой общественной системы в СССР. Тем не менее очевидно, что даже оформленный в правовые установления труд в местах заключения или как мера наказания без лишения свободы не имел серьезного потенциала для своей реализации.

Несмотря на очевидные позитивные стимулы для заключенных (система так называемых зачетов, ускорявших сроки заключения), возможности отпусков на сельхозработы для заключенных крестьян и т.д., сфера исполнения наказаний, несмотря на постоянную динамику роста в стране осужденных в судебном и административном порядке, среди главных приоритетов власти не находилась. Ресурсы всех видов, от материальных, финансовых, кадровых и других, выделялись для этой сферы по остаточному принципу, создавая социальную напряженность в самих местах лишения свободы и вокруг них. Сами формы и каналы организации труда оказывались достаточно простыми, примитивными, нуждавшимися в качественном реформировании, а не в простом их воспроизводстве. Трудно говорить и о качестве самого принудительного труда, который по своей природе носил характер внеэкономического принуждения. Для руководителей самих мест заключения управленческие функции в сфере организации труда осужденных также требовали своего усложнения и могли восприниматься как дополнительное обременение, накладываемое требованиями ИТК 1924 г.

1920-е гг. для РСФСР характеризовались, с одной стороны, необходимостью восстановления экономики, разрушенной в ходе Гражданской войны, а с другой – отсутствием достаточных ресурсов для успешной реализации этого плана. В целом можно говорить, что советская пенитенциарная система переживала те же процессы. Имеющаяся идея исправления трудом преступников, для которых он должен был стать обязательным так же, как и для остальной части населения, на практике столкнулась с рядом сложностей. Состояние мест заключения (материальная необеспеченность, отсутствие необходимого персонала, переполненность тюрем) позволяло лишь частично выполнять требования, предъявляемые к организации трудовой деятельности. На первый план выходила необходимость снизить «нагрузку» с данных учреждений – приблизить население мест лишения свободы к количеству штатных мест, устранить нехватку денег на их содержание. Для осуществления цели в ход шли любые средства – отправка на внешние работы заключенных, не соответствующих необходимым условиям, устройство принудительных работ без содержания под стражей, отпуск крестьян на полевые работы и пр. Однако эти меры не давали должного результата – на протяжении всех 1920-х гг. существовала проблема нехватки рабочих мест, трудности с оплатами работ, отсутствие или недостаточное количество материалов для осуществления трудовой деятельности заключенными. Необходимо отметить, что подобная ситуация была характерной как для всей страны, так и для отдельного региона.

Идея организации обязательного и ни в коем случае не принудительного труда (по заявлениям советских пенитенциаристов) заключенных столкнулась с реальной ситуацией в стране. Труд заключенных и осужденных на принудительные работы без содержания под стражей не мог строго охраняться трудовым законодательством и соответствовать ему, в то время как обычное, несудимое население страны повсеместно сталкивалось с такими же проблемами. На наш взгляд, сама эта идея, воспроизводимая в работах советских ученых-пенитенциаристов, в реальности встречалась лишь в качестве клише в различных докладах о деятельности мест заключения, в то время как организация труда заключенных была сопряжена исключительно (или, по крайней мере, в большей степени) с попытками «нормализовать» деятельность пенитенциарных учреждений.

[57] Советская Сибирь. 1928. 13 июня.

Однако нельзя не отметить и того, что при рассмотрении мер по реформированию пенитенциарной системы в стране в 1920-е гг. и применению труда как потенциального ресурса для исправления девиантного поведения тех, кто оказывался в местах заключения, можно увидеть, что данная тенденция имела в своей основе позитивный заряд, требовавший постоянного культивирования, развития. Правовая и нормативная основа для реализации подобной тенденции сформировалась и публично обсуждалась в печати и среди тех, кто руководил системой исполнения наказания. Данная альтернатива оказалась нереализованной, поскольку в конце 1920-х гг. произошел поворот в сторону самых жестких и примитивных форм применения труда заключенных, олицетворением которых стало Главное управление лагерей. И тем не менее даже в условиях 1930–1940-х гг. данная машина исполнения наказаний периодически возвращалась к пусть и в ограниченных масштабах, но к формам стимулирования труда осужденных (система зачетов, оплата труда, труд без лишения свободы и т.д.), введенным в практику в 1920-е гг.

Литература

Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. 440 с.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс] / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071 (дата обращения: 16.04.2022).

Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учеб. пособие. М.: НОРМА, 2001. 384 с.

Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1027–1046.

Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html (дата обращения: 16.04.2022).

Утевский Б. С. Как советская власть исправляет преступников. М.: Издательство народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 67 с.

Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.

References

Berdinskikh, V.A., Verem’ev, V.I. (2018). *Kratkaya istoriya GULAGa* [The Brief History of GULAG]. Moscow, Lomonosov. 440 p.

Kiselev, I.Ya. (2001). *Trudovoe pravo Rossii. Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Russian Labor Law. Historical and Legal Research]. Moscow, Izdatel’stvo NORMA. 384 p.

Krasilnikov, S.A (2017). Mezhdu pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskom obshchestve [Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 4, pp. 1027–1046.

Shirvindt, E., Utevskiy, B. (1927). *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [The Soviet Penal Law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel’stvo NKYU RSFSR. 276 p.

Uporov, I.V. (2004). *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [Russian Penal Policy in XVIII–XX Centuries. Historical and Legal Analysis of Development Trends]. St. Petersburg. Available at: URL: https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html (date of access 16.04.2022).

Utevskiy, B.S. (1930). *Kak sovetskaya vlast’ ispravlyaet prestupnikov* [How Soviet Authorities Correct Criminals]. Moscow, Izdatel’stvo narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR. 67 p.

Yakovlev, A.N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerey. 1918–1960* [GULAG: The Main Department of the Camps. 1918–1960]. Comp. by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow, MFD. Available at: URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071 (date of access 16.04.2022).

Л.Н. Лазарева*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОФАКТОРНОСТИ ПРИЧИН РАСПАДА СССР**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-3
УДК 94:338(47)"1930/1960"

Выходные данные для цитирования:
Лазарева Л.Н. Экономическая реформа 1965 года в контексте проблемы многофакторности причин распада СССР // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 32–44. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-03.pdf

L.N. Lazareva*

ECONOMIC REFORM OF 1965 IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF MULTIFACTORIAL CAUSES OF THE COLLAPSE OF THE USSR**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-3

How to cite:
Lazareva L.N. Economic Reform of 1965 in the Context of the Problem of Multifactorial Causes of the Collapse of the USSR // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 32–44. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-03.pdf]

Abstract. In modern historiography, the opinion has been confirmed that the reasons for the collapse of the USSR were a combination of objective and subjective factors. In this context, the problem of the role of the socio-economic model in the disintegration of the Soviet Union has great research potential. Within the framework of the unfolding discussion, the degree of effectiveness of centralized planning as a method of managing the national economy, the possibility of reformatting the existing economic model and transition to a market economy without destroying the state is assessed. The study of the economic reform of 1965 makes its contribution to the analysis of the causes of the genesis and dynamics of the development of centrifugal tendencies. The author comes to the conclusion that the incompatibility of the paradigms of the "Stalinist" model and the "Kharkov system" formed the inconsistency of the concept of the "Kosygin" reform. Therefore, the introduction of innovations in the economic mechanism reduced its effectiveness, but could not solve the problem of the "weak link" of the economic system "the state is a single factory". At the same time, the analysis of the adjustments made to the "Stalinist" model does not give grounds for concluding that the Soviet economy is fundamentally not reformable. The author believes that in the disintegration of the USSR, priority was given to the political will of the Center, while economic factors played only a secondary role in this issue.

Keywords: economic reforms in USSR, economic mechanism, stalinist model of socio-economic development, conception of E.G. Lieberman, reform of A.N. Kosygin.

The article has been received by the editor on 14.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В современной историографии утвердилось мнение, что причиной распада СССР была совокупность объективных и субъективных факторов. В данном контексте большой исследовательский потенциал имеет проблема роли функционирующей социально-экономической модели в дезинтеграции Советского Союза. В рамках

* **Любовь Николаевна Лазарева,** кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России, Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия, e-mail: laz_dom@mail.ru
Lyubov Nikolaevna Lazareva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern History of Russia, Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia, e-mail: laz_dom@mail.ru

** Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР».
The publication was prepared with the financial support of the RFBR, project 21-09-43005 "Methodology for the Study of the Causes of the Collapse of the USSR".

развернувшейся дискуссии оценивается степень эффективности централизованного планирования в качестве метода управления народным хозяйством, возможность переформатирования существовавшей экономической модели и перехода к рыночной экономике без разрушения государства. Свою лепту в анализ причин генезиса и динамики развития центробежных тенденций вносит изучение экономической реформы 1965 г. «Сталинская» экономическая модель базировалась на парадигме управления народным хозяйством как «единой фабрикой». Базовый концепт «харьковской» модели развития («фактический переход» к корпоративному устройству с высокой степенью самостоятельности предприятий («филиалов»)) противоречил сталинской экономической системе. Несовместимость парадигм двух моделей социально-экономического развития сформировала противоречивость концепции «косыгинской» реформы. Поэтому внедрение новаций в хозяйственный механизм снижало его эффективность, но не могло решить проблему «слабого звена» экономической системы «государство – единая фабрика». Вместе с тем анализ корректировок, внесенных в «сталинскую» модель, не дает основания для вывода о принципиальной нереформируемости советской экономики. Автор считает, что в дезинтеграции СССР приоритет был за политической волей Центра, тогда как экономические факторы играли в этом вопросе лишь второстепенную роль.

Ключевые слова: экономические реформы в СССР, хозяйственный механизм, сталинская модель социально-экономического развития, концепция Е.Г. Либермана, «косыгинская» реформа.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022

Для современной историографии характерен приоритет многофакторности в объяснении причин гибели «советского проекта». При этом выделяется очень широкий спектр проблем: от «родовой травмы» самой социалистической системы до происков геополитических противников СССР. В данном контексте большой исследовательский потенциал имеет анализ роли социально-экономической модели в дезинтеграции СССР. Причем за прошедшие годы ее оценки также претерпели существенные корректировки.

На входе в «шоковую терапию» (и на страницах специализированных изданий экспертного уровня, и в прессе, адресованной массовому читателю) в качестве аксиомы навязывался тезис – экономическая система, базирующаяся на директивном планировании, централизованном управлении и огосударствовании собственности, априори не эффективна[1].

О современной переоценке опыта отечественной модернизации свидетельствует следующее: в монографии «Кристалл роста к русскому экономическому чуду» (в круг авторов которой входят высокопоставленные отечественные чиновники) обосновывается необходимость брать «огонь из прошлого» – использовать наследие советских управленческих практик в формировании траектории развития страны. Отклики общественности и научного сообщества, отразившиеся в рецензиях, помещенных на сайте книги, выявляют широкую поддержку данной позиции[2].

К отличительным чертам современного уровня осмысления проблемы можно отнести междисциплинарный характер научного поиска. Он ведется «на стыке» истории, экономики, социологии. Высокую планку ему задают труды Е.Т. Артемова[3], Ю.П. Бокарева[4], В.В. Журавлева[5], С.Г. Кара-Мурзы[6], Г.И. Ханина[7] и др.

[1] См.: *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995; *Валовой Д.В.* Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления. М., 1991; *Попов Г.Х.* Реформирование нереформируемого (попытка Алексея Косыгина). М., 2009.
[2] Сайт книги «Кристалл роста». URL: https://crystalbook.ru (дата обращения: 23.03.2022).
[3] *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
[4] *Бокарев Ю.П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе 1970–1980-е годы. М., 2007.
[5] *Журавлев В.В.* Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 4: 1917–1991 гг. С. 663–671.
[6] *Кара-Мурза С.Г.* Крах СССР. Кто виноват. М., 2016.
[7] *Ханин Г.И.* Советское экономическое чудо: миф или реальность? Серия статей // Свободная мысль. 2003. № 7-12.

В рамках дискуссии о роли советской экономической модели в процессе распада СССР были поставлены следующие основные вопросы:

– можно ли считать директивное планирование эффективным методом управления народным хозяйством страны?

– поддавалась ли в принципе реформированию советская экономическая модель?

– был ли возможен переход от директивного планирования к рыночной экономике без разрушения СССР?

Свою лепту в анализ причин генезиса и динамики развития центробежных тенденций, определивших в конечном итоге дезинтеграцию Советского Союза, вносит изучение экономической реформы 1965 г., традиционно оценивающейся в историографии в качестве «точки бифуркации» и упущенного шанса[8] своевременно «переформатировать» народное хозяйство.

В то же время нельзя упускать из виду и то, что «косыгинская» реформа вносила лишь важные корректировки в уже существовавший хозяйственный механизм, причем не ставя цель «демонтировать» его полностью. Поэтому представляется важным анализ базовых принципов внедряемых инноваций через призму их совместимости со «сталинской» экономической моделью[9].

По мнению авторитетных исследователей, под воздействием «великого перелома» (форсированной индустриализации и коллективизации, призванной обеспечить хлебом экспортный план и стройки первых пятилеток) в промежутке с 1931 по 1933 г. сложилась специфическая экономическая модель, которую условно можно обозначить как «сталинская»[10]. Именно она (хотя и сильно деформированная) оставалась «скелетом» советской экономической системы вплоть до конца отпущенного СССР срока.

Ключевые особенности данной экономической системы, пожалуй, лучше всего были сформулированы И.В. Сталиным в январе 1941 г. на встрече с учеными-экономистами. Характеризуя задачи планирования, на первое место он поставил борьбу за суверенитет страны, на второе – «закрыть источники и клапаны, откуда возникает капитализм…», и лишь на третье – борьбу с диспропорциями[11].

Приоритет сектора «А» (обеспечение суверенитета СССР!) диктовал перекачку ресурсов из аграрного сектора и ставил наполнение потребительского рынка на второе место (тем не менее с повестки дня не убирал). Требование «не допускать диспропорций» реализовывалось в парадигме «единой фабрики». Предприятия становились «цехами» в народно-хозяйственном комплексе страны. Трудовые коллективы мотивировались производить много, качественно, дешево. Что именно и для кого производить – определял Центр, который отвечал за то, чтобы усилия и ресурсы тратились на создание нужной стране продукции, а рентабельность отдельных предприятий была подчинена интересам народно-хозяйственного комплекса в целом.

Конкуренцию заменил плановый показатель «снижение себестоимости», который, подкрепленный ценовой, кредитной, налоговой политикой, «заставлял» бороться с бесхозяйственностью и формировал запрос на введение инноваций в производственный процесс.

При этом важной составляющей «сталинской» модели был организуемый государством перевод экономики в новый технологический уклад с помощью централизованно осуществляемого пересмотра порядка норм выработки, следовавшего за снижением розничных, а затем и оптовых цен. Таким образом, «срезалась» маржа, полученная хозяйствующим субъектом. Коллективу предприятия оставалось лишь изыскивать возможность и дальше

[8] См.: Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.). М., 2018.

[9] Необходимо заметить, что «сталинской» данная модель называется условно, как дань традиции связывать определенные этапы развития страны с именами государственных лидеров (царей, генсеков, президентов). Безусловно, ее авторами были миллионы советских людей, не жалевших сил на стройках первых пятилеток, «красные директора», наркомы, плановики, экономисты – т.е. все те, кто в ходе решения задачи модернизационного рывка смог нащупать действенные механизмы развития народного хозяйства.

[10] См.: *Мерль Ш.* Революция и политическая экономия, 1917–1929 годы: переход от планового управления хозяйством и обществом к сталинской командной экономике // Экономисты о революции 1917 года. М., 2021. С. 730; *Девис Р., Хлевнюк О.В.* Вторая пятилетка. Механизмы смены экономической политики // Российская история. 1994. № 3. С. 92–108.

[11] *Бухерт В.Г.* Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами // Исторический архив. 2012. № 4. С. 6–13.

ликвидировать непроизводственные издержки и стремиться к росту производительности труда. Народное хозяйство страны «разворачивалось» на интенсивный путь развития.

Жесткая система директивных заданий (контроль выполнения плана, причем не только в денежных, но и в натуральных показателях, был важнейшим базовым принципом «сталинской» модели) дополнялась косвенными мерами экономического воздействия. Например, поощрительные расценки труда, премиальное стимулирование, заготовительные цены на особо нужные государству культуры, премиальные фонды предприятий и т.п. Важную роль играла кредитная и налоговая политика, помогая Центру стимулировать трудовые коллективы на выполнение и перевыполнение плановых заданий.

«Стабилизирующие» механизмы – ценовая политика и массовые государственные займы – убирали денежный навес, не подкрепленный потребительскими товарами, и уменьшали дифференциацию доходов населения. Задача «закрыть» «источники и клапаны» капитализма очерчивала «прокрустово ложе» «рынка». Частник был организован в артели инвалидов, потребительскую и промысловую кооперацию[12]. Колхозник, отработавший за «трудодни» на государство и обложенный налогами, был вынужден продавать на рынке часть урожая, выращенного им в личном подсобном хозяйстве[13]. Снижение цен в государственной торговле «давило» на цены колхозного рынка. Жители городов получали дополнительный источник снабжения.

Найденная концепция хозяйственной модели позволяла решать задачи модернизационного рывка в условиях жесткого дефицита самого необходимого. В то же время у нее была и «изнанка». Прежде всего, это была модель, базирующаяся на опережающем развитии предложения – создании новых и модернизации существующих отраслей и производств. Уровень благосостояния населения был важен (коммунистическое общество – цель большевиков – это общество изобилия!)[14], но его рост стоял в списке приоритетов за переходом на новый технологический уклад[15].

---

[12] К началу 1950-х гг. в состав промкооперации входило 12 667 артелей и 1 844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро. Промкооперация выпускала 33 444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. – от детских игрушек до холодильников. Доля артелей в оказании бытовых услуг населению составляла от 60 до 80 % (*Пасс А.А.* Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 152).

[13] В 1948 г. обязательные поставки в РСФСР по вмененным обязательствам (в среднем на один облагаемый по данному продукту колхозный двор, без недоимок прошлых лет) составляли: 20 кг зерна, 222 кг картофеля, 41 кг мяса, 211 л молока, 1,32 кг шерсти, 0,75 штук овчины и козлины, 0,68 шкур свиных, 84 яйца. Фактически было сдано: 14 кг зерна, 189 кг, картофеля, 38 кг мяса, 207 л молока, 1,25 кг шерсти, 0,64 штук овчины и козлин, 0,45 шт. шкур свиных, 69 шт. яиц (Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг. М., 2020. С. 623–624).

За обязательные поставки государство выплачивало колхозником очень низкие цены. Например, в 1950 г. в Вологодской области крестьянин получал 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп. (*Изюмова Л.В.* Организация натурально-продуктовых повинностей колхозного крестьянства в 1930–1950-е гг. (по материалам Вологодской области) // 1929: «Великий перелом» и его последствия: мат-лы XII междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 сентября 2018 г.). М., 2020. С. 268–275.

При этом в послевоенное десятилетие с развертыванием «холодной» войны неуклонно сокращались льготы по налогообложению, а размер обязательств рос. Так, в марте 1948 г. 100%-ная скидка сельхозналога для семей военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, была заменена на 50%-ную. В 1950 г. увеличились нормы вмененной доходности приусадебного земледелия, а также ставки обложения хозяйств с годовым доходом свыше 4 тыс. руб. (*Ильиных В.А.* Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М., 2015. С. 445).

[14] Подробнее о формировании долгосрочной стратегии развития страны см.: *Лазарева Л.Н.* Осмысление итогов победы: формирование стратегии и тактики послевоенного развития страны // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.). М., 2021. С. 648–662.

[15] В то же время нельзя сбрасывать со счетов усилия, прилагаемые для улучшения бытовых условий жизни населения. Сразу же после окончания войны в промышленности был начат переход к выпуску гражданской продукции.

26 мая 1945 г. вышло постановление ГКО «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения». 32 предприятия должны были перенастроить свои производственные мощности на выпуск гражданской продукции (URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41863#B41colSs1lb4mjTn (дата обращения: 14.10.2021)).

Советские экономисты и обществоведы исходили из того, что инвестиции в создание и развитие индустриальной базы и производственной инфраструктуры сектора «А» (производство средств производства) должны обеспечить прибавочный продукт, достаточный для «подтягивания» сектора «Б» (производство предметов потребления). Помноженная на нелегкую историческую судьбу страны, которая за первую половину XX в. была вынуждена дважды буквально «воскресать из пепла» (восстанавливать народное хозяйство после разрухи Гражданской и Второй мировой войн)[16], данная стратегия вела к недостаточно быстрому темпу повышения уровня жизни населения. Е.Ю. Зубкова очень точно подметила: общество, пережившее испытания страшной войны, восстановившее народное хозяйство страны в кратчайшие сроки (уже к 1950-м гг. удалось выйти на показатели последних мирных лет, при этом даже частично модернизировав индустриальный парк!), мечтало о сытой и благоустроенной жизни[17].

Уменьшали возможности роста инвестиций в сектор «Б» и сбои механизмов самой «сталинской» модели. По мере нарастания сложности народного хозяйства слабым звеном системы оказывались проблемы качественного планирования. При столь важном месте, отведенном в долгосрочной стратегии развития страны научному прорыву и внедрению инноваций, хозяйствующему субъекту, нацеленному на снижение себестоимости, было невыгодно заниматься рестайлингом своей продукции и инициировать модернизацию производственного процесса. Во-первых, из-за переналадки оборудования и подобных мероприятий, сопровождающих новаторство, неизбежно увеличивалась себестоимость изделий (важный оценочный показатель в плановом задании для премирования трудового коллектива). Во-вторых, существовавшая ценовая структура экономики (дешевые ресурсы и дорогая промышленная продукция) не позволяла быстро «окупить» затраты на внедрение, а значит ухудшались и показатели, заточенные на стимулирование трудового коллектива за счет прибыли (например, отчисления в фонд директора). Поэтому именно Центр должен был выбирать нужный «стартап» и строго контролировать внедрение технических новинок в производство. Не утратила актуальности и проблема слабой заинтересованности производителей в повышении потребительских качеств своей продукции[18].

Итак, можно резюмировать: запрос на корректировку механизмов «сталинской» модели был объективен. Он формировался прежде всего необходимостью обеспечения более сбалансированного соотношения накопления и потребления. К тому же задачи Центра в «сталинской» модели входили в противоречие с объективными возможностями качественной

Согласно постановлению СНК СССР от 22 августа 1945 г., выпуск товаров широкого потребления и продовольственных товаров из местного сырья и отходов должны были нарастить предприятия местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов (Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246606-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-sssr-22-avgusta-1945-g-o-meropriyatiyah-po-uvelicheniyu-proizvodstva-tovarov-shirokogo-potrebleniya-i-prodovolstvennyh-tovarov-predpriyatiyami-mestnoy-promyshlennosti-promyslovoy-kooperatsii-i-kooperats (дата обращения: 14.10.2021)). На 1947–1950 гг. капиталовложения в сектор «Б» были увеличены за счет сокращения капитальных работ по министерствам сектора «А» на 2030 млн руб. (Денежная реформа в СССР 1947 года. М., 2010. С. 565).

[16] Нельзя сбрасывать со счетов и то, что очень быстро после победы во Второй мировой развернулась «холодная война» и на первый план вышла задача создания и налаживания производства (причем в кратчайшие сроки) нового высокотехнологичного вида оружия. Сложность и важность ее достижения коррелировали с размерами финансирования, забиравшего ресурсы у гражданских отраслей.

[17] *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 49–50.

[18] «…Некоторые предприятия, чтобы выполнить план по валовой продукции, допускают антигосударственную практику сверхпланового производства второстепенных изделий за счет невыполнения заданий по производству важнейших видов продукции, предусмотренных государственным планом. В ряде отраслей промышленности нарушается государственная дисциплина в отношении качества выпускаемой продукции. Имеют место факты поставки потребителям недоброкачественных изделий и товаров, не отвечающих установленным стандартам и техническим условиям. Машиностроительные предприятия нередко ставят на производство конструктивно недоработанные машины, не соответствующие условиям эксплуатации. На предприятиях легкой промышленности еще велик выпуск продукции пониженной сортности. Все это наносит ущерб народному хозяйству» (*Маленков Г. М.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). 5 октября 1952. М., 1952. С. 34–35.

обработки информации – необходимого условия постановки сбалансированных задач для каждого хозяйствующего субъекта – и контролем их выполнения.

Современники видели выход в компромиссе между усилением на стратегических направлениях централизации и делегированием части полномочий Центра на региональный уровень во «второстепенных» вопросах (прежде всего связанных с наполнением потребительского рынка и улучшением жилищно-бытовых условий).

В учебнике «Политическая экономия» (1954 г.), в написании которого принял активное участие И.В. Сталин[19], по этому поводу было сказано:

«Дальнейшее совершенствование методов социалистического планирования предполагает последовательное проведение централизации планирования по основным и решающим показателям, при одновременном усилении роли и развязывании инициативы местных органов, промышленных предприятий и колхозов в плановом руководстве производством, обеспечение дифференцированного подхода в планировании применительно к каждому экономическому району, сельскохозяйственной зоне, к каждому предприятию, колхозу <…>»[20].

Воплощение в практику данной установки было непростым делом. «Инициатива местных органов» часто входила в противоречие с нехваткой ресурсов. Да и практика делегирования части полномочий Центра хозяйствующему субъекту во время Великой Отечественной войны показала, что в установлении баланса директивного планирования и инициативы региональных руководителей арбитром все равно выступала Москва. Из-за этого нюанса проблему своевременной обработки информации и доведения принятого решения в неискаженном виде до исполнителей подобным способом полностью решить было невозможно.

После смерти И.В. Сталина его «наследники» решительно взялись за корректировку экономической политики. Вопрос об инвестициях в секторы «Б» был решен за счет сокращения вложений в опережающее развитие. Уже 25 марта 1953 г. по инициативе Л.П. Берии было принято Постановление Правительства № 385 «Об изменении строительной программы 1953 года», ликвидировавшее 20 крупных проектов, часть из которых имела достаточно высокую степень готовности[21].

Г.М. Маленков пошел еще дальше, заявив о перераспределении бюджета для обеспечения снижения давления на аграрный сектор и форсированного роста производства предметов широкого потребления[22]. Закупочные цены на продукцию колхозов были повышены, снижены нормы обязательных поставок и сельхозналог с приусадебных участков.

Н.С. Хрущев поставил задачу «сохраняя и впредь высокие темпы развития тяжелой индустрии <…> придать больший размах развитию производства предметов потребления»[23] за счет привлечения новых ресурсов – т.е., по сути, разворачивая народное хозяйство страны на экстенсивный путь.

В монографии «Кристалл роста к русскому экономическому чуду» приводится оценка смены траектории экономического развития Госдепартаментом США: «Промышленное развитие и развитие транспортных связей между регионами может замедлиться ввиду отмены промышленной программы 1953–1954 годов <…> В стране сделан упор на сельское хозяйство и, в основном, на освоение обширных целинных земель, что продлится, самое меньшее, пять-шесть лет. Это обстоятельство тоже может привести к замедлению индустриального развития»[24].

---

[19] См.: *Журавлев В.В., Лазарева Л.Н.* «Нельзя “преобразовывать” законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И.В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77; № 3. С. 3–20; *Журавлев В.В., Лазарева Л.Н.* «Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономии // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

[20] Политическая экономия: учебник М., 1954. С. 306.

[21] *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. С. 206.

[22] *Маленков Г.М.* Речь на собрании избирателей Ленинградского округа Москвы 12 марта 1954 года. М., 1954. С. 12.

[23] Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., 1956. С. 44.

[24] *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста… С. 207.

Вслед за корректировкой долгосрочной стратегии развития страны началась деформация механизмов самой модели. Был ликвидирован Госснаб, взят курс на снижение разницы доходов советских граждан (коррелировавший в «сталинской» системе с уровнем образования, квалификации и производительности труда), «свернут» механизм ежегодного снижения цен и государственных займов, ликвидирован фонд директора, централизованный ежегодный пересмотр норм выработки, система отраслевого управления, «огосударствлена» промкооперация.

В условиях снижения налогового пресса «заинтересованность» крестьян в работе на колхозных полях закономерно упала, а рыночные цены устремились вверх. Пришлось применять административный ресурс. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» ставило размер приусадебного участка в зависимость от количества колхозников в семье[25].

Постановление Совета Министров СССР от 27 августа 1956 г. «О мерах борьбы с расходованием из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» требовало запретить кормить скот продовольственными продуктами, покупаемыми в государственных и кооперативных магазинах[26]. Учитывая то, что корма для откорма скота купить было нельзя, вышедшее постановление выводило за рамки легальности этот источник продовольствия для советских граждан. Лидер партии видел выход в полном уничтожении личного подсобного хозяйства[27].

Важной составляющей директивой централизованной экономики был запрос на высокий профессионализм управленцев, организаторские таланты и экспертный уровень квалификации которых давали возможность системе делать верный выбор. Г.И. Ханин обращает внимание на вытеснение в ходе партийной борьбы целых команд управленцев, ориентировавшихся на попавшего в «опалу» партийного лидера[28]. Потеря высококлассных специалистов, разбиравшихся в особенностях функционирования сложных хозяйственных механизмов «сталинской» модели, усугубляла неверные решения руководителей государства.

Результатом «хрущевского» реформирования стало усиление диспропорций в экономике и, как следствие, замедление научно-технического прогресса. В то время как ключевые проблемы «сталинской» модели, мешавшие развитию народного хозяйства страны, решить не удалось.

Неутешительные результаты «великого десятилетия» во внутренней и внешней политике привели к смене команды на властном «Олимпе». Поиск хозяйственного механизма, способного обеспечить отечественную модернизацию в контексте разворачивавшейся во всем мире научно-технической революции, встал в число приоритетов нового руководства страны.

Следующая попытка выйти на сбалансированное развитие народного хозяйства, одновременно обеспечивающее и накопление, и потребление, была осуществлена в рамках хозяйственной реформы 1965 г. В ее основу легла концепция, предложенная харьковским профессором Е.Г. Либерманом[29].

---

[25] Известия. 1956. 10 марта.

[26] Сборник постановлений Совета Министров СССР за 1956 г. Т. 2. Л. 143–145.

[27] Интересную точку зрения высказал по этому вопросу В.А. Ильиных. Он считает, что под руководством Хрущева была проведена организационно-хозяйственная перестройка сельского хозяйства, которая привела к формированию новой модели аграрного строя страны. И связана эта перестройка была в первую очередь с тем, что «сталинскую» модель Хрущев воспринимал как отступление от идеальной социалистической модели (*Ильиных В.А.* Программа Н.С. Хрущева по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М., 2016. С. 334).

[28] *Ханин Г.И.* 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11. С. 85.

[29] *Либерман Е.Г.* План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

Много лет занимаясь поиском механизмов, способных повысить эффективность хозяйствования, Евсей Григорьевич предложил делегировать составление плана трудовому коллективу предприятия, ограничив его лишь директивным заданием по выпуску нужного народному хозяйству объема продукции в номенклатуре. Опытный экономист Е.Г. Либерман помнил о существовавшем механизме «фонд директора», заинтересовавшем трудовой коллектив в борьбе за повышение рентабельности своего предприятия. С его помощью он считал возможным компенсировать стремление получить «легкое» задание, утаить ресурсы от Центра и т.п.[30] Проблема внедрения инноваций решалась Либерманом надбавкой к оптовой цене, способной окупить затраты, связанные с освоением новой продукции. При этом обязательным условием выступало требование – у всех форм поощрения должен быть лишь один источник: отчисления от прибыли, заработанной трудовым коллективом. Штрафы – хозрасчетные денежные санкции – также должны были выплачиваться из этих же отчислений. Таким способом обеспечивалась взаимозависимость интересов индивида и всего трудового коллектива, мотивируя всех его членов – от подсобного рабочего до директора бороться за рост прибыли.

Директивный Центр, переводящий на язык плановых расчетов дорожную карту к «флажкам», расставленным программой КПСС, спускал контрольные цифры совнархозам. На региональные органы управления возлагалась задача складывания в общий «пазл» указанных сверху целей и прогнозируемых снизу путей их достижения. Совнархозы должны были, по мнению Либермана, контролировать выполнение получившейся в итоге производственной программы[31].

Таким образом, в «харьковской системе» – как окрестили концепцию Е.Г Либермана в ходе многочисленных дискуссий на страницах специализированной и популярной прессы, речь шла уже о преодолении парадигмы «государства – единой фабрики» и переходе от нее к «государству – корпорации», в котором «филиалы» принимают самостоятельные решения, отчитываясь перед Центром ростом прибыли.

Предложенные новации вызвали острую критику «сталинских» экономистов[32]. По их мнению, проблему информационного «перегруза» Центра «харьковская система» решить не может: возникнут нестыковки с планированием чистого дохода, финансов, распределением и перераспределением национального дохода. Кроме того, концепция украинского ученого недостаточно продумана. Так, в ее рамках невозможно обеспечить соответствие объема нецентрализованных капитальных вложений материальным ресурсам, если инвестиции будут в распоряжении хозяйствующих субъектов[33].

Вместе с тем замена оценочного показателя «снижение себестоимости» на «рентабельность» снизит эффективность работы хозяйственного механизма, замена фондирования торговлей нереализуема из-за дефицита резервов по многим важнейшим материалам[34]. Более того, чрезмерная актуализация принципа материальной заинтересованности вообще несовме-

[30] Предприятию полагались отчисления от прибыли с процента рентабельности, указанного в техпромфинплане. Если выполнить план трудовой коллектив не сможет – поощрение будет рассчитано согласно шкале по достигнутому показателю. Но если план удастся перевыполнить – поощрение возрастет. Таким образом, по мнению Либермана, скрывать ресурсы будет незачем, а занижать задание – невыгодно. Нормативная шкала отчислений от прибыли должна быть разработана по отраслям для однородных групп предприятий и обязательно устанавливаться на длительный срок (*Либерман Е.Г.* Планирование производства и нормативы длительного действия // Вопросы экономики. 1962. № 8. С. 104).

[31] Там же. С. 109.

[32] Например, легендарного министра финансов А.Г. Зверева, в 1962 г. занимавшего скромную должность старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР. Также острую критику «харьковская система» получила со стороны опытного плановика Г.П. Косяченко, участвовавшего в подготовке Московского экономического совещания 1952 г. и входившего в число экспертов, готовивших перевод рубля на золотое содержание в 1950 г. С 1960 г. он возглавлял Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов СССР. Разделял их оценки и К.Н. Плотников – заместитель министра финансов СССР с 1949 по 1953 г., с 1959 по 1965 г. – директор Института экономики Академии наук СССР и др.

[33] Экономическая газета. 1962. 3 нояб.

[34] Там же. 3 нояб. С. 42.

стима с целью развития советского общества – строительством коммунизма[35]. Доводы лагеря «консерваторов» можно свести к тезису: «лекарство», предложенное Е.Г. Либерманом, опаснее самой «болезни».

Были у «харьковской» модели и последовательные сторонники. К таковым можно отнести В.С. Немчинова, А.М. Бирмана, Н.Я. Петракова и др. Они доказывали, что возведение в ранг оценочных показателей рентабельности и прибыли может стать «противоядием» от волюнтаризма плановых заданий; требованиям закона стоимости – как самого эффективного регулятора – необходимо подчинить отраслевую структуру и ценовую политику; директорский корпус должен получить возможность самостоятельно решать, как «лучше хозяйствовать»[36].

Попытка убрать противоречия «харьковской системы» (признаваемой и ими) вела ее сторонников к пониманию несовместимости предложений Е.Г. Либермана со «сталинской» моделью.

Выбор парадигмы экономической модели модернизационного рывка оставался за руководством страны и партии. Позволяет понять их решения оценка Ю.В. Аксютина, по мнению которого советские лидеры были державниками и коммунистами[37]. Решение стоящей перед ними задачи требовало смены геополитических приоритетов и ревизии идеологии. Ни к тому, ни к другому правящая элита еще не была готова. Следовательно, их закономерным выбором стала позиция «скрестить ужа и ежа» – дополнив «сталинскую» модель «харьковской системой», повысить эффективность советской экономики.

Найденный «компромисс» оказался фатальным для судьбы «советского проекта». Несовместимость парадигм «сталинской» модели и «харьковской системы» сформировала противоречивость концепции «косыгинской» реформы. Деформированные хозяйственные механизмы лишь усугубляли принципиальные проблемы системы, сформировавшейся в условиях индустриального рывка под задачи данного этапа развития страны. Роль лидера в биполярном мире не позволяла в требуемой мере увеличить финансирование отраслей, отвечающих за рост уровня жизни граждан СССР. Стремление к выполнению обещаний неуклонного повышения благосостояния советского народа без кардинального роста эффективности хозяйственного механизма вело к падению темпов отечественной модернизации, а рост платежеспособного спроса, не обеспеченный товарным покрытием, активизировал теневую экономику.

Если новации, внесенные в «сталинскую» модель в «великое» десятилетие, деформировали ее механизмы, то «косыгинская» реформа переводила противоречия еще глубже – на уровень парадигмы, находившейся в сердцевине экономической системы.

Таким образом, вернувшись к дискуссии о роли советской экономической модели в процессе распада СССР, можно через призму анализа «косыгинской» реформы попытаться ответить на сформулированные в начале статьи вопросы.

Директивное планирование – лишь инструмент, требующий умелого применения. Именно с его помощью были решены задачи модернизационного рывка и восстановления народного хозяйства страны в кратчайшие сроки в условиях ограниченных ресурсов. Программа партии устанавливала цели, плановые задание выполняли лишь роль дорожной карты к обозначенным рубежам. Если «сталинская» долгосрочная стратегия разворачивала страну на интенсивный путь развития, то внесенные в нее корректировки «переводили» народное хозяйство на экстенсивный режим. Высокая социальная цена достижений, нарастание противоречий между качеством, скоростью обработки информации и сложностью системы, проблемы внедрения инноваций в контексте запроса на достижение уровня развития, позволяющего одновременное накопление и потребление, – все это делало реформирование «сталинской» модели закономерным. Но созданная в ходе практического

[35] *Русанов Е.* О главном показателе работы предприятия // Вопросы экономики. 1962. № 10. С. 130.

[36] *Немчинов В.С.* Плановое задание и материальное стимулирование // Правда. 1962. 21 сент; *Петраков Н.Я.* Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. С. 37; Экономическая газета. 1962. 3 нояб.

[37] *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 82.

поиска «сталинская» модель не была осмыслена современниками в должной мере. Одной из причин этого стало отсутствие развитой теории политической экономии социализма. «Мозговой штурм», направленный на ликвидацию данной лакуны, интенсивно шел все послевоенное десятилетие. Причем его инициировал, контролировал и обобщал лично И.В. Сталин. Новым руководством страны он не был продолжен. Жесткие рамки, в которые было заключено гуманитарное знание, не позволили продолжить работу по осмыслению особенностей развития экономики в специфических условиях, сложившихся в СССР, без патронажа высших государственных деятелей страны. Пожалуй, именно это, а не директивное планирование, стало фатальным обстоятельством для поиска новых механизмов, повышающих эффективность «сталинской» модели, или для замены ее непротиворечивой альтернативной системой.

Анализ «хрущевского» десятилетия и «косыгинской» реформы не дает оснований для выводов о принципиальной нереформируемости советской экономической модели. Скорее наоборот, свидетельствует о высокой степени корреляции ее развития с вносимыми новациями.

Концепция «государства-фабрики», формировавшая единый народно-хозяйственный комплекс, «прошивала» СССР экономическими нитями. Переход к территориальной системе управления ослаблял эту тенденцию. Возвращение к отраслевой структуре «работало» на государственное единство. В то же время следствием нарастания негативных тенденций в экономике, запущенных неумелым реформированием, стало формирование элиты, стремящейся обменять власть на собственность. Переход от директивного планирования к рыночной экономике зависел в первую очередь от политической воли Центра, экономические факторы играли в этом вопросе лишь второстепенную роль.

Литература

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 621 с.

Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 256 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с.

Бухерт В.Г. Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами // Исторический архив. 2012. № 4. С. 6–13.

Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.

Денежная реформа в СССР 1947 года: док-ты и мат-лы / сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 791 с.

Журавлев В.В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 4: 1917–1991 гг. С. 663–671.

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «…Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономии // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Нельзя “преобразовывать” законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И.В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77; № 3. С. 3–20.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М., 2015. С. 443–450.

Ильиных В.А. Программа Н.С. Хрущева по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2016. С. 330–339.

Кара-Мурза С.Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Алгоритм, 2016. 446 с.

Лазарева Л.Н. Осмысление итогов победы: формирование стратегии и тактики послевоенного развития страны // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2021. С. 648–662.

Либерман Е.Г. Планирование производства и нормативы длительного действия // Вопросы экономики. 1962. № 8. С. 101–110.

Маленков Г.М. Речь на собрании избирателей Ленинградского округа Москвы 12 марта 1954 года. М.: Госполитиздат, 1954. 18 с.

Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). 5 октября 1952 г. М.: Правда, 1952. 88 с.

Мерль Ш. Революция и политическая экономия, 1917–1929 годы: переход от планового управления хозяйством и обществом к сталинской командной экономике // Экономисты о революции 1917 года: сб. ст. М.: Дело РАНХиГС, 2021. С. 303–349.

Пасс А.А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 151–162.

Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. 126 с.

Политическая экономия: учебник / под ред. К.В. Островитянова. М., 1954. 455 с.

Русанов Е. О главном показателе работы предприятия // Вопросы экономики. 1962. № 10. С. 130.

Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: док-ты и мат-лы / сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.): моногр. / под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М.: КноРус, 2018. 352 с.

Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11. С. 166–170.

Ханин Г.И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? Серия статей // Свободная мысль. 2003. № 7–12.

Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У. Вторая пятилетка. Механизмы смены экономической политики // Российская история. 1994. № 3. С. 92–108.

References

Aksyutin, Yu.V. (2010). *Khrushchevskaya “ottepel’” i obshchestvennye nastroeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev’s “Thaw” and Public Sentiment in the USSR in 1953–1964]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsina”. 621 p.

Artemov, Ye.T. (2006). *Nauchno-tekhnicheskaya politika khrushchevskogo desyatiletiya: zigzagi reform* [Scientific and Technical Policy of the Khrushchev Decade: Zigzags of Reforms]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 256 p.

Bokarev, Yu.P. (2007). *SSSR i stanovlenie postindustrial’nogo obshchestva na Zapade. 1970–1980-e gody* [USSR and Formation of Western Post-Industrial Society in 1970s–1980s]. Moscow, Nauka. 380 p.

Bukhert, V.G. (2012). Besedy I.V. Stalina s uchenymi-ekonomistami [Conversations of I.V. Stalin with Economists]. In *Istoricheskiy arhiv*. No. 4, pp. 6–13.

Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K., Okulov, M.O. (2021). *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu* [Growth Crystal to Russian Economic Miracle]. Moscow, Nashe Zavtra. 360 p.

Il'inykh, V.A. (2015). Lichnoe priusadebnoe khozyaystvo sel'skogo naseleniya Sibiri v 1945–1953 gg.: politika gosudarstvennogo regulirovaniya, dinamika [Personal Household Plots of Rural Population of Siberia in 1945–1953: State Regulation, Dynamics]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshhestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: mat-ly VII Mezhdunar. nauch. konf. (Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.).* Moscow, pp. 443–450.

Il'inykh, V.A. (2016). Programma N.S. Khrushcheva po reformirovaniyu agrarnogo stroya: doktrinal'nye osnovaniya, soderzhanie, realizatsiya [Program of N.S. Khrushchev on Reforming Agrarian System: Doctrinal Foundations, Content, Implementation]. In *Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetskoy i postsovetskoy istorii: mat-ly VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2015 g.).* Moscow, pp. 330–339.

Izyumova, L.V. (2020). Organizatsiya natural'no-produktovykh povinnostey kolkhoznogo krest'yanstva v 1930–1950-e gg. (po materialam Vologodskoy oblasti) [Organization of Natural Food Duties of Collective Farm Peasantry in 1930–1950s (Based on Materials of Vologda Region)]. In *1929: "Velikiy perelom" i ego posledstviya: mat-ly XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. (Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2018 g.*). Moscow, pp. 268–275.

Kara-Murza, S.G. (2016). *Krakh SSSR. Kto vinovat* [The Collapse of the USSR. Who is Guilty]. Moscow, Algoritm. 446 p.

Khanin, G.I. (2001). 50-e gody – desyatiletie triumfa sovetskoy ekonomiki [The 1950s – Decade of Soviet Economy Triumph]. In *EKO*. No. 11, pp. 166–170.

Khanin, G.I. (2003). Sovetskoe ekonomicheskoe chudo: mif ili real'nost'? [Soviet Economic Miracle: Myth or Reality?]. In *Svobodnaya mysl'*. No. 7–12.

Khlevnyuk, O.V., Davis, R.U. (1994). Vtoraya pyatiletka. Mekhanizmy smeny ekonomicheskoy politiki [Second Five-Year Plan. Mechanisms for Changing Economic Policy]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 92–108.

Lazareva, L.N. (2021). Osmyslenie itogov pobedy: formirovanie strategii i taktiki poslevoennogo razvitiya strany [Comprehension of Victory Results: Formation of Strategy and Tactics of Post-War Development of the State]. In *Puti k Pobede. Chelovek, obshhestvo, gosudarstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: mat-ly XIII Mezhdunar. konf. (Ekaterinburg, 21–24 iyunya 2021 g.).* Moscow, pp. 648–662.

Liberman, Ye.G. (1962). Planirovanie proizvodstva i normativy dlitel'nogo deystviya [Production Planning and Long-Term Regulations]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 8, pp. 101–110.

Malenkov, G.M. (1954). *Rech' na sobranii izbirateley Leningradskogo okruga Moskvy 12 marta 1954 goda* [Speech at the Meeting of Voters of Leningrad District of Moscow on March 12, 1954]. Moscow, Gospolitizdat. 18 p.

Malenkov, G.M. (1952). *Otchetnyy doklad XIX s'yezdu partii o rabote Tsentral'nogo Komiteta VKP(b). 5 oktyabrya 1952* [Report to 19th Party Congress on the Work of Central Committee of CPSU (b). October 5, 1952]. Moscow, Pravda. 88 p.

Merl, Sh. (2021). Revolyutsiya i politicheskaya ekonomiya, 1917–1929 gody: perehod ot planovogo upravleniya hozyaystvom i obshhestvom k stalinskoy komandnoy ekonomike [Revolution and Political Economy, 1917–1929: Transition from Planned Management of Economy and Society to Stalinist Command Economy]. In *Ekonomisty o revolyutsii 1917 goda*. Moscow, pp. 303–349.

Nureev, R.M., Latov, Ju.V. (Eds.). (2018). *Upushchennyy shans ili posledniy klapan? (k 50-letiyu kosyginskikh reform 1965 g.)* [Missed Chance or Last Valve? (To the 50th Anniversary of Kosygin Reforms of 1965)]. Moscow, KNORUS. 352 p.

Ostrovityanov, K.V. (Ed.). (1954). *Politicheskaya ekonomiya: uchebnik* [Political Economy: Textbook]. Moscow, Gospolitizdat. 455 p.

Pass, A.A. (2019). Organizatsionnaya struktura kooperativnogo "biznesa" v SSSR (1950-e gg.) [Organizational Structure of Cooperative "Business" in USSR (1950s)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 438, pp. 151–162.

Petrakov, N.YA. (1966). *Nekotorye aspekty diskussii ob ekonomicheskikh metodakh khozyaystvovaniya* [Some Aspects of Discussion about Economic Methods of Managing]. Moscow, Ekonomika. 126 p.

Rusanov, E. (1962). O glavnom pokazatele raboty predpriyatiya [On Main Indicator of Enterprise]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 10, pp. 130.

Zhuravlev, V.V. (2016). Dikhotomiya reform i revolyutsiy v protsessakh modernizatsii Rossii (nekotorye itogovye suzhdeniya) [Dichotomy of Reforms and Revolutions in the Processes of Modernization in Russia (Some Final Judgments)]. In *Reformy v Rossii s drevneyshih vremen do kontsa XX v.* Moscow. Vol. 4: 1917–1991, pp. 663–671.

Zhuravlev, V.V., Lazareva, L.N. (2014). "…Nuzhno podnyat' uroven' ekonomicheskikh znaniy". Stalinskaya metoda sozdaniya uchebnika politicheskoy ekonomii ["...We Need to Raise the Level of Economic Knowledge". Stalinist Method of Creating a Textbook of Political Economy]. In *Rodina*. No. 3, pp. 54–61.

Zhuravlev, V.V., Lazareva, L.N. (2013). "Nel'zya "Preobrazovyvat'" Zakony". Ekonomicheskaya Diskussiya 1951 g. v otsenke I.V. Stalina ["You Can't "Transform" Laws". Economic Discussion of 1951 in Assessment of I.V. Stalin]. In *Istoricheskiy arhiv*. No. 2, pp. 45–77; No. 3, pp. 3–20.

Zubkova, Ye.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.

А.А. Гужаловский*

ДЕФИЦИТ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В БЕЛОРУССКОЙ ССР НА ФОНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ 1950-Х – СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-4
УДК 94:338(476)"1953/1964"

Выходные данные для цитирования:
Гужаловский А.А. Дефицит и теневая экономика в Белорусской ССР на фоне экономических реформ середины 1950-х – середины 1960-х годов // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 45–57. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-04.pdf

A.A. Guzhalovsky*

DEFICIT AND SHADOW ECONOMY IN SOVIET BELARUS ON THE BACKGROUND OF ECONOMIC REFORMS OF THE MIDDLE 1950S – MIDDLE 1960S

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-4

How to cite:
Guzhalovsky A.A. Deficit and Shadow Economy in Soviet Belarus on the Background of Economic Reforms of the Middle 1950s – Middle 1960s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 45–57. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-04.pdf]

Abstract. As a result of Khrushchev rejection of authoritarian rule, the desire for enrichment which had previously been repressively suppressed began to gain strength in the Byelorussian SSR. The growth of wages throughout the country, began to outstrip the growth of its productivity, and the shortage of goods and services became one of the main reasons for the decrease in the effectiveness of the material incentive system. In order to reverse this trend, the authorities made significant efforts to limit the population's desire for consumption and income growth rates, increase the role of moral incentives for labor, withdrawal of 'surplus' money from the population, and persecute 'unearned income'. These measures were in conflict with the policy aimed at increasing the welfare of the population. One of the consequence of the growing needs of the population, as well as the emergence of the phenomenon of Soviet consumerism in the era of Khrushchev's 'thaw' became the phenomenon of deficit. Periodicals as well as documents from the National Archives of the Republic of Belarus have made it possible to identify groups of consumer goods, food products, as well as types of services, the shortage of which provoced the sharp criticism of consumers. The author also made an attempt to reconstract the development of the black market which was a byproduct of the economic experiments of the Khrushchev's era Soviet leadership. Illegal economic activity was not only a tool of personal enrichment of the first captains of the Soviet Belarus underground economy and numerous ordinary salesmen, but also a form of protest against the existing egalitarian wage system.

Keywords: economic reforms, deficit, shadow economy, consumer goods, household service, Byelorussian SSR.

The article has been received by the editor on 25.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. После прихода к власти Н.С. Хрущева, отказавшегося от методов авторитарного правления, в Белорусской ССР начало набирать силу стремление к повышению материального благосостояния, ранее репрессивно ограничиваемое властью. Рост оплаты труда в республике, как и во всей стране, стал опережать рост его

* **Александр Александрович Гужаловский,** доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, e-mail: huzhalouski@gmail.com
Aleksandr Alexandrovich Guzhalovsky, Doctor of History Sciences, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: huzhalouski@gmail.com

производительности, а дефицит товаров и услуг стал одной из главных причин снижения эффективности системы материального стимулирования. Для того чтобы переломить данную тенденцию, власть прикладывала значительные усилия к ограничению стремления населения к потреблению и темпов роста доходов, повышению роли морального стимулирования труда, борьбе с «излишками» денег у населения, преследованию за «нетрудовые доходы». Эти меры входили в противоречие с политикой, направленной на рост благосостояния населения. Следствием роста потребностей населения, возникновения советского потребительства в эпоху хрущевской «оттепели» стал феномен дефицита. Материалы периодической печати, а также документы Национального архива Республики Беларусь позволили выявить группы товаров народного потребления, продукты питания, а также виды бытового обслуживания населения, дефицит которых вызывал наибольшие нарекания со стороны потребителей. Автором сделана попытка также показать развитие теневого рынка на фоне экономических экспериментов советского руководства. Нелегальная экономическая деятельность являлась не только средством личного обогащения первых «цеховиков» и многочисленных торговых работников, но и формой протеста против существовавшей уравнительной системы оплаты труда.

Ключевые слова: экономические реформы, дефицит, теневая экономика, товары народного потребления, служба быта, Белорусская ССР.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022

1950–1960-е гг. считаются наиболее успешным периодом в развитии советской экономики с точки зрения экономического роста и эффективности производства. Средние темпы экономического роста, составлявшие 6,6 % в 1950-е гг. и 5,3 % в 1960-е гг., были самыми высокими в советской истории. Национальный доход в 1960 г. увеличился по сравнению с 1945 г. в 5,2 раза, капитальные вложения – в 7 раз, производительность труда в промышленности – на 2,6 %, в сельском хозяйстве – в 3,4 раза, продукция промышленности – в 5,7, сельского хозяйства – в 2,64, розничный товарооборот – в 7,3 раза[1]. Отличительными чертами экономики СССР оставались высокая ресурсоемкость, милитаризация, большая доля отраслей сырьевого сектора и их первичной переработки. Однако по уровню производства товаров народного потребления СССР отставал не только от Запада, но и занимал последнее место даже среди социалистических стран. Инвестиции в эту сферу были недостаточными. Торговля развивалась по остаточному принципу.

Сразу после смерти Сталина наряду со снижением сельскохозяйственного налога и повышением закупочных цен на сельскохозяйственные продукты председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков попытался изменить пропорции в структуре производства в сторону расширения группы Б. Был взят курс на развитие социально ориентированных отраслей экономики – строительства, сельского хозяйства, легкой промышленности и производства товаров повседневного спроса.

На выступление Г.М. Маленкова на заседании Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г., в котором он говорил о необходимости повышения материального благосостояния советских людей, белорусское руководство откликнулось рядом постановлений. 21 декабря 1953 г. вышло совместное постановление Совета Министров БССР и ЦК КПБ «О мерах дальнейшего развития советской торговли в республике», 25 декабря 1953 г. – постановление бюро ЦК КПБ «Вопросы торговли в сельской местности», 29 декабря 1953 г. – постановление Совета Министров БССР «Об увеличении производства и улучшении качества мебели для продажи населению».

[1] *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 162.

Проверка Госторгинспекцией БССР работы 11 907 торговых предприятий республики за девять месяцев 1953 г. выявила нарушения в 6 963 из них (или в 58,4 %). Большинство выявленных нарушений были связаны с обманом покупателей – завышением цен, обвешиванием, обмером, обсчетом. Кроме того, продавцы прятали дефицитные товары, реализуя их по завышенным ценам или нужным людям. Многим покупателям не выдавали книгу жалоб и предложений. В кооперативной торговле чаще завышали цены, в государственной – чаще обвешивали[2]. Не лучше выглядел ассортимент товаров, особенно в сельских магазинах. Так, в Освейском районе Полоцкой области колхозники не имели возможности купить предметы первой необходимости – ведра, корыта, керосиновые лампы, обувь, пуговицы, махорку[3].

Вскоре критика условий жизни советского человека вышла за стены кабинетов начальников. На страницах газет стали появляться материалы, в которых осторожно говорили о низком качестве одежды, мебели, предметов интерьера отечественного производства[4]. О серьезных социальных проблемах, таких как неспособность государства обеспечить молодых матерей сетью яслей и детских садов, говорить публично было по-прежнему запрещено[5].

В 1955 г. Н.С. Хрущеву удалось свернуть курс Г.М. Маленкова на преимущественное развитие производства товаров народного потребления. По мнению нового советского лидера, повышение уровня жизни людей должны были обеспечить научно-технический прогресс, рост производительности труда, развитие стратегически важных отраслей. Так, ноябрьский (1958 г.) пленум ЦК КПСС, утвердив контрольные цифры развития народного хозяйства на 1959–1965 гг., определил рост валовой продукции промышленности БССР за семь лет в 1,8 раза. Предполагалось, что преобладающими темпами в республике будет развиваться тяжелая промышленность, особенно энергетика, машиностроение, производство строительных материалов, а также новые отрасли – химическая и электротехническая[6]. Одновременно с 1957 по 1961 г. номенклатура выпускаемой на предприятиях СНХ БССР военной техники расширилась более чем в 4 раза, а ее объем увеличился с 70 до 500 млн руб. (в ценах 1960 г.)[7].

При этом сохранялась официальная риторика о «постоянной заботе об улучшении благосостояния советского народа». Например, в соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 12 февраля 1960 г. «О снижении государственных розничных цен на отдельные товары народного потребления» с 1 марта снижались цены на товары, не пользующиеся спросом[8]. В то же время цены на новую продукцию, появившуюся согласно требованиям постановления Верховного Совета БССР от 11 июня 1964 г. «Об увеличении производства, расширении ассортимента и повышении качества товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями республики», были неоправданно завышены[9].

В реальной жизни руководство страны понимало повышение благосостояния народа прежде всего как рост номинальных денежных доходов населения, интенсивное развитие жилищного строительства, увеличение производства и улучшение качества продуктов питания. Роль товаров народного потребления в удовлетворении спроса населения рассматривалась как второстепенная. В Советской Белоруссии эта диспропорция ощущалась острее, чем в других союзных республиках. Так, в декабре 1959 г. первый секретарь ЦК КПБ

[2] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1140. Оп. 1. Д. 72. Л. 334.
[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 53. Д. 41. Л. 3.
[4] Літаратура і мастацтва. 1953. 29 жн.; 5 вер.
[5] На 1 января 1955 г. потребность в детских яслях в БССР была удовлетворена на 20 %, в садах – на 32 % (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 53. Д. 51. Л. 47 об.).
[6] Об итогах ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Доклад К.Т. Мазурова на собрании актива минской парторганизации 21 ноября 1958 г. // Советская Белоруссия. 1958. 23 нояб.
[7] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 556. Л. 209.
[8] Там же. Д. 531. Л. 92–94.
[9] Постановление Верховного Совета БССР «Об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями республики» // Знамя юности. 1964. 14 июня.

К.Т. Мазуров сообщил сотруднику Экономической комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР А.М. Левицкому, что «…душевое потребление основных товаров в республике значительно отстает от среднедушевого потребления по Союзу в целом»[10].

Во второй половине 1950-х гг. в условиях реформы управления промышленностью в форме совнархозов плановая экономика стала давать сбои. На фоне научно-технического прогресса быстро расширялся ассортимент выпускаемой продукции: стало невозможно планировать выпуск каждого изделия в штуках и килограммах. Госплан не мог предсказать состояние потребительского рынка. Ошибки в оценке спроса и предложения увеличились. Кроме того, административное давление на аграрный сектор привело к спаду сельскохозяйственного производства. Проблемы в планировании и перекосы в сельском хозяйстве привели к периодическому исчезновению даже предметов первой необходимости и основных продуктов питания. Наряду с инфляцией новую волну спроса на товары народного потребления вызвала денежная реформа 1961 г.

Либерализация общественно-политической жизни, ослабление цензуры позволили говорить о феномене дефицита публично со страниц республиканской печати. Например, главный товаровед Белкультторга М. Турецкий, критикуя Госплан БССР, так описывал ситуацию на потребительском рынке республики в 1959 г.: «По-прежнему не хватает пианино, телевизоров, школьных тетрадей и портфелей, детских колясок и игрушек, фарфоровой, фаянсовой и алюминиевой посуды, хозяйственных инструментов, скобяных изделий, электроплит, мясорубок. Не удовлетворяется потребность населения в холодильниках, газовых плитах и радиоприемниках. Пластмассовых изделий производится очень мало»[11].

В условиях плановой экономики белорусская швейная промышленность не обеспечивала население одеждой ни в необходимом количестве, ни надлежащего качества. На швейных фабриках БССР, где не было штатных должностей модельеров или дизайнеров одежды, шили в недостающих объемах и примитивно. Выпускать сложные серийные изделия на плохом оборудовании при отсутствии современных лекал было просто невозможно. В результате организации торговли браковали до 25 % швейных изделий Витебской фабрики «Флаг индустриализации», Бобруйской фабрики имени Дзержинского и Могилевской фабрики имени Володарского[12].

Купить готовую одежду в минских универмагах, не говоря уже об областных и тем более районных центрах, было непросто: «Даже универмаги в Минске не в состоянии предложить полный комплект костюмов. Можно купить рубашку, но не будет пиджака, можно найти нужный пиджак, но к нему не подобрать галстук, галстук будет, а хорошей рубашки не будет… Круг замыкается»[13]. Журналист так описал обстановку в магазине «Спорттовары» в Минске: «Юноши и девушки идут сюда сплошным потоком. Спрашивают, есть ли футболки, майки, спортивные туфли. Стандартный ответ “нет”, “продано”, “не бывает”»[14].

Между тем в Советской Белоруссии все больше и больше людей, особенно молодежи, говорило об эстетической функции одежды. Один из них, тщетно передвигаясь по столице в поисках детской одежды, задал вопрос: «Почему такое несоответствие между тем, что показывают в Доме моделей, и тем, что продается в магазинах?». И сам же ответил: «Дело в том, что посредник между ними – швейная фабрика»[15]. К разгадке причины нехватки качественной одежды приблизилась корреспондент «Советской Белоруссии» Н. Кононова, которая отмечала, что «…нить многих бед и трудностей предприятий ведет непосредственно в Совнархоз республики, к его управлению легкой промышленностью»[16].

[10] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 504. Л. 148.
[11] Советская Белоруссия. 1959. 19 нояб.
[12] Там же. 1965. 5 февр.
[13] Там же. 9 марта.
[14] Там же. 1962. 12 июня.
[15] Знамя юности. 1965. 18 мая.
[16] Советская Белоруссия. 1958. 9 апр.

Во второй половине 1950-х гг. «сталинский» ассортимент советского мебельного производства в виде панцирных кроватей, комодов, сервантов, табуреток и тумбочек артельного производства пополнился наборами для спален и залов «хрущевок». Более-менее качественные мебельные гарнитуры сразу стали дефицитом в БССР, за ними выстроились длинные очереди в Минске, отправлялись в Москву и Прибалтику. Продукция более ста мебельных предприятий Совнархоза БССР и местной промышленности, выпускавшаяся на морально устаревшем оборудовании, из некачественного сырья и с нарушением технологических процессов, не вызывала особого энтузиазма у потребителей. Положение не улучшала и деятельность опытно-конструкторского бюро мебели Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности БССР, отмеченного золотыми медалями на ВДНХ[17].

По словам современника, в Минске шла настоящая «охота» покупателей за нужной мебелью[18]. В 1961 г. один из «охотников», разозленный зря потраченным временем, оставил в книге отзывов главного мебельного магазина республики на проспекте Сталина следующую запись: «Товарищи мебельщики! Вы настолько ослепли, что не видите, что нужно народу?»[19]. Еще более скудный ассортимент мебели был в деревне, где часто нельзя было приобрести даже детскую кроватку[20].

Система общественного пассажирского транспорта в БССР была приоритетной. Власти старались поддерживать транспортную отрасль в хорошем состоянии, так как от этого прежде всего зависела своевременная доставка граждан на работу. Однако в условиях ускоренной урбанизации, мобильности населения на рубеже 1950–1960-х гг. возникло несоответствие спроса и предложения. Стал очевиден дефицит услуг городского пассажирского транспорта, а также их недостаточное качество.

В середине 1960-х гг. пятикилометровая поездка на автобусе от Минского вокзала до камвольного комбината занимала около двух часов. Половину этого времени приходилось проводить в ожидании на остановке, после чего машины брали штурмом. Аналогичным образом было организовано автобусное движение по маршрутам: Вокзал – Северный поселок, Южный – Молодежный поселки, Западный мост – Грушевский поселок и др. Часто, чтобы начать движение переполненного общественного транспорта, водители зажимали пассажиров автоматическими дверями[21]. В Могилеве автобусы ходили с интервалом в 20–40 минут, а в пересменку – с 14 до 16 часов – работа общественного транспорта полностью прекращалась[22].

В 1965 г. сотрудник Совнархоза БССР А. Кузовков сигнализировал первому секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову: «Общественный транспорт в Минске плохо обслуживает население. Утром и вечером трудно попасть в трамвай, автобус и троллейбус, не говоря уже о том, что ехать в это время по-человечески невозможно. Если вам посчастливится протиснуться в машину, вам не раз наступят на ноги, оторвут пуговицы и даже обругают»[23]. Анонимная форма другого обращения к первому секретарю позволила его автору быть более категоричным: «Перевозка минчан троллейбусами и автобусами не отвечает требованиям современной культуры. В салонах толкотня, после поездки костюм или пальто совершенно скомканные, туфли испачканы, словом, внешний вид советского человека испорчен. Вам, наверное, сложно это представить, ведь в служебных “Волгах” и “Чайках” таких явлений нет»[24].

Непросто приходилось белорусским автолюбителям, которых на первой волне массовой автомобилизации становилось все больше. Машин на всех желающих не хватало,

[17] Звязда. 1965. 19 сн.
[18] Советская Белоруссия. 1965. 13 нояб.
[19] Там же. 1961. 23 февр.
[20] Там же. 1965. 24 апр.
[21] Там же. 1958. 17 мая.
[22] Там же. 1956. 9 авг.
[23] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 149. Л. 209
[24] Там же. Л. 1.

очереди за ними растягивались на годы. Для предотвращения злоупотреблений (вроде продажи своего места спекулянтам) те, кто записался в очередь на машину, избирали комиссию и старосту. Переписывать очередь на члена семьи разрешалось не более одного раза при предъявлении доверенности или паспорта. Когда подходила очередь, гражданин должен был приобрести автомобиль, иначе полностью терял на него права. Не разрешалось владеть двумя автомобилями одновременно.

В этих условиях подержанные «Победы» и «Москвичи» на черном рынке стоили дороже новых. Цены на них колебались от 1,2 до 2 государственных, а наценка на самые престижные «Волги» достигала 2,5 номинала вне зависимости от пробега. Расширение черного рынка автомобилей привело к специальному постановлению Совета Министров СССР от 23 марта 1961 г. «О дополнительных мерах борьбы со спекуляцией автомобилями», согласно которому продажа подержанных автомобилей разрешалась только через комиссионные магазины. Вскоре после появления этого постановления Минский городской автомобильный трест разоблачил преступную группу, продававшую по спекулятивным ценам бывшие в употреблении государственные «Волги» и «Москвичи» в республики Закавказья[25].

На 1 января 1963 г. в БССР насчитывалось 11,6 тыс. автомобилей в частной собственности[26]. Одной из главных проблем их владельцев было отсутствие станций технического обслуживания, поэтому каждому автолюбителю приходилось осваивать специальность автослесаря. Это было непросто – в дефиците были практически все запчасти. По данным статистического управления БССР, на 1 января 1958 г. из-за отсутствия запчастей не могло функционировать около 15 % всего автопарка республики[27]. Например, был большой дефицит шин, которые автовладелец мог покупать раз в три года с соответствующей записью в техпаспорте[28]. Несмотря на то, что большая часть машин находилась в Минске, в городе действовали всего три заправки и одна мойка. Гараж был несбыточной мечтой большинства белорусских автомобилистов[29].

Еще одной мечтой, объединявшей тысячи белорусских семей, был домашний телефон, который до недавнего времени считался признаком принадлежности к партийной или советской номенклатуре. Ежегодное увеличение мощности городских телефонных станций не успевало за растущими потребностями населения. Несмотря на то, что с 1955 по 1964 г. телефонная сеть Минска увеличилась в 4 раза, дефицит телефонной связи не уменьшился[30]. Например, количество неудовлетворенных заявок на домашний телефон в 1961 г. достигло 6 тыс. В том же году Минск занимал 13-е место среди столиц союзных республик по количеству установленных телефонов (включая параллельные и спаренные) на 100 человек. Это отставание имело тенденцию к увеличению[31].

Общее отставание советской бытовой техники от мировых образцов не сказывалось на периодически возникающем на нее ажиотажном спросе. Объяснялось это просто: первые советские электрические стиральные машины и холодильники, телевизоры и радиоприемники выпускались в недостаточном количестве. Свои неудачные попытки стать телезрителем житель Могилева В. Полозов так описал в своем письме в газету «Звезда»: «Давно хотел купить телевизор. Решил однажды: буду занимать каждый день очередь в магазине. Как раз тогда более-менее свободное время выдалось. Ходил две недели, но так и не купил телевизор. Их много раз привозили, только они пропадали из магазина – продавцы продавали телевизоры своим знакомым»[32].

Такой же всплеск спроса наблюдался на грампластинки с песнями популярных эстрадных артистов. Главным дефицитом в столичном магазине «Грампластинки» были

[25] Советская Белоруссия. 1961. 6 апр.
[26] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 641. Л. 46
[27] Там же. Д. 490. Л. 96.
[28] Там же. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 461. Л. 300.
[29] Советская Белоруссия. 1964. 16 янв.
[30] Там же. 1965. 13 июня.
[31] Там же. 1961. 30 марта.
[32] Звязда. 1965. 16 лют.

записи в первую очередь зарубежных исполнителей. «Нас часто спрашивают о вещах, которые мы не в состоянии предложить», – дипломатично охарактеризовала отсутствие подобной музыкальной продукции продавщица А. Навроцкая[33].

Дефицит в потребительской сфере привел к увеличению разрыва между денежной массой и ее товарным обеспечением. Золото было более надежным средством вложения бумажных денег, чем сберегательная касса. Это сказалось на спросе на ювелирные изделия, который увеличивался с каждым годом. Об этом явлении журналисту рассказала продавщица магазина «Ювелирторг» в Витебске Н. Рогаженская: «Очень большой спрос на обручальные кольца, которых полгода нет в продаже. Все серьги с бриллиантами давно распроданы. Столовых серебряных наборов и белорусского хрусталя нет. Мало поступает изделий с чернью и эмалью»[34].

Одним из признаков дефицитной экономики было доминирование на рынке интересов производителя, когда покупатель был вынужден брать любой товар вне зависимости от его качества. Например, работница завода «Гомсельмаш» Н. Петряева в 1965 г. купила обувь Барановичской обувной фабрики за 24 рубля. Но после одной-двух прогулок по городу «шпильки» согнулись в «бараний рог». Надежда отправила туфли на фабрику с просьбой прислать новые или отремонтировать. Взамен она получила 5 рублей[35]. В 1963 г. в редакцию «Советской Белоруссии» пришло письмо минского школьника Саши Кузьмина следующего содержания: «Дорогие дяди! Я учусь в первом классе 76-й школы г. Минска. По письму я получил “тройку” за то, что чернила на страницах моей тетради расплываются. Пожалуйста, поставьте “двойку” директору Добрушской фабрики за такие плохие тетради»[36].

Руководство БССР понимало проблему низкого качества продукции многих предприятий республики. Периодически предпринимались попытки преодоления негативных последствий «рынка производителей», в том числе за счет публичной критики. В прессе сообщалось о недостатках мотоцикла М1М и велосипеда Б-114 производства Минского мотоциклетно-велосипедного завода[37], радиоприемника «Минск-58» производства Минского радиозавода имени Молотова[38], наручных часов «Заря» производства Минского часового завода[39]. Однако в конечном итоге выбор между количеством и качеством делался в пользу первого. Официальные сводки отражали в основном количественные показатели достижений белорусской промышленности, о чем свидетельствует выдержка из следующего документа ЦК КПСС: «В 1964 году промышленность Минска и Минской области дала сверхплановой продукции на сумму свыше 50 млн рублей, дополнительно изготовлено свыше 100 автомобилей, 1 000 мотоциклов, 10 000 велосипедов, 11 500 телевизоров, 270 тысяч пар обуви, 100 тысяч квадратных метров разных тканей и т.д.»[40].

После визита Хрущева в США в 1959 г. началась «кукурузная эпопея» – административное внедрение кукурузы без учета климатических условий и сельскохозяйственных традиций. Вместе с сокращением подсобных хозяйств, решением о выкупе скота у колхозников, а также административно-управленческим хаосом это поставило сельское хозяйство страны на грань кризиса. Спад сельскохозяйственного производства в начале 1960-х гг. ухудшил продовольственное обеспечение населения. На некоторые продукты, такие как мясо и масло, розничные цены значительно выросли. Начались перебои с поставкой в торговую сеть даже хлеба и хлебобулочных изделий.

Это вызвало волну жалоб летом и осенью 1962 г. Жители БССР писали партийному руководству, в правительство и центральные газеты: «Уже больше месяца стоят очереди за хлебом, и чтобы купить одну буханку, нужно потратить 7–8 часов. Население возмущено»;

[33] Советская Белоруссия. 1959. 12 сент.
[34] Там же. 1960. 31 марта.
[35] Чырвоная змена. 1965. 16 кастр.
[36] Советская Белоруссия. 1963. 6 апр.
[37] Там же. 1957. 22 нояб.
[38] Там же. 1958. 7 авг.
[39] Там же. 21 сент.
[40] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 526. Л. 391.

«Свободной продажи хлеба в Мстиславском районе нет. Продается только по списку. Подобным образом стали продавать крупы, макароны, лапшу. Списки составляют работники торговли. Своих они включают дважды под разными фамилиями. Честные работники с трудом получают один килограмм черного хлеба»; «Я учитель. У меня большая семья. В последнее время все чаще мы садимся за стол без хлеба. Вот уже два месяца жители всех окрестных городов и деревень едут в Быхов за хлебом. Но и в этот райцентр хлеб поступает с перебоями. Мука вообще исчезла из продажи. Возле хлебных магазинов большие очереди»[41].

Духовная пища была востребована не меньше, чем физиологическая. Объем реализуемой книжной продукции с каждым годом увеличивался. В 1958 г. в БССР было открыто 7 книжных магазинов, 80 киосков, 120 книготорговых столов, привлечено дополнительное количество книготорговцев. В Минске и областных центрах проводились книжные ярмарки. Чтобы удовлетворить повышенный спрос, Центральный книжный магазин столицы перешел на удлиненный график работы – он работал с 10 до 22 часов[42]. И все же неудовлетворенный спрос, особенно на иностранную классику, породил не только очереди, подписки, но и феномен воровства книг.

Важное место в формировании коммунистического образа жизни отводилось службе быта, на которую возлагались задачи общественного обслуживания материальных потребностей населения и, соответственно, сокращения труда в домашнем хозяйстве. Служба быта должна была освободить работников от малоэффективного домашнего труда и таким образом увеличить время отдыха, преодолеть противоречия между умственным и физическим трудом, уравнять жизненный уровень городского и сельского населения.

12 марта 1959 г. белорусское партийное и советское руководство продублировали принятое неделей ранее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению бытового обслуживания». Постановление предусматривало расширение сети мастерских по ремонту одежды, обуви, предметов культурно-бытового назначения, мебели, квартир, химчисток, парикмахерских, приемных пунктов. Особое внимание авторы постановления уделили селу. В 1959 г. в БССР планировалось открыть в системе производственной и потребительской кооперации, а также местной промышленности 785 мастерских по бытовому обслуживанию населения, в том числе 612 в сельской местности. На 1 июля 1959 г. была открыта 471 мастерская, в том числе 349 в сельской местности. Хуже дела обстояли в колхозах, где из запланированных на 1959 г. 650 мастерских было открыто только 26[43].

С 1960 г. в народно-хозяйственных планах республики начал фигурировать объем реализации бытовых услуг. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 августа 1962 г. «О дальнейшем совершенствовании бытового обслуживания» предусматривались государственные капитальные вложения в расширение и укрепление материально-технической базы службы быта. Вскоре предприятия бытового обслуживания, находившиеся в подчинении различных министерств и ведомств, были переданы в созданное Главное управление бытового обслуживания при Совете Министров БССР, преобразованное в 1966 г. в отдельное министерство.

Несмотря на усилия властей, служба быта не раз становилась объектом критики, фельетонов в газетах и даже громких судебных исков. Выступая 29 марта 1963 г. на первой сессии Верховного Совета БССР шестого созыва, председатель Совета Министров БССР Т.Я. Киселев укорял представителей отрасли: «План работ по бытовому обслуживанию населения выполнен на 94,1 % <…> на обувной фабрике, где директором тов. Касперович, в 1962 г. из-за некачественного исполнения 1 500 человек (или каждый 20-й) отказались от своих заказов <…>. В течение ряда лет поступали жалобы на плохую работу Витебской фабрики химчистки и окрашивания одежды. В мебельное ателье Минской фабрики им. Димитрова (директор т. Петрашевский) поступило за год около 100 жалоб на низкое качество, 145 человек вообще отказались от своих заказов»[44].

[41] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 608. Л. 40–41.
[42] Советская Белоруссия. 1958. 23 окт.
[43] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 503. Л. 281–282.
[44] Советская Белоруссия. 1963. 30 марта.

В минских ателье приходилось ждать исполнения заказа на пошив костюма или пальто до трех месяцев[45]. Срок ремонта обуви в столичных мастерских составлял 10–15 дней, что также не удовлетворяло многих клиентов[46]. Ремонт телевизоров в единственной в Минске мастерской был организован плохо[47].

Чтобы сделать прическу, брестчанкам приходилось стоять в очереди в будние дни около трех часов, а в выходные и праздники и того больше[48]. В единственной мастерской по ремонту обуви в Мозыре регулярно собиралась очередь на 7–8 часов[49]. Сотрудники единственного в Горках фотоателье выполняли заказы торопливо, неаккуратно, покупатели часто не узнавали себя на фотографиях[50].

Развитие туризма, в том числе международного, требовало модернизации гостиничного хозяйства БССР. В 1956 г. было построено 19 новых гостиниц, в том числе в Бресте, Витебске, Гомеле, Орше, Бобруйске и других городах. Сдали в эксплуатацию Вторую советскую гостиницу в Минске на 220 мест. Было начато проектирование гостиницы «Минск» на 400 мест[51]. В то же время сложились основные правила и принципы советского сервиса, получившего ироничное определение «ненавязчивый». Получить место в большинстве гостиниц для человека «с улицы» было нереально, а немногие получившие его счастливчики чувствовали пренебрежительное, в лучшем случае – равнодушное отношение к себе персонала.

Корреспондент газеты «Звязда» писал в 1956 г.: «Посетите гостиницы райцентров Толочин, Хойники, Сенно, Зельва или какие-нибудь другие. Неприятно переступать порог их помещений. Грязно, неуютно, зимой холодно. В Хойниках, например, считается допустимым не менять постельное белье после каждого клиента. Во многих гостиницах нет помещений для стирки, нет горячей воды. Интересно, посещают ли гостиницы хотя бы изредка председатели исполкомов райсоветов, знают ли они о безобразиях в подведомственных им учреждениях?»[52].

В письме Н.С. Хрущеву сотрудник московского Гипроавтопрома А.К. Крючков так описывал свои гостиничные приключения во время командировки в Советскую Белоруссию: «Свободных мест в гостинице “Беларусь” и других гостиницах Минска не было. Поэтому 12–15 путешественников ожидали наступления утра, сидя на стульях, а 5–6 человек легли спать на грязном полу в холле гостиницы. На наших глазах администрация гостиницы разместила в номерах народных депутатов, а нам отказали в койках, хотя бы до утра»[53].

Как следует из приведенных выше многочисленных примеров, экономика БССР даже в самый успешный период своего развития при отсутствии рыночного ценообразования оставалась, по меткому выражению Я. Корнаи, «экономикой дефицита»[54].

Стихийной реакцией населения на разбалансированность народного хозяйства была советская теневая экономика в виде приписок, разворовывания государственного имущества и спекуляции. Неудовлетворенный спрос при одновременном росте заработной платы был главным стимулом развития черных рынков товаров и услуг. Именно на них население БССР могло покупать необходимые товары и услуги, но по более высоким ценам. Таким образом, теневая экономика как бы сглаживала недостатки легальной советской экономики. Те, кто имел доступ к потребительским товарам, таким как продукты питания, одежда, запчасти и т.д., пользовались своим служебным положением и заполняли черные рынки.

[45] Советская Белоруссия. 1963. 17 мая.
[46] Чырвоная змена. 1967. 19 лют.
[47] Советская Белоруссия. 1963. 6 янв.
[48] Там же. 1965. 5 авг.
[49] Чырвоная змена. 1965. 3 лют.
[50] Советская Белоруссия. 1956. 19 авг.
[51] Звязда. 1956. 4 вер.
[52] Там же. 12 мая.
[53] НАРБ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 52240. Л. 106.
[54] *Корнаи Я.* Дефицит. М., 1990. С. 28.

Белорусская ССР стала одной из последних советских республик, установивших наказание за мелкую спекуляцию. 25 апреля 1957 г. Мингорисполком принял решение о наложении штрафа в размере 100 рублей за продажу товаров и продуктов в неположенных местах. Это касалось только минчан, что вызвало наплыв спекулянтов в Минск не только из белорусской глубинки, но и из прибалтийских республик, а также Украинской ССР. Ситуация изменилась после вступления в силу Уголовного кодекса БССР в 1961 г., статья 51 которого предусматривала за мелкую спекуляцию наложение штрафа в размере от 300 рублей до двух лет лишения свободы с конфискацией имущества[55].

Некоторые черные рынки образовывались стихийно на отдельных площадках, как, например, в районе Первого полиграфического переулка в Минске, где каждое воскресенье собиралось большое скопление людей. «Тут много постоянных продавцов, держащих в руках старые поношенные вещи, а под полой прячущих красивые шерстяные кофточки, модельные туфли, отрезы на платья, детали для велосипедов и радиоприемников»[56]. Другие черные рынки действовали на официальных площадках параллельно с городскими рынками, например в Гомеле, где спекулянты торговали сельскохозяйственной продукцией, закупленной у колхозников. Кроме того, на гомельском городском рынке можно было купить широкий ассортимент запрещенных товаров – от крестиков до порнооткрыток, там активно действовали «шарманщики» (аналог «наперсточников» того времени)[57].

По данным милиции, спекуляцией занимались представители различных социальных слоев белорусского общества. В 1956 г. несколько жителей с. Ново-Хороброво Оршанского района были осуждены на два и три года лишения свободы за продажу товаров, купленных в Москве и Риге, по спекулятивным ценам на Оршанском городском рынке[58]. В 1959 г. за спекуляцию была арестована безработная минчанка Т. Маринина, занимавшаяся перепродажей ковров, а также сотрудники отдела материально-технического обеспечения Минского тракторного завода М.А. Латоцкий и И.М. Щербач за перепродажу шифера. Примерно тогда же минские дружинники задержали школьника Захара Темкина за продажу редких марок[59]. Авторы нового Уголовного кодекса БССР 1961 г., частично гуманизировавшего уголовный процесс, оставили неизменными суровые наказания за правонарушения в сфере экономики.

Советские торговые работники были активными участниками черного рынка, многие из которых утаивали от покупателей и спекулировали дефицитными товарами. О масштабах этого явления свидетельствует тот факт, что в начале 1960-х гг. это открыто и подробно обсуждалось в СМИ[60]. К тому времени уже сложились неписаные законы и правила, по которым жили торговые работники, как, например, директор пинского горпродторга К.Н. Вячеславова, которая «брала без гроша, что душе угодно <…>, а продавцы смотрели на это словно загипнотизированные»[61].

Помимо спекулянтов, к решению проблемы хронического товарного дефицита подключились подпольные производители, известные как «цеховики». Первым вынесенным на публичное обсуждение случаем разоблачения белорусскими правоохранительными органами цеховиков стал арест в декабре 1957 г. «группы вильнюсских специалистов Спектора, Фельдмана и Пиллера». Приглашенные в 1955 г. отделом местной промышленности Мингорисполкома для организации производства дефицитных пластинок, они организовали подпольный «цех», который за два года нанес государству ущерб в размере более полумиллиона рублей[62].

В период «оттепели» многие жители БССР возобновили контакты с проживавшими за границей родственниками, а некоторым начали приходить посылки с Запада с одеждой,

[55] Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Минск, 1961. С. 55.
[56] Советская Белоруссия. 1961. 4 марта.
[57] Там же. 1957. 15 сент.
[58] Там же. 1956. 7 июля.
[59] Там же. 1959. 13 нояб.
[60] Там же. 1962. 29 сент.; Чырвоная змена. 1966. 16 кастр.; 1967. 9 ліп.
[61] Чырвоная змена. 1966. 2 сак.
[62] Звязда. 1958. 7 вер.

обувью, бытовыми товарами. Часть этих подарков также обогатила белорусский черный рынок. Например, С.Л. Добрина из Минска всего за пять месяцев 1963 г. сдала в комиссионные магазины товаров американского производства по 77 квитанциям на 1 637 рублей. Еще одна спекулянтка американскими посылочными товарами Р.А. Дударева из Минска имела от этой незаконной деятельности несколько сотен рублей в месяц. В Бресте «посылочным» бизнесом занимались супруги Панасюк и некий Г. Кулич[63].

Вторым по значимости источником западных товаров на черном рынке Беларуси была фарцовка. Скупкой у иностранцев одежды, косметики, грампластинок и перепродажей их своим соотечественникам занимались молодые люди, а также персонал, обслуживавший иностранных туристов – гиды-переводчики, таксисты, проститутки. В середине 1960-х гг. одной из наиболее влиятельных фигур этого теневого бизнеса в Минске был 28-летний студент Белорусского политехнического института И. Хромов, чей ежемесячный оборот составлял несколько тысяч рублей[64].

С особой изобретательностью действовал 17-летний Валерий Шнейдерман из Минска. Представившись гидом «Интуриста», он встречал иностранцев на вокзале, устраивал их в гостиницу, приглашал в кино и на обед, за что взымал плату валютой. У него также были «адреса легкомысленных женщин, ампулы с наркотиками и расписание западных радиостанций»[65].

Некоторые иностранцы, приехав и узнав о низком курсе, сами предлагали на черном рынке дефицитные в БССР товары. Часто это делалось вопреки постановлению Совета Министров СССР от 7 июня 1956 г., которое запрещало принимать в комиссионные магазины и пункты скупки товары у иностранцев. Например, проверка комиссионных магазинов Минска в начале 1965 г. показала, что там было продано товаров представителей социалистических стран на сумму 20 924 рубля[66].

Постановлением Совета Министров СССР от 20 ноября 1953 г. были отменены существовавшие нормы провоза вещей через советскую границу в расчете на одного человека. Право решать, сколько вещей можно перевезти, было предоставлено начальникам таможни, которые руководствовались в каждом случае «разумной нормой». Этим сразу же воспользовались граждане Польской Народной Республики, приезжавшие в БССР в основном по приглашению родственников. Например, при тотальной проверке въезжавших в БССР польских граждан, организованной брестскими таможенниками в первой декаде февраля 1956 г., было отобрано: 1 859 отрезов на пальто, 1 660 отрезов на костюмы, 2 663 отреза на платья, 1 238 вязаных жакетов, 4 488 отрезов на женские костюмы, 4 488 женских костюмов, 950 плюшевых покрывал[67]. О масштабах польской контрабанды, главным образом в западной части республики, свидетельствуют также следующие цифры: за первые десять месяцев 1956 г. брестскими таможенниками было задержано товаров на 1 320 218 руб. и конфисковано 451 654 руб. в качестве контрабанды[68]. Несмотря на все усилия таможенников, проверявших около 50 % путешественников, на белорусский черный рынок попадало большое количество польской одежды и товаров народного потребления. Их привозили более 1 300 гостей, ежедневно пересекавших советско-польскую границу в Бресте. Польские контрабандисты не смогли бы действовать без активной поддержки местного населения. В первой половине 1956 г. милиция Брестской области возбудила 48 уголовных дел в отношении 73 граждан, которые торговали польскими товарами на рынках, сдавали их в комиссионные магазины, помогали польским гостям покупать дефицитные мотоциклы, радиоприемники, фотоаппараты и пр.[69]

[63] Советская Белоруссия. 1965. 11 февр.
[64] Чырвоная змена. 1966. 19 ліп.
[65] Знамя юности. 1963. 4 дек.
[66] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 684. Л. 20.
[67] Там же. Д. 450. Л. 538.
[68] Там же. Д. 467. Л. 423–425.
[69] НАРБ. Ф. П-4. Оп. 62. Д. 450. Л. 543.

Во второй половине 1950-х гг. в условиях интенсификации международных обменов в БССР возник черный валютный рынок. Это явление, с одной стороны, было вызвано низким курсом, по которому Государственный банк покупал иностранную валюту у иностранцев (по курсу 65 копеек за доллар США при его рыночной стоимости 8–10 рублей). С другой стороны, все большее число советских туристов и граждан, выезжающих за границу, было недовольно суммой (30 долларов), которую им разрешалось купить перед отъездом в Госбанке.

Дисбаланс спроса и предложения иностранной валюты породил новый вид преступной деятельности, которая вскоре приобрела организованный характер. Серьезная борьба с «валютными дельцами» началась в июле 1961 г. после выхода указа «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций» и расстрела крупнейшего в СССР валютного валютчика-фарцовщика, москвича Я.Т. Рокотова. Дело подпольной «фирмы Рокотова», оборот которой составлял 20 миллионов новых рублей, получило свое продолжение в ряде союзных республик, в том числе в БССР.

В июне 1962 г. Верховный суд БССР рассмотрел дело о «банде валютных дельцов», возглавляемой М.Я. Бурсаком, немолодым человеком, уже судимым за экономические преступления. Кроме него, на скамье подсудимых оказались 19 человек: заготовитель П. Палей, кочегар И. Мельничук, пенсионер Н. Фридман, инженер Х. Хигер, багажный раздатчик А. Рудич, сапожник М. Виленский, слесарь З. Мурох и др. КГБ БССР выяснил, что они создали широкую спекулятивную сеть, в которую входили партнеры из Риги, Каунаса, Кишинева, Вильнюса, Кутаиси, Львова, Ленинграда, Тбилиси, Бреста. Работа сети давала хорошую прибыль. На 42 сберкнижках М. Бурсака хранилось полмиллиона рублей. При задержании И. Мельничука у него были обнаружены валюта и золотые монеты на сумму более миллиона рублей[70]. У Н. Фридмана изъяли золотых вещей, которые он хранил в одной из клумб Минского железнодорожного вокзала, на сумму полмиллиона рублей. М. Бурсак, И. Мельничук, Г. Хигер и М. Виленский были приговорены судом к смертной казни, остальные – к различным срокам заключения[71].

После ликвидации подпольной группы М.Я. Бурсака в Минске основным местом незаконных валютных операций стал пограничный город Брест. В ноябре 1963 г. коллегия Брестского областного суда рассмотрела еще одно крупное дело о разоблаченных органами госбезопасности валютных дельцах. На скамье подсудимых оказались П.П. Мось, А.Р. Рахлей, В.Г. Кривченя, А.С. Борисовец, М.Ф. Власюк и Н.А. Амершин[72].

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. наряду с теневым рынком товаров в БССР возник черный рынок услуг. По масштабам теневой деятельности преобладали ремонтно-строительные услуги, ремонт и техническое обслуживание личного автотранспорта, рекреационные услуги, особенно аренда жилья в праздничные дни. Например, летом, в условиях нехватки мест в гостиницах и домах отдыха, жители Браслава, а также поселков Нарочь и Ждановичи предлагали «койки» по рыночным ценам[73]. Кроме того, в БССР существовало предложение теневых медицинских, юридических, образовательных (репетиторских), а также транспортных услуг.

Дефицит продуктов, товаров и услуг был следствием существования в СССР плановой негибкой экономики, которая порождала дефицит и лишала население свободы выбора. Анализируя уроки советского опыта, Л. фон Мизес писал: «Когда не существует рыночных цен на факторы производства, поскольку они не продаются и не покупаются, нельзя прибегнуть к калькуляциям для определения результатов прошлых действий или для планирования будущего. Управляющие социалистическим производством просто не в состоянии знать, в какой степени выбранные ими средства и методы соответствуют желаемым целям. Они будут править в темноте, как оно и происходит. Неизбежна расточительность в обращении с редкими ресурсами производства, как материальными, так и людскими. Хаос и всеобщая нищета являются неизбежным результатом»[74].

[70] Советская Белоруссия. 1962. 15 июня.
[71] Звязда. 1962. 20 чэрв.
[72] Советская Белоруссия. 1963. 29 нояб.
[73] Там же. 1961. 20 мая.
[74] *Мизес Л.* Социализм: экономический и социологический анализ. М., 2016. С. 371.

Парадоксальным образом дефицит в советском обществе в хрущевскую эпоху «оттепели» также был следствием роста потребностей населения, возникновения феномена советского потребительства. При относительно низких государственных ценах и быстро растущей заработной плате люди тратили свободное время на обеспечение семьи товарами и услугами первой необходимости, часто низкого качества. Различные социальные и профессиональные группы имели различный доступ к продуктам, товарам и услугам. В условиях дефицита к ним имели больший доступ работники торговли, легкой и пищевой промышленности, а также представители партийной и советской номенклатуры. В этих условиях активизировалась теневая экономика.

Литература

Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.

Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Социум, 2016. 584 с.

Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: Олма-пресс, 2002. 509 с.

References

Kornai, Ya. (1990). *Defitsit* [Deficit]. Moscow, Nauka. 607 p.

Mises, L. (2016). *Sotsializm: ekonomicheskiy i sotsiologicheskiy analiz* [Socialism: Economic and Sociological Analysis]. Moscow, Sotsium. 584 p.

Pyzhikov, A.V. (2002). *Hrushchevskaya “ottepel’”* [Khrushchev’s “Thaw”]. Moscow, Olma-press. 509 p.

С.Н. Андреенков*

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ НА ЭКОНОМИКУ СИБИРИ (1990-Е ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-5
УДК 94:338(57)"1991/2000"

Выходные данные для цитирования:
Андреенков С.Н. Влияние рыночных реформ на экономику Сибири (1990-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 58–71. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-05.pdf

S.N. Andreenkov*

THE IMPACT OF MARKET REFORMS ON THE SIBERIAN ECONOMY (1990S)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-5

How to cite:
Andreenkov S.N. The Impact of Market Reforms on the Siberian Economy (1990s) // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 58–71. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-05.pdf]

Abstract. The study objective is to reveal the effect of radical market reforms on the economy of Siberia, the features of its functioning under conditions of drastic restructuring of the country's social system in the 1990s. The research is intended to expand the factual base of the topic to prepare generalizing scientific and historical works on the regional economic history in the post-Soviet period, which are few nowadays. The goal is achieved by analyzing the results of privatization in the region, developing the market and small business here, consumer goods production, agriculture, fuel and energy complex, metallurgy and mining, forestry and wood processing, engineering, transport, foreign trade, regional finance. The author concludes that the forced transition to the market and multi-structural structure had an extremely negative impact on the economy of Siberia. Manufacturers of consumer goods, primarily food products, had the hardest time. The main agriculture branches degraded quickly. Engineering was in crisis. Some of its high-tech areas survived in the military-industrial complex, which was coming into recession. The transport system development in Siberia has slowed down. The volumes of cargo and passenger traffic decreased. Non-ferrous metal smelting, diamond, oil and gas mining enterprises avoided deep crisis. The industry had a pronounced raw material orientation. The fuel and energy complex continued playing a significant role. Siberian economy began to play a smaller peart in the country's economic system. A greater part of its resources was redistributed in favor of the western regions of Russia. The share of goods decreased and the portion of services rose in the structure of value added.

Keywords: economy of Siberia, market reforms of 1990s, privatization, industry, agriculture, trade.

The article has been received by the editor on 21.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Цель исследования – выявить влияние радикальных рыночных реформ на экономику Сибири, определить особенности ее функционирования в условиях кардинальной перестройки общественного строя страны в 1990-е гг. Исследование призвано расширить фактологическую базу темы для подготовки обобщающих научно-исторических трудов по экономической истории региона постсоветского периода. Цель достигается путем анализа итогов приватизации в регионе, развития здесь рынка и малого

* **Сергей Николаевич Андреенков,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru
Sergey Nikolaevich Andreenkov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

предпринимательства, производства потребительских товаров, сельского хозяйства, топливно-энергетического комплекса, металлургии и горнодобывающей промышленности, лесного хозяйства и переработки древесины, машиностроения, транспорта, внешней торговли, региональных финансов. Сделан вывод о том, что форсированный переход к рынку и многоукладности оказал крайне негативное влияние на экономику Сибири. Тяжелее всего пришлось производителям потребительских товаров, в первую очередь пищевой продукции. Быстро деградировали основные отрасли сельского хозяйства. В кризисе находилось машиностроение. Некоторые его наукоемкие направления сохранились в военно-промышленном комплексе, который пребывал в рецессии. Развитие транспортной системы Сибири замедлилось. Объемы перевозок грузов и пассажиров уменьшились. Глубокого кризиса удалось избежать предприятиям по выплавке цветных металлов, добыче алмазов, нефти и газа. Промышленность получила ярко выраженную сырьевую ориентацию. Важное место в экономике по-прежнему занимал топливно-энергетический комплекс. В хозяйственной системе страны Сибирь стала играть меньшую роль. Значительная часть ее ресурсов была перераспределена в пользу западных регионов России. В структуре добавленной стоимости понизилась доля товаров и выросла доля услуг.

Ключевые слова: экономика Сибири, рыночные реформы 1990-х гг., приватизация, промышленность, сельское хозяйство, торговля.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022

Введение. В 1990-е гг. социалистическое народное хозяйство было преобразовано в многоукладную рыночную экономику. Для верховной власти демократической России переход к ней стал единственным эффективным способом вывода страны из кризиса. Команда первого президента РФ полагала, что путь к рынку должен иметь не эволюционный, а революционный характер, представлять собой «шоковую терапию», предусматривавшую, в частности, немедленную приватизацию государственной собственности и либерализацию цен, призванных быстро поднять экономику и навсегда избавить население от товарного дефицита. Реформы привели к глубоким институциональным и структурным изменениям.

Цель настоящего исследования – выявить влияние рыночных реформ на экономику Сибири и определить особенности ее функционирования в условиях кардинальной перестройки общественного строя, что позволяет создать фактологический фундамент для подготовки обобщающих научно-исторических трудов по экономической истории региона постсоветского периода. Цель достигается путем анализа итогов приватизации в регионе, развития здесь рынка, малого предпринимательства и важнейших отраслей экономики. При подготовке статьи опорными для нас стали публикации Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук и Института истории Сибирского отделения Российской академии наук. При анализе экономических событий и процессов наряду с данными, извлеченными из научно-исследовательской литературы, использовались материалы официальных статистических справочников[1].

Итоги приватизации. Важнейшей составляющей ельцинских экономических реформ являлась приватизация государственной собственности, нацеленная на формирование широкого слоя собственников, создание конкурентной среды, повышение эффективности деятельности предприятий, стабилизацию финансового положения страны, привлечение в экономику иностранных инвестиций.

[1] Российская Федерация в 1992 г.: стат. ежегодник. М., 1993; Российский статистический ежегодник. 1998. М., 1998; Российский статистический ежегодник. 1999. М., 1999; Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2000; Регионы России: стат. сб. М., 1999. Т. 2; Промышленность России: стат. сб. М., 2000; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998.

В результате приватизации государство лишилось значительной части имущества. Существенная его доля была распродана через акционирование. В 1992–1998 гг. в России в целом из госсектора вывели 84 тыс. предприятий (70 %), в Сибири – почти 15 тыс. Половина объектов была приватизирована в 1993 г. В стране в целом за этот год фонд муниципального имущества сократился на 61 %, в Сибири – на 58 %, в том числе в западной части региона – на 52 %. Доля выкупленной федеральной и региональной собственности в Западной Сибири была больше общероссийского уровня. Регион отличался и более высоким удельным весом приватизированных промышленных структур. В частные руки перешли дорогостоящие активы западносибирских нефтегазовых предприятий. В 1992–1993 гг. сумма выручки, полученной от продажи госимущества, составила здесь 80 млрд руб., или 17 % всего объема. В Тюменской области в эти годы стоимость приватизированного имущества составила 25 млрд руб., в Томской – 31 млрд, что в сумме составило 56 млрд руб. или 71 % от показателей по Западной Сибири в целом. В Восточной Сибири приватизация на этом этапе дала государству только 29 млрд руб.

Большинства заявленных целей приватизация не достигла. Широкие слои населения собственниками предприятий так и не стали. Граждане по большей части продали ваучеры по бросовой цене чековым инвестиционным фондам и частным скупщикам, которые фактически обеспечили передачу госсобственности новым реальным владельцам за бесценок. Контрольные и крупные пакеты акций высокорентабельных предприятий часто незаконным путем переходили в руки директоров данных организаций, теневиков или иностранных бизнесменов. В собственности отдельных физических лиц оказались гигантские пакеты акций. Так, житель Тюменской области В.Ю. Тимофеев приобрел 20 млн акций компании «Газпром», заплатив за них 2,1 млрд руб.[2] В 1995 г. в результате залоговых аукционов государство за бесценок отдало в частные руки высокорентабельные предприятия, на основе которых были образованы нефтегазовые компании «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз» и «Лукойл», а также медно-никелевая компания «Норильский никель». Владельцы приватизированного имущества начали криминальную борьбу за передел собственности.

В сельском хозяйстве приватизация имела существенную специфику. Земля и имущество сельскохозяйственных предприятий и организаций соответственно в виде паев и долей в пределах среднерайонных норм передавались в собственность их работникам, а также пенсионерам и лицам, занятым в социальной сфере села. Часть фонда перераспределения земель, а также материально-технической базы колхозов и совхозов отдали в ведение крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ), развитие которых являлось важнейшим направлением аграрной реформы. В начале 1990-х гг. фермерское движение приобрело характер настоящего бума. Если в начале 1992 г. в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось 13 тыс. КФХ, то уже в начале 1994 г. – 62 тыс.

За счет земельных долей увеличились личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения. Часть колхозно-совхозных земель была предоставлена горожанам для ведения подсобного садово-огородного производства. С ЛПХ сняли все ограничения, касавшиеся размеров участка, норм содержания скота и объемов производства продукции. ЛПХ считались полноправными сельхозпроизводителями. В конце 1980-х гг. в Сибири в личном пользовании граждан находилось около 1 %, сельхозугодий, в конце 1999 г. – 5,5 %.

Формировались крупные хозяйства (крупхозы) различных организационно-правовых форм: акционерные общества, кооперативы, товарищества, объединения КФХ. Треть крупхозов действовала в статусе прежних колхозов и совхозов. Среди реорганизованных сельхозпредприятий доля товариществ с ограниченной ответственностью (ТОО) и смешанных товариществ составила 45 %, сельхозкооперативов – 10, акционерных обществ откры-

[2] Анализ первого этапа приватизации и предложения по его совершенствованию. Докладная записка Председателя Государственного Комитета по управлению государственным имуществом В.П. Полеванова от 18 января 1995 г. Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину // Документы XX в. URL: http://doc20vek.ru/node/4137 (дата обращения: 03.11.2020).

того типа (АООТ) – 2 %. Около 40 % хозяйств стали акционерными обществами закрытого типа (АОЗТ). Таким образом, доминировали ТОО и АОЗТ, разницы между которыми почти не было[3].

Однако устойчивая структура отношений собственности ни в ее материально-вещественном выражении, ни в надлежащем правовом закреплении в деревне так и не сложилась. Законодательство не предусмотрело механизма реализации законов в деталях. В результате ситуация с собственностью оказалась запутанной. Многие сельские жители так и не приобрели реальных прав на нее. Добиваясь выхода из колхоза или совхоза и получения земельного надела и имущества, значительная часть селян испытывала противодействие со стороны администрации предприятий. С другой стороны, большинство бывших колхозников и работников совхозов и не выражало желания стать фермерами и заполучить причитающиеся по закону доли и паи. Поспешность и всеобщность реорганизации колхозов и совхозов приводили к тому, что выбор организационно-правовых форм нередко делался неосознанно, формально, и многие акционерные общества, товарищества, кооперативы оставались, по сути дела, теми же колхозами или совхозами под новой вывеской[4].

Развитие и малого предпринимательства. Приватизация сопровождалась формированием элементов рыночной экономики. 2 января 1992 г. было отменено государственное регулирование цен на большинство видов товаров и услуг. В этом году реформаторы провели еще ряд важных экономических мер, в частности, либерализировали розничную торговлю, валютные операции, заработную плату и т.п. Началось создание рынков товаров, услуг, ценных бумаг, валют, труда.

В сфере услуг значительную роль играли предприятия малого бизнеса. В начале 1993 г. в России их было 146 тыс., в Сибири – 20 тыс., в том числе 13 тыс. в Западной и 7 тыс. в Восточной. В начале 1997 г. численность этих структур увеличилась в среднем в 5 раз, достигнув соответственно 841 тыс., 135 тыс., 90 тыс. и 44 тыс. В 1997 г. в восточных регионах России наибольшим числом предпринимателей отличилась Тюменская область (33 тыс.) и Красноярский край (19 тыс.).

В первой половине 1990-х гг. в развитии малых форм бизнеса преобладали позитивные тенденции: рост числа предприятий, количества рабочих мест, объемов производства, прибыли, налоговых отчислений, заработной платы работникам. В Сибири предприниматели были вовлечены в основном в торговлю и общественное питание (до 50 % предприятий), строительство (до 30 %), промышленное и сельскохозяйственное производство (до 20 %). Благодаря финансовой поддержке государства развивались крестьянско-фермерские хозяйства.

Во второй половине 1990-х гг. число организаций малого бизнеса в восточных регионах страны стало сокращаться, хотя в стране в целом оно продолжало расти. В начале 1999 г. в России количество малых предприятий увеличилось по отношению к началу 1997 г. на 3 %, в Сибири оно упало на 17 % (в Западной – на 16, в Восточной – на 20). Среднесписочное количество работников этих фирм с 1996 по 1998 г. уменьшилось на 1, 26, 30 и 17 % соответственно. Во всех регионах росла доля фирм, специализировавшихся на оказании торгово-посреднических услуг. Удельный вес предпринимателей, действовавших в сфере строительства, промышленности и сельского хозяйства, уменьшался.

Сокращение числа предприятий малого бизнеса обусловливалось рядом обстоятельств. У многих бизнесменов, столкнувшихся с реальностью, романтические представления о ведении своего дела, о личном успехе к концу 1990-х гг. улетучились. Сферы деятельности, в которых можно было быстро заработать, сузились. Развитие предпринимательства ограничивалось также неразвитостью кредитно-финансовой сферы. Многие бизнесмены уходили с рынка, не выдержав конкуренции с крупными фирмами или под давлением криминала.

[3] Продовольственный комплекс Сибири / Г.В. Гурин, С.Е. Ильюшонок // Сибирь на пороге нового тысячелетия. Новосибирск, 1998. С. 146.

[4] Кризис 1990-х гг.: производственные и социальные аспекты / И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева // Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 188.

Из-за ухудшения условий ведения бизнеса обанкротились многие фермерские хозяйства. В Сибири численность КФХ сократилась с 50 тыс. в 1994 г. (максимальное количество за все время) до 41 тыс. в 1999 г. (–18 %). Базовой специализацией фермеров являлось производство зерна. В Западной Сибири многие КФХ выращивали подсолнечник. Их участие в возделывании других культур, а также в выпуске животноводческой продукции было минимальным. Вклад фермеров в производство сельхозпродукции в целом оказался незначительным, составляя в 1999 г. в Сибири 3,1 %.

Значительное число бизнесменов обанкротилось в результате финансово-экономического кризиса 1998 г. Однако после него, несмотря на сравнительно благоприятные условия для деятельности, доля малых предприятий в общем количестве коммерческих организаций продолжала уменьшаться. В начале 1997 г. в России она составляла 33 %, в Сибири – 36 %, в начале 2000 г. – 28 и 25 % соответственно.

Люди зарабатывали на жизнь с помощью различных форм самозанятости, среди которых особенно выделялся так называемый челночный бизнес: покупка в близлежащих странах, в первую очередь в Китае и Турции, ширпотреба и сбыт его в российских регионах. Кроме того, получать доходы позволяли ремонт квартир, бытовой техники и автомобилей, репетиторство, грузовые и пассажирские перевозки на личных автомобилях, сдача жилья в аренду. Рынок жилой недвижимости прогрессировал. Правда, новых домов строилось мало, строительная отрасль пребывала в упадке (в Сибири с 1990 по 1997 г. объемы ввода в эксплуатацию жилья сократились в 2,8 раза). Жилищно-коммунальное хозяйство развивалось медленно.

Значительным материальным подспорьем для малоимущих слоев населения являлось ведение личного подсобного хозяйства. Для селян ЛПХ стало главной формой приложения трудовых усилий и жизнедеятельности, основным источником удовлетворения потребностей в продовольствии и деньгах. Часть сельского населения, в первую очередь в национальных республиках, выживала в основном за счет сбора «даров природы», рыбалки и охоты[5].

В ЛПХ горожан и на сельских подворьях производилась большая часть овощеводческой продукции, мяса, молока и яиц. В Сибирском федеральном округе (СФО) удельный вес ЛПХ в общем производстве сельхозпродукции с 1991 по 1999 г. вырос с 30 до 58 %, что свидетельствовало о снижении товарности сельского хозяйства.

Производство потребительских товаров. Приватизация и развитие рынка не сопровождались ожидаемым повышением производства одежды, обуви, бытовых товаров, пищи. В 1990–1998 гг. в Сибири объемы изготовления тканей уменьшились в 12 раз, обуви – в 22, стиральных машин – в 4 раза. Предприятия легкой, пищевой, химической, электротехнической промышленности в результате смены собственников и перехода на рыночные отношения понесли значительные реорганизационные издержки. Но главной причиной, обусловившей полномасштабный кризис отрасли, стал бездумный отказ от плановой системы, приведший к разрушению устоявшихся хозяйственных связей, отлаженных за десятилетия советской истории. Отечественный производитель ширпотреба оказался вытесненным иностранными конкурентами, продукция которых, превосходя российские аналоги по качеству и цене, заполнила прилавки магазинов. На мясомолочных, кондитерских изделиях, вино-водочной продукции, товарах бытовой химии и электротехнике, одежде, обуви и т.п. появились этикетки зарубежных брендов.

К наиболее тяжелым последствиям вел кризис отраслей пищевой промышленности, ответственных за формирование продуктовой корзины населения. В 1990–1998 гг. в Сибири выпечка хлеба и хлебобулочных изделий уменьшилась в 2,7 раза, выработка растительного масла – в 1,7–4,2 раза. Возник острый дефицит молочных товаров. Производство цельномолочной продукции сократилось в СФО с 2737 тыс. т в 1990 г. до 681 тыс. т в 2000 г., или в 3,4 раза. Выработка продукции стала осуществляться за счет сухого молока преимущественно импортного производства.

[5] Кризис 1990-х гг. … С. 204–209.

Продовольственная независимость страны по продукции животноводства и ряду других товаров оказалась под угрозой. В 1990 г. в России объемы производства мяса и мясных продуктов покрывали объемы их потребления на 88 %, в 1995 г. – на 73, в 2000 г. – на 69 % при норме 85 %, молока и молочной продукции – на 88, 86 и 88 % при норме 90 % соответственно[6].

Сельское хозяйство. Одной из причин плачевного состояния отечественного легпрома и пищепрома являлась нехватка качественного и дешевого сельскохозяйственного сырья, которая обусловливалась упадком крупных хозяйств – его основных поставщиков на рынок. С 1991 по 1999 г. в Сибири удельный вес продукции, выпускаемой крупхозами, уменьшился с 70 до 39 %. Тем не менее в 2000 г. сельхозпредприятия региона производили более 90 % зерна и свыше 70 % яиц, а также 42 % молока и 36 % мяса.

В 1990-е гг. наиболее тяжелая ситуация сложилась в животноводстве. Кризис здесь проявлялся прежде всего в резком падении поголовья продуктивного скота. В 2000 г. в Сибири численность крупного рогатого скота (КРС) составляла 51 % от уровня 1990 г., коров – 64, свиней – 58, овец и коз – 22 %. Наиболее уязвимыми оказались крупные специализированные овцеводческие хозяйства. Отечественная текстильная промышленность, проигрывая в конкурентной борьбе китайским производителям текстиля, значительно уменьшила выпуск продукции. Спрос на шерсть упал. В итоге в регионах, где были сосредоточены сельхозпредприятия, специализирующиеся на тонкорунном овцеводстве, произошло более чем восьмикратное сокращение овцепоголовья. Неустойчивым было положение и других узкопрофильных животноводческих хозяйств.

В первой половине 1990-х гг. уменьшение численности продуктивных животных в крупхозах частично компенсировалось наращиванием их поголовья в личных хозяйствах. Во второй половине 1990-х гг. в связи с сокращением объема кормов, выделяемых сельхозпредприятиями, жители деревни стали сокращать численность скота на своих подворьях, что привело к снижению объемов производства животноводческой продукции. За 1991–1995 гг. в Сибири выпуск мяса в среднегодовом исчислении упал по сравнению с показателями предшествующего пятилетия на 18 %, за 1996–2000 гг. – соответственно на 32 %, молока – на 13 и 25 %. Во второй половине 1990-х гг. в Сибири мяса было произведено меньше, чем в годы последней советской пятилетки – в 1,8 раза, молока – в 1,5, яиц — в 1,4 раза. При этом объемы сбора яиц сокращались до 1995 г. включительно, а затем стали возрастать в Новосибирской, Тюменской, Иркутской, Читинской областях и в Красноярском крае.

В растениеводстве кризис проявился, прежде всего, в ежегодном сокращении посевных площадей. В 2000 г. в Сибири пашни засеяли на 29 % меньше, чем в 1991 г. На 42 % уменьшились посевы кормовых культур. Сокращение зерновой нивы было не столь существенным – на 23 %. При этом изменилась структура хлебного поля. Наиболее высокими темпами уменьшались посевы так называемых второстепенных хлебов (ржи, ячменя, овса, проса, зернобобовых). В то же время земельные площади, занятые пшеницей, в Восточной Сибири снизились на 13 %, а в Западной Сибири увеличились на 3 %. Повышенное внимание сельхозпроизводителей к возделыванию пшеницы обусловливалось более высокими закупочными ценами на эту культуру (по отношению к расценкам на другие зерновые), которые определяли сравнительно большую рентабельность ее выращивания. В конце 1990-х гг. в ряде регионов Сибири, например в Новосибирской области, цены на пшеницу стали снижаться из-за падения качества ее зерна. При этом повысился спрос на рожь и ячмень.

Из-за сокращения посевных площадей зерновых культур валовые сборы хлебов понизились. Погодно-климатические условия для выращивания зерновых были неблагоприятные. В Сибири за 1991–1995 гг. объемы производства зерна в среднегодовом исчислении уменьшились относительно предшествующего периода на 18 %, за 1996–2000 гг. – соответственно на 20 %. Причины падения урожайности зерновых сводились не только к

[6] *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* Продовольственная безопасность: проблема оценки // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 67.

капризам погоды: сократились масштабы применения удобрений и гербицидов, не соблюдались севообороты, вследствие чего плодородие почвы снижалось, посевы зарастали сорняками. Падали и качественные характеристики зерна.

Производство картофеля и овощей возрастало. В 1995 г. посадки этих культур в Сибири благодаря ЛПХ увеличились по сравнению с 1990 г. на 22 и 34 %. Во второй половине 1990-х гг. масштабы их возделывания остались на уровне предшествующего периода. Расширились посевы подсолнечника (в Западной Сибири за десятилетие – в 2,6 раза). Потребители из-за падения доходов переходили от дорогих животных жиров к дешевым растительным.

Негативные явления в сельском хозяйстве в значительной мере обусловливались отсутствием мер государственной поддержки. За 1990-е гг. капитальные вложения в агропром уменьшились в 20 раз. Резко сократились инвестиции из федерального и региональных бюджетов. В 1999 г. в целом по агро-промышленному комплексу (АПК) России из первого источника было выделено 3 % общих капвложений, из второго – 3,2 %. Остальной их объем составляли собственные, заемные и другие средства организаций. Удельный вес собственных накоплений предприятий достиг 60 %.

Цены на сельскохозяйственную продукцию, предлагавшиеся пищевиками, аграриев не устраивали. Доходность бывших колхозов и совхозов падала. В этой ситуации многие из них накапливали сырье для его самостоятельной переработки и продажи готовых изделий на рынке по собственным расценкам. Для этого хозяйства обзаводились маломерными элеваторами, мельницами, пекарнями, молокозаводами, колбасными и сырными цехами, магазинами. Для сельхозпредприятий освоение новых рыночных ниш было не столько долгосрочной стратегией развития, сколько способом выжить, поставив под свой контроль пусть небольшой, но реальный денежный оборот. Цены на товары, произведенные пищевыми предприятиями сельскохозяйственных организаций, как правило, были ниже расценок на продукцию других, в том числе крупных производителей пищевых товаров. Но и объемы продовольствия, выпускавшегося перерабатывающими структурами бывших колхозов и совхозов, оставались сравнительно небольшими.

Разрушалась производственная инфраструктура сельского хозяйства: сеть ремонтных организаций, система материально-технического снабжения, агрохимическая и мелиоративная служба и т.п. Услуги вновь созданных сервисных предприятий АПК стоили немало. Отмена государственного регулирования ценообразования больно ударила по аграрному сектору, и ценовой дисбаланс достиг невиданных ранее размеров. Выросли в цене сельхозтехника, семена, химикаты. Резко поднялись расценки на электроэнергию (в 60 раз), на бензин (в 145), на дизельное топливо (в 152 раза). Рост себестоимости сельхозпродукции превосходил рост денежной выручки от ее реализации. С 1992 по 1996 г. себестоимость увеличилась в 215 раз, денежная выручка – только в 69 раз. Доля убыточных хозяйств в России в целом выросла с 1992 по 1998 г. с 5 до 88 %, в Алтайском крае – с 2,8 до 85 %.

Материально-техническая база сельского хозяйства устаревала и сокращалась. Бывшие колхозы и совхозы отказывались от покупки новой техники и были вынуждены обходиться ремонтом старой, значительная часть которой выходила из строя. Так, в Новосибирской области в 1998 г. парк тракторов сократился по сравнению с 1990 г. на 26 %, зерноуборочных комбайнов – на 28, грузовых автомашин – на 50 %. В Алтайском крае в 1998 г. обеспеченность тракторами составляла 16 % от нормативных размеров, зернокомбайнами – 19, сеялками – 19, культиваторами – 18 %.

Хозяйства растеряли свои лучшие кадры. Высококвалифицированные работники ушли в фермеры, освоили другие профессии или покинули село. Нехватка специалистов приобретала хронический характер и не компенсировалась притоком выпускников сельскохозяйственных учебных заведений, в том числе не в состоянии были восполнить этот пробел и местные профтехучилища из-за снижения престижа рабочих профессий. Оставшиеся в предприятиях работники, мирясь с повышенной трудовой нагрузкой и низкими заработками, основные свои усилия направляли на личное подворье.

Адаптироваться к рынку, встать на ноги и укрепить свои позиции смогла только небольшая часть сельхозпредприятий. В России таких хозяйств было не больше 5–7 %. В Алтайском крае в конце 1990-х гг. развиваться самостоятельно могли лишь 8 % хозяйств: остальные либо нуждались в значительной поддержке со стороны государства (40 %), либо находились на грани разрушения (52 %)[7].

Топливно-энергетический комплекс. Базовым сектором экономики Сибири оставался ТЭК. За годы реформ объемы производства топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) уменьшились. С максимума в 1988 г. производство ТЭР до конца 1990-х гг. упало в регионе на 37 %, в том числе нефти – в 2 раза, газа – на 6 %, угля – на 33 %, электроэнергии – на 13 %. В Ханты-Мансийском АО с 1990 по 1999 г. добыча нефти, включая газовый конденсат, сократилась на 44 %, в Тюменской области в целом – на 37 %. При этом самый глубокий спад отрасль пережила в первой половине 1990-х гг. Так, в Тюменской области с 1991 по 1994 г. производство этих ресурсов сократилось на 33 %, с 1995 по 1998 г. – только на 2 %.

В 1990-е гг. нефтедобыча развивалась на самых отдаленных территориях азиатской России. Точкой роста отрасли на восточных рубежах стала Саха (Якутия). За десятилетие добыча «черного золота» в республике выросла в 2,8 раза. Силами компании «Саханефтегаз» началась эксплуатация вновь открытых Чаяндинского и Талаканского месторождений. Нефть и газ стали извлекать и из недр шельфовой зоны Сахалина.

Но в целом объемы добычи сырья в Якутии и на Сахалине по сравнению с производством в Тюменской области были крайне малы. В 1999 г. один только Ханты-Мансийский автономный округ дал 170 млн т нефти и газа, Якутия – 305 тыс., Сахалин – 1836 тыс. т. Тем не менее перечисленные выше проекты оказали позитивное влияние на социально-экономическое развитие восточных регионов России.

Несмотря на существенные запасы и объемы добычи нефти и газа, электро- и тепло-энергетика Сибири по-прежнему оставалась «угольной». В некоторых территориях региона удельный вес угля в балансе котельно-печного топлива доходил до 90 %, из-за чего росла стоимость электроэнергии и ухудшалась экологическая обстановка в городах и промышленных центрах. В Сибири доля электро- и теплоэнергетики в загрязнении воздуха достигала 60–70 %. При этом цены на уголь поднимались, так как увеличивались железнодорожные тарифы. Сибирский уголь все сложнее было реализовывать потребителям, находящимся в отдаленных регионах страны. Качество продукции угледобывающей промышленности падало, что также понижало конкурентоспособность отрасли.

Крупные электростанции не могли доставить электроэнергию до потребителей в полном объеме из-за ограниченных возможностей основной электросети. С перегрузкой работали линии электропередачи по направлениям Кузбасс – Западные энергосистемы, Красноярск – Кузбасс, Иркутск – Бурятия – Чита.

Тем не менее в структуре промышленного производства Сибири удельный вес топливно-энергетического комплекса составлял 50 %. Благодаря ему промышленный сектор экономики региона в первой половине 1990-х гг. сократился не так существенно (на 42 %), как в России в целом (примерно в 2 раза). Доля промышленности Сибири благодаря ТЭК на фоне общероссийских показателей в этот период выросла с 17 до 20 %. Сибирь осталась крупнейшим поставщиком энергоресурсов в стране. В конце 1990-х гг. на нее приходилось 75 % общестранового производства ТЭР, в том числе 67 % нефти, 92 % газа, 64 % угля, 19 % тепловой и 30 % электрической энергии. Сибирский ТЭК обеспечивал почти половину всех валютных поступлений от экспорта энергоресурсов[8].

[7] *Калугина З.И.* Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3. С. 60; Кризис 1990-х гг. … С. 188–195; *Андреенков С.Н.* Адаптация крупных предприятий АПК Новосибирской области к рынку и ее экономические результаты в 1990-е гг. // ЭКО. 2021. № 5. С. 175–192.

[8] ТЭК Сибири: проблемы, возможности и перспективы / Н.И. Суслов, А.А. Чернышов // Сибирь на пороге нового тысячелетия… С. 132–133.

Металлургия и горнодобывающая промышленность. Менее драматично развивалась ситуация в добыче цветных металлов. Ряд производителей алюминия, никеля, меди довольно быстро нашел покупателя своей продукции за рубежом и вписался в мировой рынок. Пальму первенства захватили компания «Норильский никель», объединившая горно-металлургические комбинаты в Красноярском крае и Мурманской области, с одной стороны, и пять предприятий по выпуску алюминия из Красноярска, Братска, Саянска, Иркутска и Новокузнецка – с другой. В 1995 г. на долю указанных структур пришлось 45 % общероссийского объема выплавки цветных металлов, 44 % численности рабочих и 54 % балансовой прибыли отрасли[9]. В 1995 г. в стране в целом производство продукции предприятий цветной металлургии было выше, чем в 1994 г., на 3 %. Рост показателей наблюдался в 1997 г. (+6 % к 1996 г.) и в 1999 г. (+9 % к 1998 г.), спад – в 1996 г. и 1998 г. (–4 и –5 % к предыдущим годам соответственно).

Однако не всем предприятиям по добыче цветных металлов удалось адаптироваться к новым условиям деятельности. В тяжелейшем кризисе оказались комбинаты Забайкалья, в том числе добывающие свинец и цинк. Сырьевая база здесь была истощена, а средства на разработку близлежащих месторождений или внедрение нетрадиционных технологий добычи твердых полезных ископаемых отсутствовали[10].

Не лучшие времена переживала и черная металлургия Сибири. Крупнейшее в регионе предприятие отрасли – Кузнецкий металлургический комбинат – из-за падения внутреннего и внешнего спроса на металл существенно сократило производство продукции. С 1990 по 1998 г. в Кемеровской области добыча железной руды уменьшилась на 37 %, выпуск чугуна, стали, готового проката черных металлов – в 2 раза. В Восточной Сибири выплавка стали уменьшилась в 7 раз, объемы производства проката – в 9 раз.

Добыча алмазов. Перспективным направлением развития сырьевого сектора промышленности оставалась добыча алмазов. Поставщиком этого ископаемого по-прежнему была Якутия. Центр российской алмазодобывающей промышленности – якутский город Мирный. В 1990-е гг. месторождение разрабатывалось в основном открытым способом в карьере «Мир». Объект был закрыт в 2001 г., добыча перешла под землю. В начале 1990-х гг. отрасль пережила заметный спад: с 1991 по 1993 г. алмазодобыча уменьшилась на 20 %. Но трудности были преодолены: в 1996 г. уровень добычи достиг объемов 1991 г., а в 2000 г. превысил более чем на 50 %[11]. В начале нового тысячелетия в Якутии разрабатывалось уже 10 кимберлитовых трубок. Монополистом в производстве ценного минерала оставалась компания «Алроса». В ее распоряжении находились четыре горно-обогатительных комбината – Мирнинский, Айхальский, Удачнинский, Нюрбинский, добывавших алмазы как наземным, так и подземным способами. Старейшим является Мирнинский горно-обогатительный комбинат, разрабатывающий под землей кимберлитовые трубки «Мир» и «Интернациональная», а также ряд россыпных месторождений.

Лесная и деревообрабатывающая промышленность. В 1990-е гг. эта важнейшая для азиатской России отрасль пережила глубочайший в своей истории кризис. С 1988 по 1998 г. объемы лесозаготовок в Новосибирской и Кемеровской областях, Забайкальском крае, Бурятии, Тыве из-за падения внутреннего спроса на лес сократились в 8–10 раз, в Красноярском крае, Иркутской и Тюменской областях и остальных регионах – в 3–4 раза. Кроме того, лесозаготовки осуществлялись уже не на основании проектов государственных организаций, а бизнес-планов, недостаточная проработанность которых приводила к развитию негативных процессов в лесном хозяйстве – перерубам в расчетной лесосеке и пр. Ситуация правового беспорядка способствовала расцвету незаконных рубок. При этом за 1990-е гг. на четверть увеличился экспорт дешевой древесины в круглом виде преимущественно в Китай и Японию. Увеличилось число мелких заготовителей, стремящихся к

[9] Цветная металлургия в Сибири / В.М. Соколов, М.А. Ягольницер // Сибирь на пороге нового тысячелетия… С. 117.
[10] Там же. С. 115.
[11] *Голубев Ю.К., Ваганов В.И.* Состояние, проблемы и перспективы развития минерально-сырьевой базы алмазов России // Минеральные ресурсы России: экономика и управление. 2008. № 6. С. 8, 11. Рис. 1, 4.

быстрому получению прибыли при минимальных издержках. Так, в Иркутской области в 1995–2005 гг. их численность выросла в 4,3 раза[12].

Число деревообрабатывающих предприятий существенно сократилось. В Сибири объемы производства деловой древесины и пиломатериалов за десятилетие уменьшились в 4 раза, бумаги – в 2 раза. Ситуация в деревообрабатывающей промышленности восточных районов России стала улучшаться только в 1998 г. Но качественных изменений было мало. Глубокая переработка древесины оставалась слаборазвитой.

Машиностроение. Сибирь являлась регионом с развитым машиностроением, ядром которого были предприятия Военно-промышленного комплекса (ВПК). С конца 1980-х гг. организации ВПК в рамках конверсии перепрофилировались на выпуск высокотехнологичной гражданской продукции, но прогнозируемого результата на этом направлении добиться не удавалось. Достигнутые на практике объемы использования наукоемких мощностей для изготовления потребительских товаров не соответствовали прогнозам. Большинство структур ВПК освоили выпуск бытовых изделий несложной конструкции. Например, «Красмашзавод» наладил производство мясорубок, фаршемешалок, инструментов для лечения остеохондроза. «Сибсельмаш» стал изготавливать мебель, бытовые тележки, яйцесортировки, тепловые агрегаты для отопления помещений.

Мало выпускалось гражданской продукции для предприятий и организаций. Хотя небольшой части заводов ВПК на этом поприще удалось добиться успеха. К их числу относились, например, Научно-производственное объединение прикладной механики (Железногорск, Красноярский край), выпускавшее спутники; химкомбинат «Енисей» (Красноярск), изготавливавший пресс-аппараты; Новосибирский приборостроительный завод, не переставший производить оптические приборы, в том числе ночного видения, и ряд других организаций.

В целом предприятия ВПК переживали тяжелые времена. В Западной Сибири за 1994–1995 гг. выпуск продукции всех видов по сравнению с уровнем 1992 г. упал на 37 %, в том числе военной – на 53, гражданской – на 28 %. В Восточной Сибири производство в целом снизилось на 28 %, в том числе выпуск изделий военного профиля – на 57 %. Количество промышленно-производственных рабочих предприятий ВПК Сибири с 1990 по 1997 г. сократилось более чем на 50 %. Спад в оборонном секторе промышленности региона продолжался до 1997 г. В 1998 г. в отдельных производствах стал наблюдаться небольшой рост.

Сильный урон был нанесен организациям авиакосмической промышленности и ракетостроению: авиазаводу им. Чкалова и предприятию «Сибсельмаш» в Новосибирске, Улан-Удэнскому авиазаводу, «Красмашзаводу» и др. Фактически прекратила существование сибирская группа организаций радиоэлектронной промышленности. Например, Гусиноозерский радиозавод (Республика Бурятия) был превращен в подсобную структуру местной ГРЭС.

Несмотря на кризисные явления, в конце 1990-х гг. удельный вес оборонного производства, размещенного на территории Сибири, сохранился приблизительно на уровне 1990 г. В 1997 г. здесь сосредотачивалось около 11 % всех оборонных заводов, которые выпускали немногим более 15 % общего объема продукции этого профиля, используя 12 % численности рабочих[13].

Гражданское машиностроение и металлообработка Сибири, несмотря на кризис, сохранили прежнюю структуру. Уменьшились только объемы производства продукции. Тяжелое, энергетическое, горношахтное и горнорудное оборудование производили преимущественно предприятия Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской, Иркутской областей. Выпуском электронного и оптического оборудования были заняты Томская,

[12] *Макаренко Е.Л.* Развитие лесной промышленности в регионах Сибири на рубеже XX–XXI веков: тенденции и перспективы // ЭКО. 2018. № 10. С. 117–137.

[13] Наукоемкие производства в Сибири / Э.П. Амосенок, В.А. Бажанов // Сибирь на пороге нового тысячелетия… С. 162.

Новосибирская, Иркутская и Омская области. Производство транспортных средств сосредоточивалось в Иркутской и Новосибирской областях, Алтайском крае и Республике Бурятия.

Свидетельством упадка отечественного машиностроения являлось сокращение объема производства станков. В Сибири в 1999 г. производство металлорежущих станков уменьшилось относительно 1990 г. в 4 раза. Деревообрабатывающих станков в Западной Сибири за 1990–1999 гг. произвели в 4 раза меньше.

Транспорт. В сложной ситуации оказалась транспортная система. С 1990 по 1998 г. в Сибири вследствие экономического спада объемы отправления грузов на железнодорожном и автомобильном транспорте общего пользования уменьшились в 2,2 и 2,3 раза соответственно. Быстрыми темпами сокращались дальние перевозки. Падению объемов транспортировки грузов способствовал рост цен на услуги перевозчиков.

Более чем вдвое уменьшился грузопоток в Западной Сибири. С 1988 по 1994 г. в Тюменской области в зоне западносибирского нефтегазового комплекса, на участках Тюмень – Тобольск, он снизился в 2,5 раза, на участке Сургут – Ульт-Ягун (Ханты-Мансийский АО) – в 3,1 раза. Правда, с 1995 г. в нефтегазоносных районах Западной Сибири железнодорожные грузоперевозки стали расти. В 1995–1998 гг. в Ханты-Мансийском АО они увеличились в 2,4 раза. В целом в Сибири во второй половине 1990-х гг. транспортировка грузов по железным дорогам понижалась медленнее, чем в первой. С 1991 по 1994 г. она уменшилась на 39 %, с 1995 по 1998 г. – только на 18 %. Автомобильные грузоперевозки упали соответственно на 43 и 23 %.

Уменьшились перевозки грузов с помощью речных судов, которые транспортировали в основном местные минерально-строительные материалы. В 1990-е гг. все речные бассейны Сибири – Обь-Иртышский, Енисейский, Ленский – сократили объемы отправления более чем в 4 раза, грузооборот – более чем в 2 раза. В 3 раза убавились морские перевозки в арктических районах Сибири.

Из-за падения платежеспособного спроса населения существенно уменьшились пассажирские перевозки. Их спад в Сибири был глубже, чем в России в целом. В связи с недостатком подвижного состава закрылись многие маршруты автобусного сообщения. Снизилась частота и регулярность движения. В 1998 г. в Сибири отправка пассажиров на автобусах общего пользования была меньше, чем в 1990 г., на 40 %, по железной дороге – на 20 %. Сравнительно небольшой процент падения перевозок пассажиров этими видами транспорта обусловливался переключением на них пассажиропотоков с воздушного и речного транспорта. Перевозки здесь уменьшились более чем в 3 и 4 раза соответственно. Вследствие убыточности и отсутствия бюджетных дотаций были закрыты многие местные воздушные и речные линии. Из-за этого в Западной Сибири на железнодорожном транспорте с 1991 по 1993 г. отправка пассажиров выросла на 20 %, на автобусном с 1992 по 1994 г. – на 10 %. В последующие годы эти показатели существенно снизились.

Все больше людей использовали для поездок личные автомобили. Обеспеченность ими населения возрастала. Если в конце 1990 г. в Сибири на 1 тыс. чел. приходилось 66 автомашин, то в конце 1999 г. – уже 120 (+81 %). Протяженность и плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием увеличивалась. В конце 1990 г. в Западной Сибири на 1 тыс. км^2 территории в среднем находилось 15 км автодорог данного типа, в Восточной Сибири – 9 км; в конце 1998 г. – 21 и 11 км. Правда, техническое состояние автодорожной сети оставалось неудовлетворительным.

Объемы реконструкции и строительства железных дорог понижались. Из-за уменьшения финансирования затянулось сооружение Северо-Муйского тоннеля на Байкало-Амурской магистрали (БАМ), что не позволило полноценно использовать дорогу. Тоннель заработал только в 2003 г. Затормозились работы по созданию железнодорожного пути по направлениям Карабула – Богучаны (Ярки) – Кодинск и Абакан – Тайшет, в связи с чем снизились темпы вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов Нижне-Ангар-

ского региона. Замедлилось сооружение магистрали Тобольск – Сургут в нефтегазоносных районах Западной Сибири[14].

Внешняя торговля. Внутриэкономические процессы обусловили существенные подвижки во внешнеторговой деятельности сибирских компаний. Интересы экспортеров Сибири устремились на восток, в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). При этом изменилась структура поставляемых товаров. Если в 1992 г. в АТР Сибирь направляла большой объем машинно-технической продукции (свыше 18 % стоимости экспорта), то в 1994 г. ее внешнеторговые поставки многократно уменьшились (2 %). Сибирь уступила позиции и на международном рынке товаров народного потребления. В 1994 г. 79 % стоимости экспортируемых товаров в страны АТР составляли черные (27 %) и цветные (52 %) металлы. Основными их покупателями были США и Китай. В последующие годы удельный вес черных металлов в поставках за рубеж ощутимо сократился (в 1996 г. – 16 %). В середине 1990-х гг. почти 67 % экспорта Сибири в АТР приходились на Иркутскую и Кемеровскую области. Доля Восточной Сибири равнялась 67, Западной – 33 %. Продукция топливно-энергетического комплекса в торговых связях регионов Сибири и стран АТР играла сравнительно небольшую роль. Значительная часть нефти и газа отправлялась на европейские рынки. В 1994 г. доля энергоносителей в стоимости экспорта в АТР составляла 6 %. В 1996 г. продукция ТЭК занимала в этих поставках 12 %[15]. Существенный рост продаж нефти и газа в страны АТР начался только в последующие десятилетия.

Финансы. В финансовой сфере российской экономики преобладали операции краткосрочного и межбанковского кредитования, продажи наличной валюты и ценных бумаг. В Сибири от их проведения выигрывали регионы, поставлявшие на внутренний и внешний рынки сырьевые ресурсы (Тюменская, Томская области, Красноярский край). «Избыточные» финансовые средства они предпочитали вкладывать не в развитие других сибирских территорий, а в собственную инфраструктуру и, что самое главное, в столичные банки, предлагавшие большие возможности приложения капитала. Некоторые экономически слабые субъекты РФ, например Республика Алтай, для привлечения средств создавали на своей территории оффшорные зоны. Прохождение капиталов транзитом через них позволяло региону пополнять бюджет.

Важной вехой финансовой истории Сибири 1990-х гг. являлось введение в 1995 г. в банковский оборот государственных краткосрочных облигаций (ГКО) и других ценных бумаг. Использование ГКО усилило отток капиталов в Центр. Если в 1994 г. из регионов в Москву ушло 85 трлн руб., а вернулось обратно 36 трлн, то в 1995 г. – 119 и 17 трлн руб. соответственно.

Москва стала главным поставщиком финансовых ресурсов сибирским регионам. На ее долю приходилось 90 % всех вложений (Тюменскую область – 6,4 %). Ввоз ссудного капитала в провинцию и вывоз оттуда прибыли столичные банки осуществляли в основном с помощью своих филиалов. Власти субъектов РФ стремились ограничить финансовые потоки, связанные как с утечкой капиталов в Москву, так и с выводом прибыли, полученной от проведения операций со средствами Центра. Способами решения этих задач являлись: переход к директивному управлению с установлением лимитов по видам ресурсов и объемам их использования; преодоление финансовых трудностей путем применения технологий бартерных связей и взаимозачетов; создание крупных региональных банков и резервных фондов[16].

Финансово-экономическая система страны зависела от ситуации на глобальных рынках. В 1998 г. кризис в странах Юго-Восточной Азии и падение мировых цен на энергоносители привели в России к обострению дефицита финансовых ресурсов. Их нехватка в не меньшей степени была обусловлена и внутренними факторами: отказом от увеличения эмиссии рубля,

[14] Транспортный комплекс Сибири / М.К. Бандман, Г.П. Кобылковский, В.Я. Ткаченко, Ю.Ф. Шишков // Сибирь на пороге нового тысячелетия… С. 168–169.

[15] Возможности экономического сотрудничества Сибири и стран АТР / Г.Д. Ковалева, В.В. Кулешов // Там же. С. 246–253.

[16] Региональные финансы в системе межрегиональных отношений / В.Д. Маршак // Там же. С. 236–246.

удержанием завышенного курса последнего, ростом необоснованных бюджетных расходов. Для стабилизации ситуации правительство пошло на чрезвычайные меры. 17 августа 1998 г. оно объявило технический дефолт по основным видам ГКО и об отказе от удержания стабильного курса рубля по отношению к доллару. За полгода российская валюта подешевела более чем в 3 раза – с 6 до 21 руб. за доллар.

В конце 1998 – 1999 г. финансово-экономическая система России оказалась в глубоком кризисе. Несколько банков объявили о банкротстве, их клиенты потеряли вклады. Рублевые сбережения граждан обесценились. Импортные товары резко подорожали. Значительно подскочили цены на продовольствие. В Новосибирской области в первые дни сентября 1998 г. заграничные куриные окорочка поднялись в цене на 25–33 %, подсолнечное масло – на 80 %, кофе – в 2 раза. Наблюдался рост цен и на товары отечественных компаний. Тушеное мясо стало дороже на 9 %, майонез – на 8, маргарин и фарш – на 7, сахар – на 29 %. Причины удорожания товаров российского производства – использование их изготовителями импортного сырья, рост расходов, связанный с погашением валютных кредитов и выплатами налогов, ставки которых были повышены[17]. Многие предприятия малого бизнеса разорились. Уровень жизни населения упал.

Итоги экономического развития. В целом в 1990-е гг. экономика Сибири в хозяйственной системе страны стала играть меньшую роль. Если в 1995 г. доля региона в структуре общероссийского валового регионального продукта (ВРП) составляла 22,7 %, то в 2002 г. – 21,3 % (–1,5 п.п.). От более существенного сокращения масштабов экономики регион спас рост ВРП Тюменской области. Он увеличился с 7,7 до 10,4 % (+2,7 п.п.) соответственно. Удельный вес СФО, в который Тюменская область не вошла, понизился с 15,0 до 10,9 % (–4,1 п.п.). Значительная часть хозяйственных ресурсов Сибири была перераспределена в пользу западных регионов страны.

В структуре добавленной стоимости региона уменьшилась доля товаров и выросла доля транспорта, торговли и прочих услуг. Удельный вес реального сектора экономики в целом по стране во второй половине 1990-х гг. сократился до 50 %. В Сибири его снижение было более медленным из-за сырьевых регионов. В отдельных территориях, где отсутствовала крупномасштабная добыча полезных ископаемых (Новосибирская и Омская области), темпы данного структурного сдвига оказались сравнительно высокими. Значительными были транзакционные издержки: расходы на сбор и обработку информации, проведение переговоров и принятие решений, контроль, юридическую защиту контрактов. Они делали экономику Сибири менее конкурентоспособной[18].

Заключение. В 1990-е гг. восточные регионы России развивались в целом аналогично со страной в целом, испытывая аналогичные трудности. Но ход и результаты реформ имели здесь заметную специфику, обусловленную геополитическим положением сибирского макрорегиона, его ролью и местом в народно-хозяйственном комплексе, в оборонном и научном потенциале страны. Тяжелее всего в Сибири пришлось производителям аграрной продукции. Основные отрасли сельского хозяйства быстро деградировали. В кризисе находилось машиностроение. Некоторые его наукоемкие направления сохранились в ВПК, который пребывал в рецессии. Развитие транспортной системы Сибири замедлилось. Объемы перевозок грузов и пассажиров уменьшились. Глубокого кризиса удалось избежать предприятиям по выплавке цветных металлов, добыче алмазов, нефти и газа. Промышленность получила ярко выраженную сырьевую ориентацию. Значимую роль по-прежнему играл ТЭК. В хозяйственной системе страны экономика Сибири стала играть меньшую роль. Значительная часть ресурсов была перераспределена в пользу западных регионов России. В структуре добавленной стоимости понизилась доля товаров и выросла доля услуг.

[17] Советская Сибирь. 1998. 5 сент.

[18] Основные тенденции социально-экономического развития Сибири / А.А. Кисельников // Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект). Новосибирск, 2006. С. 130–137.

Литература

Андреенков С.Н. Адаптация крупных предприятий АПК Новосибирской области к рынку и ее экономические результаты в 1990-е гг. // ЭКО. 2021. № 5. С. 172–192.

Голубев Ю.К., Ваганов В.И. Состояние, проблемы и перспективы развития минерально-сырьевой базы алмазов России // Минеральные ресурсы России: экономика и управление. 2008. № 6. С. 8–13.

Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3. С. 48–95.

Макаренко Е.Л. Развитие лесной промышленности в регионах Сибири на рубеже XX–XXI веков: тенденции и перспективы // ЭКО. 2018. № 10. С. 117–137.

Сибирь на пороге нового тысячелетия / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1998. 263 с.

Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект) / под ред. В.И. Бойко, В.А. Ламина, В.П. Фофанова. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. 422 с.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. 408 с.

Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность: проблема оценки // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 63–78.

References

Andreenkov, S.N. (2021). Adaptatsiya krupnykh predpriyatiy APK Novosibirskoy oblasti k rynku i ee ekonomicheskie rezul’taty v 1990-e gg. [Adaptation of Large Enterprises of Novosibirsk Region’s Agro-industrial Complex to the Market Economy and its Economic Results in the 1990s]. In *ECO*. No. 5, pp. 172–192.

Boyko, V.I., Lamin, V.A., Fofanov, V.P. (Eds.). (2006). Sibir’. Puti ustoychivogo razvitiya (sotsiogumanitarnyy aspekt) [Siberia. Ways of Sustainable Development (Socio-Humanitarian Aspect)]. Novosibirsk, Sibirskoe Nauchnoe Izdatel’stvo. 422 p.

Golubev, Yu.K., Vaganov, V.I. (2008). Sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya mineral’no-syr’evoy bazy almazov Rossii [The State, Problems and Prospects of Development of Mineral Resource Base of Diamonds in Russia]. In *Mineral’nye resursy Rossii: ekonomika i upravlenie*. No. 6, pp. 8–13.

Il’inyh, V.A., Kavcevich, O.K. (Eds.). (2012). Sel’skoe hozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy [Agriculture in Siberia in 20th Century: Problems of Development and Crises]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 408 p.

Kalugina, Z.I. (2000). Transformatsiya agrarnogo sektora Rossii: problemy effektivnosti i adaptatsii naseleniya [Transformation of Russian Agricultural Sector: Problems of Efficiency and Adaptation of Population]. In *Mir Rossii.* No. 3, pp. 48–95.

Kuleshov, V.V. (Ed.). (1998). Sibir’ na poroge novogo tysyacheletiya [Siberia on the Threshold of New Millennium]. Novosibirsk, Izd-vo IEiOPP SO RAN. 263 p.

Makarenko, E.L. (2018). Razvitie lesnoy promyshlennosti v regionakh Sibiri na rubezhe XX–XXI vekov: tendentsii i perspektivy [Development of the Forest Industry in Regions of Siberia at the Turn of 20th–21th Centuries: Trends and Prospects]. In *EKO*. No. 10, pp. 117–137.

Shagayda, N.I., Uzun, V.Ya. (2015). Prodovol’stvennaya bezopasnost’: problema otsenki [Food Security: Problem of Assessment]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 5, pp. 63–78.

Е.Е. Тиникова
Е.В. Прищепа*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ХАКАСИИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-6
УДК 94:314(571.513)"1991/2022"

Выходные данные для цитирования:
Тиникова Е.Е., Прищепа Е.В. Социально-экономические проблемы монопрофильных поселений Хакасии в условиях рыночной экономики // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 72–79. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-06.pdf

E.E. Tinikova
E.V. Prishchepa*

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF SINGLE-INDUSTRY SETTLEMENTS OF KHAKASSIA IN THE CONTEXT OF THE MARKET ECONOMY**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-6

How to cite:
Tinikova E.E., Prishchepa E.V. Socio-Economic Problems of Single-Industry Settlements of Khakassia in the Context of the Market Economy // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 72–79. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-06.pdf]

Abstract. The rejection of the planned economy in post-Soviet Russia has become a decisive factor in the transformation of the economic life of the country's cities. For Khakassia, the decline in industrial production and the termination of the activities of some enterprises turned out to be particularly painful, as they affected the life of medium and small towns represented in the region mainly by single-industry settlements. The winding-up of the production activities at city-forming enterprises in such settlements entailed disastrous consequences for the entire town, especially in the socio-economic sphere. The article aims to show the need for solvation of the socio-economic problems of single-industry settlements in Khakassia as one of the most important tasks facing the regional authorities. The work is based on statistical data, as well as information obtained as a result of a sociological survey among residents of single-industry settlements in the region (a sample of 1.000 people), and the results of expert interviews with the heads of these settlements. It is proved that the set of those significant socio-economic problems that they face in everyday life is not specific and is generally relevant for the urban population of the Siberian Region. These results may be of interest in the context of the discussion about the existence of "single-city identity" and the existence of the phenomenon of "a single-city citizen".

Keywords: single-industry towns, single-industry settlements, socio-economic problems, market economy, Khakassia.

The article has been received by the editor on 25.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Елена Евгеньевна Тиникова,** кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru
Elena Evgenievna Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru
Евгений Валерьевич Прищепа, кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Хакасия, Абакан, Россия, e-mail: pri-evg@mail.ru
Evgeny Valerievich Prishchepa, Candidate of Historical Sciences, National Archive of the Republic of Khakassia, Abakan, Russia, e-mail: pri-evg@mail.ru
** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Хакасия в рамках проекта проведения научных исследований «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», проект № 19-49-190001.
The research was carried out with the financial support of the RFBR and the Government of the Republic of Khakassia within the framework of the research project "Social Problems of Single-Industry Towns of Khakassia: Factors, Dynamics, Search for Solutions", project No. 19-49-190001.

Аннотация. Отказ от плановой экономики в постсоветской России стал решающим фактором трансформации хозяйственной жизни городов страны. Для Хакасии спад объемов промышленного производства и прекращение деятельности некоторых предприятий оказались особо болезненными, так как отразились на жизни средних и малых городов, представленных в регионе в основном монопрофильными поселениями. Свертывание производственной деятельности на градообразующих предприятиях в такого рода поселениях повлекло за собой катастрофические последствия для всего города, особенно в социально-экономической сфере. Цель статьи – показать необходимость решения социально-экономических проблем монопрофильных поселений Хакасии как одну из важнейших задач, стоящих перед региональной властью. Работа построена на статистических данных, а также сведениях, полученных в результате проведения социологического опроса среди жителей моногородов региона (выборка 1 000 человек), и результатах экспертных интервью с главами данных поселений. Доказано, что набор тех значимых социально-экономических проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, не является специфичным и в целом актуален для городского населения Сибирского региона. Данные результаты могут быть интересны в контексте дискуссии о наличии «моногородской идентичности» и существовании феномена «моногорожанина».

Ключевые слова: моногорода, монопрофильные поселения, социально-экономические проблемы, рыночная экономика, Хакасия.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022

Одним из ключевых событий в социально-экономической истории России XX в. стал отказ от плановой экономики. Последовавший за этим в 1990-е гг. экономический кризис повлек за собой катастрофическое снижение объемов производства и даже деиндустриализацию. Особенно остро он ударил по регионам Сибири, которые в послевоенный период стали активно осваиваться и промышленная специализация которых в большей степени была увязана на отраслях добывающей промышленности.

Республика Хакасия в этом отношении не стала исключением. В последнее десятилетие XX в. здесь фактически было потеряно наследие Саянского территориально-производственного комплекса, когда в условиях рыночной экономики в новых обстоятельствах смогли выжить только отдельные промышленные гиганты, в основном ориентированные на экспорт своей продукции за границу. В результате в 1998 г. объем производимой продукции по отношению к уровню 1991 г. в регионе в отраслях легкой промышленности составил всего 5 %, в машиностроении и металлообработке – 17 %[1]. Обозначенные процессы в большей степени отразились на хозяйственной жизни городов как индустриальных центров и на развитии их социально-экономической сферы.

Цель статьи – показать необходимость решения социально-экономических проблем монопрофильных поселений Хакасии.

Как и для большинства регионов страны, спад объемов промышленного производства и прекращение деятельности некоторых предприятий наиболее болезненно отразились на жизни средних и малых городов, представленных в регионе монопрофильными поселениями. Четыре города из пяти (за исключением столичного Абакана) являются монопрофильными поселениями и включены в официальный перечень моногородов РФ[2]. Свертывание производственной деятельности на градообразующих предприятиях в такого рода поселениях, а

[1] *Шулбаев В.К.* Хакасия в 90-е годы XX века: проблемы социально-экономического развития. Абакан, 2004. С. 145.

[2] О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. (с изм. от 21 января 2020 г.). URL: https://base.garant.ru/70707138/ (дата обращения: 18.10.2020).

также населенных пунктах, которые тесно с ним связаны, влечет за собой катастрофические последствия для всего города.

В Хакасии в особо тяжелом социально-экономическом положении оказались такие монопрофильные городские поселения, как города Сорск, Абаза и поселок Вершина Теи, отраслевой специализацией которых традиционно была черная металлургия и горнорудная промышленность. Несколько раз за эти годы в сложном положении оказывалось градообразующее предприятие Сорска – Сорский молибденовый комбинат (с 1993 г. преобразован в акционерное общество «Молибден», затем в 1999 г. – в ООО «Сорский горно-обогатительный комбинат»), в том числе и в последние годы из-за низких мировых котировок на молибден и медь. В 1997 г. с целью предотвращения потери последнего российского молибденового предприятия на комбинате было введено внешнее управление, которое сделало ставку на внедрение новой технологии предварительного обогащения бедных руд. Переход к данной технологии, кроме повышения содержания молибдена в руде, позволил попутно организовать выпуск новой товарной продукции – различных сортов щебня, необходимых для предприятий республики и других регионов страны[3]. Важным в истории города событием стало открытие в 2005 г. ферромолибденового завода, занимающегося переработкой продукции, производимой Сорским ГОКом, являющимся одним из крупнейших производителей ферромолибдена в России[4]. Жизнедеятельность Абазы и Вершины Теи зависела от работы железодобывающих рудников, работа которых не отличалась в этот период стабильностью и была подвержена колебаниям мировых цен на руду.

Траектория экономического развития города-спутника столичного Абакана города Черногорска также резко изменилась в условиях рыночной экономики. Первоначально город был основан как монопрофильное поселение, специализирующееся на добыче угля. Однако в ходе строительства Саянского ТПК в 1970–1980-е гг. он стал формироваться в качестве отдельного промышленного узла наряду с Абаканом, Саяногорском и Минусинском[5]. Отраслями его специализации, помимо угледобычи, стали пищевая и легкая отрасли индустрии, металлообработка и производство строительных материалов. В 1990-е гг. вектор промышленного развития Черногорска был развернут в обратном направлении, так как все городские индустриальные предприятия, не связанные с угледобычей, были закрыты, в том числе самый большой в Восточной Сибири Хакасский комбинат строительных материалов. Город вновь стал монопрофильным.

В наиболее выгодном положении оказался Саяногорск. Стабильность его социально-экономического развития связана со специализацией городской промышленности, а также востребованностью производимой на городских предприятиях продукции на внутреннем и зарубежном рынках. Саяногорск является единственным хакасским монопрофильным поселением, специализирующимся не на отраслях добывающей промышленности, а на обрабатывающем производстве и производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Продукция таких промышленных гигантов, как ОАО «РУСАЛ Саяногорский алюминиевый завод», ООО «Хакасский алюминиевый завод», ОАО «РУСАЛ САЯНАЛ», экспортируется за рубеж и пользуется широким спросом. Другой промышленный гигант Саяногорска – филиал ОАО «РусГидро» – «Саяно-Шушенская ГЭС им. П.С. Непорожнего» также имеет стратегическое континентальное значение.

Экономико-социальная ситуация в монотерриториях привела к выделению трех основных типов монопрофильных городов. Все монопрофильные муниципальные образования Хакасии на данный момент относятся к двум основным категориям населенных пунктов такого типа: с наиболее сложным социально-экономическим положением, в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций, (Абаза, Вершина Теи, Туим) (категория 1), и в которых имеются риски ухудшения социально-

[3] Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-597. Историческая справка к фонду; Ф. 597. Оп. 1. Д. 108. Л. 13, 110, 115, 116, 123.
[4] *Шулбаев В.К.* Размещение промышленности в Хакасии. Абакан, 2015. С. 139.
[5] *Тиникова Е.Е.* Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан, 2017. С. 32.

экономического положения (Черногорск, Саяногорск, Сорск) (категория 2) (табл. 1). К категории 3 «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией» ни один из моногородов Хакасии на момент написания статьи не относится.

Таблица 1

Характеристика моногородов Республики Хакасия

Наименование муниципального образования (МО)	Категория в перечне моногородов РФ	Расстояние до столицы, км	Количество постоянного населения МО, чел.	Численность постоянного населения в трудоспособном возрасте, чел.	Уровень безработицы, %
г. Абаза	1	187	15 137	7 806	1,41
г. Саяногорск	2	84	60 317	31 683	1,68
г. Сорск	2	112	11 324	5 600	0,7
г. Черногорск	2	18	77 400	42 864	0,77
Вершино-Тейский поссовет	1	195	3 028	1 463	2,6
Туимский сельсовет	1	186	4 239	1 647	0,8

Источник: Официальный сайт некоммерческой организации «Фонд развития моногородов». URL: http://моногорода.рф/monotown/s-tuim/ (дата обращения: 18.10.2020).

Наиболее актуальными проблемами в социально-экономической сфере развития моногородов региона остаются: безработица, финансовые трудности, проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства в области культуры, образования и медицины, экологии, депопуляция этих территорий. Однако не все указанные проблемы одинаково остро стоят перед монопрофильными поселениями республики. Так же как и субъективное восприятие этих проблем жителями и администрации монопрофильных поселений не всегда совпадает с данными официальной статистики развития региона в социально-экономической сфере.

Результаты социологического опроса, проведенного в монопоселениях Хакасии весной 2021 г., показали, что к самым злободневным проблемам из приведенного перечня, по мнению опрошенных, относятся проблемы из категорий «отсутствие денег и дотаций» (72 %), «безработица» (59 %), «проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства города» (49 %). Стабильность экономики муниципальных образований монопрофильного типа во многом зависит от двух составляющих: устойчивого развития градообразующих предприятий и динамичного расширения альтернативных отраслей экономики. Однако, по мнению руководителей данных поселений, развитие предпринимательства не может быть одним из существенных рычагов санации экономики муниципальных образований.

Глава Саяногорска М.А. Валов отмечает, что *«по итогам 2020 года доля объема отгруженных товаров малого и среднего бизнеса от общего объема отгруженных товаров в муниципальном образовании город Саяногорск по полному кругу организаций составляет – 4,2 %; в связи с очень малой долей, малый и средний бизнес “заменить” роль градообразующих предприятий и полномасштабно решить проблему занятости населения не в состоянии»*. Глава Абазы В.Н. Филимонова среди причин слабого развития бизнеса в городе называет следующее: «*более 25 % работающих в моногороде Абазе работают на градообразующем предприятии, имеют гарантированно высокую заработную плату и достаточно инертны в вопросах ведения предпринимательства. Кроме того, наиболее интересные ниши*

развития бизнеса в городе уже заняты». Глава Сорска В.Ф. Найденов полагает, что для малого бизнеса «*практически неохваченными остаются такие направления развития, как переработка сельскохозяйственной продукции, туризм, предоставление транспортных услуг, сфера ремесел и народных промыслов*».

Последние годы стали временем влияния глобальных внешних факторов на развитие малого бизнеса, связанных с распространением вируса COVID-19. С 11 марта 2020 г. в Российской Федерации официально была объявлена пандемия COVID-19. Пандемия оказала огромное влияние, масштабы которого еще предстоит оценить, на функционирование российских компаний. Под ее влияние попали компании малого бизнеса, функционирование которых было ограничено запретительно-санитарными мерами, в результате чего часть компаний прекратила свою деятельность либо сократила ее масштабы в связи с финансовыми трудностями. Уполномоченный по защите прав предпринимателей Б. Титов в докладе о влиянии пандемии коронавируса на бизнес привел следующие цифры: кризис затронул 6,05 млн компаний и предпринимателей (всего) и до 67 % от общего числа предприятий в стране.

В 2020 г. в России закрылось 1,16 млн предприятий малого и среднего бизнеса – это в 2,3 раза больше, чем годом ранее[6]. Ввиду сложившейся ситуации в экономике страны поддержка малого бизнеса со стороны государства становится более чем необходима. Ведь в условиях существования рыночной экономики именно малый бизнес является одним из гарантов стабильности экономики, поскольку во многом за счет предприятий малого бизнеса расширяется ассортимент товаров и услуг первой необходимости, также велика его роль в поддержании занятости населения. При этом устойчивость развития малого бизнеса напрямую будет зависеть от того, насколько будут решены проблемы в ситуации экономического кризиса в стране[7]. В этой связи актуализируется реализация мероприятий поддержки малого бизнеса как в целом по стране, так и в Хакасии в частности (табл. 2).

Таблица 2

Количество малых предприятий в РФ и Республике Хакасия за 2017–2020 гг.*

Показатель	10.01.2017 г.	10.01.2018 г.	10.01.2019 г.	10.01.2020 г.	10.01.2021 г.	Темпы роста, 2021 г. к 2017 г., %
Количество малых предприятий в России, млн	5 845	6 019	6 023	5 900	5 666	96,9
Количество малых предприятий в Хакасии, ед.	18 487	18 155	17 249	16 602	15 918	86,1

Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html?t=1616666110670 (дата обращения: 18.10.2020).

* В число малых предприятий включены микропредприятия и индивидуальные предприниматели.

Динамика численности субъектов бизнеса в стране в 2017–2021 гг. не отличалась стабильностью. Тенденция увеличения количества малых предприятий наблюдалась до начала 2019 г., с 2020 г. фиксируется их спад до количества меньшего, чем в 2017 г. В период с 2020 по 2021 г. число предприятий малого бизнеса сократилось на 234 тыс., что, безусловно, можно определить как стагнацию, причем в сравнении с предшествующим периодом 2019–2020 гг. (сокращение на 123 тыс.) эти показатели удвоились.

[6] Потери российского бизнеса от коронавируса за 2020 год – «СберБизнес». URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/poteri-rossijskogo-biznesa-ot-koronavirusa/ (дата обращения: 01.04.2021).

[7] *Прищепа Е.В.* Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Хакасии. Абакан, 2019. С. 43.

В Республике Хакасия количество малых предприятий неуклонно уменьшалось на всем протяжении периода 2017–2021 гг.: за 2017–2018 гг. – на 332, в 2018–2019 гг. – на 906, в 2019–2020 гг. – на 647, в 2020–2021 гг. – на 684. В сравнении с 2017 г., в 2021 г. количество малых предприятий в республике сократилось на 2 569 единиц.

Несмотря на ту роль, которую играет малое предпринимательство в экономике региона, в его функционировании существует ряд проблем, не способствующих его оптимальному развитию. К числу наиболее значимых из них относится проблема недостаточного финансирования и государственной поддержки. Вообще осуществление развития малого бизнеса связано с большими трудностями в привлечении дополнительных средств и получении кредитов. Это обстоятельство является одним из отличий малого бизнеса от крупного.

В Реестре организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Хакасия, значатся: Фонд развития Республики Хакасия, некоммерческая организация «Гарантийный фонд – микрокредитная компания Республики Хакасия», некоммерческая организация «Муниципальный фонд развития предпринимательства», промышленный парк «Черногорский». Особая поддержка бизнеса в моногородах реализуется посредством следующих мероприятий: гранты на поддержку социального предпринимательства; гранты на открытие центра времяпровождения детей; субсидирование части затрат субъектов МСП, связанных с созданием и/или развитием дошкольных образовательных центров; поддержка резидентов ТОСЭР «Абаза»; поддержка резидентов промышленного парка «Черногорский»; поддержка, осуществляемая Фондом развития моногородов (софинансирование расходов субъектов Российской Федерации по строительству и/или реконструкции объектов инфраструктуры в размере до 95 % стоимости объектов; финансирование новых инвестиционных проектов, реализуемых в моногородах, в объеме от 100 млн руб. до 1 млрд руб.; формирование команд, управляющих проектами развития моногородов; реализация функций проектного офиса)[8]. В первом полугодии 2020 г. Минэкономразвития Хакасии был проведен отбор и заключены соглашения с моногородами о предоставлении субсидий на поддержку предпринимателей. Из республиканского бюджета за этот период перечислены субсидии в сумме 10 395 тыс. руб., или 54,7 % от годового объема (администрация Абазы из этой суммы получила 5 940 тыс. руб., администрация Саяногорска – 4 455 тыс. руб.).

Факт того, что в первом квартале 2020 г. моногородам Хакасии фактически не перечислялись субсидии, объясняется причиной отсутствия заявок от органов местного самоуправления. Причем республиканским Минэкономразвития был проведен отбор и заключены соглашения с моногородами о предоставлении субсидий на поддержку представителей малого и среднего бизнеса. Например, глава поселка Вершина Теи Галина Елистратова сообщила, что заявки на получение субсидий в их моногороде подавали сразу несколько социальных предпринимателей. Одобрили только одну заявку, поданную от местной аптеки, однако вскоре аптека отказалась от субсидии. Подобная ситуация объясняется, по мнению администрации, решением бизнеса избегать финансовой ответственности[9].

Среди причин, препятствующих развитию бизнеса в отдельных монопоселениях республики, названы «*отсутствие прямого направления дорожного полотна Хакасия – Кузбасс*», «*несовершенство механизма государственной поддержки малого предпринимательства, а также неотработанность организационных и правовых основ регулирования развития предпринимательства на региональном уровне*». Главы монопрофильных поселений Хакасии едины во мнении, что «*действующие программы поддержки бизнеса достаточно эффективны, но объем финансирования недостаточен*».

В целом по итогам 2020 г., на основании доклада уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Хакасия В.В. Кудашкина, была оказана государственная поддержка более 8 тыс. предпринимателям на сумму более 1 млрд 135 млн руб. Отмечено,

[8] Особая поддержка бизнеса в моногородах. URL: https://мойбизнес19.рф/podderzhka-v-monogorodakh (дата обращения: 01.04.2021).

[9] Какие моногорода в Хакасии получили субсидии на поддержку бизнеса. URL: https://19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/133703-kakie-monogoroda-v-khakasii-poluchili-subsidii-na-podderzhku-biznesa (дата обращения: 13.04.2021).

что большая ее часть пошла в счет уплаты заработной платы и сохранения трудовых коллективов[10].

Предполагается, что реализация основных мероприятий по решению проблем малого бизнеса позволит привлечь дополнительные средства, повысить уровень и степень кредитования. Решение проблемы доступности мер господдержки в регионе может позволить увеличить процент ее получателей, в том числе и в монотерриториях, на которые ориентированы вышеуказанные мероприятия.

Набор наиболее острых социально-экономических проблем в каждом хакасском городе сугубо индивидуален и во многом зависит от работы местных градообразующих предприятий. Администрация Абазы и жители города в качестве наиболее значимой проблемы единодушно характеризуют низкое качество оказания медицинских услуг. Руководитель города В.Н. Филимонова отмечает, что *«решение этих проблем – прерогатива федеральных и региональных властей. В первую очередь необходимо обеспечить моногорода квалифицированными медицинскими кадрами – врачами, средним медицинским персоналом, выделять государственные субсидии и жилье молодым специалистам, закончившим медицинские вузы и среднеспециальные учебные учреждения и приезжающим на постоянную работу в моногорода»*. Глава Черногорска В.В. Белоногов в качестве мер поддержки медицинских работников предлагает *«установить более высокую заработную плату по сравнению с соседями региона (например, городом Минусинском, где уровень зарплат выше, чем в Хакасии)»*. Глава Сорска В.Ф. Найденов особо подчеркивает, что в его городе имеет место *«несоответствие материально-технической базы медицинских учреждений санитарно-гигиеническим и лицензионным требованиям»*.

Несмотря на стабильную работу промышленных предприятий Саяногорска, глава города и его жители, помимо проблем, связанных с низким уровнем заработной платы и нехваткой медицинских кадров, весьма обеспокоены ростом безработицы. Официально уровень безработицы в муниципальном образовании в 2020 г. составил 1,68 %, что значительно выше, чем в других республиканских монопоселениях (за исключением Вершины Теи).

Актуальной проблемой для Вершины Теи является низкое качество дорожного полотна. Руководитель Вершино-Тейского поссовета Г.Н. Елистратова отмечает необходимость решения следующих первоочередных задач: *«строительство дороги к подъезду Вершина Теи со стороны с. Бирикчуль, так как качество дорожного полотна круглый год в плохом состоянии, особенно в межсезонье»*, *«капитальный ремонт дорожного полотна по центральной улице Советской протяженностью 2,5 км в Вершина Теи, а также ремонт пешеходного тротуара, особенно в местах после ремонта системы холодного водоснабжения»*.

Результаты социологического исследования среди жителей моногородов Хакасии и интервью с главами их поселений показали, что набор тех значимых социально-экономических проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, не является специфичным и в целом актуален для городского населения Сибирского региона. Данные результаты могут быть интересны в контексте дискуссии о наличии «моногородской идентичности» и существовании феномена «моногорожанина»[11].

В моногородах Хакасии проживает почти 159 тыс. человек (это треть всего населения республики, или 43 % жителей городов). Поэтому анализ социально-экономических проблем данных поселений во многом раскрывает процессы городского развития в Республике Хакасия и позволяет оценить уровень урбанизационного развития региона. В связи с большой значимостью монопрофильных поселений в городской системе республики очевидно, что решение обозначенных проблем должно стать стратегической задачей региональной власти в ближайшей перспективе.

---

[10] Владимир Штыгашев впечатлен работой уполномоченного. URL: https://19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/150478-vladimir-shtygashev-vpechatlen-rabotoj-polnomochennogo?template=ia15032021&is_preview=on (дата обращения: 01.04.2021).

[11] *Агапов М.Г.* «Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 144–145.

Литература

Агапов М.Г. «Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 144–178.

Прищепа Е.В. Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Хакасии. Абакан: Бригантина, 2019. 160 с.

Тиникова Е.Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан: Бригантина, 2017. 125 с.

Шулбаев В.К. Хакасия в 90-е годы XX века: проблемы социально-экономического развития. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. 186 с.

Шулбаев В.К. Размещение промышленности в Хакасии. Абакан: Бригантина, 2015. 160 с.

References

Agapov, M.G. (2021). “Zdes’ vse neftyaniki”: diskursivno-simvolicheskoe proizvodstvo i osparivanie neravenstva v severnom monogorode [“All Oil Workers are Here”: Discursive and Symbolic Production and Challenging Inequality in Northern Monotown]. In *Antropologicheskiy forum*. No. 48, pp. 144–178.

Prishchepa, E.V. (2019). *Problemy razvitiya malogo i srednego predprinimatel’stva v Khakasii* [Problems of Development of Small and Medium-Sized Businesses in Khakassia]. Abakan, Brigantina. 160 p.

Shulbaev, V.K. (2004). Khakasiya v 90-e gody KHKH veka: problemy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya [Khakassia in the 90s of the Twentieth Century: Problems of Socio-Economic Development]. Abakan, Izdatel’stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 186 p.

Shulbaev, V.K. (2015). *Razmeshchenie promyshlennosti v Khakasii* [Placement of Industry in Khakassia]. Abakan, Brigantina. 160 p.

Tinikova, E.E. (2017). *Gorodskoe naselenie yuga Krasnoyarskogo kraya (1970–1989 gody)* [Urban Population of the South of Krasnoyarsk Territory (1970–1989)]. Abakan, Brigantina. 125 p.

В.В. Кондрашин*

ПОЛИТИКА «ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ»: БЫЛ ЛИ ПОТЕНЦИАЛ У НЭПА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ?**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-7
УДК 94:338(47)"1924/1929"

Выходные данные для цитирования:
Кондрашин В.В. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 80–92. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-07.pdf

V.V. Kondrashin*

POLITICS “FACING THE VILLAGE”: DID THE NEP HAVE POTENTIAL IN THE AGRARIAN SECTOR OF THE COUNTRY’S ECONOMY?**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-7

How to cite:
Kondrashin V.V. Politics “Facing the Village”: Did the NEP Have Potential in the Agrarian Sector of the Country’s Economy? // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 80–92. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-07.pdf]

Abstract. Based on the analysis of the policy “Facing the Village”, the article examines the problem of the potential of the NEP. It is concluded that it exists in the form of further state support for peasant farms, subject to the abandonment of emergency methods of grain procurement and a decrease in the pace of industrialization. This policy turned out to be effective as a means of restoring and developing the country’s agriculture on the basis of individual peasant farms. The NEP peasant economy could continue to exist and develop, increasing the volume of agricultural production. But its low marketability, which limited the scale of grain exports when the pre-revolutionary level of gross grain harvests was restored, the unwillingness of the peasants to sell bread under unfavorable conditions for them, created problems for the accelerated industrialization of the country, proclaimed by the Soviet government. In addition, politically, the further “revival of the soviets” in the countryside threatened the monopoly on power of the Communist Party. And the NEP was broken by the authorities as soon as the danger arose in the form of peasant opposition to the slowdown in the industrialization of the country during the grain procurement campaigns of 1927–1929.

Keywords: NEP, “Facing the Village” policy, “revival of the soviets”, peasant economy, grain procurements.

The article has been received by the editor on 15.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе анализа политики «лицом к деревне» рассматривается проблема потенциала нэпа. Делается вывод о его наличии в форме дальнейшей государственной поддержки крестьянских хозяйств при условии отказа от чрезвычайных методов хлебозаготовок и снижения темпов индустриализации. Данная политика оказалась эффективной как средство восстановления и развития сельского хозяйства страны на основе индивидуальных крестьянских хозяйств. Нэповская крестьянская экономика могла

* **Виктор Викторович Кондрашин,** доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: vikont37@yandex.ru
Viktor Viktorovich Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vikont37@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках апробации главы 13 тома «Истории России» Института российской истории Российской академии наук.
The article was prepared as part of the approbation of chapter 13 of volume “History of Russia” of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

и дальше существовать и развиваться, наращивая объемы сельскохозяйственного производства. Но ее низкая товарность, ограничивающая масштабы хлебного экспорта при восстановлении дореволюционного уровня валовых сборов зерновых хлебов, нежелание крестьян продавать хлеб по невыгодным для них условиям создавали проблемы для ускоренной индустриализации страны, провозглашенной советской властью. Кроме того, в политическом отношении дальнейшее «оживление советов» в деревне ставило под угрозу монополию на власть Коммунистической партии. И нэп был сломан властью, как только возникла опасность в виде крестьянского противодействия, торможения взятых темпов индустриализации страны в ходе хлебозаготовительных кампаний 1927–1929 гг.

Ключевые слова: нэп, политика «лицом к деревне», «оживление советов», крестьянское хозяйство, хлебозаготовки.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022

Актуальной и дискуссионной проблемой в современной историографии остается вопрос о потенциале нэпа[1]. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть его на основе анализа содержания и результатов политики «лицом к деревне», проводившейся в советской деревне в 1925–1926 гг. Как известно, автором крылатого выражения «лицом к деревне» был председатель Петроградского совета и исполкома Коминтерна, член Политбюро ЦК ВКП(б) Г.Е. Зиновьев, впервые употребивший его в своей статье в «Правде» от 30 июня 1924 г.[2] В историографии главными причинами изменения аграрной политики советской власти в 1925 г. исследователи обоснованно называют «глубоко враждебное отношение к власти» крестьянства, проявившееся в открытых «антисоветских выступлениях» (Грузинское восстание) – с одной стороны, и «понимание партийным руководством неустойчивости своих позиций в деревне» – с другой: «государственные верхи были обеспокоены не столько за судьбу деревни, сколько за свою судьбу»[3].

Данное заключение подтверждается и оценкой ситуации в стране во второй половине 1924 г. И.В. Сталиным. 22 октября 1924 г., выступая на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б), он заявлял: «То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству, если не создадим атмосферы полного доверия между партией и беспартийными, если не будем прислушиваться к голосу беспартийных, наконец, если не оживим Советов для того, чтобы дать выход политической активности трудовых масс крестьянства»[4]. О том, что при нэпе «новый Тамбов, или новый Кронштадт вовсе не исключены», а «закавказское, грузинское восстание» явилось для большевиков «большим предостережением» возможности новых таких восстаний, если они не научатся преодолевать и вскрывать существующие язвы и «будут создавать видимость внешнего благополучия», И.В. Сталин повторил в своей речи на заседаниях Оргбюро ЦК РКП(б) 20 и 26 января 1925 г.[5] Говоря о задачах партии, он подчеркнул, что в сложившихся условиях «на первый план нашей работы мы выдвигаем теперь вопрос о крестьянстве», «наш курс есть новый курс, серьезный и безусловно отмечающий новую линию нашей политики в отношении всех трудящихся слоев деревни в деле постройки социализма», «одно из двух»:

[1] Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 4. С. 5–17.
[2] Правда. 1924. 30 июня.
[3] *Венер М.* Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 87–88; *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия. СПб., 1997; *Ильиных В.А.* «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 275–282.
[4] *Сталин И.В.* Об очередных задачах партии в деревне. Недостатки докладов с мест. Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 г. // Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 308–309.
[5] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 866.

«либо мы вместе с беспартийным крестьянством, вместе с нашими советскими и партийными работниками на местах будем сами себя критиковать для того, чтобы улучшать дело, либо недовольство крестьян будет накапливаться и прорвется в виде восстаний» и «это будет критика оружием[6].

В рамках нового курса аграрной политики необходимо было решать проблемы завышенных цен на промтовары при крайне низких ценах на сельхозпродукты, высокого уровня налогообложения, методов принуждения, господствовавших в практике работы партийного и советского аппаратов в деревне, широкого распространения различных форм административных наказаний: арестов, штрафов и пр. Только в таком случае было возможно изменить отношение крестьян к советской власти, преодолеть возникший «кризис нэпа», побудить крестьян к более эффективному труду в своих хозяйствах.

Поворот партии «лицом к деревне» утвердил проходивший 25–27 октября 1924 г. пленум ЦК РКП(б). Его решения были подготовлены созданным в сентябре 1924 г. постоянным совещанием по работе в деревне при ЦК РКП(б) в составе А.А. Андреева, М.И. Калинина, Н.К. Крупской, В.М. Молотова (председатель), И.В. Сталина и др.[7] Пленум осудил административный произвол в деревне. Выступая на эту тему на пленуме, Н.И. Бухарин говорил: «Методами администрирования, которые вполне оправдали себя во время военного коммунизма, мы сейчас деревню держать не можем. И чем скорее мы поймем, тем лучше»[8].

Идеологическим оформлением нового курса стало так называемое «дымовское дело» – убийство в с. Дымовке Николаевского округа Одесской губернии летом 1924 г. селькора Г. Малиновского. Обычный бытовой конфликт был искусственно возведен корреспондентом «Правды» Л.С. Сосновским до политического уровня: селькора убила «шайка, выдававшая себя за коммунистов», связанная с кулаками, отомстившая ему за разоблачения их махинаций[9]. Позицию Л.С. Сосновского поддержали ЦК РКП(б) и лично И.В. Сталин, получившие хороший повод для перетряски состава низовых сельских советов, оторвавшихся от крестьян, скатившихся на голое администрирование, неспособных успешно проводить в деревне линию партии.

Как отметил в своем выступлении на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) в январе 1925 г. В.М. Молотов, Дымовка заставила «обратить внимание на весь советский аппарат, на его состояние»[10]. И.В. Сталин на том же заседании поддержал его и подчеркнул, что дело не в том, «что селькор убит», а в том, «чтобы поставить на рельсы дело улучшения нашей строительной социалистической работы в деревне»[11]. В результате «дымовское дело» стало обоснованием и подтверждением своевременности курса партии на «оживление советов».

Экономическая составляющая курса партии «лицом к деревне» была изложена в принятой на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) резолюции «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни», в решениях XIV конференции ВКП(б) (апрель 1925 г.) и III Всесоюзного съезда Советов (май 1925 г.). В качестве основной экономической задачи партии и советской власти в деревне объявлялось «содействие развитию производительных сил», «дальнейшему росту сельского хозяйства всей крестьянской массы» на основе «дальнейшего развертывания товарного оборота страны», признавалась нецелесообразность применения каких-либо административных мер против «вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни», планировалось увеличение государственных расходов на сельское хозяйство[12]. Эти меры, как

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866.
[7] История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М., 1986. С. 305.
[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 154. Л. 59.
[9] Там же. Л. 16 об.; *Капустян А.Т.* «Дымовское дело»: мнимое и реальное // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 186–188.
[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 14.
[11] Там же. Л. 16 об.
[12] Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 254; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984. Т. 3. С. 268, 340–349; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 473.

справедливо отмечали исследователи, свидетельствовали о формировании в 1925 г. новой концепции развития деревни, предусматривающей «либерализацию отношений партийно-государственного руководства к зажиточному мужичку»[13].

В апреле 1925 г. суть нового подхода партии к крестьянству выразил в одной фразе Н.И. Бухарин: «Обогащайтесь!». Это был призыв ко всему крестьянству, а не к кулаку, как он был понят политическими оппонентами Бухарина. И середнякам, и беднякам следовало поднимать свое хозяйство на более высокий производственный уровень, а кулацкие хозяйства должны были развиваться, не нарушая советского законодательства[14].

Для стимулирования хлебозаготовок и сглаживания «ножниц цен» в 1925 г. были повышены государственные закупочные цены на зерновые продукты. К началу сбора урожая цены на рожь и овес выросли в 2,2 раза, на пшеницу – в 1,8 раза, на ячмень – почти в 2 раза. Снижение цен в связи с завершением уборки хорошего урожая осенью 1925 г. (в РСФСР собрано 4 512,4 млн пудов по сравнению с 2 784,3 млн пудов в 1924 г.) оказалось незначительным[15].

Весной 1925 г. на 40 % был снижен сельскохозяйственный налог (на 100 млн руб.), крестьянам заранее была объявлена твердая ставка налога. С 1925 г. увеличилось государственное ассигнование на сельское хозяйство. В заключении Наркомфина СССР от 17 июля 1925 г. отмечалось, что сельское хозяйство в этом году «именинник», поскольку «все постановления высших органов» при рассмотрении вопросов сельского хозяйства «указывают на необходимость увеличения ассигнований на сельское хозяйство»[16]. Утвержденная советским правительством в бюджете на 1925/1926 г. статья расходов на сельское хозяйство (310 млн руб.) в 1,8 раза превышала показатель 1924/1925 г. (170,3 млн руб.)[17].

Для организации «дешевого кредита для крестьянства» было увеличено финансирование созданного с этой целью в феврале 1924 г. Центрального сельскохозяйственного банка. На 14 декабря 1925 г. его основной капитал составил 45 млн руб.[18]

Летом 1925 г. в соответствии с решениями III съезда Советов СССР, указавшего на необходимость проведения «планомерных мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства в засушливых районах», были приняты меры по борьбе с засухой[19]. 3 июля 1925 г. постановлением ЦИК и СНК СССР был создан фонд борьбы с засухой в размере 77 млн руб., которые следовало реализовать на эти цели в течение 3 лет[20]. В реальности за период с 1925 по 1927 г. на борьбу с засухой было израсходовано 42,2 млн руб. В 1925 г. на ликвидацию последствий недорода и голода Советское правительство выделило 108 млн руб. без учета тех средств, которые направлялись из местных источников, что позволило не допустить разрастания голода до масштабов 1921–1922 гг.[21]

Учитывая недовольство крестьян дороговизной землеустроительных работ, 19 августа 1925 г. решением СТО Наркомземам союзных республик был выделен чрезвычайный кредит в размере 3 млн руб. «на землеустройство беднейших крестьян»[22].

В 1925 г. Советское правительство приняло меры по усилению механизации сельского хозяйства страны. В частности, принятое 5 августа 1925 г. постановление СТО СССР «О поставке тракторов для сельскохозяйственных надобностей» признавало необходимым принять меры к возможно большему распространению тракторов между «трудовыми слоями населения» в целях пополнения недостающей тягловой силы и улучшения способов обработки земли. Ввиду значительной разницы между ценами тракторов внутреннего и внешнего производ-

[13] *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика… С. 340.
[14] Правда. 1925. 24 апр.
[15] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 3. Д. 889. Л 64; СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825–827. С. 790.
[16] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 333. Л. 16 об.
[17] Там же. Д. 500. Л. 118.
[18] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 473. Л. 11.
[19] *Ильин С.С.* Государственное экономическое регулирование аграрной сферы АПК России: история: теория и практика. М., 2009. С. 127.
[20] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 468. Л. 113.
[21] СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1924–1925 бюджетный год. М., 1926. С. 254.
[22] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 332. Л. 15.

ства устанавливались твердые продажные цены на все тракторы независимо от их производства. При этом учреждались льготы на приобретение «трудовым населением» необходимых ему тракторов: рассрочка платежа за приобретаемые им тракторы и т.п. Оплата тракторов заграничного производства распределялась на срок до 2 урожаев, а тракторов внутреннего производства – на срок до 3 урожаев[23]. Размеры государственного кредита на приобретение крестьянскими хозяйствами техники с 1923 по 1925 г. увеличились почти в 15 раз (с 3,5 млн руб. до 52 млн руб.)[24]. В 1925/1926 г. государственные расходы на импорт сельскохозяйственных машин превысили довоенный уровень[25]. В рассматриваемый период широкое распространение получила сеть государственных прокатных пунктов сельскохозяйственной техники.

Оценка итогов кредитования аграрного сектора экономики СССР в рассматриваемый период дана в статье Н.Д. Кондратьева «Современное состояние народно-хозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства», опубликованной в марте 1926 г. в сборнике статей Института финансово-экономических исследований при Наркомате финансов СССР. Н.Д. Кондратьев писал: «Кредитная экспансия имела достаточно мощное устремление в сельское хозяйство. Широкая заготовительная кампания опиралась на столь же широкое ее кредитование. На 1 октября 1925 г. размер активных операций Госбанка по финансированию хлебозаготовительной кампании достиг 256,7 млн руб. против 65,7 на 1 октября 1924 г., т.е. увеличение составляет 283,5 %. Мы не говорим здесь о других источниках кредитования сельского хозяйства через сельскохозяйственный банк, кооперацию и т.д. В общем, к деревне был предъявлен огромный денежный спрос на ее продукты. Деревня давала довольно много товаров. Мы видим, что заготовки этого года значительно превзошли заготовки прошлого года, но они дали меньше товаров, чем ожидалось, меньше, чем предполагалось по размерам кредитования. В результате превышение спроса над предложением обозначилось и на сельскохозяйственном рынке. Почему это произошло? Хотя в прошлом году деревня имела плохой урожай зерновых, но она имела высокие хлебные цены, которые по ценности компенсировали снижение урожая. Если урожай 1924–25 г. оказался ниже урожая предыдущего года на 9,8 %, то хлебные цены в 1924–25 г. были выше цен предыдущего года на 40–50 %. Кроме того, деревня имела сравнительно хорошую продукцию других отраслей сельского хозяйства, которую она продала также по сравнительно высоким ценам»[26].

Таким образом, свидетельство выдающегося российского экономиста Н.Д. Кондратьева – важный аргумент в пользу имевшегося потенциала нэпа при условии как минимум сохранения проводимой политики государственного кредитования сельского хозяйства СССР.

1 сентября 1925 г. Президиум Госплана СССР утвердил перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923/1924–1927/1928 гг., который предусматривал «развитие производительных сил, выражающееся в росте продукции сельского хозяйства и его товарности, усиление процессов индустриализации и интенсификацию сельского хозяйства, подведение технической базы под сельскохозяйственное производство, повышение производительности аграрного труда, рост накопления и кооперации всех видов» и т.д.[27] Перспективные планы развития сельского хозяйства на 1925/1926–1929/1930 гг. были составлены в УССР и БССР, а также для Центрально-Черноземного района, наиболее подверженного недородам[28]. В управлениях Наркомзема разрабатывались перспективные отраслевые планы (пятилетний план государственного семеноводства, перспективный план по снабжению минеральными удобрениями, развитию льноводства и коноплеводства, тонкорунного и полугрубошерстного овцеводства, птицеводства и т.д.)[29].

[23] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 473. Л. 137.
[24] *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 137.
[25] История советского крестьянства… Т. 1. С. 274.
[26] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 1090. Л. 101–102.
[27] Отчет Народного Комиссариата Земледелия РСФСР за 1924–25 г. М., 1926. С. 42–43.
[28] СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 248; СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1924–1925 бюджетный год. М., 1926. С. 233–234.
[29] *Ильин С.С.* Государственное экономическое регулирование… С. 125.

В соответствии с новым курсом были внесены коррективы в земельное законодательство, которые предоставляли большую хозяйственную свободу предприимчивым крестьянам. Так, апрельский (1925 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение: «Не ставить административных преград для выделения на отруба и хутора, строго соблюдая право свободы выбора форм землепользования согласно Земельному кодексу»[30]. Законодательно решение пленума было закреплено III Всесоюзным съездом Советов (20 мая 1925 г.), и в постановлении СНК РСФСР «О мерах по улучшению землеустройства» от 9 октября 1925 г. земельным органам предлагалось «направить все усилия непосредственно на улучшение подворно-хозяйственного пользования землей». Приоритетное внимание следовало уделять преодолению чересполосицы, в том числе за счет выделения отрубов[31].

На сокращение практики уравнения общинных земель и предупреждение нецелесообразного дробления крестьянских хозяйств был направлен циркуляр Наркомзема от 21 мая 1925 г. «О недопущении частых переделов, противоречащих Земельному кодексу»[32].

В соответствии с решениями III съезда Советов СССР, циркуляра Наркомзема РСФСР от 21 мая 1925 г. и утвержденных СНК СССР 18 апреля 1925 г. «Временных правил об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» трудовая аренда земли увеличивалась с 3 до 12 лет, в случае использования труда батраков она сохранялась при условии выполнения арендатором подписанного с батраками трудового договора о 8-часовом рабочем дне, выходных днях, заработной плате[33].

Осуществление большевистской партией «нового курса» по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Этому способствовали мероприятия по так называемому «оживлению» советов.

Линия партии на оживление деятельности сельских советов начала реализовываться на практике в январе–феврале 1925 г., когда были проведены перевыборы сельских советов. Данная линия преследовала цель поднять авторитет большевистской партии и советской власти в целом в деревне. Для руководства партии был очевиден низкий авторитет сельских советов в глазах подавляющей массы крестьян, показателем которого стали факты массового абсентеизма сельских избирателей во время выборов в советы осенью 1924 г.: в РСФСР в 70 % уездов, где прошли выборы, на избирательные участки явилось чуть больше одной трети избирателей, были селения, в которых на выборы не явился никто[34].

На эту тему характерны высказывания лидеров большевистской партии. И.В. Сталин в статье в «Правде» от 25 июня 1925 г. констатировал: «До сего времени дело обстояло так, что в целом ряде районов выборы Советов в деревне представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру протаскивания “депутатов” путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть»[35].

В.М. Молотов при обсуждении обстоятельств «дымовского дела» заявлял, что сельские советы «не удовлетворяют крестьян, они от них отказываются и заменяют другим не советским аппаратом», «советы в деревне занимаются пустяками, а основной работой занимаются не советы, а специально выбираемые уполномоченные от крестьян»[36].

В последнем случае речь шла об общине, которая оставалась реальным «хозяином» в деревне при действующей сельской советской власти. О силе и авторитете общины заключал С.Н. Прокопович на основе анализа материалов советских газет. Он писал: «То место, которое предназначалось сельским Советам, оказалось фактически занятым возродившимися из пепла (а может быть, никогда не умиравшими) сельскими сходами. Вокруг этих сельских

[30] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 345.
[31] Известия. 1925. 31 окт.; СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 248.
[32] *Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 64.
[33] СЗ СССР. 1925. № 26. Ст. 189; Съезды Советов в документах. 1917–1936. М., 1959. Т. 1. С. 169.
[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 16.
[35] Правда. 1925. 25 июня.
[36] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 14.

сходов, а не сельских Советов, течет, как оказывается, жизнь русской деревни. При этом, как отмечается в советской печати, активность сходов растет»[37].

По замыслам большевистского руководства, «оживление» советов должно было иметь успех, поскольку осенью 1924 г. был повышен статус данного органа власти в деревне. Положением ВЦИК от 16 октября 1924 г. и другими законодательными актами были значительно расширены полномочия уездных, волостных и сельских советов. Они получили право иметь свои бюджеты, производить денежные займы, заключать договоры на подряды и поставки, предъявлять судебные иски и отвечать по суду. Их важнейшие задачи состояли в содействии развитию сельского хозяйства, осуществлению агромероприятий, организации кооперативов и колхозов. Для поддержки наиболее слабых крестьянских хозяйств волостной исполнительный комитет имел право распределять семенные ссуды, выдавать в кредит сельхозинвентарь и т.п.[38] Все это позволяло усилить советы в деревне и одновременно ослабить позиции общины.

29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР постановил отменить результаты прежних выборов в сельские советы и провести повторные перевыборы там, где голосовало менее 35 % избирателей, или в случае жалоб граждан на незаконные действия органов, руководивших выборами[39]. В январе 1925 г. под руководством М.И. Калинина было проведено совещание с местными работниками по советскому строительству. Параллельно ЦК создал особую комиссию по этому вопросу. Была утверждена новая инструкция о перевыборах в советы. Категорически запрещалось предлагать на избирательных собраниях списки кандидатов в советы, на избирательные комиссии возлагалась обязанность наблюдать за тем, чтобы на избирателей не оказывалось давление. Перевыборы советов виделись их организаторами как «чистка» низового соваппарата, ячеек партии и комсомола от лиц, скомпрометировавших себя пьянством, «якшаньем с кулаками» и т.д.[40]

В январе–феврале 1925 г. состоялась новая избирательная кампания в сельские советы в 39 губерниях. В ней приняли участие 44,7 % избирателей[41]. Ее результаты оказались неожиданными для власти. В новых советах оказалось меньше коммунистов и комсомольцев. По сравнению с прежним составом сельсоветов, процент коммунистов уменьшился с 7,1 до 3,6 %, а комсомольцев – с 4,2 до 2,33 %[42]. На Северном Кавказе образовались сотни сельсоветов, в которых почти не было коммунистов. Социальный состав сельсоветов после повторных выборов изменился в пользу середняков (возрос с 30–40 до 70–75 %). В сообщениях с мест партийных органов констатировалось, что партийцы, участвовавшие в Гражданской войне, «без жалости выбрасываются за борт», коммунисты оценивают новую политику «как курс на кулака» и «отстранение партии от руководства советами»[43]. Настроения значительной части сельского актива и бедноты, проигравших выборы, охарактеризованы в датированных мартом 1925 г. документах Кубанского окружкома ВКП(б). В одном из них приводился следующий отрывок из выступления на собрании бедноты красноармейца: «дайте приказ убить по 20 человек казаков-кулаков на одного красноармейца, и мы в одну ночь перережем всех этих контрреволюционеров, а если не будет этого приказа, мы их все равно понемножку перережем, вот только придет лето»[44]. Работники Курского уездного комитета РКП(б) заявляли, что «позиция ЦК в отношении “свободных” выборов и вовлечения беспартийных неправильна, т.к. выполняя директиву ЦК, мы не удержим за собой руководство в Советах»[45]. Похожие мысли высказал член райкома партии в Енисейской

[37] Цит. по: *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997. С. 98.
[38] СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825–827.
[39] СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.
[40] Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 126.
[41] Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 гг. Вып. 2. М., 1925. С. 9, 23, 34, 36.
[42] Сельсоветы и волисполкомы. М.; Л., 1925. С. 49; *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991. С. 6.
[43] На аграрном фронте. 1925. № 5–6. С. 200.
[44] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 223–223 об.
[45] На аграрном фронте. 1925. № 5–6. С. 198; Сельсоветы и волисполкомы… С. 19; *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП… С. 6.

губернии: «Почему нужно сдавать позиции? Это не большевистский подход к работе. Не для того мы все завоевали, чтобы сдавать беспартийным»[46]. В обзоре политического состояния СССР за апрель 1925 г. ОГПУ, содержащим информацию об отношении сельского населения «к повороту “лицом к деревне”», говорилось: «Кулачество повсюду оценивает этот поворот как уступку Советской власти», «власть переходит к зажиточным», «настроение закабаленной бедноты подавленное»[47].

Совершенно другими были настроения основной массы крестьян, для которых выборы означали победу и еще большее укрепление позиций общины в деревне. Данный факт зафиксирован в документах, относящихся к более позднему периоду (второй половины 1920-х гг. и коллективизации). В 1926 г. заместитель наркома внутренних дел М.Ф. Болдырев отмечал, что «последний 1924 г. и большая часть 1925 г.» являлись «временем действительного, реального оформления и осуществления принципа местного самоуправления»[48]. М. Резунов (вероятно, инструктор ВЦИК или ЦИК) указывал: «В 1925 г. отмечалось почти полное поглощение сельсовета сходом»[49]. В марте 1930 г. в Козловском округе ЦЧО крестьянские выступления на почве недовольства коллективизаций проходили под лозунгом: «Да здравствует Советская власть 1925-го года»[50]. В этом же году в Средне-Волжском крае земельные общества весной 1930 г. «захватным порядком присвоили такие права», «которые имели место в 1924–25 г.»[51].

Осенью 1925 г. была предпринята еще одна попытка «оживления советов» путем организации новых перевыборов сельсоветов. При этом ставка делась на бедноту как главную опору советской власти в деревне. Ставилась цель вырвать ее из-под влияния кулака при поддержке середняков, кооперации и крестьянских комитетов взаимопомощи, выдвинув своих кандидатов на перевыборах советов. На это нацеливали решения октябрьского (1925 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О работе партии среди деревенской бедноты»[52]. В помощь бедноте на выборах мобилизовывался комсомол, привлекались женские организации и крестьянские комитеты взаимопомощи[53].

Ноябрьские выборы прошли при низкой явке избирателей, не желавших переизбирать избранные в начале 1925 г. советы. В некоторых деревнях население целиком отказывалось являться на собрания, заявляя: «Кого хотите, того и выбирайте». В с. Большой Полянке Воронежской губернии, чтобы созвать крестьян на перевыборы, в течение пяти часов звонили в колокол, но на собрание никто не явился. Но и в этой ситуации результаты оказались неутешительными для власти: как и раньше, в советы прошли ставленники кулаков («бывшие урядники», «служащие полиции» и т.п.), о чем указывалось, например, в сводке информотдела ОГПУ «О ходе перевыборов советов на 18 ноября 1925 г.»[54].

Наряду с успехами в перевыборных кампаниях в сельсоветы, в 1925 г. показателем укрепления позиций общины в деревне и возросшей политической активности крестьян стало движение за создание крестьянского союза. В 1925 г. ОГПУ установило уже 543 факта «агитации за крестьянский союз» в сельских районах страны – почти в 4 раза больше, чем в 1924 г.[55] При этом во многих случаях данную идею поддерживали местные коммунисты и сельские активисты (комсомольцы, советские работники и т.д.)[56]. В Полтавской губернии возникла идея создания крестьянского союза по образцу американских фермерских союзов. В Иркутской губернии крестьяне предлагали организацию крестьянского союза «во всерос-

[46] На аграрном фронте. 1925. № 5–6. С. 198.
[47] Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину… Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 233.
[48] *Болдырев М.Ф.* Оживление советов. М.; Л., 1926. С. 17.
[49] *Резунов М.* Сельские советы и земельные общества. М., 1928. С. 49.
[50] *Ляпина Т.А.* Начало раскулачивания на Тамбовщине // Общественно-политическая жизнь Российской провинции. XX век. Тамбов, 1993. С. 77.
[51] О политическом положении в деревне и ходе сева. Самара, 1930. С. 27–28.
[52] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 415.
[53] История советского крестьянства… Т. 1. С. 310–315.
[54] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. М., 2000. С. 78–393.
[55] *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба в деревне, 1921–1923. М., 1968. С. 90.
[56] Советская деревня глазами… Т. 2. С. 170.

сийском масштабе» с целью «давления на соввласть». Факты «агитации» за «крестьянский союз» в 1923–1925 гг. были отмечены ОГПУ в Московской, Калужской, Ярославской, Смоленской, Гомельской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Новониколаевской, Томской, Иркутской губерниях, а также в Черкесско-Адыгейской и Уральской областях и Автономной Карельской ССР[57].

Если подытожить результаты политики «оживления» советов, то можно констатировать, что в 1925 г. борьба за советы между коммунистической партией и крестьянской общиной не завершилась, и в целом политика «оживления советов» не привела к нужному для большевистского руководства результату.

Политика «лицом к деревне», как и вся новая экономическая политика первой половины 1920-х гг., обеспечила восстановление сельского хозяйства страны, подорванного Гражданской войной, с точки зрения валовых показателей сельскохозяйственного производства в сравнении с дореволюционным уровнем[58]. Но нэп не решил проблемы восстановления и увеличения товарности сельского хозяйства страны. Она заметно уступала уровню дореволюционного периода. В частности, в 1926/1927 г. товарная продукция зернового хозяйства СССР составила 13,3 % по сравнению с 26 % в 1913 г.[59] Хлебный экспорт СССР в 1923–1925 гг. по количественным показателям в 4 раза уступал довоенному экспорту (до войны вывозилось почти 10 млн т зерновых хлебов)[60]. Его доля в мировом хлебном экспорте не превышала 8 % по сравнению с 27 % хлебного экспорта России в 1909–1913 гг.[61] Низкая товарность зернового производства в СССР в первой половине 1920-х гг. объяснялась тем, что в «обедняченной» в результате революционных потрясений, Гражданской войны и политики «военного коммунизма» деревне основная масса выращенного хлеба шла на личное потребление. Кроме того, в отличие от дореволюционной ситуации, в аграрном секторе экономики страны отсутствовали крупные товаропроизводители – помещики, а нэповские кулацкие хозяйства уступали по мощности столыпинским кулакам. Поэтому именно хлебозаготовки становились главной причиной кризиса нэпа и его постепенного свертывания.

Осенью 1925 г. стали нарастать хозяйственные трудности. Не выполнялся план хлебозаготовок, который предполагалось реализовать до 1 января 1926 г. Такая поспешность была вызвана стремлением экспортировать в Европу зерновые культуры до того, как там появится более дешевый хлеб из Северной Америки и Аргентины. Также следовало не допустить сильного падения хлебных цен осенью, когда его обычно продавали середняки и бедняки. Это привело бы к новому кризису сбыта промышленных товаров и снизило бы темпы подъема сельского хозяйства в целом. Форсирование экспорта позволяло увеличить спрос и тем самым задержать падение цен. Наличие в руках государства значительного хлебного фонда дало бы возможность сократить спрос весной и тем самым затормозить рост цен.

Но в августе–сентябре 1925 г. начались серьезные затруднения в хлебозаготовках. Отрицательную роль сыграли обильные дожди, охватившие с конца июля до начала сентября основные производящие районы. К этому времени уже были заключены договора на экспорт больших партий зерна, в портах стояли зафрахтованные пароходы, ожидающие хлеб. Сложилась ситуация, прямо противоположная той, которую планировали в начале кампании: не малоимущие слои продавали хлеб по низким ценам, а зажиточные – по высоким. Рост цен мог привести к нерентабельности хлебного экспорта, тем более что на мировом рынке началось падение цен. Чтобы не допустить этого, в конце сентября – начале октября 1925 г. были директивно снижены заготовительные цены (на 10–15 %, а по отдельным районам еще больше – например, по Украине заготовительные цены на ячмень упали на 25 %). Для предотвращения массовой скупки хлеба у кулаков и зажиточных крестьян «внеплановыми заготовителями» (частниками и другими организациями) 9 ноября 1925 г. Совет Труда и

[57] Советская деревня глазами… Т. 2. С. 192–193, 196, 265.
[58] *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 83–84.
[59] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6971. Л. 196.
[60] История советского крестьянства… Т. 1. С. 283.
[61] Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1924–1925 гг. М., 1925. С. 41.

Обороны принял постановление о введении на железных дорогах экономического регулирования: грузы частных отправителей относились в так называемую 5-ю категорию, чем ограничивалась или вовсе устранялась возможность для частных хлеботорговцев получать вагоны и отправлять хлеб[62]. При нехватке вагонов и паровозов это привело к фактическому устранению от заготовок крупных частных заготовителей.

Реакцией крестьян на указанные меры стало сокращение продажи хлеба государству. В результате итоги второго квартала хлебозаготовительной кампании оказались весьма плачевными. Вместо 376 млн пудов по первоначальному плану было заготовлено 176 млн пудов. План концентрации в портах хлеба для экспорта был выполнен всего на одну четверть. Выполнить годовой план хлебозаготовок в 780 млн пудов было уже невозможно, и 10 декабря 1925 г. был принят новый план – 600 млн пудов. Одновременно был снижен план хлебного экспорта (с 350 до 195 млн пудов, а в феврале 1926 г. – еще до 143 млн пудов)[63].

Нежелание продавать государству хлеб по сниженным ценам, результаты «оживления» советов (ослабление позиции коммунистов советах), движение крестьян за крестьянский союз и другие подобные факты были расценены большевистским руководством как «кулацкая опасность». О ее существовании и необходимости борьбы с ней было открыто заявлено в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б). Было сказано о «росте кулачества» и «различных форм эксплуатации им трудового крестьянства», о том, что «кулацкий слой пытается вести и очень часто ведет середняка за собой»[64]. Поэтому необходимо было дать решительный «отпор кулачеству», ограничить его «эксплуататорские стремления», организовывать и сплотить с этой целью бедноту и батрачество, «добиваться действительного проведения в жизнь законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, и предоставленных им по этим законам льгот»[65]. В этой связи, как справедливо писал Б.Д. Бруцкус, с конца 1925 г. «либеральные тенденции в хозяйственной политике» столкнулись с «коммунистической реакцией, которая в конце 1926 г. полностью взяла вверх»[66].

Таким образом, период разработки и осуществления «нового курса» партии «лицом к деревне» оказался весьма кратковременным. Большая часть принятых в этот период решений в дальнейшем в связи с кризисом хлебозаготовок была пересмотрена или не доведена до конца на практике.

Каков же опыт политики «лицом к деревне» в контексте дискуссии о потенциале нэпа? Данная политика оказалась эффективной как средство восстановления и развития сельского хозяйства страны на основе индивидуальных крестьянских хозяйств. Нэповская крестьянская экономика могла и дальше существовать и развиваться, наращивая объемы сельскохозяйственного производства. Но ее низкая товарность, ограничивающая масштабы хлебного экспорта при восстановлении дореволюционного уровня валовых сборов зерновых хлебов, нежелание крестьян продавать хлеб на невыгодных для них условиях создавали проблемы для ускоренной индустриализации страны, провозглашенной советской властью. Кроме того, в политическом отношении дальнейшее «оживление советов» в деревне ставило под угрозу монополию на власть Коммунистической партии. И нэп был сломан властью, как только возникла опасность в виде крестьянского противодействия, торможения взятых темпов индустриализации страны в ходе хлебозаготовительных кампаний 1927–1929 гг. Данный факт хорошо известен в историографии и не подлежит сомнению.

Тем не менее, на наш взгляд, остается открытым вопрос: как бы повели себя крестьяне в хозяйственном отношении в 1926 и последующих годах, если бы им дали больше денег, а власть «сбавила бы обороты» по части темпов индустриализации, не прекращая ее в принципе? Если бы были отрегулированы цены («ножницы цен») и сталинское руководство

[62] *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 117.
[63] Россия нэповская. М., 2002. С. 225.
[64] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 407.
[65] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 413, 416.
[66] *Бруцкус Б.Д.* Советская Россия. СПб., 1995. С. 30, 188.

не пошло бы на поводу у искаженной статистики, обосновавшей в угоду ему огромные крестьянские запасы товарного хлеба, которых в действительности не было? Ведь именно на основании этого мифа была устроена «чрезвычайщина» во время кризиса хлебозаготовок: у кулака есть хлеб, и его нужно забрать силой[67]. Но хлеба не было в том количестве, о котором заявлялось «прогнутой властью» статистикой.

В этом смысле потенциал нэпа – это потенциал передовых крестьянских хозяйств, который, на наш взгляд, еще не изучен в должной мере. Необходимо проследить «цепочку» государственного финансирования крестьянских хозяйств в годы нэпа. Если бы финансирование наращивалось, то каков бы мог быть результат развития крестьянских семейно-трудовых хозяйств? Как бы развивались крестьянские хозяйства, если бы становилось больше передовых хозяйств при условии другой государственной политики выхода из кризиса хлебозаготовок – не на основе «чрезвычайщины», а с помощью мер преодоления данного кризиса, более «мягких» по форме? На эту тему стоит подумать.

Литература

Болдырев М.Ф. Оживление советов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 46 с.

Бруцкус Б.Д. Советская Россия. СПб.: Звезда, 1995. 229 с.

Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 87–88.

Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.

Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 451 с.

Данилов В.П. К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 26–32.

Ильин С.С. Государственное экономическое регулирование аграрной сферы АПК России: история, теория и практика. М.: Социум, 2009. 599 с.

Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 224 с.

Ильиных В.А. «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 275–282.

История советского крестьянства: в 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М.: Наука, 1986. 455 с.

Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М.: ИРИ, 1997. 155 с.

Капустян А.Т. «Дымовское дело»: мнимое и реальное // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 186–188.

Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 4. С. 5–17.

Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне, 1921–1923. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 294 с.

Ляпина Т.А. Начало раскулачивания на Тамбовщине: теория и практика (1929–1930 гг.) // Общественно-политическая жизнь Российской провинции. XX век. Тезисы докладов межвузовской науч. конф. Тамбов: ТИХМ, 1993. С. 75–78.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.

Резунов М. Сельские советы и земельные общества. М.: Изд-во Коммун. акад., 1928. 77 с.

Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.

[67] *Данилов В.П.* К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 30.

Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М.: Институт российской истории РАН, 2002. 502 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.

Сталин И.В. Об очередных задачах партии в деревне. Недостатки докладов с мест. Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 г. // Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 308–309.

Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия. СПб.: Дмитрий Булавин, 1997. 399 с.

References

Berelovich, A., Danilov, V. (Eds.). (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. T. 2* [Soviet Village Through the Eyes of Cheka-OGPU-NKVD. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN. 1168 p.

Boldyrev, M.F. (1946). *Ozhivlenie sovetov* [The Revival of Soviets]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo. 46 p.

Brutskus, B.D. (1995). *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia]. St. Petersburg, Zvezda. 229 p.

Danilov, V.P. (1957). *Sozdanie material'no-tehnicheskih predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva v SSSR* [Creation of Material and Technical Prerequisites for Agricultural Collectivization in USSR]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 451 p.

Danilov, V.P. (2006). K voprosu o ponimanii nepa [To the Question of Understanding NEP]. In *NEP: economicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty.* Moscow, pp. 26–32.

Goland, Yu. (1991). *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises that Destroyed the NEP]. Moscow, MNIIPU. 94 p.

Ilyin, S.S. (2009). *Gosudarstvennoe ekonomicheskoe regulirovanie agrarnoy sfery APK Rossii: istoriya, teoriya i praktika* [State Economic Regulation of Agrarian Sector of Russian Agro-Industrial Complex: History, Theory and Practice]. Moscow, Sotsiom. 599 p.

Ilinykh, V.A. (1992). *Kommertsiya na hlebnom fronte (Gosudarstvennoe regulirovanie hlebnogo rynka v usloviyah nepa. 1921–1927 gg.)* [Commerce on the Grain Front (State Regulation of Grain Market under the NEP. 1921–1927)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 224 p.

Ilinykh, V.A. (2021). "Litsom k derevne". Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva v seredine 1920-kh godov ["Facing the Village". Agrarian Policy of the Soviet State in the mid-1920-s]. In *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennyy stoletiyu nachala NEPa.* Novosibirsk, pp. 275–282.

Kabanov, V.V. (1997). *Krest'yanskaya obshchina i kooperatsiya v Rossii XX veka* [Peasant Community and Cooperation in Russia in XX century]. Moscow, IRI. 155 p.

Kapustyan, A.T. (1990). "Dymovskoe delo": mnimoe i real'noe ["Dymovskoe case": Imaginary and Real]. In *Voprosy istorii.* No. 7, pp. 186–188.

Kostrikin, V.I., Osipova, T.V., Sharapov, G.V. (Eds.). (1986). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. V 5 tomakh. T. 1. Krest'yanstvo v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti. 1917–1927* [History of Soviet Peasantry. In 5 Vol. Vol. 1. Peasantry in the First Decade of Soviet Power. 1917–1927]. Moscow, Nauka. 455 p.

Kukushkin, Yu.S. (1968). *Sel'skie sovety i klassovaya bor'ba v derevne, 1921–1923* [Rural Soviets and Class Struggle in Rural Regions, 1921–1923]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 294 p.

Lyapina, T.A. (1993). Nachalo raskulachivaniya na Tambovshchine [The Beginning of Dispossession in Tambov Region]. In *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Rossiyskoy provintsii. XX vek.* Tambov, pp. 75–78.

Markevich, A., Harrison, M. (2013). *Pervaya mirovaya voyna, Grazhdanskaya voyna i vosstanovlenie: natsional'nyy dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [World War I, Civil War and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928]. Moscow, Mysl'. 111 p.

Pavlyuchenkov, S.A. et al. (2002). *Rossiya nepovskaya* [Russia During the NEP]. Moscow, Novyy hronograf. 468 p.

Rezunov, M. (1928). *Sel'skie sovety i zemel'nye obshchestva* [Rural Soviets and Land Societies]. Moscow, Izd-vo Kommun. akad. 77 p.

Rogalina, N.L. (2010). *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii 20 veka* [Authorities and Agrarian Reforms in Russia in 20th Century]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskikh dereven'. 230 p.

Rynkov, V.M., Ilinykh, V.A., Kondrashin, V.V. et al. (2021). Kruglyy stol "NEP – itogi i perspektivy izucheniya" [Round table "NEP – Results and Prospects of Study"]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 4, pp. 5–17.

Saharov, A.N., Hristoforov, V.S. (Eds.). (2002). "*Sovershenno sekretno*"*: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). T. 3. Ch. 1* ["Top Secret": Lubyanka to Stalin on Situation in the Country (1922–1934). Vol. 3. Part 1]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 502 p.

Shishkin, V.A. (1997). *Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevolyutsionnaya Rossiya* [Power. Politics. Economy. Post-Revolutionary Russia]. St. Petersburg, Dmitriy Bulavin. 399 p.

Stalin, I.V. (1947). Ob ocherednyh zadachah partii v derevne. Nedostatki dokladov s mest. Rech' na soveschanii sekretarey derevenskih yacheek pri CK RKP(b) 22 oktyabrya 1924 g. [On Immediate Tasks of Party in Countryside. Disadvantages of Reports from Regions. Speech at the Meeting of Secretaries of Village Cells under the Central Committee of the RCP(b) on October 22, 1924]. In *Sobranie sochineniy I.V. Stalina.* Vol. 6, pp. 308–309.

Vener, M. (1993). Litsom k derevne: sovetskaya vlast' i krest'yanskiy vopros [Facing the Village: Soviet Power and the Peasant Question (1924–1925)]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 5, pp. 87–88.

О.В. Бершадская*

БЕДНЯЦКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ДЕРЕВНИ (1920-Е ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-8
УДК 94:316.3(470.620)"1920"

Выходные данные для цитирования:
Бершадская О.В. Бедняцкие слои населения в социальной структуре черноморской деревни (1920-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 93–98. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-08.pdf

O.V. Bershadskaya*

POOR STRATA OF THE POPULATION IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE BLACK SEA VILLAGE (1920S)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-8

How to cite:
Bershadskaya O.V. Poor Strata of the Population in the Social Structure of the Black Sea Village (1920s) // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 93–98. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-08.pdf]

Abstract. The article examines the factors that caused the predominance and gradual increase of the poor strata of the population in the social structure of the Black Sea village. It is shown that such unsolvable and difficult-to-solve problems as lack of land, lack of roads and opportunities for intensification of the economy were the reasons for the poverty of the majority of rural residents, despite the predominance of commodity industries in the structure of local agricultural production. Examining the activities of peasant mutual aid committees designed to support poor farms, the author comes to the conclusion that the reasons for their inefficiency were the disunity of the population, the lack of traditions of communal mutual assistance, the presence of patron-client relations among a number of nationalities, lack of funds and competent workers. Measures of state support in the form of priority allotment of land and the provision of tax benefits could not significantly increase the welfare of the poor, but disposed them to the Soviet government and contributed to the creation of a poor-middle-class activist bloc in the rural councils of the district.

Keywords: NEP, poor strata of the population, committees of peasant mutual aid, Black Sea village.

The article has been received by the editor on 14.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, обусловившие преобладание и постепенное увеличение бедняцких слоев населения в социальной структуре черноморской деревни. Показано, что такие неразрешимые и трудноразрешимые проблемы, как малоземелье, отсутствие дорог и возможностей для интенсификации хозяйства, являлись основанием бедности большинства сельских жителей, несмотря на преобладание товарных отраслей в структуре местного аграрного производства. Исследуя деятельность комитетов крестьянской взаимопомощи, призванных оказывать поддержку бедняцким хозяйствам, автор приходит к выводу о том, что причинами их неэффективности стали разобщенность населения, отсутствие традиций общинной взаимовыручки, наличие патрон-клиентских отношений у ряда народностей, недостаток средств и грамотных работников. Меры государственной поддержки в виде приоритетного наделения землей и предоставления налоговых льгот не могли существенно повысить уровень благосостояния бедняков, но рас-

* **Ольга Владиславовна Бершадская,** кандидат исторических наук, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия, e-mail: berscholl@mail.ru
Olga Vladislavovna Bershadskaya, Candidate of Historical Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation Krasnodar Branch, Krasnodar, Russia, e-mail: berscholl@mail.ru

положили их к советской власти и способствовали созданию бедняцко-середняцкого блока активистов в сельских советах округа.

Ключевые слова: нэп, бедняцкие слои населения, комитеты крестьянской взаимопомощи, черноморская деревня.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022

В период новой экономической политики большое внимание уделялось подъему благосостояния крестьянских хозяйств с целью «осереднячивания» деревни. В то время когда в большинстве регионов страны наблюдалось постепенное увеличение численности средних слоев крестьянства, в Черноморском округе Северо-Кавказского края шел процесс обеднения сельского населения. По данным краевого земельного управления, в 1923/24 гг. 60 % жителей черноморской деревни являлись бедняками, в 1924/25 гг. их доля увеличилась до 64, а в 1926 г. – до 65 %. Одновременно наблюдалось уменьшение середняцких и зажиточных хозяйств[1]. При этом товарность сельскохозяйственного производства Черноморского округа в рассматриваемый период составляла 57,5 %, что было намного выше аналогичных показателей в других регионах страны[2].

Цель настоящей работы – выявление социально-экономических оснований бедности значительной части населения черноморской деревни при довольно высоком уровне товарности хозяйства. Также мы рассмотрим попытки, предпринимаемые местными властями для улучшения положения бедняков и повышения уровня их общественно-политической активности.

Социальная дифференциация крестьянских хозяйств определялась рядом факторов. По мнению А.И. Хрящевой, разработавшей в 1920-е гг. методологию статистического определения классов и социальных слоев крестьянства, при изучении эволюции хозяйств необходимо учитывать «внешние условия, окружающие хозяйство», такие как «условия рынков, пути сообщения, <…> система и техника полеводства, формы землепользования и т.д.»[3].

Следуя методологии А.И. Хрящевой, рассмотрим «внешние условия» крестьянских хозяйств черноморской деревни. Географическая среда Черноморья способствовала формированию особой структуры сельского хозяйства, ориентированной на производство товарных культур: табака, садовых фруктов, винограда. Во влажном климате на тяжелых глинистых почвах полевые культуры давали низкие урожаи, поэтому полеводство было нерентабельным. Тем не менее практически в каждом хозяйстве имелись посевы зерновых, так как привозной хлеб был очень дорогим. Призывы местных властей сокращать полеводство и переходить на производство «высокоинтенсивных культур» для повышения доходности хозяйств игнорировались.

Серьезной проблемой был острый недостаток земли под сельскохозяйственные угодья. Удобные для возделывания земельные участки располагались лишь на узкой полосе приморской низменности. Большинству хозяев приходилось довольствоваться землей, расположенной на горных склонах. По данным на 1925 г., количество возделанной удобной земли на душу населения в черноморской деревне составляло в среднем 0,4 десятины. Следствием нехватки земли были незначительные площади посевов: 45 % крестьянских хозяйств Черноморья были малопосевными, 13,8 % – беспосевными, 38,8 % дворов имели посевы от 2 до 6 дес. и лишь 2,5 % являлись многопосевными с площадью посевов свыше 6 дес.[4] Особенности рельефа местности обусловили такое явление, как «чересполосица». Земельные владе-

[1] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 285. Л. 5.
[2] Отчет о работе Черноморского окружного исполнительного комитета 7-го созыва (1926–27 гг.). Новороссийск, 1927. С. 26.
[3] *Хрящева А.И.* К вопросу об организации Отдела динамики земледельческого хозяйства при Центральном Статистическом Управлении // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1997. С. 8.
[4] Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 531. Л. 27.

ния не представляли собой «компактных участков», а «небольшими площадями, весьма неправильной формы» были «разбросаны среди лесных и горных пространств»[5]. Недостаток удобной земли практически исключал введение таких агротехнических приемов, как многополье и разнообразные севообороты.

Рынок сбыта сельскохозяйственной продукции был представлен сетью санаторно-курортных учреждений, а также населением приморских городов. В рассматриваемый период основными транспортными артериями в округе являлись Новороссийско-Сухумское шоссе и Черноморская железная дорога. Сельские населенные пункты, расположенные вдоль этих коммуникаций, имели хорошие возможности для реализации своей продукции. Однако значительная часть крестьянских хозяйств располагалась в поселениях, разбросанных в горных районах и связанных между собой труднопроходимыми тропами. Степень отдаленности от рынка влияла на уровень благосостояния жителей. Так, в горных местностях Сочинского района по официальным данным бедняцкие хозяйства составляли 68,5 %, середняцкие – 29, зажиточные – 2,5 %[6]. В сельских поселениях Новороссийского района, вблизи крупного города и дорожных магистралей, бедняцких хозяйств было в два раза меньше – 31 %, а середняцких и зажиточных значительно больше – 42 и 27 % соответственно[7].

Вследствие сложного рельефа местности строительство дорог в округе было затруднительным и весьма дорогим – от 1 200 до 2 000 руб. на крестьянское хозяйство[8]. Поэтому дорожное строительство практически не велось, хотя окружные власти неоднократно обращались к краевому руководству с просьбой о дотациях, аргументируя это тем, что в отделенных горных местностях «крестьянин, не имея исправных дорог, не может выбросить на рынок продукцию своего хозяйства, которую сам он также не может потребить»[9]. Ситуацию иллюстрируют многочисленные наказы на крестьянскую беспартийную конференцию 1925 г. с просьбой о строительстве дорог. Так, например, жители горного села Калиновое Озеро жаловались: «Отсутствие дорог лишает нас возможности сбыта продукции наших хозяйств, своевременной доставки их в город Сочи и настолько удорожает их себестоимость, что многие продукты наших хозяйств остаются неиспользованными внутри поселка, а отсюда и наша нищета и беднота»[10].

Сельское население горных районов было лишено возможности не только своевременно сбывать свою продукцию, но и покупать необходимые товары. По заключению окружного земельного управления, «отдаленные поселки на долгое время остаются лишенными возможности сбыта своих и приобретения на рынке необходимых продуктов и предметов первой необходимости <…> такая оторванность от центров и рынков крайне болезненно отзывается на благосостоянии населения»[11].

Таким образом, малоземелье и отсутствие коммуникаций с рынком были основными факторами, которые обусловили значительную долю бедняцких хозяйств в социальной структуре черноморской деревни.

В рассматриваемый период в стране повсеместно создавались крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ), призванные оказывать поддержку сельскому населению и в первую очередь бедняцким хозяйствам. По мнению ряда исследователей, таким образом была воплощена традиционная для российской деревни идея общинной взаимовыручки[12].

Комитеты крестьянской взаимопомощи создавались и в Черноморском округе. В середине 1920-х гг. здесь насчитывалось 93 сельских, 6 районных и 1 окружной ККОВ. Социаль-

[5] ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 531. Л. 28.
[6] Сочинский городской архив (СГА). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 250. Л. 53 об.
[7] ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 841. Л. 10.
[8] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 375. Л. 223 об.
[9] ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 529. Л. 13.
[10] СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 189. Л. 17.
[11] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2984. Л. 18 об.
[12] *Мостяева Л.В.* Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в 1921–1932 гг.: на материалах Рязанской, Тульской и Московской губерний: дис. … канд. ист. наук. М., 2002. С. 4.

ный состав членов комитетов по официальным данным был следующим: 43 % – бедняков, 38 % – середняков, 2 % – зажиточных, остальные участники относились к категориям рабочих и служащих[13]. Основная задача ККОВ заключалась в оказании материальной помощи населению. С целью накопления средств для денежных фондов предполагалось создание небольших сельскохозяйственных предприятий. Но из 17 предприятий, открытых местными кресткомами, большинство занималось торгово-предпринимательской деятельностью – трактиры, столовые, бильярдные и т.п. В течение 1925/26 гг. денежный фонд ККОВ увеличился «деньгами и натурой» на 80 тыс. руб., было приобретено 5 тракторов и распахано 407 дес. земли. Материальную помощь получили около тысячи хозяйств[14]. Но этих мер было недостаточно для того, чтобы заметно повысить уровень благосостояния бедняцких хозяйств округа.

Местные власти давали крайне низкую оценку деятельности кресткомов: «Эта организация по целому ряду районов является абсолютно неработоспособной». Членские взносы в ККОВ поступали в незначительном количестве, поэтому ощущалась острая нехватка денежных средств. Большинство руководителей комитетов были малограмотными или вообще неграмотными, поэтому директивы властей ими не могли быть прочитаны и, следовательно, выполнены[15]. Отношение бедняков к кресткомам было безразличным, а иногда и отрицательным. По свидетельству современника, жителя Сочинского района Н.М. Стеца, «вместо того, чтобы внедрять в крестьянскую трудовую массу хотя бы самые элементарные правила трудовой взаимопомощи путем организации производства, ККОВ фактически занялись торгашескими и другими коммерческими делами <…> через короткое время проторговались <…> зачахли и отошли в область преданий»[16]. Такое же отношение к деятельности кресткомов наблюдалось и в других районах округа. Бедняцкие слои населения предпочитали обращаться за помощью не в ККОВ, а к зажиточным хозяевам. На XII окружной партийной конференции (ноябрь 1927 г.) представители районных властей сообщали, что «у нас кулаки начинают субсидировать бедняка <…> комитеты взаимопомощи не работают, беднота не идет в комитет, а идет к кулаку»[17].

Низкая результативность работы комитетов крестьянской взаимопомощи объяснялась не только отсутствием грамотных специалистов и недостатком денежных средств. На наш взгляд, основная причина заключалась в разобщенности местного населения, отсутствии традиций общинной взаимовыручки в черноморской деревне. Особенности рельефа на значительной части территории округа предопределили своеобразный характер расселения: сельские населенные пункты «зачастую представляли собой хуторки из нескольких дворов, расположенных большей частью на склонах и ущельях гор»[18]. Преобладающей формой землепользования была подворная и хуторская. Несмотря на то, что земли юридически считались общинными, регулярных переделов не проводилось. Большинство сельских жителей были выходцами из разных регионов, переселившимися на рубеже XIX–XX вв. По наблюдениям исследователя и современника Л.Е. Козлова, «общество переселенцев <…> составляется из лиц, пришедших часто из 10–20 разных губерний, одно другому не доверяющих, отличающихся самыми разнообразными привычками, обычаями, приемами ведения хозяйства и т.д.»[19]. В силу указанных причин в черноморской деревне не сложилось традиционного общинного уклада.

Следует также учитывать специфику социальных отношений у представителей ряда этносов, населяющих Черноморский округ. Так, в шапсугской деревне сохранялась вертикальная иерархия социальных отношений, основанная на клановых патрон-клиентских связях. Зажиточные хозяева пользовались авторитетом и уважением и могли, в отличие от

[13] ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 531. Л. 56.
[14] Там же. Д. 763. Л. 17–17 об.
[15] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 285. Л. 17.
[16] Архив музея истории города-курорта Сочи. Ф. 6. Д. 259. Л. 25 об.
[17] ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 767. Л. 14.
[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1002. Л. 64.
[19] *Козлов Л.Е.* Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XXV. Вып. 7. Тифлис, 1906. С. 81.

кресткомов, оказать реальную материальную поддержку. Поэтому бедняки рассчитывали не на ККОВ, а на помощь и покровительство богатых односельчан.

Местные кресткомы были не только неэффективны в деле оказания экономической помощи крестьянам, но и не справились с задачей объединения бедноты и тяготевших к ней середняков для создания социальной опоры советской власти на селе. Для повышения общественно-политической активности бедняцких слоев населения в черноморской деревне проводились регулярные собрания бедноты силами местных партийных ячеек. Бедняки не всегда охотно посещали такие собрания, потому что тематика зачастую была им неинтересна. Например, из 27 собраний бедноты, состоявшихся в Анапском и Сочинском районах в первом полугодии 1926 г., 18 собраний было посвящено вопросам перевыборов Советов, 11 собраний – политике партии в деревне. Такие актуальные вопросы, как проведение землеустройства, рассматривались на шести собраниях, проблемы кооперации – на двух собраниях, работа ККОВ обсуждалась на трех собраниях[20].

Более эффективными оказались меры экономической и социальной поддержки со стороны государства, которые расположили бедняков к новой власти. Со второй половины 1920-х гг. аграрная политика в деревне приобрела отчетливо выраженный классовый характер. В Черноморском округе в ходе землеустройства бедняцкие хозяйства имели неоспоримый приоритет в приобретении дополнительных участков земли. В 1926/1927 хозяйственном году ставка единого сельхозналога в целом по округу для 46,6 % хозяйств, признанных бедняцкими и маломощными середняцкими, была понижена на 23 %[21].

Эти меры не могли остановить процесс обеднячивания населения черноморской деревни, но способствовали росту симпатий бедняков к советской власти и повышению уровня их общественно-политической активности. По данным на 1927 г., в сельских советах Черноморского округа был создан «бедняцко-середняцкий блок» активистов, в котором доля бедняков составляла 39,3 %[22].

Подводя итог, отметим, что преобладание и постепенное увеличение бедняцких слоев населения в социальной структуре черноморской деревни было обусловлено такими неразрешимыми и трудноразрешимыми проблемами, как малоземелье, недостаток коммуникаций и отсутствие возможностей для интенсификации хозяйства. Деятельность комитетов крестьянской взаимопомощи была малорезультативной, что объяснялось не только нехваткой средств и компетентных работников, но и особенностями социальных отношений, в частности отсутствием общинных традиций. Росту общественно-политической активности бедняков и их расположения к советской власти способствовали реальные меры государственной поддержки, такие как приоритетное наделение землей и предоставление налоговых льгот.

Литература

Козлов Л.Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии. Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XXV. Вып. 7. Тифлис, 1906. 139 с.

Мостяева Л.В. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в 1921–1932 гг.: на материалах Рязанской, Тульской и Московской губерний: дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 250 с.

Хрящева А.И. К вопросу об организации Отдела динамики земледельческого хозяйства при Центральном Статистическом Управлении // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1997. С. 7–12.

[20] ЦДНИИК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 648. Л. 90–91.
[21] Там же. Д. 767. Л. 7.
[22] Там же. Д. 763. Л. 17.

References

Hryashcheva, A.I. (1997). K voprosu ob organizatsii Otdela dinamiki zemledel'cheskogo hozyaystva pri Tsentral'nom Statisticheskom Upravlenii [To the Question of the Organization of the Department of Agricultural Dynamics at the Central Statistical Office]. In *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost.* Moscow, Mosk. vysshaya shk. soc. i ekon. nauk, Intercentr, Tsentr krest'yanovedeniya i sel'skih reform, pp. 7–12.

Kozlov, L.E. (1906). *Kratkiy ocherk pereselencheskih uchastkov Chernomorskoy gubernii. Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Brief Outline of Resettlement Sites of Black Sea Province. Notes of Caucasian Department of Imperial Russian Geographical Society]. B. XXV, Iss. 7. Tiflis, tip. K.P. Kozlovskogo. 139 p.

Mostyaeva, L.V. (2002). Krest'yanskie komitety obshchestvennoy vzaimopomoshchi v 1921–1932 gg.: na materialah Ryazanskoy, Tul'skoy i Moskovskoy guberniy [Peasant Committees of Public Mutual Assistance in 1921–1932: Based on Materials of Ryazan, Tula and Moscow Provinces]. Cand. hist. sci. diss. Moscow. 250 p.

В.А. Ильиных*

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРЕПИСИ В СИБИРИ В 1920-Е ГОДЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ, МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-9
УДК 94:338.43(571.1/.5)"1920"

Выходные данные для цитирования:
Ильиных В.А. Сельскохозяйственные переписи в Сибири в 1920-е годы: организация, методы обработки // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 99–110. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-09.pdf

V.A. Il'inykh*

AGRICULTURAL CENSUSES IN SIBERIA IN 1920S: ORGANIZATION AND PROCESSING METHODS

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-9

How to cite:
Il'inykh V.A. Agricultural Censuses in Siberia in 1920s: Organization and Processing Methods // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 99–110. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-09.pdf]

Abstract. Regular accounting of peasant farms basic quantitative indicators in USSR in 1920s, including crop areas and livestock, was carried out by annual selective comprehensive agricultural censuses. Organization of censuses was entrusted to CSU department of agricultural censuses and its regional divisions. Its leaders and specialists had pre-revolutionary experience in statistical work and used developments of Zemstvo statistics. Main method of censuses was personal survey of householders. To obtain general results, information of individual peasant farms sample censuses was extended to their administrative-territorial aggregates. Difference coefficient method was main methodological method of distribution in early 1920s. An increase in sample to 10 % since 1926 made it possible to switch over to calculation of crop area and the number of livestock according to the method of average farming. Peasants withheld from statistical accounting part of sown area and livestock, because they believed that results could be used by the fiscal authorities to increase level of taxation. Statistical authorities, in order to find out the extent of underestimation, carried out control measures, used materials from budget and other surveys, and applied the balance method. Improving methodology for determining the amount of underestimation led to periodic correction of officially accepted statistical indicators.

Keywords: state statistics, agriculture, agricultural censuses, plant growing, livestock, new economic policy, Siberia.

The article has been received by the editor on 01.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Регулярный учет базовых количественных показателей крестьянских хозяйств в СССР в 1920-е гг., в том числе посевных площадей и поголовья скота, осуществлялся в рамках ежегодных выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Их организация и проведение возлагались на отдел сельскохозяйственных переписей ЦСУ и его региональные подразделения, руководители и специалисты которых имели дореволюционный опыт статистической работы и использовали наработки земской статистики. Основным методом переписей являлся личный опрос дворохозяев. Для получения общих итогов сведения, полученные в ходе выборочных переписей отдельных крестьянских хозяйств, распространялись на их административно-территориальные совокупности. В качестве методических приемов распространения в начале 1920-х гг. в основном

* **Владимир Андреевич Ильиных,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Vladimir Andreevich Il'inykh, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Akademy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: agro_iwa@mail.ru

использовался метод коэффициентов различия. Увеличение с 1926 г. выборки до 10 % позволило полностью перейти к исчислению площади посева и поголовья скота по методу среднего хозяйства. Крестьяне утаивали от статистического учета часть посевных площадей и поголовья скота, поскольку считали, что его результатами могут воспользоваться фискальные органы для повышения уровня налогово-податного обложения. Статистические органы, чтобы выяснить масштабы недоучета, проводили контрольные мероприятия, использовали материалы бюджетных и иных обследований, применяли балансовый метод. Совершенствование методики определения величины недоучета приводило к периодической коррекции официально принятых статистических показателей.

Ключевые слова: государственная статистика, сельское хозяйство, сельскохозяйственные переписи, животноводство, растениеводство, новая экономическая политика, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022

Постановка проблемы. Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения результативности аграрных преобразований. К числу наиболее значимых проблем современной отечественной историографии относятся социально-экономические последствия осуществления новой экономической политики. Важную роль играет региональный аспект темы. В 1920-е гг. Сибирь являлась одним из ведущих аграрных районов страны. В регионе ярко проявлялись особенности и противоречия функционирования мелкотоварного крестьянского хозяйства в условиях нэпа.

В качестве информационной основы для определения тенденций развития аграрной экономики традиционно применяются динамические ряды. Базовым источником для построения рядов динамики служат материалы опубликованной статистики, которые основываются на результатах обработки массовых источников, полученных в ходе статистического мониторинга. Интегральными показателями развития сельского хозяйства региона являются посевная площадь и численность сельскохозяйственных животных.

В 1920-е гг. абсолютно преобладающей организационно-производственной формой ведения сельского хозяйства в Сибири и в стране в целом являлись крестьянские хозяйства. В связи с этим основные усилия государственных статистических органов были направлены на получение данных об их развитии. Регулярный мониторинг базовых количественных показателей крестьянских хозяйств осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Переписи и иные статистические обследования деревни в исследуемый период проводились под руководством специалистов, имеющих дореволюционный опыт статистической работы, и на основе наработок земской статистики.

Задача настоящей статьи заключается в аналитической реконструкции организации сельскохозяйственных переписей в 1920-е гг. в Сибири и базовых методов обработки их материалов. Основное внимание уделяется анализу статистического мониторинга посевных площадей и поголовья скота. Региональный аспект темы освещается в контексте развития общероссийских процессов.

Организация выборочных переписей. Методы распространения выборки на генеральную совокупность. Сельхозпереписи в 1920-е гг. осуществлялись переписчиками методом личного опроса дворохозяев в сельсовете (заполнения переписных бланков), затем результаты опроса должны были публично оглашаться на сельских сходах. Таким образом, достоверность опроса фактически проходила двухуровневую проверку: сначала работниками сельсовета, а затем односельчанами. Следует отметить, что дореволюционные земские статистики, исходя из своего понимания психологии крестьян, считали, что они на сходе обяза-

тельно напомнят своим «забывчивым» соседям о наличии не указанного при опросе имущества или посева.

В переписном листе дворохозяйства, заполняемом в рамках сельскохозяйственной переписи, как правило, фиксировались: население двора (число душ мужского и женского пола, трудоспособных), землепользование, аренда земли, площадь посева (полевого, усадебного, посева отдельных культур), поголовье скота, количество взрослой птицы, число ульев, сельскохозяйственный инвентарь, наем или отпуск рабочей силы, основное и вспомогательные занятия, промыслы. В силу традиционной земледельческой специализации российского крестьянства основное внимание в ходе переписей уделялось учету площади засеваемой в дворохозяйстве пашни. Более того, при обработке материалов переписей сведения о крестьянских хозяйствах группировались по определенным размерам посевных площадей[1]. При публикации итогов переписей абсолютные и относительные данные о параметрах хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств приводились как по отдельным посевным группам, так и по всем дворам, входящим в презентуемую совокупность. Группировка по посеву рассматривалась как основа для определения социально-классовой дифференциации крестьянства. Группировка по скоту была менее дробной[2], чем группировка по посеву, и вторичной по отношению к последней.

В пунктах переписных листов, регистрирующих поголовье скота, фиксировались лошади (в том числе рабочие старше 4 лет, рабочие до 4 лет, от 1 года до рабочего возраста, жеребята до года), крупный рогатый скот (КРС) (в том числе волы рабочие, волы-третьяки, быки старше 2 лет, коровы, нетели старше 1,5 лет, быки от 1,5 до 2 лет, подтелки и бычки от года до 1,5 лет, телята до года), овцы (в том числе овцы, бараны и валухи[3] взрослые, ягнята), козы (в том числе козы и козлы взрослые, козлята), свиньи (в том числе свиньи и боровы старше 1 года, подсвинки от 4 месяцев до года, поросята до 4 месяцев), прочий скот (верблюды, олени, яки и др.).

В пунктах переписных листов, регистрирующих посевные площади, фиксировались полевые посевы ржи (озимой и яровой), пшеницы (озимой и яровой), ячменя, овса, гречихи, проса, гороха, бобовых, чечевицы, полбы, картофеля, льна, конопли, подсолнечника, рыжика, сахарной свеклы, табака, кормовых корнеплодов, трав, бахчевых культур, прочих культур, а также посадки на усадьбе и огороде льна, конопли, картофеля, кормовых корнеплодов, сахарной свеклы, табака, овощей, зерновых культур, прочих культур.

Для получения общих итогов сведения, полученные в ходе выборочных переписей отдельных хозяйств, распространялись на целые административно-территориальные единицы: уезды, районы, округа. Методы «распространения» изменялись. В конце 1910 – начале 1920-х гг. базовым являлся метод коэффициентов различий. В его рамках на территории уезда устанавливались количественные показатели одних и тех же опрошенных хозяйств, полученные в ходе переписей текущего и прошлого года. Соотношение между этими показателями, определяемое как коэффициент различия, и общие итоги предыдущей переписи по уезду использовались для исчисления поуездных итогов переписи текущего года[4].

---

[1] В Сибири, как правило, выделялись следующие группы крестьянских дворов по посеву: 1) без посева и с посевом до 0,09 дес.; 2) с посевом от 0,1 до 1,09 дес.; 3) с посевом от 1,1 до 2,09 дес.; 4) с посевом от 2,1 до 3,09 дес.; 5) с посевом от 3,1 до 4,09 дес.; 6) с посевом от 4,1 до 6,09 дес.; 7) с посевом от 6,1 до 8,09 дес.; 8) с посевом от 8,1 до 10,09 дес.; 9) с посевом от 10,1 до 16,09 дес.; 10) с посевом от 16,1 до 24,09 дес.; 11) с посевом от 24,1 дес. и более.

[2] Выделялись следующие группы крестьянских дворов по количеству рабочего скота и коров: 1) без рабочего скота/коров; 2) с одной головой скота; 3) с двумя головами; 4) с тремя головами; 5) с четырьмя и более головами рабочего скота/коров.

[3] Валух – кастрированный или холощеный баран.

[4] Схему распространения итогов выборочных опросов крестьянских дворов на их совокупность по методу коэффициентов различия на примере площади посева можно представить следующим образом. Площадь посева в одних и тех же опрошенных хозяйствах в уезде в текущем году составляет 100 дес., в предыдущем – 110 дес. Соотношение между этими величинами (коэффициент различия) равняется 0,9. Известна также установленная предыдущей переписью общая площадь посева во всех крестьянских хозяйствах уезда в прошлом году. Умножение коэффициента различия (0,9) на величину посева (в дес.) в прошлом году позволяет установить общую посевную площадь крестьянских хозяйств уезда в текущем году.

В качестве дополнительного метода распространения в начале 1920-х гг. использовался метод переноса соотношения посевов отдельных культур с опрошенных хозяйств на их совокупность[5]. Расчет по относительным показателям также применялся для определения численности отдельных возрастных категорий различных видов сельскохозяйственных животных[6]. Для установления количества рабочих лошадей практиковался метод распространения по площади засеянной пашни[7]. К подобным методам прибегали в том случае, если незначительность выборки не позволяла определить корректные коэффициенты различий по отдельным культурам, видам посева или группам скота.

К середине 1920-х гг. основным методом распространения итогов выборочных переписей стал метод среднего хозяйства. В его рамках суммировались показатели всех опрошенных в уезде (районе, округе) дворов. Затем полученные результаты делились на количество опрошенных дворов. Таким образом определялись размеры «среднего хозяйства», которые для получения уездных (районных, окружных) итогов распространялись на соответствующую совокупность путем умножения параметров среднестатистического двора на их общее количество.

Распространенные различными методами на уезды, районы, округа количественные итоги сельхозпереписей суммировались для получения губернских, краевых/областных, республиканских и общесоюзных показателей.

Проведение общегосударственных сельскохозяйственных переписей являлось одной из основных задач учрежденного в соответствии с декретом СНК РСФСР от 25 июля 1918 г. Центрального статистического управления (ЦСУ)[8]. В составе ЦСУ был создан отдел сельскохозяйственных переписей, который возглавила А.И. Хрящева. До революции она работала в земских статистических бюро Самарской, Смоленской, Вологодской, Харьковской и Тульской губерний. В 1917 г. руководила разработкой материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.[9]

Уже в августе 1919 г. возглавляемый А.И. Хрящевой отдел организовал проведение 10%-ной выборочной переписи крестьянских хозяйств[10] в ряде губерний европейской части РСФСР, находившихся под юрисдикцией Советского правительства. Результаты выборочной переписи распространялись на генеральную совокупность методом погнездовых коэффициентов. Для переписи в рамках отдельных уездов выбирались не отдельные дворы или селения, а так называемые гнезда (группы смежных селений). В них осуществлялся сплошной опрос. Параллельно с переписными анкетами, собранными в 1919 г., ретроспективно обрабатывались анкеты переписи 1917 г. по хозяйствам, расположенным на территории тех же селений. По каждому гнезду устанавливались средние значения показателей хозяйственного состояния всех опрашиваемых дворов в 1919 и в 1917 гг. Они использовались для исчисления коэффициентов различий, на основе которых (см. выше) определялись поуездные параметры площади посева, поголовья скота и др. в 1919 г.[11]

---

[5] Схему распространения итогов выборочных опросов крестьянских дворов на их совокупность по методу переноса соотношения посевов отдельных культур можно представить следующим образом. Установленная переписью текущего года площадь посева льна в опрошенных хозяйствах уезда составляет 2 дес., или 2 % от общей посевной площади. Эта доля переносится на общую площадь посева в уезде, исчисленную по коэффициенту различия. После этого проценты пересчитываются в десятины.

[6] Так, например, доля телят или иного молодняка в стаде КРС во всех опрошенных на территории уезда дворах в процентах переносилась на общеуездное поголовье. После этого относительные величины пересчитывались в абсолютные (головы скота).

[7] В опрошенных крестьянских хозяйствах исчислялось среднее число рабочих лошадей, приходящееся на 100 дес. посева. Затем общая площадь засеянной пашни в уезде делилась на 100 и полученная цифра умножалась на число рабочих лошадей, используемых для засева 100 дес. в опрошенных дворах.

[8] Известия. 1918. 30 июля.

[9] Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Репринтное воспроизведение издания 1926 г. М., 1993. С. 13.

[10] Фактическая выборка в силу сложности политической ситуации была меньше запланированной.

[11] *Хрящева А.И.* О работах отдела сельскохозяйственных переписей // Вестник статистики. 1920. № 1-4. С. 180–181.

Перепись 1920 г. планировалась как грандиозная статистическая операция, составными частями которой должны были стать всеобщие демографическая, профессиональная, сельскохозяйственная, поземельная и промышленная переписи. Орган Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) газета «Советская Сибирь» так сформулировала цели мероприятия: «*Советская власть в момент завершения ею объединения России постановила провести всенародную перепись. Путем сплошного статистического учета народонаселения, его хозяйственной деятельности и культурности Советская власть ныне делает смотр всем производительным силам страны, дабы отчетливо знать средства, которыми приходится вести социалистическое строительство Советской Республики*»[12].

Сибревком, учитывая неподготовленность недавно вышедшего из Гражданской войны региона к проведению «всенародной переписи», обратился в СНК РСФСР с просьбой отложить ее. Однако ему отказали. В рамках подготовки к мероприятию был осуществлен учет находящихся на территории Сибири специалистов в области статистики и их мобилизация на государственную службу. Проводились курсы подготовки статистиков, привлекались работники из других сфер, в том числе учителя и земельные работники[13]. Велась активная агитационно-массовая кампания, в ходе которой крестьяне убеждались в необходимости переписи и предостерегались от дачи неверных показаний. «*В случае преуменьшения площади посева, скота и др. сведений население останется в проигрыше, так как нельзя будет организовать ни правильной агрономической помощи, ни правильного распоряжения посевного материала, сельскохозяйственных машин, рабочих лошадей и т.д.*»[14].

Сельскохозяйственная перепись началась в сентябре после завершения демографической переписи и проводилась во всех губерниях Сибири за исключением Якутии. Придать ей всеобщий характер не удалось. За рамками переписи по разным причинам осталось значительное число крестьянских хозяйств. В связи с этим А.И. Хрящева на III Всероссийской статистической конференции предложила обработку не всех опрошенных дворов, а их части. Выборка должна была составить 25 % от общего количества крестьянских дворов каждой губернии[15]. Конференция ее поддержала. Отбор для обработки производился не отдельными дворами, а целыми селениями. По каждой волости отбирались три селения: крупное, среднее и малое. В итоге выборка в Тюменской губернии составила 24,8 %, Новониколаевской – 25,0, Алтайской – 26,6, Томской – 28,9, Енисейской – 28,7, Иркутской (по русским крестьянским хозяйствам[16]) – 24,2 %[17]. Отметим, что при публикации итогов разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. приводились данные только по отобранным хозяйствам (нераспространенные).

С 1921 г. ЦСУ отказалось от всеобщих сельскохозяйственных переписей и перешло к выборочным опросам крестьянских хозяйств. В европейской части страны они стали проводиться в конце весны текущего года, после завершения ярового сева, и поэтому получили общее неформальное наименование «весенних опросов». В Сибири в силу более позднего окончания весенней посевной кампании и логистических проблем выборочные переписи начинались позднее и иногда затягивались до июля.

Весной 1921 г. (в Сибири в конце мая – начале июня) отдел сельскохозяйственных переписей ЦСУ решил провести опрос отдельных крестьянских хозяйств с небольшой выборкой[18] (так называемое тридцатидворное обследование). Описывались не целые селения, а отдельные дворы, определяемые механической выборкой[19]. Губернским статистиче-

[12] Советская Сибирь. 1920. 10 июля.
[13] Там же. 13 июля.
[14] Там же. 25 авг.
[15] Вестник статистики. 1922. № 1-4. Прил. III. Всероссийская статистическая конференция. С. 34.
[16] В Иркутской губернии также переписывалось бурятское сельское население, выборка по которому составила 84,7 %.
[17] Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. С. 332–333.
[18] Первоначально планировалось проведение сельхозпереписи с 10%-ной выборкой.
[19] В последующие годы в выборку, как правило, попадали отдельные дворы. И лишь в местностях с преобладанием мелких селений, хуторов и заимок производился не подворный, а поселенный опрос. В отобранных селениях проходил сплошной подворный опрос.

ским бюро предлагалось по каждой волости опросить 30 дворов силами волостных статистиков, 30 дворов – командированными на места регистраторами (экспедиционным путем), и еще от трех до пяти дворов – добровольными корреспондентами статистических органов. Однако сил и средств на организацию экспедиций во многих губерниях не хватило. В связи с этим опрос проводили волостные статистики, а там, где их не было, – волисполкомы, а также добровольные корреспонденты.

Опрос одновременно велся за два года: 1920 и 1921, на одних и тех же бланках по тем же дворам. Это позволяло установить коэффициенты изменений для отдельных уездов. Затем коэффициенты умножались на выявленные по итогам обработки переписи 1920 г. количественные показатели развития сельского хозяйства в уезде. Таким образом устанавливались параметры сельхозпроизводства 1921 г.[20]

В 1922 г. был проведен очередной выборочный весенний опрос крестьянских хозяйств. В выборку должны были попасть 3 % дворов. Вновь информация собиралась за два года и обрабатывалась методом коэффициентов[21].

В 1923 г. от признанного недостаточно репрезентативным метода коэффициентов при исчислении большинства параметров хозяйственной состоятельности крестьян перешли к методу «среднего хозяйства» (см. выше)[22]. Опрос тем не менее в 1923 г. вновь велся за текущий и предыдущий годы, но основная задача «удвоения» заключалась не в исчислении коэффициента изменения, а в получении данных, определенных по новому методу, не только за текущий, но и за предыдущий год. При этом ставилась задача «*исправить исчисленную в 1922 г. по способу "коэффициентов" посевную площадь, оказавшуюся сильно преуменьшенной*». В Алтайской губернии установленная таким образом площадь посева за 1922 г. увеличилась на 19,1 % по сравнению с данными обработки весеннего опроса указанного года. В Новониколаевской губернии при обработке материалов опроса 1923 г. для определения общей посевной площади использовали метод среднего хозяйства, а для посева отдельных культур применялся его расчет по пропорции культур в опрошенных хозяйствах (см выше)[23].

С 1924 г. в рамках переписи текущего года прекратился сбор данных за прошедший год. При этом площадь полевого посева исчислялась по методу «среднего хозяйства», а усадебного – по методу переноса процентного соотношения его площади в опрошенных хозяйствах на генеральную совокупность[24].

Требуемая ЦСУ выборка весенних опросов отдельных крестьянских хозяйств в 1923, 1924 и 1925 гг. составляла 5 %. В губерниях она могла быть меньше или больше запланированных параметров[25]. Их, как правило, осуществляли волостные, а с 1924 г. – районные статистики, в случае их отсутствия[26] – волостные или районные исполкомы, добровольные кор-

[20] Итоги весеннего опроса отдельных хозяйств по Екатеринбургской губернии в 1921 году. Екатеринбург, 1921. С. 1–3.

[21] Статистический ежегодник. 1921 г. с присоединением некоторых сведений за 1922 г. Вып. 2. М., 1922. С. 419.

[22] Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 12. С. 2; Весенний опрос отдельных крестьянских хозяйств весной 1923 года (Поуездные итоги). Новониколаевск, 1923. С. 1. В постановлении коллегии ЦСУ от 20 декабря 1923 г. отказ от применения метода коэффициентов различия объяснялся следующим образом: «*Такой метод вообще не может применяться сколько-нибудь длительно. В частности, для современного момента возможность длительного применения этого метода ограничивается, во 1-х, возможным недоучетом переписью 1920 г. посевных площадей в отдельных губерниях, и во 2-х крайней изменчивостью посевных площадей за последние годы, особенно в местностях, пострадавших от неурожая*». На результаты переписи 1920 г. указывалось в связи с тем, что они послужили основанием для расчетов посевных площадей в 1921 и 1922 гг. по методу коэффициентов (Вестник статистики. 1924. № 1-3. С. 174).

[23] Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 12. С. 2, 16; Весенний опрос отдельных… С. 1.

[24] Статистический ежегодник. 1922 и 1923 г. Вып. 1. М., 1924. С. 186; Статистический ежегодник. 1924 г. Вып. 1. М., 1926. С. 161.

[25] Выборка сельхозпереписи 1924 г. в Алтайской, Иркутской, Енисейской, Новониколаевской, Омской и Томской губерниях составляла 4,5, 4,3, 6,3, 4,6, 5,0, 5,6 % соответственно, в Ойротии – 4,0 %, в Сибири в целом – 5,0 % (Статистический бюллетень. Сибирское статистическое управление. 1924. № 1. С. 2).

[26] В Алтайской губернии на 1 сентября 1923 г. штаты волостных статистиков были заполнены лишь на 55 %. 15,7 % волстатистиков были самоучками, 75,7 % – закончили «низшую» школу (Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 14. С. 15).

респонденты. Иногда роль добровольных корреспондентов была достаточно заметна. В 1923 г. в Алтайской губернии они заполнили анкеты 24 % опрошенных дворов. В том случае если в губернском городе было достаточное число специалистов, опросы проводились преимущественно экспедиционным путем[27].

С 1926 г. выборка ежегодных сельхозпереписей выросла до 10 %. Это позволило практически полностью перейти к методу среднего хозяйства, отказавшись от применения переноса пропорций в опрошенных хозяйствах на их совокупность[28]. Выборочные сельхозпереписи в 1926–1929 гг. проводились преимущественно экспедиционным методом. Их, как правило, осуществляли специальные регистраторы, командированные в деревню. В ряде районов Сибирского края к переписям привлекались районные статистики. В Ойротской автономной области обследование осуществляли аймачные статистики и добровольные корреспонденты.

В выборку весенних опросов также включались дворохозяйства жителей городских поселений, облагаемых сельскохозяйственным налогом. В 1928 г. в целях более репрезентативного выявления параметров сельхозпроизводства в городах процент опрошенных хозяйств увеличили до 20[29].

Помимо крестьянских и иных индивидуальных хозяйств, производством сельскохозяйственной продукции в 1920-е гг. занимались государственные и кооперативные хозяйства. Основной формой госхозов были совхозы, коопхозов – колхозы. Вклад государственного и кооперативного секторов аграрной экономики в сельхозпроизводство на протяжении 1920-х гг. постоянно менялся, но в целом был незначительным[30]. На рубеже 1910–1920-х гг. в рамках сельхозпереписей параллельно с крестьянскими хозяйствами осуществлялась перепись колхозов и совхозов. Однако результаты опросов последних подводились отдельно. В середине десятилетия учет количественных показателей развития совхозов и колхозов осуществлялся преимущественно на основе ведомственной отчетности, а также налогового учета. В конце 1920-х гг. в связи с принятием ВКП(б) курса на производственное кооперирование сельского хозяйства активизировался специальный статистический мониторинг коллективных и государственных хозяйств. В 1927 г. ЦСУ провело первую перепись колхозов. Однако она проводилась по методикам традиционных выборочных переписей. Значительное внимание в ее рамках уделялось фиксации хозяйственной состоятельности входящих в коллективные хозяйства дворов. Подобный подход был признан политически несостоятельным. В 1928 г. ЦСУ изменило методику проведения переписи. Учитывалось как обобществленное, так и необобществленное хозяйство. В целом по СССР перепись охватила 33,1 тыс. колхозов и 415,6 тыс. входящих в них крестьянских дворов. При этом в число коллективных хозяйств также включались машинные товарищества. В 1929 г. основное внимание уделялось переписи колхозного имущества. Переписывались только коммуны, сельхозартели и товарищества по совместной обработке земли. Их общее число составило 58,4 тыс. Только в 25 % из них опросили дворы, в них входящие[31]. В конце 1920-х гг. также осуществлялись специальные обследования совхозов.

---

[27] Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 12. С. 2; 1924. № 20. С. 2; Весенний опрос отдельных… С. 1.

[28] Пропорциональный метод распространения применялся лишь при исчислении сельскохозяйственного инвентаря и определении параметров найма рабочей силы (Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. XI).

[29] Статистический бюллетень. Сибирское статистическое управление. 1928. № 13–14. С. 241.

[30] По официальным данным доля колхозов в общей площади посевов в Сибири (в территориальных рамках Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев) в 1929 г. достигла 5,5 %, совхозов – 1,8 % (Сельское хозяйство СССР. М., 1936. С. 246–247, 256). В том же году удельный вес колхозов и совхозов в общей численности лошадей составлял 1,9 %, КРС – 1,4, коров – 1,6, овец – 2,6, свиней – 1,2 % (Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. М., 1930. С. 146–149, 152–153).

[31] Коллективизация советской деревни. Предварительные итоги сплошных обследований 1928 и 1929 гг. М., 1929. С. 3.

Поправки на недоучет посевов. Одной из традиционных поведенческих практик российского крестьянства, как и иных категорий налогоплательщиков, является утайка части своего имущества от налогообложения. Сверхнормативное обложение крестьян Советским государством в рамках продразверстки создало условия для расширения масштабов сокрытия объектов обложения. Относительное снижение тяжести налогового гнета в условиях нэпа ситуацию принципиально не изменило. Несмотря на то, что сокрытие объектов обложения от учета налоговыми органами преследовалось в административном и уголовном порядке, массовый недоучет фиксировался в ходе всех налоговых кампаний 1920-х гг.[32]

В отличие от фискального учета, полученные при обработке выборочных переписей показатели изначально считались вполне репрезентативными. Однако уже в начале 1920-х гг. выяснилось, что респонденты-крестьяне преуменьшают параметры своей состоятельности, в первую очередь посевную площадь. Они не видели разницы между выявлением размеров их хозяйств в рамках переписи или налогового учета и, утаивая часть своего посева от переписчиков, полагали, что это приведет к снижению тяжести обложения. В статистической литературе приведен ряд фактов сокрытия истинных размеров посевной площади респондентами в дореволюционный период[33].

В советский период масштабы сокрытия возросли. Представитель Новгородского губернского статистического бюро Д.В. Верхопятницкий, выступая на состоявшейся в январе 1921 г. III Всероссийской статистической конференции, указал на неточность данных о посевных площадях, установленных в рамках сельскохозяйственной переписи 1920 г. «*Полученные по Новгородской губ[ернии] сведения о посевах не дают возможности сделать выводы не только об общей величине посевной площади, но они не дают даже картины распределения посевов. Факты показывают, что нынче перепись и регистрация посевов происходила в невероятных условиях. Так, нередко на сходах обсуждался вопрос, какие сведения давать, и в большинстве случаев регистраторам удавалось повлиять на слушателей в том смысле, что необходимо давать верные сведения, но, в конце концов, сведения давались все-таки в искаженном виде, так как они были нужны для волисполкомов для проведения разверстки. Кроме того, население часто следило за регистраторами и сплошь и рядом они не могли писать цифр, которые считали наиболее подходящими*». По мнению Верхопятницкого, недоучет посевных площадей по переписи 1920 г. составляет 35–40 %[34]. В Орловской губернии в 1922 г. разница между результатами весеннего опроса и контролирующими его данными земельной переписи достигла 20 %[35].

В Сибири неудовлетворительным был признан учет посевных площадей, проведенный в рамках сельхозпереписи 1920 г. На ее подготовку отвели недостаточно времени. Большая часть переписчиков имела низкую квалификацию. Их деятельность, совпавшая с началом продразверстки, встретила негативную реакцию крестьян, которые связали перепись с фискальными задачами. В Иркутской губернии за 2 месяца до начала переписи 1920 г. проводилась предварительная выборочная сельхозперепись, в рамках которой обследовалось 10 % крестьянских дворов. Проходила она еще до объявления разверстки, а переписчики были более подготовленными. Результаты предварительной переписи по размерам посевных площадей превысили показатели основной на 13,8 %[36].

С 1923 г. начались систематические бюджетные обследования крестьянских хозяйств. Они предоставили в распоряжение специалистов более представительный массив информации о недоучете. Бюджетные обследования проводились более квалифицированным персо-

[32] *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2004. С. 185–193.
[33] См.: *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 262–263.
[34] Вестник статистики. 1922. № 1-4. Прил. III. Всероссийская статистическая конференция. С. 35.
[35] Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75.
[36] *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг. … С. 263.

налом. «Правдивость» респондентов также оказалась более высокой[37]. Однако обработка крестьянских бюджетов позволила выяснить, что искренность владельцев обследуемых хозяйств также не была абсолютной. Балансовая проверка, заключавшаяся в приведении сообщаемых респондентами сведений в соответствие с зафиксированными по итогам бюджетного года показателями прихода и расхода продукции растениеводства, выявила занижение реальных размеров посева. С 1925 г. в разных регионах СССР начали проводить контрольные обмеры посевных площадей. По сравнению с бюджетными обследованиями они выявили еще больший их недоучет[38].

В 1927 г. ЦСУ предложило Сибкрайстатотделу организовать обмер 109,3 тыс. га посева в юго-восточных округах края. Крайстатотдел в целях получения более репрезентативного материала для получения среднерегиональной поправки на недоучет решил провести обмер и в ряде северо-восточных округов. При этом площадь обмера в силу недостаточности отпущенных ЦСУ средств пришлось снизить до 80 тыс. га. «*По признаку хлебопроизводительности округов, а также по признаку недоучета посевных площадей статорганами, установленного в порядке сопоставления одних и тех же хозяйств по весеннему опросу и бюджетным исследованиям*» для обмера отобрали девять округов (Омский, Славгородский, Каменский, Новосибирский, Барнаульский, Бийский, Томский, Ачинский и Минусинский).

Обмер осуществлялся не у отдельных дворохозяев, а в целых селениях. В выборку должны были попасть селения, разные по размеры (крупные, средние, мелкие) и расположенные в различных природно-географических зонах округа. В отобранных земельных обществах предварительно провели предварительную сплошную перепись всех хозяйств по бланкам весеннего выборочного обследования 1927 г. Недоучет посевных площадей выявили во всех селениях, в которых проводили обмер. По его итогам специалисты крайстатотдела сделали следующий вывод: «*Недоучет не только велик, но колоссален*»[39].

Руководители ЦСУ с самого начала функционирования ведомства знали о недоучете посевных площадей. Однако они долгое время были противниками внесения поправок в итоговые результаты сельхозпереписей. Вышеупомянутый Д.В. Верхопятницкий на III Всероссийской статистической конференции предложил перед публикацией материалов сельскохозяйственной переписи внести в них исправления. Управляющий ЦСУ П.И. Попов отклонил это предложение. Сомнений в неточности данных о посевных площадях у него также не было. Но, по его мнению, «*в неточностях заключается социальная закономерность, отражающая данную эпоху*». Более того, даже неточные данные в целом репрезентативно отражают тенденции развития сельского хозяйства страны[40].

Однако в 1924 г. ситуация изменилась. Позицию ЦСУ резко критиковали специалисты Госплана В.Г. Громан, Н.М. Вишневский, С.Г. Струмилин, которые полагали, что недоучет в посевных площадях влечет за собой ошибки при составлении хлебофуражного баланса страны[41]. К критике ЦСУ присоединилась комиссия ЦК РКП(б) «О работе в деревне»[42]. Коллегия ЦСУ приняла решение о ретроспективном внесении поправок на недоучет в общероссийские данные о площадях посева за 1920, 1921, 1922 и 1923 гг. в размере 16 %[43].

В дальнейшем были исчислены порегиональные поправки. Принятые в подготовленном сотрудниками отдела текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ и изданном в 1926 г. сборнике «Население, посевы, скот, птица и сел[ьско]-хозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг.» поправочные коэффициенты на недоучет посевных площадей варьировались по разным регионам в пределах 15–20 % (для Сибири размер поправки составлял 20 %).

[37] *Ильиных В.А.* Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 29.
[38] Там же.
[39] Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. XIV–XVI.
[40] Вестник статистики. 1922. № 1-4. Прил. С. 36.
[41] См.: *Струмилин С.Г.* К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4–5. С. 60–64.
[42] См.: Крестьянское хозяйство за время революции. М., 1923. С. 103–104.
[43] *Струмилин С.Г.* К реформе урожайной статистики… С. 63.

Составители издания также внесли поправку в данные о посевах в крестьянских хозяйствах в 1916 г. в размере 5 %.

Расширение источниковой базы приводило к постоянному изменению методики определения величин недоучета. В начале 1920-х гг. она, как правило, устанавливалась на основе экспертных оценок; в середине – по итогам сравнения весенних опросов и бюджетных обследований; в конце десятилетия – с упором на результаты контрольных обмеров. В ряде случаев использовались материалы дублирующих переписей, налогового учета, местных хлебофуражных балансов. По мере совершенствования методики, поступления и обработки нового материала ранее принятые величины поправок пересматривались[44].

В 1926 г. СТО возложил расчет поправок на недоучет посевных площадей по стране в целом на Экспертный совет по оценке хлебофуражной продукции и хлебофуражного баланса СССР при ЦСУ[45]. Рассчитанные им в 1927 г. поправки на недоучет посевов зерновых для 1925 г. составили 22,1 %, для 1926 г. – 18,2 %[46]. В 1928 г. Экспертный совет пересмотрел поправочные коэффициенты для 1925 и 1926 г., повысив их до 23,2 и 20,5 % соответственно. Одновременно была обнародована предварительная поправка для 1927 г. – 14,0 %[47]. Работа по пересмотру ранее принятых поправок продолжилась. Внесенные в 1929 г. поправочные коэффициенты на недоучет посевов всех культур в крестьянских хозяйствах страны по нашим расчетам составляли для 1925 г. 24,3 %, для 1926 г. – 20,8, для 1927 г. – 18,2 %[48].

Опубликованные уже в следующем десятилетии статистические материалы позволили нам рассчитать определенные в 1929 г. величины поправок для 1923 и 1924 гг. – 27,7 и 26,4 % соответственно[49]. В силу отсутствия данных о размерах посевных площадей, «освобожденных» от поправок, величину установленных в 1929 г. Экспертным советом общесоюзных повышательных поправочных коэффициентов для 1920–1922[50] и 1928–1929 гг. нам рассчитать не удалось.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что поправочные коэффициенты периодически пересматривались в сторону повышения. При этом в каждом из приведенных вариантов их публикации поправки последующего года были, как правило, ниже, чем для предыдущего. Снижение их величин применительно ко второй половине 1920-х гг. объяснялось специалистами совершенствованием методики проведения выборочных переписей и повышением квалификации переписчиков[51].

Сибирские статистические материалы также демонстрируют «плавающий» характер поправок. В опубликованном Сибирской краевой плановой комиссией (Сибкрайпланом) в 1926 г. издании «Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926–1927 г.» для 1923, 1924 и 1925 гг. были установлены следующие поправочные коэффициента: 32,2, 24,9 и 26,0 %. Поправка для 1926 г. имела предварительный характер и равнялась 15 %[52]. В изданном в конце того же года сборнике краевого статистического отдела «Итоги 10% выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года» для переписи 1926 г. вводилась уточненная поправка – 16,7 %[53]. В 1927 г. крайстатотдел издал «Сборник статистико-

[44] *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг. … С. 264.
[45] СЗ СССР. 1926. № 48. Ст. 353.
[46] Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 22
[47] Там же. 1928. № 5. С. 16.
[48] Рассчитано: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 176–177; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. Итоги с[ельско]-х[озяйственной] переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-ых обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923–1927 гг. М., 1930. С. 14; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.: сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 171–173; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 160.
[49] Рассчитано: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 176–177; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР… С. 14.
[50] Возможно, что Экспертный совет новых поправочных коэффициентов для 1920–1922 гг. не устанавливал.
[51] *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг. … С. 265.
[52] Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926–1927 г. Новосибирск, 1926. С. 107.
[53] Итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года по Сибирскому краю. Новосибирск, 1926. С. 182.

экономических сведений по Сибирскому краю». Установленные в нем поправочные коэффициенты для 1916 и 1917 гг. равнялись 10 %, 1920 г. – 15,0; 1921 г. – 25,0; 1922 г. – 37,2 %; 1923 г. – 32,2; 1924 г. – 24,9; 1925 г. – 26,0; 1926 г. – 16,7 %[54].

В конце весны 1929 г. специалисты Сибкрайплана подготовили подборку материалов «Статистические сведения о народном хозяйстве Сибирского края за 1925–1928 гг.», которые не были изданы[55]. Введенные в них поправочные коэффициенты для 1925 г., по нашим расчетам, увеличили до 39,3 %, на 1926 г. – до 23,1, а для 1927 и 1928 гг. установили в размере 18,4 и 14,5 % соответственно[56].

В 1930 г. был опубликован статистический справочник «Сибирский край». В нем приводились сведения о размерах посевов в регионе за 1927, 1928 и 1929 гг. Поправки на недоучет посевов в крестьянских хозяйствах, принятые его составителями, повторяли вышеуказанные и равнялись для 1927 г. 18,4 %, для 1928 и 1929 гг. – 14,5 %[57]. Вполне возможно, что поправочный коэффициент для 1929 г. в справочнике не был рассчитан, а его установили на уровне предыдущего года.

Следует отметить, что сибирские статистики, в целом опираясь на разработанную специалистами ЦСУ коллегами методику определения поправочных коэффициентов, были самостоятельны в конкретных расчетах. Установленные ими поправки не дублировали величин, опубликованных в центральных изданиях.

Недоучет скота в рамках сельхозпереписей впервые был выявлен при сравнении результатов переписи 1923 г. с разработанным балансом мясной и кожевенной промышленности. В связи с этим составители вышедшего в 1926 г. справочного издания ЦСУ «Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года» внесли поправку на недоучет в 3 % при публикации данных о поголовье скота в 1923 г. по всем его видам, включая рабочий. Поправка в 5 % была также принята при определении численности сельскохозяйственных животных в 1922 г.[58]

В дальнейшем размеры недоучета определялись путем сопоставления карточек выборочных сельхозпереписей и бюджетных обследований. Минимальным был недоучет лошадей и коров, сокрытие которых в абсолютно преобладающих по численности малолошадных и малокоровных хозяйствах было затруднено. Более высокие показатели сокрытия имел молодняк КРС, овцы и козы. Максимальным был недоучет свиней.

Руководители краевого статистического отдела выявленные в том числе и на материалах бюджетных обследований факты недоучета скота проигнорировали. Более того, составители изданного в 1926 г. «Сборника статистико-экономических сведений по Сибирскому краю» считали, что данные о поголовье сельскохозяйственных животных, полученные в рамках выборочных сельхозпереписей, *«не нуждаются ни в каких пояснениях и поправках»*[59].

На общесоюзном уровне поправки на недоучет скота за ряд лет были внесены в изданный в начале 1930 г. статистический сборник «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.». Размеры поправок устанавливались для каждого региона. Рассчитанные нами поправки на недоучет КРС для Сибири в 1924–1927 гг. соответственно составляли +4, +5, +4 и +3 %, овец – +14, +15, +10 и +6 %, свиней – +17, +20, +25 и +20 %[60]. Для лошадей поправочные коэффициенты не устанавливались.

[54] Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 465.
[55] ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1105.
[56] Рассчитано: Там же; Сборник статистико-экономических сведений… С. 38.
[57] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 277, 329.
[58] Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. М., 1926. С. 85.
[59] Сборник статистико-экономических сведений… С. 464.
[60] Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. Итоги с[ельско]-х[озяйственной] переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-ых обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923–1927 гг. М., 1930. С. 102–103, 140–141.

* * *

Таким образом, учет посевных площадей и поголовья скота в СССР в 1920-е гг. осуществлялся в рамках ежегодных выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Основным методом переписей являлся личный опрос дворохозяев. Организация и проведение переписей возлагались на соответствующие подразделения ЦСУ и его региональные органы, руководители и специалисты которых имели дореволюционный опыт статистической работы и использовали наработки земской статистики. Крестьяне преуменьшали размеры своих хозяйств с целью снижения тяжести налогообложения. Статистические органы, чтобы выяснить масштабы недоучета, использовали материалы бюджетных и иных обследований, проводили контрольные мероприятия. Совершенствование методики определения величины недоучета приводило к периодической коррекции официально принятых показателей.

Литература

Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2004. С. 175–208.

Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 18–32.

Ильиных В.А. Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 261–272.

Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4–5. С. 58–65.

Хрящева А.И. О работах отдела сельскохозяйственных переписей // Вестник статистики. 1920. № 1-4. С. 180–183.

References

Hryashcheva, A.I. (1920). O rabotah otdela sel’skohozyaystvennyh perepisey [About the Work of Department of Agricultural Censuses]. In *Vestnik statistiki*. No. 1-4, pp. 180–183.

Il’inykh, V.A. (2004). Sel’skohozyaystvennyy nalog v sibirskoy derevne v 1924–1928 gg. [Agricultural Tax in Siberian Village in 1924–1928]. In *Nalogi i zagotovki v sibirskoy derevne v 1890–1920-e gg.* Novosibirsk, pp. 175–208.

Il’inykh, V.A. (2008). Dinamika posevnyh ploshchadey v Sibiri v 1917–1929 gg.: istochniki rekonstruktsii [Dynamics of Sown Areas in Siberia in 1917–1929: Sources of Reconstruction]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* No. 2, pp. 18–32.

Il’inykh, V.A. (2012). Sel’skohozyaystvennye perepisi 1920-h gg.: popravki na nedouchet posevov [Agricultural Censuses in 1920s: Corrections for Under-accounting of Crops]. In *Aktual’nye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy X–XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya. Materialy XXXII sessii simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. Ryazan, pp. 261–272.

Strumilin, S.G. (1924). K reforme urozhaynoy statistiki [Towards the Reform of Crop Statistics]. In *Planovoe hozyaystvo*. No. 4–5, pp. 58–65.

А.А. Плясуля*

ФОРСИРОВАННОЕ СОВХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1928–1931 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-10
УДК 94:338(470.7)"1880/1917"

Выходные данные для цитирования:
Плясуля А.А. Форсированное совхозное строительство в Западной Сибири (1928–1931 годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 111–122. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-10.pdf

A.A. Plyasulya*

FORCED STATE FARM CONSTRUCTION IN WESTERN SIBERIA IN 1928–1931

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-10

How to cite:
Plyasulya A.A. Forced State Farm Construction in Western Siberia in 1928–1931 // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 111–122. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-10.pdf]

Abstract. In this article the author reconstructs the course of forced state farm construction on the territo-ry of Western Siberia in the late 1920s and early 1930s. During this period, the state was faced with the urgent task of resolving food and raw material problems. The grain procurement crisis of 1927/1928 required the construction of new grain state farms as a priority, but the worsening supply of meat pro ducts to the urban population created the conditions for the active creation of new livestock state farms from 1929. There has also been a territorial enlargement of existing state farms since 1928. At the end of the 1920s the higher authorities (Narkomzem of the RSFSR, Rosselsindikat, the Siberian Regional Land Administration) gave strict instructions related to the optimal location and territorial arrangement of new state farms, but they were often violated and ignored. In practice their fulfilment depended on whose side in land disputes between collective and state farms the party authorities would take. Since 1930 the forced col-lectivisation led to an intensification of state farm construction, which resulted in a permanent escalation of its planned indicators. The programmes for the construction of new state farms, the expansion of the area under crops and the number of cattle were constantly chang-ing in the direction of increasing. The plan to expand the state farm network in Western Siberia was suc-cessfully implemented, and in some trusts even over-implemented. However, the programme of enlarged state farms construction consimplemented in the early 1930s did not meet the expec-tations placed on it. The main problem with the activity of state farms in the early 1930s was their low profitability and productivity with a high cost price of state farm production. Produc-tion and delivery plans have not been systematically were not fulfilled. Much more mechanised state farms were expected to perform better than collective farms. However, the specialised state farms, designed to show the peasants the advantages of large 'socialist' production, were either marginally ahead of the collective farms or lagging behind them. As a result, in 1931 the programme of state farms construction began to wind down and gave way to the reorganisation and optimisation of the state farm network.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, agriculture, Socialist Modernization, state farms, Siberia.

The article has been received by the editor on 12.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Антон Александрович Плясуля,** архивист, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Россия, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com
Anton Aleksandrovich Plyasulya, Archivist, State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russia, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com

Аннотация. В статье осуществляется реконструкция хода совхозного строительства на территории Западной Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В этот период перед государством остро стояла задача разрешения продовольственной и сырьевой проблем. Кризис хлебозаготовок 1927/1928 г. потребовал в первую очередь развернуть строительство новых зерновых совхозов, однако ухудшение снабжения городского населения мясопродуктами создало условия для активного создания с конца 1929 г. животноводческих совхозов. С 1928 г. происходило укрупнение уже существующих совхозов. В конце 1920-х гг. вышестоящие органы (Наркомзем РСФСР, Россельсиндикат, Сибирское краевое земельное управление) дали строгие предписания, связанные с оптимальным порядком локации и территориального устройства новых совхозов, однако зачастую они нарушались и игнорировались. Начавшаяся в 1930 г. форсированная коллективизация привела к активизации совхозного строительства, в связи с чем происходила перманентная эскалация его плановых показателей. Программы строительства новых совхозов, наращивания в них посевных площадей и поголовья скота постоянно менялись в сторону увеличения. План расширения совхозной сети в Западной Сибири успешно выполнялся, а по ряду трестов перевыполнялся. Однако реализуемая в начале 1930-х гг. программа расширенного совхозного строительства не оправдала возлагаемых на нее надежд. Главной проблемой функционирования совхозов в начале 1930-х гг. являлась их низкая рентабельность и продуктивность при высокой себестоимости продукции. Планы производства и сдачи сельхозпродукции систематически не выполнялись. От значительно более механизированных совхозов ожидали более высоких показателей, чем от колхозов. В результате в 1931 г. программа строительства совхозов начала сворачиваться и уступила место реорганизации и оптимизации сети совхозов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика Советского государства, социалистическая модернизация, совхозы, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022

С момента прихода к власти в 1917 г. большевики стремились к организации в деревне крупных коллективных хозяйств, а также совхозов («крупных социалистических экономий»). При этом совхозы признавались совершенным («последовательно-социалистическим») типом сельхозпредприятия. В Сибири первые совхозы были созданы в 1918 г. Совхозное строительство в регионе возобновилось после восстановления советской власти в 1920 – начале 1921 г.

В начале и середине 1920-х гг. совхозы играли в целом незначительную роль в сельскохозяйственном производстве, являясь, по сути, опытно-вспомогательными хозяйствами. Однако в конце десятилетия ситуация начинает постепенно меняться. Руководство страны принимает ряд решений, направленных на расширение масштабов совхозного строительства.

Еще 30 декабря 1926 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об итогах совхозного строительства»[1]. В нем указывалось, что одной из важнейших задач социалистического строительства в деревне является дальнейшее укрепление и развитие совхозов. Совхозное строительство должно было идти «по линии превращения их в крупные сельскохозяйственные индустриализированные предприятия, ведущие свое хозяйство на основе хозяйственного расчета и рентабельности». Постановление предусматривало ряд мер по организационно-хозяйственному укреплению совхозов. В частности, предлагалось передать трестам оставшиеся приписные производственные совхозы, за исключением хозяйств Сахаротреста.

6 марта 1927 г. вышло совместное постановление СНК СССР и ЦИК «О советских хозяйствах»[2], в котором предписывалось принять меры по сохранению и укреплению суще-

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 277. Л. 19–28.
[2] СЗ СССР. 1927. № 15. С. 345.

ствующих совхозов, расширению сети трестированных совхозов. В постановлении также особо подчеркивалась необходимость включения в перспективные планы развития сельского хозяйства программы строительства новых совхозов в районах, где имеются свободные земельные площади.

Переломным в отношении совхозов стал состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), который поставил в повестку дня большевистской партии задачу социалистической реконструкции сельского хозяйства. Важная роль в преобразовании аграрного сектора экономики отводилась совхозам, которые должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа». Совхозы обязывались не только увеличить производство сельхозпродукции, но и обеспечить присутствие государства в деревне. Они должны были стать «рассадником всяческих усовершенствований и улучшений», демонстрировать превосходство крупного обобществленного производства над мелкотоварным крестьянским хозяйством». Кроме того, совхозы были призваны активно содействовать делу коллективизации крестьянских хозяйств, показывая образцы коллективного труда нарождающимся колхозам. Съезд также поставил задачу создания значительного количества новых крупных специализированных совхозов[3].

Поскольку кризис хлебозаготовок 1927/1928 г. наглядно продемонстрировал обострение зерновой проблемы, в первую очередь было решено развернуть строительство зерновых совхозов. Данная задача была сформулирована в директиве Политбюро ЦК ВКП(б), предусматривающей организацию «в продолжении 4–5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задеты новыми совхозами крестьянские “наделы”, в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн пудов»[4].

Несмотря на то, что вопрос о строительстве новых совхозов должен был быть окончательно решен на очередном пленуме ЦК ВКП(б), постановление Политбюро как директива было направлено на места и вызвало соответствующую реакцию. Уже 5 мая 1928 г. на заседании межведомственного совещания при отделе сельского хозяйства Сибирского краевого земельного управления обсуждался вопрос «об организации новых крупных совхозов зернового типа» на территории края. Участники заседания приняли резолюцию, в которой признавалось необходимым и целесообразным строительство зерносовхозов на новых неосвоенных территориях фонда государственного земельного имущества (ГЗИ). С этой целью надлежало провести обследование его массивов. В резолюции также содержалось поручение АО «Овцевод» также заняться обследованием ГЗИ на предмет организации новых овцеводческих хозяйств[5]. 1 июня 1928 г. на техническом совещании при Сибкрайземуправлении было решено организовать крупные зерносовхозы в Тарском, Омском, Славгородском, Барабинском, Бийском, Красноярском, Хакасском округах на площади около 500 тыс. га[6].

Более предметно вопрос о расширении масштабов совхозного строительства был поставлен на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Пленум утвердил упомянутую выше директиву Политбюро. В резолюции пленума указывалось на необходимость тщательного отбора земельных участков для организации новых зерносовхозов. Климатические, почвенные и экономические условия в районах их размещения должны были обеспечить «при минимуме риска наибольшую рентабельность этих предприятий». Предлагалось принять меры к их обеспечению достаточным количеством сельскохозяйственного инвентаря и машин, «в первую очередь тракторов в целях полной механизации усадебных хозяйственных функций и для обеспечения машинизации полевых работ в наибольшем размере». На 1928 г. следовало утвердить задание по общей площади вспашки земель в новых хозяйствах, обеспечивающее в 1929 г. сбор 5–7 млн пудов товарного зерна[7].

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 307.
[4] *Зеленин И.Е.* Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 55.
[5] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 268. Л. 1.
[6] Там же. Л 2.
[7] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 354–355.

На совещаниях Сибгоссельтреста, состоявшихся с 17 по 23 июля 1928 г., было решено выделить под зерносовхозы в Омском округе 80 тыс. га, в Славгородском – 56,5, в Новосибирском округе – 40 тыс. га. Более засушливые участки земли предполагалось отвести под совхозы животноводческих направлений[8].

1 августа 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об организации крупных зерновых советских хозяйств», в котором перед соответствующими ведомствами ставилась задача «организовать новые крупные зерновые советские хозяйства (зерновые фабрики) на свободных земельных фондах с таким расчетом, чтобы к урожаю 1933 г. обеспечить получение товарного зерна от этих хозяйств в количестве не менее 100 000 000 пудов (1 638 000 тонн)». Организуемые хозяйства включались во всесоюзный трест зерновых совхозов – Зернотрест[9]. На основании его постановления от 24 сентября 1828 г. было создано управление уполномоченного Зернотреста по Сибирскому краю[10].

В начале 1928 г. в Сибирском крае функционировал 61 совхоз, причем 17 из них были крупными трестированными хозяйствами. 11 трестированных совхозов находились в ведении Сибгоссельтреста, 5 – «Овцевода», одно свекловичное хозяйство принадлежало торгово-промышленному объединению «Сахаротрест». 41 госхоз находился в ведении различных государственных организаций и учреждений, 3 коневодческих хозяйства подчинялись Наркомзему. Общая земельная площадь совхозного сектора аграрной экономики составляла 296,2 тыс. га[11].

С 1928 г. в Сибири шло укрупнение существующих совхозов. Так, в 1928 г. четыре совхоза, базирующиеся в пределах Омского, Барабинского и Красноярского округов, получили прирезки земли общей площадью 15 тыс. га[12]. 7 сентября 1928 г. Наркомат земледелия РСФСР выпустил адресованный госсельтрестам циркуляр, запрещающий сокращение земельной площади действующих совхозов, а также изъятие принадлежащего совхозам и их предприятиям имущества[13].

30 января 1929 г. Наркомзем РСФСР и Россельсиндикат в письме госсельтрестам дали рекомендации по оптимальной организации совхозов. Наиболее существенные предписания состояли в том, что основное направление каждого совхоза должно соответствовать основному направлению края/области/губернии или направлению отдельных районов, а также в том, что совхоз должен быть расположен ближе к железной дороге и, по возможности, в центре того района, для которого данный совхоз будет являться показательным[14].

23 февраля 1929 г. Сибкрайземуправление разослало на места следующие директивные указания по землеустройству зерносовхозов:

а) намечаемые под новые хозяйства земельные фонды должны быть обследованы окружными земельными управлениями, а материалы обследования направляться в Сибкрайземуправление для предварительного рассмотрения;

б) если СибкрайЗУ признает те или иные земельные фонды пригодными для организации зерносовхоза, то окружное земельное управление должно провести землеустройство с привлечением специалистов (прежде всего агрономов);

в) в случае если земля подготовлена, но до землеустройства дело не дошло или последнее затягивается, то вопрос о пригодности фондов под зерносовхоз передается на рассмотрение комиссии, формируемой окружным земельным управлением;

г) заключение окружной комиссии надлежит немедленно предоставить на окончательное утверждение в Сибкрайземуправление[15].

---

[8] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1883. Оп. 1. Д. 155. Л. 702, 705.
[9] СЗ СССР. 1928. № 48. Ст. 421.
[10] ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
[11] *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 237; *Базарник Е.* Совхозы Сибирского края // Статистика Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1930. С. 73.
[12] ГИАОО. Ф. 1883. Оп. 1. Д. 136. Л. 8.
[13] Там же. Д. 141. Л. 7–8.
[14] Там же. Д. 136. Л. 128.
[15] ГАНО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 81. Б.л.

Как указывалось выше, под новые совхозы предполагалось отводить сельхозугодья из фонда ГЗИ. Однако вскоре выяснилось, что пригодных для ведения зернового хозяйства в ГЗИ не хватает. В частности, непригодными оказались земельные массивы в Славгородском и Барабинском округах. В связи с этим под новые зерносовхозы стали отводиться необработанные (целинные и залежные) земли, находившиеся в землепользовании крестьян. При этом земельные органы Сибири снизили для них нормы наделения землей[16].

Несмотря на запрет отводить под совхозы земли, освоенные колхозами, все же в некоторых районах (Маслянинский, Бийский и др.) подобные указания игнорировались[17]. Выполнение этих указаний на практике нередко зависело от того, чью сторону в земельных спорах между совхозами и колхозами займут партийные органы.

Зимой 1928/1929 г. в западной части Сибирского края в соответствии с ранее принятыми правительственными решениями развернулось строительство шести совхозов Зернотреста: Борисовского, Черлакского и Ново-Уральского (Омский округ), Поспелихинского (впоследствии переименован в совхоз «12 лет Октября») (Рубцовский округ), Бийского (впоследствии переименован в Первомайский) (Бийский округ), Черепановского (Новосибирский округ)[18]. Так, для Поспелихинского совхоза отвели почти 15 тыс. га., Ново-Уральского – 29 тыс., Черепановского – 45 тыс., Черлакского – 71 тыс. га. Всего для новых хозяйств предназначалось 400 тыс. га[19]. В середине мая 1929 г. началась пахота целинных и залежных земель. К осени 1929 г. под зерносовхозы отвели 728,5 тыс. га. Было намечено строительство еще 10 зерносовхозов[20].

Одной из перспективных отраслей в Сибири являлось льноводство[21]. Вклад в его развитие должны были внести льноводческие совхозы. В 1929 г. крайземуправление провело работу по изысканию земельных участков для их размещения. В итоге были выбраны два участка в Канском и Ачинском округах. При каждом из организуемых хозяйств планировалось строительство льноперерабатывающих заводов[22].

Принципиальное значение для совхозного строительства имело постановление СНК СССР от 25 апреля 1929 г. «Об укреплении старых советских хозяйств», обязавшее СНК союзных республик «принять срочные меры к максимальному усилению темпа развития советских хозяйств и к действительному превращению их в крупные сельскохозяйственные механизированные предприятия социалистического типа, построенные на базе высокой техники и машинизации»[23]. Проходившая в конце апреля 1929 г. XVI конференция ВКП(б) наметила получить в 1932 г. от «старых» и «новых» совхозов свыше 200 млн пудов товарного зерна, что должно было составить более 17 % от общего объема товарной продукции зернового хозяйства[24].

Ухудшение снабжения городского населения мясопродуктами создало условия для развития животноводческих хозяйств. В 1929 г. учреждается Всесоюзное акционерное общество мясных совхозов «Скотовод». В декабре того же года приступил к работе уполномоченный АО по Сибирскому краю[25]. Его первоочередной задачей являлась организация крупных специализированных сельхозпредприятий. В 1928–1929 гг. в крае начали функционировать три новых овцесовхоза[26].

---

[16] *Мартынов Б.Ф.* Сибирские фабрики зерна. Новосибирск, 1931. С. 12.
[17] ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 478. Л. 54, 69.
[18] *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 240–241, 379; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 737, 758.
[19] Советская Сибирь. 1929. 3 марта, 22 марта, 6 апр., 18 дек.
[20] Там же. 18 дек.; *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири. Новосибирск, 1931. С. 8.
[21] См.: Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. С. 135.
[22] Советская Сибирь. 1929. 24 дек.
[23] СЗ СССР. 1929. № 30. Ст. 275.
[24] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 451.
[25] ГАНО. Ф. Р-285. Оп. 1. Д. 357. Л. 7.
[26] *Базарник Е.* Совхозы Сибирского края… С. 71; *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 45.

20 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Мероприятия по разрешению мясной проблемы», в котором в качестве неотложной ставилась задача коренной реконструкции животноводческой базы, в том числе «путем организации крупных государственных мясопромышленных совхозов»[27]. Существенный вклад в разрешение мясной проблемы должны были внести хозяйства АО «Скотовод». Их собственное поголовье крупного рогатого скота (КРС) планировалось увеличить в 1929/1930 г. до 900 тыс. голов, в 1930/1931 г. – до 2 млн голов[28]. В качестве основного источника формирования совхозного стада рассматривалась контрактация скота в крестьянских хозяйствах. В Сибирском крае для организуемых совхозов «Скотовода» в 1929/1930 г. предполагалось выделить 1,5 млн га сельхозугодий. План контрактации составлял 150 тыс. голов[29].

В условиях нэпа контрактация представляла собой добровольный и взаимовыгодный договор между заготовителем и производителем, в соответствии с которым производитель брал на себя обязательство поставить заготовителю оговоренный объем сельхозпродукции (в том числе скот), а последний обязывался проавансировать будущие закупки продукции или предоставить в кредит материально-финансовые ресурсы, необходимые для ее производства. В конце 1920-х гг. произошел переход от добровольной к обязательной контрактации, которая фактически приобрела характер натуральной подати[30]. Скот, законтрактованный в крестьянских хозяйствах, поступал в распоряжение местных контор Всесоюзного треста «Союзмясо», который обязывался животных надлежащих кондиций передавать совхозам.

Сибирское руководство полагало, что в крае наряду с мясными необходимо развивать молочные совхозы. Их организация поручалась региональному АО Сибторг, которое занималось в том числе маслозаготовками. Сибкрайплан в 1930 г. наметил строительство трех подобных хозяйств с молочным стадом в 10 тыс. голов[31].

В конце 1929 г. в Сибирском крае насчитывалось 32 трестированных совхоза (17 Сибсовхозтреста[32], 8 Сибирской краевой конторы акционерного общества «Овцевод», 6 краевого управления Зернотреста, 1 Сахаротреста), 3 коневодческих хозяйства, подведомственных Наркомзему РСФСР, и 45 госхозов, принадлежавших государственным организациям и учреждениям[33]. Сибсовхозтрест находился в подчинении Совхозцентра РСФСР, Сахаротрест – ВСНХ.

Выдвижение задачи социалистической реконструкции деревни актуализировало проблему определения оптимальной модели радикальной перестройки сельского хозяйства. По мнению В.А. Ильиных, к концу 1920-х гг. в СССР была разработана совхозно-колхозная модель социалистического сельского хозяйства. Ее структурными составными частями являлись высокотоварные колхозы и совхозы, полностью заменившие мелкокрестьянское хозяйство. На начальном этапе преобразований колхозное производство должно было превосходить совхозное. В перспективе данное соотношение планировалось изменить в пользу «последовательно-социалистических» совхозов[34]. При этом отдаленность данной перспективы постоянно уменьшалась.

Начавшаяся в 1930 г. форсированная коллективизация привела к активизации совхозного строительства. Происходила перманентная эскалация его плановых показателей. Программы строительства новых совхозов, наращивания в них посевных площадей и поголовья скота постоянно изменялись в сторону увеличения. Так, в соответствии с принятым

[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 769. Л. 13–21.
[28] Весной 1929 г. во всех совхозах СССР насчитывалось 205 тыс. голов КРС (Животноводство СССР. М., 1930. С. 151).
[29] Советская Сибирь. 1929. 20 дек.
[30] См.: *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 91–93.
[31] Советская Сибирь. 1930. 12 янв.
[32] В начале ноября 1929 г. Сибирский государственный сельскохозяйственный трест был переименован в Государственный сибирский трест советских хозяйств РСФСР (Сибсовхозтрест) (Советская Сибирь. 1929. 6 нояб.).
[33] *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 241; *Базарник Е.* Совхозы Сибирского края… С. 71–72.
[34] Проекты преобразования аграрного строя Сибири… С. 41.

13 февраля 1930 г. постановлением СНК СССР «О мерах к развитию животноводства», поголовье КРС в совхозах «Скотовода» надлежало уже в 1929/1930 г. довести до 1 млн 100 тыс. голов, а к концу первой пятилетки – до 8–9 млн голов[35].

В начале 1930 г. прибывшая в Сибирь экспедиция Наркомата земледелия СССР, обследовав сельскохозяйственные угодья, выявленные земельными органами края, предложила отвести под совхозное строительство в регионе до 18 млн га, в том числе под совхозы Зернотреста – 5,3 млн га. Сибкрайисполком наметил отвод под совхозы 18,6 млн га, в том числе в Западной Сибири – 15,3 млн га[36]. В начале 1930 г. в Сибири развернулось строительство 10 новых зерносовхозов. Общая земельная площадь сельхозугодий, отведенных создаваемым и функционирующим хозяйствам, составила 1,5 млн га[37].

Задачу расширения масштабов совхозного строительства поставил XVI съезд ВКП(б). Посевную площадь Зернотреста планировалось в 1931/1932 г. нарастить до 9 млн га, в 1932/1933 г. – до 14 млн га. Уже в 1931/1932 г. от хозяйств Зернотреста намечалось получить не менее 225 млн пудов, а от всех совхозов («старых и новых») – 250 млн пудов товарного хлеба. Наряду с ускоренным развитием зерноводства надлежало приложить усилия к решению животноводческой проблемы, которая «назрела уже со всей очевидностью». Одним из путей наращивания производственного потенциала отрасли являлась «организация специальных животноводческих совхозов аналогично зерносовхозам». В связи с этим надлежало продолжить форсированное формирование объединений «Скотовод», «Свиновод», Маслотреста. Поголовье КРС в хозяйствах «Скотовода» планировалось в 1930/1931 г. довести 3,2 млн голов, в 1931/1932 г. – до 5,5 млн, в 1932/33 г. – до 9–10 млн голов[38]. Конкретные задачи по формированию стада и развертыванию совхозной сети были поставлены в постановлении СНК СССР от 11 августа 1930 г. «О развитии животноводческих совхозов»[39].

В сторону повышения постоянно пересматривалась и программа строительства зерносовхозов. Согласно ранее принятым планам, на территории Сибирского края в 1931 г. предполагалось организовать 12 новых зерносовхозов. В начале августа 1930 г. правление Зернотреста утвердило предложенный уполномоченным треста в Сибири А. Греймером новый план, который предусматривал организацию в 1931 г. 17 зерносовхозов. Общая площадь совхозов региона, включая прирезки к уже существующим хозяйствам, должна была достичь 3 470 тыс. га. Площадь посева в 1931 г. планировалось довести до 540 тыс. га. Весной 1932 г. количество сеющих совхозов увеличивалось до 33, посев – до 1 200 тыс. га. К концу пятилетки программа предусматривала функционирование 53 зерносовхозов с земельной площадью около 5 млн га[40].

В рамках реализации программы расширения сети хозяйств Зернотреста число зерносовхозов Сибири к осени 1930 г. увеличилось до 32 (общая площадь 3,3 млн га). После разделения Сибирского края на территории Западно-Сибирского края осталось 28 зерносовхозов (2,6 млн га)[41]. Кроме зерновых совхозов, в сфере полеводства функционировали государственные хозяйства, которые специализировались на семеноводстве и выращивании технических культур. В конце 1930 г. на территории Западно-Сибирского края насчитывалось девять семеноводческих хозяйств: четыре из них ранее входили в Сибсовхозтрест[42], а пять были организованы в этом же году. Семеноводческие совхозы находились в ведении Государственного объединения сортоводно-семенных советских хозяйств НКЗ РСФСР (Сортсемтрест). В 1930 г. в регионе было также создано четыре льноводче-

[35] СЗ СССР. 1930. № 12. Ст. 141.
[36] *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 8; ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 478. Л. 54.
[37] Советская Сибирь. 1930. 10 мая.
[38] XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 31, 44; КПСС в резолюциях… Т. 5. М., 1984. С. 165.
[39] СЗ СССР. 1930. № 42. Ст. 442.
[40] Советская Сибирь. 1930. 16 авг.
[41] *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 9.
[42] В апреле 1930 г. Сибсовхозтрест был ликвидирован. Его хозяйства передали в другие тресты (ГАНО. Ф. Р-358. Оп. 1. Предисловие. С. 1).

ских и один махорочный совхоз. В районе строительства Алейского сахарного завода началось строительство трех свекловичных совхозов[43].

Весной 1930 г. в Сибири началась организация животноводческих совхозов, входивших в специализированные тресты. В марте было развернуто строительство 14 мясосовхозов, входящих в объединение «Скотовод». В него также входила Улалинская зоотехническая опытная станция. Для укомплектования их стада первоначально намечалась контрактация в крестьянских хозяйствах 150 тыс. голов КРС, затем план контрактации увеличился до 200 тыс. голов. В апреле 1930 г. началась организация свиноводческих совхозов треста «Свиновод». В него вошли семь специализированных хозяйств (два в Новоомском, два в Павлоградском, одно в Омском районе, одно в Щегловском, одно в Бийском районах) и зональная станция по свиноводству (Бийский район). В 1930 г. число овцеводческих совхозов в Сибирском крае увеличилось с 8 до 11. После разделения региона на территории Западно-Сибирского края осталось девять хозяйств[44].

Крайконтора молочно-масляного треста начала функционировать в регионе в июне 1930 г. Ей было передано семь совхозов бывшего Сибсовхозтреста. При этом они нуждались в перепрофилировании, поскольку ранее в основном занимались семеноводством зерновых культур. Управляющий крайконторой Ямпольский поставил задачу добиться узкой специализации хозяйств, в которых должен был быть сконцентрирован лучший молочный скот из хозяйств других систем. От второстепенных отраслей – овцеводства и птицеводства, по его мнению, следовало отказаться. Поскольку к укомплектованию стада в совхозах молмасло-треста приступили лишь в начале августа, то ее программу выполнить не удалось[45].

Строительством отдельных молочных ферм и хозяйств также занималась Сибирская (Западно-Сибирская) краевая контора созданного в марте 1930 г. Всесоюзного молочно-масляного объединения «Союзмолоко», находящегося в ведении Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли СССР[46]. Так, сибконтора «Союзмолоко» 10 мая 1930 г. заключила договор с директором Черепановского зерносовхоза о создании на его территории молочного совхоза из трех ферм по тысяче коров в каждой. Своей земли у нового хозяйства не было. Зерносовхоз передавал ему в пользование 15 тыс. га земли для строительства центральной усадьбы, ферм, под выпаса и сенокосы, а также обязывался передавать молочным фермам в качестве кормов все отходы зернового производства (гуменные корма, солому), предоставлять трактора, автотранспорт, осуществлять ремонтно-техническое обслуживание. Все эти услуги молсовхоз должен был оплачивать по себестоимости[47].

Помимо животноводческих хозяйств указанной выше специализации, в Западно-Сибирском крае в 1930 г. начал функционировать один совхоз, входящий в Птицетрест, и продолжало свою работу хозяйство, входящее в Госконеводтрест[48].

В постановлении Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 1 февраля 1931 г. «Об итогах и перспективах социалистической реконструкции животноводства в крае» содержалась информация о том, что в крае насчитывалось 15 скотоводческих (134 тыс. голов), 9 молочно-масляных (18,3 тыс.), 9 овцеводческих (196 тыс.), 7 свиноводческих (маточное поголовье 2,7 тыс. голов) совхозов, входящих в соответствующие тресты[49]. Согласно данным ежегодника «Сельское хозяйство СССР», в Западно-Сибирском крае на 1 января 1931 г. функционировало 17 скотоводческих (127,5 тыс. голов), 9 овцеводческих (193,2 тыс.), 8 свиноводческих (маточное поголовье 2,7 тыс.) трестированных совхозов[50].

---

[43] *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 25; ГАНО. Ф. Р-1073. Оп. 3. Д. 107. Л. 27; Советская Сибирь. 1930. 22 сент.

[44] Советская Сибирь. 1930. 18 февр., 16 июня, 13 авг., 14 сент.; Сельское хозяйство СССР… С. 788; ГАНО. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 4. Л. 72; *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 45.

[45] Советская Сибирь. 1930. 14 сент.

[46] СЗ СССР. 1930. № 15. Ст. 16.

[47] *Потапов С., Либкинд А.* Черепановский маслосовхоз. М., 1935. С. 5–6.

[48] ГАНО. Ф. Р-1073. Оп. 3. Д. 107. Л. 27.

[49] Советская Сибирь. 1931. 9 февр.

[50] Сельское хозяйство СССР… С. 788, 798, 894, 900, 969, 974.

Задачи совхозного строительства на 1931 г. в СССР поставил декабрьский (1930 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). В течение года планировалось увеличить посевную площадь всех совхозов до 9,5 млн га, хозяйств Зернотреста – до 5 млн га, «стадо “Скотовода” довести до 2 800 тыс. голов, стадо “Свиновода” – до 1 900 тыс. голов, стадо “Овцевода” – до 4,4 млн голов, стадо молочно-масляного треста – до 110 тыс. коров»[51].

7 января 1931 г. Политбюро приняло постановление по докладу Зернотреста[52]. В нем отмечалось, что «работа партии в области развития зерновых совхозов обеспечивает посев Зернотрестом в 1931 году 5 миллионов гектар, что означает огромное перевыполнение программы Зернотреста (вместо 100 млн пудов товарного хлеба в 1932 году – 150–160 млн пудов товарного хлеба в 1931 году)».

VI съезд Советов СССР в принятом 17 марта постановлении «О совхозном строительстве»[53] отметил успехи реализации данного направления аграрной политики советского государства, подчеркнул значение совхозов в коллективизации, указал «на наличие в работе совхозов ряда крупнейших недостатков» и призвал в «неослабевающих темпах продолжать развитие совхозов». Площадь посевов в государственном секторе аграрной экономики следовало довести до 9,5 млн га в 1931 г., 14 млн – в 1932 г., 19 млн – в 1933 г., в том числе по Зернотресту до 5, 7,2 и 9,5 млн га соответственно. Плановые показатели на 1931, 1932 и 1933 гг. составляли по Скотоводтресту 2,8 млн, 5 млн, 7 млн голов КРС; по молочно-масляным трестам – 420 тыс., 900 тыс., 1,5 млн голов; по Свиноводтресту – 1,9 млн, 4,5 млн, 6,3 млн свиней; по Овцеводтресту – 4,4 млн, 9 млн, 15 млн овец.

Как указывалось выше, 1 февраля 1931 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «Об итогах и перспективах социалистической реконструкции животноводства края». В нем отмечались «крупные успехи в организации социалистического животноводства в 1930 г.», в том числе в сфере совхозного строительства, а также указывалось на допущенные недостатки, которые заключались в низких темпах строительства помещений для скота и неудовлетворительном его обеспечении кормами. Отмеченные недостатки следовало в короткие сроки «изжить», достигнутые успехи «закрепить», продолжив форсированное строительство животноводческих совхозов. Планировалось в 1931 г. увеличить число совхозов Скотоводтреста с 15 до 25, молочно-масляного треста – с 9 до 16, Свиноводтреста – с 7 до 20, Овцеводтреста – с 9 до 14, а поголовье скота в них – до 390, 64,7, 44,6[54] и 360 тыс. голов соответственно[55].

Программа расширения совхозной сети в Сибири в 1931 г. успешно выполнялась, а по ряду трестов перевыполнялась. К осени 1931 г. в Западно-Сибирский краевой Скотоводтрест входили 24 совхоза, в Молочно-масляный трест – 24, в Свиноводтрест – 20 свиноводческих (в том числе 14 «промышленных», 2 откормочных и 2 племенных, зональная опытная станция и учебное хозяйство), в Овцеводтрест – 14 совхозов, в Птицетрест – 5 хозяйств. Запсибпушнина имела в своем составе 8 маралосовхозов[56].

31 июля 1931 г. было обнародовано Обращение СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развертывании социалистического животноводства»[57]. «Работа по созданию и укреплению социалистического сектора экономики в области животноводства» определялась в нем как «центральная задача ближайшего времени в области сельского хозяйства». При этом 1931 и 1932 гг. должны были стать «годами такого же решительного перелома в области разверты-

[51] КПСС в резолюциях… Т. 5. С. 234. В 1930 г. общая посевная площадь государственного сектора экономики страны достигла 3,9 млн га, зерносовхозов – 1,2 млн га. Поголовье КРС в трестированных молочно-мясных совхозах в конце 1930 г. составляло 1,2 млн голов, коров в хозяйствах молочно-масляного треста 33 тыс., овец в совхозах «Овцевода» 2,7 млн, свиней в совхозах «Свиновода» 869 тыс. голов (Сельское хозяйство СССР… С. 259, 721, 800, 902, 975; Народное хозяйство СССР: стат. спр. 1932. М.; Л., 1932. С. 126).

[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 809. Л. 23–24.

[53] СЗ СССР. 1931. № 17. Ст. 160.

[54] Указано маточное стадо.

[55] Советская Сибирь. 1931. 9 февр.

[56] Там же. 8 июня, 30 авг., 29 окт.; *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 25, 45, 60, 64–66; ГАНО. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 11. Л. 12–13.

[57] Известия. 1931. 31 июля; Советская Сибирь. 1931. 1 авг.; СЗ СССР. 1931. № 46. Ст. 312.

вания животноводства, какими были 1929 и 1930 годы в деле организации социалистического зернового хозяйства». Значимый вклад в решение животноводческой проблемы были призваны внести совхозы. Планы наращивания поголовья по ряду совхозных систем увеличивались: по Маслотресту – на 70 тыс., по «Овцеводу» – на 800 тыс. голов.

15 сентября 1931 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), исходя из директив вышестоящих инстанций, приняло постановление «О развертывании социалистического животноводства Западно-Сибирского края в 1931 и 1932 годах»[58]. В нем предусматривалось увеличение темпов наращивания поголовья КРС и овец в животноводческих совхозах. К концу 1931 г. в хозяйствах Скотоводтреста численность скота надлежало довести до 415 тыс. голов, Молмаслотреста – до 132 тыс., Овцеводтреста – до 423 тыс. голов.

В 1931 г. продолжалось наращивание производственного потенциала растениеводческих совхозов. Весеннюю посевную кампанию в Западно-Сибирском крае вели 14 хозяйств Зернотреста. После начавшейся реорганизации совхозной сети в системе Зернотреста в крае осталось 19 хозяйств[59]. К концу 1931 г. в Западной Сибири функционировал один свекловичный совхоз, еще три строилось[60]. В Сортсемтрест входили девять хозяйств (восемь зерновых и одно огородно-семеноводческое)[61].

Однако реализуемая в начале 1930-х гг. программа расширенного совхозного строительства не оправдала возлагаемых на нее надежд. В функционировании совхозов проявились значительные проблемы. Планы производства и сдачи сельхозпродукции в них систематически не выполнялись. Урожайность пашни и продуктивность скота были низкими. Подобные результаты оказались неприятным сюрпризом для сталинского руководства. От значительно более механизированных совхозов ожидали более высоких показателей, чем от колхозов. Однако специализированные государственные хозяйства, призванные демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, либо ненамного опережали колхозы, либо отставали от них. При этом себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в сельхозартелях. Государство было вынуждено тратить значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. Отрицательная рентабельность совхозного производства определялась высокими производственными издержками в сочетании с крайне низкими сдаточными ценами на произведенную сельхозпродукцию. Фактически совхозы были убыточными. Однако их убытки компенсировались государственными дотациями[62].

Управление совхозами, прежде всего зерновыми, затрудняли их гигантские размеры. В среднем на одно хозяйство в Западно-Сибирском крае в 1931 г. приходилось по 100 тыс. га сельхозугодий и 26 тыс. га посева. Некоторые совхозы существенно превышали средние размеры. Черепановский зерносовхоз имел 219,6 тыс. га земельной площади, совхоз им. Калмановича – 213,2 тыс., Мамонтовский – 206,3 тыс., Алабатинский – 201,1 тыс. га. Некоторые хозяйства располагались на территории 4–5 административных районов[63]. Возможностей для рационального использования земли в таких размерах хозяйства не имели. Значительные массивы сельхозугодий, передаваемых совхозам, были непригодны для выращивания товарных зерновых культур.

Осенью 1931 г. по инициативе И.В. Сталина, недовольного результатами хлебозаготовок в совхозах, была создана комиссия ЦК ВКП(б) по проверке их хозяйственной деятельности. В итоговом документе комиссии, в котором обобщались материалы обследований, проведенных в регионах, включая Сибирь, был сделан вывод о том, что совхозы «фактически повисли

[58] Советская Сибирь. 1931. 23 сент.
[59] Там же. 1931. 24 февр.; *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 9.
[60] Сельское хозяйство СССР… С. 1279; Советская Сибирь. 1931. 6 окт.
[61] *Мартынов Б.Ф.* 105 совхозов Западной Сибири… С. 61–64.
[62] Проекты преобразования аграрного строя в Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. С. 19.
[63] Там же. 1932. № 6. С. 24–25.

на шее у государства»[64]. Исходя из результатов проверки, руководство страны приняло решение о свертывании программы расширения сети трестированных госхозов.

Таким образом, переломным в отношении совхозного строительства стал XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.), который поставил задачу создания значительного количества новых крупных специализированных совхозов. В 1928 г. в Западной Сибири началось активное расширение совхозной сети и укрепление уже существующих совхозов. В первую очередь было развернуто строительство зерновых совхозов, поскольку кризис хлебозаготовок в 1927/1928 г. показал обострение зерновой проблемы. Строительство зерновых совхозов шло ускоренными темпами. В конце 1929 г. в целях разрешения проблемы ухудшения снабжения населения мясопродуктами властью был предпринят ряд срочных мер по реконструкции животноводческой отрасли, прежде всего путем организации крупных специализированных животноводческих совхозов. Однако ход и итоги процесса совхозного строительства на территории Западной Сибири не оправдали надежд советского руководства. В начале 1930-х гг. вскрылись такие проблемы деятельности совхозов, как слишком большие площади, затруднявшие управление, нарушение правил агротехники, невыполнение производственных планов при высокой себестоимости совхозной продукции и больших финансовых вложениях в совхозы. В конечном счете для власти стало очевидно, что создавать новые совхозы невыгодно, поэтому в 1931 г. программа форсированного совхозного строительства постепенно стала сворачиваться и было положено начало реорганизации совхозов. Основной упор в совхозном строительстве был перенесен с организации новых хозяйств на рационализацию и оптимизацию их структуры и системы управления.

Литература

Базарник Е. Совхозы Сибирского края // Статистика Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Сибкрайстатотдел, 1930. С. 71–80.

Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1973. 516 с.

Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–70.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 34–38.

Мартынов Б.Ф. 105 совхозов Западной Сибири. Новосибирск: ОГИЗ: Запсиботделение, 1931. 67 с.

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

References

Bazarnik, E. (1930). Sovhozy Sibirskogo kraya [State Farms in the Siberian Region]. In *Statistika Sibiri.* Novosibirsk, Vol. 1, pp. 71–80.

Gushchin, N.Ya. (1973). *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo hozyaystva. 1926–1937 gg.)* [Siberian Village on the Road to Socialism (Socio-Economic Development of Siberian Village During the Years of Socialist Reconstruction of National Economy in 1926–1937)]. Novosibirsk, Nauka. 516 p.

Il'inyh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Tax and Taxation of Siberian Village. From the Late 1920s to the Early 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RASKHN. 167 p.

[64] *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 36.

Kondrashin, V.V. (2013). Hlebozagotovitel'naya politika v SSSR v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty [Grain Procurement Policy in USSR During the First Five Year Plan and It's Results]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* No. 4, pp. 34–38.

Martynov, B.F. (1931). *105 sovhozov Zapadnoy Sibiri* [105 West Siberian State Farms]. Novosibirsk, OGIZ: Zapsibotdelenie. 67 p.

Nikolaev, A.A. (Ed.). (2015). Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX veke: vybor putey i metodov modernizatsii [Projects to Transform Siberia's Agrarian System in 20th Century: The Choice of Ways and Methods of Modernisation]. Novosibirsk, Sibprint. 298 p.

Zelenin, I.E. (1996). Pervaya sovetskaya programma massovogo osvoeniya tselinnyh zemel' (konets 20-h – 30-e gg.) [The First Soviet Program of Mass Development of Virgin Lands (Late 1920s–1930s)]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 55–70.

В.Б. Лапердин*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В 1930-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-11
УДК 994(571.1)"1930/1940"

Выходные данные для цитирования:
Лапердин В.Б. Экономическое положение машинно-тракторных станций Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 123–134. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-11.pdf

V.B. Laperdin*

ECONOMIC STATE OF MACHINE AND TRACTOR STATIONS OF WEST SIBERIAN REGION IN 1930S

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-11

How to cite:
Laperdin V.B. Economic State of Machine and Tractor Stations of West Siberian Region in 1930s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 123–134. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-11.pdf]

Abstract. Author reveals economic status and financial condition of machine and tractor stations of West Siberian region in 1930s. It is shown that the presence of several sources of financing (State Bank, Agricultural Bank and collective farms) and independence of station management led to decrease in state control over economic state of MTS. Such a system was justified by the need to develop economic accounting. Many stations ended financial year with significant losses, subsequently covered by the state. MTS were not only economic, but also political organizations that controlled activities of collective farms. This led to increase administrative and economic costs. Poor quality of machinery and constant breakdowns in the midst of agricultural work have led to increase in maintenance and repair costs. Situation was complicated by untimely arrival of new machines to the region, as well as spare parts for them. There were problems with supply of fuels and lubricants, which MTS required much more than planned by official organizations. Financial unprofitability of MTS has become a reason for criticism from both central and regional organizations. In 1938, state authorities reorganized financing of MTS, depriving directorate of economic independence, and placing their financial activities under full control. Most elements of cost accounting were abolished. However, this system did not turn out to be ideal, which led to discussion about its further change in post-war years.

Keywords: machine and tractor stations, agrarian policy of the state, grain procurements, collective farms, Siberia.

The article has been received by the editor on 22.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются экономическое положение и финансовое состояние машинно-тракторных станций Западно-Сибирского края в 1930-е гг. Показано, что наличие нескольких источников финансирования (из фондов Госбанка, Сельхозбанка и колхозов за выполнение заключенных по договору работ) и самостоятельность дирекции станций привели к уменьшению контроля со стороны государства над экономическим положением МТС. Подобная система обосновывалась необходимостью развития хозяйственного расчета. Многие станции заканчивали финансовый год со значитель-

* **Вячеслав Борисович Лапердин,** кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru
Vyacheslav Borisovich Laperdin, Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

ными убытками, впоследствии покрывавшимися за счет государства. МТС являлись не только хозяйственными, но и политическими организациями, контролировавшими деятельность колхозов, что привело к необходимости увеличения административно-хозяйственных расходов. Низкое качество техники и постоянные поломки в разгар сельскохозяйственных работ привели к росту расходов на обслуживание и ремонт. Ситуация осложнялась несвоевременным поступлением новых машин, а также запчастей к ним. Наблюдались проблемы со снабжением горюче-смазочными материалами, которых требовалось МТС значительно больше, чем предусматривали планирующие организации, что также отягощало бюджет станций. Финансовая убыточность МТС стала причиной критики со стороны как центральных организаций, так и региональных. В 1938 г. государство реорганизовало финансирование МТС, лишив дирекцию экономической самостоятельности и поставив под полный контроль их финансовую деятельность. Большинство элементов хозрасчета упразднялось. Впрочем, данная система не оказалась идеальной, что привело к дискуссии о ее дальнейшем изменении в послевоенные годы.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции, аграрная политика государства, хлебозаготовки, колхозы, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022

Перейдя к сплошной коллективизации, сталинское правительство намеревалось полностью изменить аграрный сектор экономики страны. Для достижения поставленной цели планировалась техническая модернизация сельского хозяйства. Однако производители сельхозпродукции – единоличные крестьянские хозяйства и недавно образованные, еще экономически слабые колхозы – были не в состоянии приобретать и обслуживать дорогостоящую технику. Поэтому государство пошло по пути создания машинно-тракторных станций (МТС) – предприятий, оказывающих широкий спектр технических и организационных услуг колхозам. МТС заключали с последними договор на обработку земель, после чего производили ее собственной техникой за вознаграждение.

Строительство машинно-тракторных станций в Западно-Сибирском крае началось в конце 1929 г. В 1930 г. насчитывалось только девять предприятий. На первых порах они не принимали активного участия в хозяйственном освоении региона. В последующие годы МТС приобрели большое значение, выступая в качестве значимого фактора развития растениеводства в крае. Их количество увеличилось до 447 к началу 1939 г. К концу десятилетия они обслуживали большинство колхозов региона.

Хозяйственное значение МТС объясняет внимание к ним со стороны советских ученых-экономистов. Так, 4–6 февраля 1955 г. в Киеве проходило межреспубликанское научное совещание по проблемам экономики машинно-тракторных станций[1]. Впоследствии к исследованию данной тематики подключились и историки[2]. Впрочем, существует определенный хронологический перекос в исследованиях машинно-тракторных станций. Больше всего интерес был прикован к их состоянию в 1950-е гг., что объясняется поиском путей реформирования сельского хозяйства СССР во время нахождения у власти Н.С. Хрущева[3]. Исследований по 1930-м гг. не так много[4], зачастую в них первостепенное внимание уделяется

[1] Вопросы экономики МТС: мат-лы науч. конф. (Киев, 4–6 февраля 1955 г.). М., 1955.

[2] Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 274–279; Аграрная политика Коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939 гг.). Владимир, 1985; и др.

[3] Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 275–280; *Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М., 2021; и др.

[4] *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 251–257; *Томилин В.Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009; и др.

политической функции МТС в деревне[5]. Пожалуй, именно деятельность политотделов в 1933–1934 гг. – наиболее изученный эпизод в истории МТС довоенного периода. Финансовая сфера деятельности МТС в период коллективизации является слабо исследованной темой. Между тем экономическое положение МТС оказывало влияние на производственные возможности, и без характеристики финансового состояния станций невозможно дать обобщающую картину их деятельности.

Цель статьи – на основе архивных источников охарактеризовать экономическое положение машинно-тракторных станций Западной Сибири в 1930-е гг. Для этого необходимо решить ряд исследовательских задач: проследить изменение советского законодательства в сфере финансирования МТС, охарактеризовать источники их доходов и расходов. Особое внимание в статье уделено технике МТС, снабжению горюче-смазочными материалами и административно-хозяйственным расходам, так как эти факторы имели определяющее значение для финансового состояния МТС.

Основным источником средств для машинно-тракторных станций было государство. МТС получали финансирование из союзного бюджета, кредиты Государственного банка и ассигнования Сельскохозяйственного банка. Согласно установленным в 1935 г. правилам[6], средства, отпущенные по государственному бюджету на расходы по обеспечению сельскохозяйственного производства, поступали на счета МТС в филиалы Госбанка и выдавались им при предоставлении документов о фактически произведенных работах (актах о выполнении договора, подписанных директором станции и председателем колхоза). До этого было возможно получение 30 % аванса, после чего бюджетные ассигнования зачислялись на расчетные счета МТС. Кроме того, существовала возможность получения от Госбанка дополнительных ссуд, погашение которых происходило по истечении сроков сдачи натуральной оплаты машинно-тракторных станций государству. Выдача средств на капитальные вложения производилась Сельхозбанком и включала в себя расходы на энергетику, инвентарь, строительство и прочие капитальные затраты.

МТС получали оплату от колхозов за произведенные для них работы. До 1933 г. она состояла из натуральной (в виде сельхозпродукции) и денежной части. Однако недавно образованные и еще экономически слабые колхозы зачастую не имели финансовых средств и не могли расплатиться со станциями. Только за 1930–1931 гг. МТС Западно-Сибирского края недополучили от колхозов 5,6 млн руб.[7] Низкие государственные закупочные цены не позволяли им преодолеть финансовые затруднения. Ситуация дошла до того, что МТС начали самовольно удерживать средства за сдаваемую колхозами в счет обязательных хлебопоставок продукцию, тем самым загоняя их в финансовую яму. В 1933 г. произошло изменение системы оплаты произведенных работ: упразднение денежной части и увеличение натуральной, что позволяло колхозам улучшить финансовые взаимоотношения с МТС. Впрочем, подобная мера кардинально не повлияла на ситуацию. Государство, оставив только натуральную часть оплаты труда МТС, тем самым стремилось получить от колхозов еще больше дешевой сельскохозяйственной продукции. Колхозы, освобожденные от денежной уплаты за произведенные для них работы, тем не менее обязывались выдавать заработную плату механизаторам МТС по твердым расценкам (2 руб. 50 коп. и 3 кг хлеба за трудодень), превышавшим фактический заработок колхозников. Оплата передавалась МТС, после чего те распределяли полученное между работниками.

Впоследствии финансовая задолженность в колхозах перед МТС только продолжала увеличиваться. К 1935 г. в Западно-Сибирском крае она составляла 18,7 млн руб., из них 7 млн руб. за работы, выполненные еще до 1933 г. Выплата колхозами своих денежных обязательств растягивалась на годы[8]. К концу 1930-х гг. финансовое состояние колхозов к луч-

[5] *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000; *Кондрашин В.В., Мозохин О.Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М., 2017; и др.
[6] СЗ СССР. 1935. № 10. Ст. 75.
[7] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-3. Оп. 2. Д. 305. Л. 276.
[8] Там же. Д. 690. Л. 45.

шему не изменилось. Правительству пришлось отпустить для погашения задолженности колхозов СССР за тракторные работы в 1938 г., сверх уже отпущенного кредита в 61 млн руб., дополнительную ссуду в размере 50 млн руб.[9]

Следует учитывать, что и сами МТС являлись должниками колхозов за переданное имущество при их организации (постройки, сложную сельхозтехнику и т.д.) и продукцию, а также по причине допущенных ошибок при расчетах между станциями и колхозами. Возникала запутанная система взаимных долгов. По этой причине СНК СССР издал 26 марта 1934 г. постановление о проведении взаимных расчетов между МТС и колхозами[10]. В районах учреждались комиссии во главе с председателем райисполкома по урегулированию взаимных финансовых претензий с целью списания долгов или их пролонгации. Выводы районных комиссий передавались областным, краевым или республиканским комиссиям, представлявшим затем свои заключения в сводном виде через Народный комиссариат финансов СССР на утверждение СНК СССР. Работа данных комиссий позволила упорядочить взаимные расчеты между МТС и колхозами, сделав их более прозрачными и менее запутанными.

Таким образом, МТС имели несколько источников получения денежных средств. Глава Народного комиссариата земледелия СССР М.А. Чернов охарактеризовал следующим образом такое положение на июньском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б): «При существующей системе производственная деятельность машинно-тракторных станций (тракторные работы и агрономическое обслуживание колхозов) финансируется из государственного бюджета по фонду освоения, из государственного бюджета по оборотным средствам, по банковскому кредиту под запасы материальных ценностей, по банковскому кредиту под натуроплату, из государственного бюджета по операционным расходам и из денежных поступлений от колхозов. По капиталовложениям машинно-тракторные станции финансируются из госбюджета, из централизованных амортизационных отчислений по фонду освоения, из децентрализованных амортизационных отчислений и за счет мобилизации внутренних ресурсов»[11].

Среди расходов МТС следует выделить приобретение запчастей и горюче-смазочных материалов для техники, заработную плату управленческого аппарата и рабочих, капитальное строительство (постройки, имевшие хозяйственное и культурное предназначение) и прочие административно-хозяйственные расходы. Директора МТС получали средства в самостоятельное распоряжение. Если к концу года оставались деньги, они имели право использовать сэкономленное в следующем году, премировать служащих и рабочих.

Большинство МТС в 1930-е гг. были убыточными и заканчивали год со значительными финансовыми задолженностями перед государством. По итогам посевной кампании 1933 г. государству пришлось возместить убытки МТС СССР на 324 млн руб. и предоставить ассигнования на 76,3 млн руб.[12] Вместе с ростом сети МТС увеличивались и расходы государства. Если в 1932 г. МТС Западно-Сибирского края по итогам сельскохозяйственных кампаний остались должны 8 млн руб., то в 1936 г. их задолженность только за горюче-смазочные материалы достигла 6,9 млн руб., что составляло 45 % всех чистых убытков[13]. По словам М.А. Чернова: «Всего по СССР за 1936 г. машинно-тракторные станции перерасходовали 268,5 млн руб., в том числе на горючее – 40,4 млн руб., на ремонт – 162,7 млн руб., на административно-хозяйственные расходы – 67,5 млн руб. и имеют убытков – 63 млн руб.»[14].

МТС изначально не являлись узкохозяйственной организацией по предоставлению технических услуг колхозам и выполняли ряд задач как хозяйственного, так и политического характера. Отсюда вытекала необходимость содержания большого количества служащих, непосредственно не занятых в производстве: заместитель директора по партийной части,

[9] СП СССР. 1939. № 17. Ст. 116.
[10] СЗ СССР. 1934. № 17. Ст. 137.
[11] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. М., 2004. С. 310–311.
[12] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 538. Л. 22.
[13] Там же. Д. 347. Л. 112; Д. 869. Л. 1.
[14] Трагедия советской деревни… Т. 5. Кн. 1. С. 311.

агротехперсонал, руководители производственных участков, а также увеличенное, в сравнении с потребностями тракторного парка, число механиков, счетоводов, специалистов по техническим культурам. Все они были необходимы не только для нужд самих МТС, но и оказания помощи колхозам. Содержание столь раздутого аппарата, сократить который представлялось невозможным, в 1932 г. обходилось МТС Западно-Сибирского края в 55 % всей валовой выручки по промфинплану или 75 % от фактического заработка тракторов[15]. В последующие годы ситуация не изменилась, а в 1933–1934 гг. бюджет МТС должен был покрывать затраты на работу политотделов. Подобная ситуация не только ухудшала финансовое состояние МТС, делая их убыточными, но и приводила к постоянному недобору кадров и их текучке. Из-за невозможности заткнуть финансовые дыры в бюджетах станций зарплаты задерживались и выдавались нерегулярно, что стало одной из основных причин бегства из МТС части рабочих и служащих.

К административно-хозяйственным относились и расходы на строительство. По данным проверки, проведенной в Западно-Сибирском крае в 1934 г., «внеплановое строительство директорами МТС самочинно ведется в широких размерах и достигает суммы почти в 100 000 рублей»[16]. Подобные расходы обуславливались отсутствием необходимых построек: гаражей, ремонтных мастерских, рабочих общежитий, культурных учреждений при МТС и т.д. Стремясь сэкономить, государство не желало отпускать на них дополнительные средства, поэтому директорам МТС приходилось решать данную проблему самостоятельно, проводя «внеплановое строительство».

Первоочередной для МТС являлась задача обеспечения поступления новой техники и ремонт старой. Местная промышленность не справлялась с быстрорастущими запросами сельского хозяйства в технике и запчастях. Их приходилось завозить из других регионов страны. Проблема обуславливалась не только недостатками работы краевых хозяйственных организаций, но и Центра. Следивший за выполнением данных краю обещаний со стороны Народного комиссариата земледелия и Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов первый секретарь Западно-Сибирского краевого комитета партии Р.И. Эйхе в разгар посевной кампании 1933 г. с нескрываемым сожалением сообщал И.В. Сталину – столичные хозяйственники регулярно срывают планы по завозу техники в регион. К уборочной 1932 г. МТС обещали 232 новых трактора, фактически получено только 52. Сокращенный с 1500 до 600 план поступления автомашин выполнен менее чем наполовину – завезли 259. Из 240 комбайнов, поступивших в край в 1932 г., 200 комбайнов опоздали к уборочным работам. Срыв сроков завоза техники стал рядовым явлением. Из обещанных 1766 тракторов к посевной 1933 г. оказалось получено только 1162, остальные ожидались либо с опозданием, либо уже после окончания полевых работ. Аналогично обстояло дело и с тракторными плугами – из 883 штук отгрузили 302[17]. Но даже получаемая техника не всегда была работоспособной. Председатель Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинский жаловался Москве на некомплектность комбайнов, поступавших без моторов, карбюраторов, магнето.

Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома отмечал: «Помощь НКЗ и наркомсовхозов по линии техническгго вооружения сельского хозяйства края до сих пор была недостаточной и зачастую оказывалась с таким запозданием, что теряла всякое производственное значение для того периода работ, на который была обещана»[18]. Такая ситуация возникла по причине поздних сроков сева в Западной Сибири. В Центре полагали, что техника придет в необходимое время, даже если отправить ее позже, но не учитывали, что посевные грузы шли в край 25–30 суток. В результате, жаловался Р.И. Эйхе, срывались сроки проведения сельскохозяйственных кампаний. Глава западносибирской парторганизации умолчал еще об одном негативном последствии. Планирующие организации разрабатывали посевные и

[15] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 347. Л. 110.
[16] Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 19. Л. 18.
[17] Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 499. Л. 90 об. – 91.
[18] Там же. Л. 90.

заготовительные задания с учетом технической оснащенности МТС. Край недополучал ожидаемую технику, а планы оставались прежними.

Взаимоотношения МТС и организаций, отвечающих за планирование и снабжение, были характерны для советской промышленности в целом. Многие проблемы машинно-тракторных станций обуславливались просчетами в работе вышестоящих инстанций. В начале 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР констатировали отсутствие должного контроля над ремонтом и снабжением запчастями сельскохозяйственной техники. По их мнению, ни Наркомат земледелия СССР, ни Наркомат совхозов СССР не знали точное количество подлежащей ремонту техники. Необходимые для них запчасти рассчитывались исходя из умозрительно устанавливаемых нормативов. Не было четко разработанного плана распределения запчастей по отдельным регионам, не существовало оперативного руководства ремонтной кампанией[19]. Проблема ремонта и снабжения запчастями зависела не только от наркоматов, отвечавших за работу МТС и совхозов, а имела системный характер. План производства запчастей срывался Народным комиссариатом тяжелой промышленности. Его руководство, по мнению И.В. Сталина и В.М. Молотова, считало обеспечение сельскохозяйственной техники всем необходимым второстепенной задачей. Аналогичной точки зрения придерживались на более низких уровнях управления производством. Директора заводов «хитрили», не включая недодел четвертого квартала 1932 г. в план первого квартала 1933 г., таким образом «обнуляя» свои производственные задания. Как следствие, МТС могли не рассчитывать на детали, недополученные в 1932 г., что автоматически означало провал ремонтных работ. Даже вмешательство Сталина и Молотова, обязавших промышленные предприятия дорабатывать сорванные планы по выпуску деталей в текущем году, в корне не изменило ситуации. Дефицит на местах сохранялся.

Досталось и регионалам, не пытавшимся повлиять на сложившуюся ситуацию и «самоустранившихся» от хода ремонтной кампании в МТС. Впрочем, относительно руководства Западно-Сибирского края такая оценка не совсем справедлива. За год до этого, в 1932 г., краевые власти докладывали И.В. Сталину о том, что трактора вырабатывают в полтора-два раза меньше установленной им нормы из-за отсутствия горючего и запчастей. Местная промышленность не обеспечивала потребности сельского хозяйства, поставляемое из-за пределов края регулярно запаздывало, поэтому пришлось налаживать кустарное производство в самих МТС, что обходилось значительно дороже. Так, поршень для трактора СТЗ по нормативной цене стоил 4,7 руб., цена такого поршня, изготовленного в мастерской станции, доходила до 14–18,8 руб., а на местных предприятиях – 19,5 руб.[20] Затраты на кустарное производство становились для МТС тяжким бременем, съедали значительную долю выделенного на ремонт финансирования.

К тому же для производства запчастей на местах требовалось разрешение Центра. В 1933 г. политсектор МТС по Западно-Сибирскому краю докладывал: «Наркомзем нашу потребность [в запчастях] не удовлетворяет и категорически воспрещает давать заказы промышленности края. Необходимо этот вопрос срочно разрешить или н[аша] потребность будет обеспечена за счет централизованных заказов НКЗ, то в этом случае надо дать определенный ответ, конкретно сколько и каких запчастей будет отпущено и в какие сроки. Без этого невозможно вести ремонт, потому что находимся зачастую в неизвестности; если нет, то разрешить вопрос с размещением заказов местной промышленности. Причем на заказы местной промышленности надо установить и отпускные прейскурантные цены и обеспечить эти заказы соответствующим количеством и качеством металла, ибо расценки местной промышленности чрезмерно высоки по сравнению с прейскурантными, например, пальцы к [трактору] СТЗ доходят до 7–10 руб[лей] вместо 75 коп[еек] по прейскуранту; головки к Кейсу 450 р[ублей] вместо 125 р[ублей] по прейскуранту и т.д.»[21]. Местная промышленность имела собственные проблемы с выполнением заказов. Так, часть помеще-

[19] СЗ СССР. 1933. № 5. Ст. 30.
[20] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 347. Л. 110–112.
[21] Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–50.

ний Славгородского ремонтного тракторного завода к 1937 г. пребывала в аварийном состоянии. Заводу требовался новый литейный цех, в противном случае план ремонта техники и выпуска деталей находился под угрозой срыва. Краевое земельное управление решало данную проблему, однако, по мнению местных властей, слишком медленно.

Даже поступление в МТС запчастей не означало качественного ремонта техники, так как сами запчасти могли оказаться бракованными. В январе 1934 г. начальник политсектора МТС Западно-Сибирского края К.М. Сергеев негативно отзывался о качестве работы снабжающих организаций. Он отмечал, что при поездке в Барнаул им обнаружены непригодные к использованию детали. Дальнейшее расследование показало, что снабженцы знали о браке, тем не менее разослали запчасти по машинно-тракторным мастерским[22].

В последующие годы ситуация кардинально не изменилась. В 1938 г. НКВД по Новосибирской области докладывало о проблемах снабжения. Из Оренбургской области было завезено 100 молотилок, многие оказались непригодны к работе. Выделяемых сельхозснабом запчастей для ремонта техники не хватало. Получаемое лежало на складах из-за отсутствия договоренности об отгрузке на места[23]. Земельные организации не обладали точными данными о количестве отремонтированной техники, так как МТС не предоставляли надежных сведений и выпускали в поле машины с низким качеством ремонта.

В Западно-Сибирском крае регулярно ощущались проблемы не только с поступлением новой техники и запчастей, но и завозом горюче-смазочных материалов. На начальном этапе создания сети МТС, в апреле 1931 г., Западно-Сибирский краевой комитет партии отмечал в своем постановлении по рассмотрению итогов работы машинно-тракторных станций: «Довести до сведения ЦК ВКП(б), что завоз горючего и смазочного материалов в Запсибкрай не обеспечивает снабжение тракторного парка на всю посевную кампанию и на первое время взмета паров (керосина завезено 32 % посевного плана; смазочных 49,8 % плана). Просить ЦК обязать Союзнефть своевременной заброской горючего в край»[24]. Подобного рода постановления повторялись из года в год, но проблемы с обеспечением горюче-смазочными материалами (ГСМ) приобрели хронический характер.

Проблемы ощущались не только с доставкой в Западную Сибирь горюче-смазочных материалов, но и с распределением их между базами снабжения. Стремясь исправить ситуацию, СНК СССР 22 декабря 1933 г. постановил[25] организовать при каждой станции собственный склад хранения ГСМ. Он подчинялся распоряжениям директора, однако заведующий складом имел право отказать в выдаче горючего при его расходе сверх установленных норм и лимитов. Впрочем, это в корне не изменило ситуацию. Наполняемость складов зависела от наличия ГСМ на снабжающих МТС нефтебазах, вывозки горючего и наличия тары. Правительство стремилось стимулировать темпы вывозки. Ежегодно издавались распоряжения о необходимости уделить данной проблеме особое внимание со стороны местных властей.

Директор Кирзинской МТС в мае 1936 г. жаловался на значительные простои техники, так как в ближайшем в Красноярско-Ордынском нефтескладе все горючее закончилось. Поэтому ему пришлось отправлять грузовые машины на другие пункты выдачи, расположенные далеко от МТС, затрачивая дополнительное время и сжигая бензин[26]. Такая ситуация возникла из-за того, что наряды на горючее межрайонным нефтебазам спускались без учета имеющихся на складах запасов. Одним базам отпускалось нарядов намного больше, чем завозилось ГСМ, у других складывалась противоположная ситуация. В 1938 г. НКВД установил, что новосибирская контора нефтесбыта занимается «очковтирательством», представляя липовые отчеты о спущенных на места нарядах, завышая реальные цифры по некоторым нефтескладам[27].

[22] ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
[23] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 63. Л. 84–86.
[24] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 154. Л. 37.
[25] СЗ СССР. 1933. № 74. Ст. 456.
[26] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 765. Л. 428.
[27] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 63. Л. 34–35.

Не всегда Западно-Сибирский край испытывал дефицит горючего. Планирующие организации могли направить в регион слишком много ГСМ, в связи с чем возникала проблема его размещения из-за нехватки тары для хранения. Либо же направляли один вид топлива в ущерб поставкам других. Подобное произошло в апреле 1936 г., когда в край поступило слишком много бензина за счет недогрузки лигроина[28].

Ситуация осложнялась, когда склады оказывались заполнены ГСМ, а МТС не вывозили их. В июле 1936 г. нефтебазы оказались перегружены, в результате чего сроки переброски горючего срывались, а нефтеналивной флот, осуществлявший доставку по рекам, простаивал. МТС, работая на старых запасах, не торопились выполнять распоряжение о пополнении ГСМ, а краевое земельное управление не установило график их вывозки[29].

Подобная ситуация зачастую складывалась во время весенней распутицы. Директора МТС берегли технику и не хотели лишний раз совершать рейсы. В 1938 г. директор Чановской МТС заявлял: «Сейчас возить горючее незачем, ничем это не вызывается. Я подожду до апреля м[еся]ца, когда дорога растает, тогда пущу два трактора и они мне в течение недели перевезут все горючее»[30]. Летом же, когда весенняя посевная уже окончена, а уборочная еще не началась, необходимость в больших запасах горючего отпадала. И тогда директора станций ждали начала новых сезонных работ и только накануне отправляли технику за ГСМ.

Регулирующие работу МТС организации допускали не только просчеты в своей работе, но и грубые бюрократические ошибки, доходившие до абсурда. В разгар уборочной кампании 1933 г. ряд машинно-тракторных станций остался без лимита на горючее, хотя оно поступило на нефтесклады и отпускалось совхозам. Так продолжалось на протяжении пяти дней, во время которых станции были вынуждены сократить объемы работ или же вовсе их остановить. Между тем Центр отпустил лимиты, но они почему-то оказались спущены на места с большим опозданием. Ситуация объясняется тем, что региональные трактороцентры, отвечавшие за работу МТС, отказались принять телеграфные расходы за свой счет, так как не имели ассигнований, и наряды были отправлены из Москвы по почте. А вот Зернотрест, курировавший совхозы, оплатил телеграммы. Поэтому техника МТС простаивала без горючего в самую жаркую пору уборочной страды, а совхозы продолжали работу[31].

В последующие годы проблема сохранялась. В 1938 г. НКВД по Новосибирской области докладывало: «Аппарат облзо не знает, как идет выборка горючего со складов нефтеторга, так как никто этим вопросом не занимается, работу МТС не контролирует. Неудивительно поэтому, что проверка наличия горючего в районах выявила большую неточность данных облзо. Фактически положение с горючим значительно хуже и в некоторых МТС машинный парк накануне остановки»[32].

Следствием вышеперечисленных проблем стало усугубление и без того бедственного финансового положения многих МТС. В результате пережога горючего приходилось тратить средства на приобретение дополнительных ГСМ, что оборачивалось для бюджета станций непредусмотренными расходами. Государство, стремясь сэкономить, не только перекладывало всю ответственность на дирекцию МТС, но и усугубило ситуацию в результате ряда принятых мер. 23 сентября 1933 г. СТО СССР увеличил цены на горючее в 10 раз. Ранее тонна керосина стоила 70–80 руб., а в конце 1933 г. уже 800 руб.[33] Если цены на топливо росли, то нормы его расхода, наоборот, снижались. В народно-хозяйственном плане на 1937 г. было запланировано уменьшение потребления горючего на тракторных работах МТС и совхозов на 8 % против плановых норм 1936 г.[34] Многие МТС имели районную специфику. В 1936 г. в северной части Западно-Сибирского края были организованы новые машинно-тракторные станции. Краевые организации не учли разрозненность земельных массивов и

[28] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 780. Л. 674.
[29] Там же. Д. 783. Л. 16.
[30] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 63. Л. 35.
[31] ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 17. Л. 18–20.
[32] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 63. Л. 74–75.
[33] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 101.
[34] СЗ СССР. 1937. № 24. Ст. 98.

необходимость дополнительного переезда техники между лесами и болотами. Убытки за ее передвижение вхолостую полностью ложились на МТС.

Впрочем, ряд станций не имел подобных проблем и вполне обходился выделенными ГСМ. Директор Ужанихинской МТС следующим образом описывал данную проблему: «Нельзя забывать и того, что в южных районах трактора работают до 10 месяцев в сезон, а в сибирских и других северных районах пять шесть месяцев работы, не учитывая этого, в результате мы имеем такое явление, когда одной МТС дается план тракторных работ заниженный, горючего на гектар дается много, себестоимость работы за счет больших норм горючего механически снижается и планы ясно выполняются, и наоборот, другие МТС ставятся в тяжелые условия работы. Благодаря такой уравниловке отсюда недовыполнения плана, перерасход горючего, штрафы за горючее и т.д.»[35].

Дирекции МТС пытались схитрить и искали способы, используя советское законодательство, сэкономить средства на ГСМ. Согласно существовавшему положению о работе трактористов, последние штрафовались в пятикратном размере за пережог горючего. Только в 1936 г. в Западно-Сибирском крае путем начисления штрафов с механизаторов взыскали 3,7 млн руб.[36], что составляло половину всей задолженности МТС за ГСМ или четверть всех финансовых убытков машинно-тракторных станций. Таким образом, за просчеты планирующих организаций и дирекции МТС приходилось расплачиваться рядовым рабочим.

Финансовые затруднения МТС стали предметом дискуссии между Центром и регионами. В августе 1934 г. Р.И. Эйхе пожаловался И.В. Сталину на Наркомат земледелия СССР, недофинансировавший МТС края в счет текущих сельскохозяйственных работ на 55,6 млн руб.[37], в результате чего они остались без горючего и были вынуждены прекратить совсем либо сократить объемы выполняемых работ. Госбанк попытался закрыть задолженность МТС за счет средств фонда освоения, направленных на капитальное строительство в машинно-тракторных станциях, удержав таким образом 16 млн руб., но кардинально это ситуацию не изменило. Впрочем, Наркомат земледелия СССР имел иную точку зрения, считая, что МТС Западной Сибири произвели перерасход средств, не выполнив запланированные работы.

Правительство осознавало проблему тяжелого материального состояния МТС, однако длительное время пыталось решать ее в рамках существовавшей системы финансирования. Наркомат земледелия СССР обязывался правительством развивать хозрасчетные отношения в МТС и следить за их финансовой дисциплиной, для чего дальнейшее кредитование станций производилось в точном соответствии с фактически выполненными работами. Убытки машинно-тракторных станций покрывались по мере выполнения ими плана сдачи государству натуральной оплаты.

Принятые меры имели половинчатый характер и не устраняли основных недостатков. Руководство Наркомата земледелия СССР это осознавало и к 1937 г. пришло к выводу, что «действующая система финансирования машинно-тракторных станций покрывает бесхозяйственность и бесплатность в работе машинно-тракторных станций и затрудняет организацию строгого государственного контроля за их деятельностью»[38]. М.А. Чернов посвятил данной проблеме свое выступление на июньском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), столкнувшись во мнениях с Р.И. Эйхе, и обосновал необходимость изменения финансирования МТС, приведя в пример отношения его наркомата и Западно-Сибирского края: «Я хочу тебе напомнить несколько вещей. В 1935 г. мы с тобой спорили о средствах для МТС в Западной Сибири. Ты говорил, что я тебе недодал денег, и я тебе деньги выдал, чтобы не сорвать уборку урожая. Точно такая же история повторилась в 1936 г. Но когда мы получили годовой отчет МТС за 1935 и 1936 гг., то оказалось, что МТС Западной Сибири средств получили больше, нежели им полагалось по произведенным работам. И это потому, что при той системе финан-

[35] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 776. Л. 13.
[36] Там же. Оп. 2. Д. 869. Л. 1.
[37] ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
[38] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 821. Л. 77 об.

сирования, которая сейчас существует, мы не имеем возможности организовать строгий государственный контроль. Государственный контроль за расходованием средств у нас весьма и весьма ограничен, этим пользуются вредители в органах Наркомзема в центре и на местах в облзу и в самих машинно-тракторных станциях»[39]. Реформирование финансовой деятельности МТС стало острой необходимостью, осознаваемой правительством, без которой дальнейшее их развитие было невозможно.

Прислушавшись к мнению уже на тот момент арестованного по обвинению во «вредительстве» М.А. Чернова, государство попыталось решить накопившиеся за долгие годы финансовые проблемы МТС. В начале 1938 г. СНК СССР установил новый принцип финансирования машинно-тракторных станций[40]. Основной его целью было упразднение множественности источников финансирования и элементов хозрасчета. До этого средства поступали в распоряжение МТС в виде бюджетного финансирования и дополнительного кредитования через Госбанк и Сельхозбанк, а также посредством получения выручки за натуроплату и денежные поступления от колхозов. Прежняя система оказалась слишком сложной для практического применения. Наличие нескольких слабоконтролируемых источников приводило к путанице, в результате чего происходили многочисленные нарушения, махинации со стороны финансово ответственных лиц и втягивание МТС в теневую экономику.

Начиная с 1 января 1938 г. финансирование всех затрат МТС осуществлялось за счет государственного союзного бюджета по составляемым МТС годовым сметам, в основе которых находились лимиты финансирования, установленные Наркомземами республик, краевыми и областными земельными органами. Они же исходили из определенных для них Наркоматом земледелия СССР показателей, в пределах которых утверждались сметы отдельных МТС. По мнению законодателя, изменения делали систему финансирования машинно-тракторных станций более прозрачной и подконтрольной государству.

Финансирование всех затрат МТС, кроме капиталовложений, осуществлялось Госбанком. На каждый из видов затрат (ремонт, горючее, заработная плата и т.д.) открывался отдельный целевой счет, выдача средств с которого производилась в пределах утвержденной сметы. Кроме бюджетных счетов, МТС имела право открыть в Госбанке текущие счета: по расчетам с трактористами, фонду директора и для прочих операций. Перевод средств с бюджетных счетов на текущие счета воспрещался.

Финансирование капитальных вложений производилось, как и раньше, Сельхозбанком по схеме, схожей с бюджетным финансированием через Госбанк. Директор МТС устанавливал в пределах, определенных краевыми и областными земельными органами, планы строительства и перечень приобретаемой техники. После чего происходило поступление средств на счета Сельхозбанка.

В случае использования средств не по назначению виновные наказывались вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Таким способом государство боролось с распространенным до этого бесконтрольным расходованием средств, их «перекидыванием» директорами МТС с одного целевого назначения на другое. За этим следили земельные органы и отделения Госбанка, имевшие в своем распоряжении бухгалтерскую и оперативную отчетность. Полученная станцией экономия по одному из видов затрат могла использоваться в дальнейшем по тому же назначению, а на другие расходы – только с разрешения краевых и областных земельных органов, согласованного с финансовым отделом в каждом конкретном случае, или после специального разрешения Наркомата земледелия СССР. При выявлении перерасхода средств МТС в десятидневный срок должна была покрыть недостающее за счет экономии по другим затратам. В противном случае финансирование МТС приостанавливалось и возобновлялось только с разрешения краевого или областного исполкома.

Такой источник дохода, как оплата колхозами произведенных МТС работ, теперь напрямую направлялся государству. Директора МТС отвечали только за определение

[39] Трагедия советской деревни… Т. 5. Кн. 1. С. 312.
[40] СП СССР 1938. № 4. Ст. 8.

размера оплаты, вручение счетов колхозам за произведенные работы, своевременную вывозку и сдачу колхозами натуроплаты.

Таким образом, с реорганизацией финансовой системы МТС упразднялся один из источников дохода, прекращалась выдача ссуд и ассигнований Госбанком и Сельхозбанком, директора МТС не могли свободно управлять полученными средствами и оставлять сэкономленное в своем распоряжении. Существовавшие ранее элементы хозрасчета упразднялись, хотя и не полностью. В целях улучшения работы МТС государством устанавливался ряд поощрений: за выполнение и перевыполнение плана тракторных работы и молотьбы, начисление с каждого центнера сданного колхозом натуроплаты, 75 % отчисление от всех сэкономленных по утвержденной смете средств. Полученные такими способами средства директор МТС мог направлять по своему усмотрению на премирование рабочих и служащих, улучшение их материально-бытового положения и т.д. Впрочем, и эта система финансирования, по мнению государства, не была идеальной, что привело к поиску ее дальнейшей реорганизации в послевоенные годы.

Литература

Аграрная политика Коммунистической партии на этапе строительства МТС, 1929–1939 гг.: сб. науч. статей. Владимир, 1985. 132 с.

Вопросы экономики МТС: материалы науч. конф. (Киев, 4–6 февраля 1955 г.). М.: Госиздат сельхозлит., 1955. 254 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. С. 251–257.

Кондрашин В.В., Мозохин О.Б. Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М.: Алисторус, 2017. 304 с.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Н.Я. Гущин, Л.Н. Приходько, А.П. Мелентьева и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 398 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма / Н.Я. Гущин, Л. М. Горюшкин, В.Т. Агалаков и др. 1917–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1983. С. 390.

Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО–XXI, 2009. 409 с.

Томилин В.Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М.: АИРО-XXI, 2021. 448 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док-ты и мат-лы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: ТГУ, 2000. 228 с.

References

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (Eds.). (2004). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: dokumenty i materialy* [The Tragedy of Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939: Documents and Materials]. Vol. 5: 1937–1939. Book 1: 1937. Moscow, ROSSPEN. 648 p.

Gushhin, N.Ya., Goryushkin, L.M., Agalakov, V.T. (Eds.). (1983). *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Siberian Peasantry in the Period of Building Socialism]. Novosibirsk, Nauka. 390 p.

Gushhin, N.Ya., Prihod'ko, L.N., Melent'eva, A.P. (Eds.). (1985). *Krestyanstvo Sibiri v period uprochneniya i razvitiya sotsializma* [Siberian Peasantry in the Period of Strengthening and Development of Socialism]. Novosibirsk, Nauka. 398 p.

Kondraschin, V.V., Mozohin, O.B. (2017). *Politotdely MTS v 1933–1934 gg.* [MTS Political Departments in 1933–1934]. Moscow, Alistotus. 304 p.

Korol'kov, N.V. (Ed.). (1985). *Agrarnaya politika Kommunisticheskoy partii na etape stroitel'stva MTS (1929–1939 gg.)* [Agrarian Policy of Communist Party at the Construction Stage of MTS (1929–1939)]. Vladimir, VGPI. 133 p.

Pershin, P.N. (Ed.). (1955). *Voprosy ekonomiki MTS* [MTS Economics Issues]. Moscow, Sel'hozgiz. 254 p.

Schevliyakov, A.S. (2000). *Politotdely MTS i sovhozov. Chrezvychaynye partiyno-gosudarstvennye organy upravleniya v sel'skom hozyaystve Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Political Departments of MTS and State Farms. Extraordinary Party-State Governing Bodies in Agriculture of Western Siberia in 1930s]. Tomsk, TGU. 228 p.

Tomilin, V.N. (2009). *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoennyy period: 1946–1958 gg.* [Our Fortress. Machine and Tractor Stations of Russian Chernozem Center in Post-War Period: 1946–1958]. Moscow, AIRO-XXI. 409 p.

Tomilin, V.N. (2021). *Gosudarstvo i kolhozy: 1946–1964 gg.* [The State and Collective Farms: 1946–1964]. Moscow, AIRO–XXI. 448 p.

Zelenin, I.E. (2006). Stalinskaya "revolyutsiya sverkhu" posle "velikogo pereloma", 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezultaty [Stalin's "Revolution from Above" ffter the "Great Turning Point", 1930–1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka. 212 p.

С.В. Шарапов*

ЖИВОТНОВОДСТВО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-12
УДК 94(47)"1940/1945"

Выходные данные для цитирования:
Шарапов С.В. Животноводство Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 135–147.
URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-12.pdf

S.V. Sharapov*

ANIMAL HUSBANDRY OF NOVOSIBIRSK REGION IN THE CONTEXT OF STATE AGRARIAN POLICY ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-12

How to cite:
Sharapov S.V. Animal Husbandry of Novosibirsk Region in the Context of State Agrarian Policy on the Eve and During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 135–147.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-12.pdf]

Abstract. Author analyzes one of the aspects of agrarian crisis of 1940s on example of Novosibirsk region. Pre-war 1940 became the starting point for critical deterioration in indicators of animal husbandry. Beginning of the Great Patriotic War was not so much a direct cause as a factor that deepened the crisis tendencies. Throughout the 1930s agrarian policy of the state led to depletion of regional livestock production potential. Its main negative elements were: over-centralization of management, poor quality of managerial decision-making, a clear bias towards forcing grain production to the detriment of livestock industry, blindness to regional and district agricultural specifics, lack of economic incentives for development of public animal husbandry "from below", an unbalanced procurement system, which functioned in isolation from production indicators. Wartime conditions (lack of workers, fodder, prepared premises for livestock, etc.) exacerbated the crisis. However, the presence of systemic problems made a quick exit from the crisis after the end of the war problematic.

Keywords: the Great Patriotic War, agrarian policy of the state, animal husbandry, agrarian crisis, peasantry, Siberia.

The article has been received by the editor on 21.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на примере Новосибирской области рассматривается один из аспектов аграрного кризиса 1940-х гг. Отправной точкой резкого ухудшения показателей животноводства стал предвоенный 1940 г. Начало Великой Отечественной войны стало не столько прямой причиной, сколько фактором, углубившим кризисные тенденции. На протяжении 1930-х гг. аграрная политика государства вела к истощению производственного потенциала животноводства области. Ее основные негативные

* **Сергей Валерьевич Шарапов,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru
Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020 «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)».
The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 21-09-43020 "Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922–1991)".

элементы: сверхцентрализация управления, низкое качество принимаемых управленческих решений, явный перекос в сторону форсирования зернового производства в ущерб животноводческой отрасли, слепота по отношению к региональной и районной сельскохозяйственной специфике, отсутствие экономических стимулов для развития общественного животноводства «снизу», разбалансированная заготовительная система, функционировавшая в отрыве от производственных показателей. Условия военного времени (нехватка рабочих рук, кормов, подготовленных помещений для скота и пр.) обостряли кризис. Однако наличие системных проблем делало быстрый выход из кризисного состояния после окончания войны проблематичным.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, аграрная политика государства, животноводство, аграрный кризис, крестьянство, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022

Введение. До революции животноводство Сибири было одной из наиболее динамично развивающихся отраслей региональной экономики. Строительство Транссибирской магистрали, сократившей издержки транспортировки продукции на внешние рынки, дало мощный импульс товарному сельскохозяйственному производству на востоке страны. Наиболее востребованной для экспорта оказалась продукция сибирского маслоделия. В 1909–1913 гг. объемы поставок из Сибири животного масла составляли 16 % мирового экспорта[1]. Регион превратился в крупнейшего поставщика маслодельной продукции в мире[2].

С конца 1910-х гг. начался период угасания некогда передовой для сибирского сельского хозяйства отрасли. В 1920–1940-е гг. животноводство региона прошло через три кризисные полосы. Первая из них была вызвана чередой войн и революций. В результате колоссального ущерба, нанесенного сельскому хозяйству потрясениями Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны, сибирское маслоделие так и не смогло восстановить свой товарный потенциал, а регион под влиянием пришедшего к власти большевистского правительства все отчетливее приобретал зерновую специализацию.

Причиной второй полосы кризиса стала предпринятая партийно-государственным руководством «аграрная революция» на рубеже 1920–1930-х гг. Сельское хозяйство подверглось фундаментальной организационной трансформации, в результате которой основу производства составили новообразованные колхозы и совхозы. Неприятие кардинального преобразования всей сельской жизни со стороны самого крестьянства, не разделявшего или не понимавшего мотивы советской власти, вызвало разбалансировку всех производственных процессов и резкое ухудшение ключевых показателей в сельском хозяйстве. Не желая сдавать скот в колхозы, крестьянство предпочитало забивать его в количествах, намного превосходящих возможности личного потребления. Дезорганизованность колхозной системы на ранних этапах привела к тому, что темпы убыли скота оставались высокими до 1932 г. Только в 1933 г. в Западной Сибири удалось переломить тенденцию сокращения стада в колхозах. Ситуация стабилизировалась благодаря предпринимаемым властью мерам по увеличению производства кормов, строительству помещений для скота, улучшению зоо- и ветеринарного обслуживания[3]. Несмотря на начавшийся рост поголовья, достигнуть уровня 1928 г. к концу второй пятилетки так и не удалось. В 1937 г. в Сибири лоша-

[1] Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 457

[2] *Николаев А.А.* Сибирское маслоделие – не состоявшийся тренд российской модернизации // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 81.

[3] Аграрная политика советского государства… С. 522.

дей было меньше на 52 %, крупного рогатого скота (КРС) – на 28, коров – на 33, свиней – на 39, овец – на 52 %[4].

Третья полоса кризиса связана с потрясениями Второй мировой и Великой Отечественной войны. Сибирь как тыловой регион в полной мере ощутила на себе тяжесть мобилизационной политики государства, которая в целом оправдывалась экстремальным характером ситуации, но не была свободной от просчетов, ошибок, проявлений некомпетентности. Цель данной статьи – на примере Новосибирской области разобрать один из аспектов аграрного кризиса 1940-х гг. – кризис в животноводческой отрасли. Исследование осложняется тем, что границы Новосибирской области на протяжении войны менялись: в 1943 г. из состава региона была выделена Кемеровская область, а в 1944 г. – Томская область. По возможности в статье будут приводиться ряды сопоставимых данных с хронологическим указанием границ региона.

Начало кризиса: 1940/1941 г. Новосибирская область была образована в результате расформирования Западно-Сибирского края в 1937 г. Вплоть до 1939 г. включительно количество скота в колхозах области продолжало расти, хотя и сравнительно невысокими темпами (табл. 1). Важно заметить, что тенденция увеличения поголовья прервалась до начала немецкого вторжения. Переломным для животноводства Новосибирской области стал 1940 г. Какие же факторы стали причиной значительного сброса поголовья колхозного стада в относительно спокойном предвоенном году?

Таблица 1

Поголовье скота в колхозах Новосибирской области
в 1938–1941 гг., тыс. голов*

	1938**	1940	1941
КРС	543,8	575,9	551,8
в том числе коровы	185,2	207,7	200,3
Свиньи	110,5	156,8	112,8
Овцы и козы	441,3	623,6	715,5
Лошади	264,3	292,6	291,7

Составлено по: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 116.
* В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1943 г.
** Сведения приводятся на начало каждого года.

1940 г. выдался крайне тяжелым для сельского хозяйства сразу двух регионов Западной Сибири: Новосибирской области и Алтайского края. На состояние отрасли повлияла совокупность неблагоприятных природно-климатических и политических факторов. Лето 1940 г. выдалось засушливым, что стало причиной чрезвычайно низкого урожая трав и зерновых культур. К этому следует добавить политический фактор – резкое увеличение натурального налогообложения в конце 1930-х гг. вследствие проводимой государством на фоне осложнения международной обстановки политики увеличения уровня изъятия продукции у сельхозпроизводителей[5].

Низкая урожайность и сверхнормированные заготовки вызвали острый дефицит продовольствия, семян и кормов. Ситуацию в животноводстве осложняла нехватка подготовленных помещений для скота и распространение эпизоотий. Из-за необычайно затянувшейся

[4] Аграрная политика советского государства… С. 566.
[5] *Шарапов С.В.* Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 81–88.

зимы 1940/1941 г. колхозам не хватило кормов на стойловый период, что вызвало огромный падеж скота, особенно весной 1941 г.[6] По неполным оперативным данным областного земельного отдела, только за 5 месяцев 1941 г. пало взрослого КРС – 39,2 тыс. голов, свиней – 12,0 тыс., овец – 64,7 тыс., лошадей – 1,2 тыс. голов[7]. Особенно велик был падеж молодняка. За первое полугодие 1941 г. из числа родившихся телят пало 35,8 тыс. голов (или 21,6 % приплода), поросят – 29,0 тыс. голов (21 %), ягнят – 17,3 тыс. голов (39,1 %), жеребят – 3,3 тыс. голов (8,3 % приплода)[8].

Критическое состояние сельского хозяйства Алтайского края и Новосибирской области встревожило центральное правительство: в регионах были зафиксированы случаи голодных смертей, опухания, употребления в пищу падали. Информация о ненормальном положении поступала по линии спецслужб. 8 марта 1941 г. начальник управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведев направил на имя Л.П. Берии докладную записку о критическом состоянии двенадцати районов, пострадавших от засухи. Медведев сообщал о массовом падеже скота из-за необеспеченности фуражными кормами[9]. В докладной записке приводилось донесение начальника Барабинского районного отдела НКВД, который наглядно описывал безвыходное положение местных хозяйств: «В большинстве колхозов района лошади находятся в таком состоянии, что не имеют возможности подвозить корма внутри колхоза. Спущенный наряд колхозам на получение из Северного района фуражного овса не выбирается, так как колхозы тягло не направляют, поскольку лошади не в состоянии выбрать этот фураж»[10].

В июне 1941 г. в командировку в Западную Сибирь отправился секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Он должен был на месте ознакомиться с ситуацией и предпринять необходимые меры. В донесении И.В. Сталину Андреев подтвердил, что положение дел приобрело угрожающий характер[11]. Фактически целью поездки Андреева было определение круга лиц, которые должны понести ответственность за провалы в сельском хозяйстве. Судя по всему, «эмиссар» ЦК ВКП(б) был сориентирован лично И.В. Сталиным провести работу совместно с местными органами НКГБ по линии выявления «антисоветского элемента», чья деятельность якобы стала причиной кризиса. Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Алтайском крае и Новосибирской области: «…Действительно *подтвердилось Ваше предположение* (выделено нами. – *С. Ш.*) о наличии ранее рассаженных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»[12].

В Новосибирской области А.А. Андреев активно пользовался предоставляемой местным управлением НКГБ информацией. Из донесений новосибирских «чекистов» следовало, что облземотдел фактически не руководил сельским хозяйством области. В одной из докладных записок в качестве характерного отношения к своей работе приводилось высказывание старшего зоотехника Ефимова, который на вопрос, почему земельный отдел не руководит колхозами, ответил: «Сейчас облЗО состоит из секторов по невмешательству в колхозные дела. Таковым является сектор организации труда. Управление животноводства тоже напоминает сектор по невмешательству в колхозные дела. Из вмешательства ничего не получается – лучше колхозы оставить в покое»[13]. Так, перегон скота из районов, испытывавших нехватку кормов, в более благополучные совершенно не управлялся со стороны облземотдела, проходил случайными маршрутами, без организации перегонных трасс, подкормочных

[6] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 142–143.
[7] Там же. Оп. 34. Д. 151. Л. 48.
[8] Там же. Л. 49.
[9] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 30–31.
[10] Там же. Л. 31.
[11] Там же. Д. 37. Л. 13.
[12] Там же.
[13] Там же. Д. 35. Л. 81.

баз и без соблюдения зооветеринарных правил[14]. В этой связи имели место случаи, когда скот перегонялся в районы, не обеспеченные кормами, зараженное поголовье отправлялось в не захваченные эпизоотией местности, а значительная часть животных гибла во время перегона.

В конечном счете обвинение во «вредительстве» пало на конкретных работников управления животноводства облземотдела. В частности, был арестован начальник управления, «сын бывшего дворянина» Ю.Н. Голощапов. Во время допроса 25 июня 1941 г. Голощапов не признал за собой «подрывной антисоветской работы», однако не снял с себя ответственности за «катастрофическое состояние» животноводства области[15]. При этом допрашиваемый полагал, что вместе с ним ответственность должны понести областные руководители (первый секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин, третий секретарь обкома Ф.Д. Кузнецов, заведующий сельхозотделом обкома Ф.В. Елисеев, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заведующий облземотделом Г.Ф. Сизов). Показания Ю.Н. Голощапова интересны тем, что проливают свет на структурные проблемы управления данной отраслью сельского хозяйства. По его словам, Новосибирский обком, облисполком и облземотдел руководили животноводством «недостаточно и неконкретно, отделываясь принятием формальных декларативных решений»[16]. Допрашиваемый привел ряд показательных примеров, когда проблемы животноводства ставились перед областными властями, но должным образом не разрешались, а в некоторых случаях разрешались так, что причиняли еще больший ущерб.

Весной 1940 г. первому секретарю обкома Пуговкину и заместителю председателя облисполкома Амосову Голощапов представил докладную записку о плохом состоянии животноводства и выдвинул при этом ряд практических предложений. В частности, возбудить ходатайство перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР о посылке в область недостающих ветеринаров, зоотехников и принятии целого ряда иных мероприятий. Однако никакой проверки животноводства со стороны обкома и облисполкома проведено не было, а центральное правительство так и не было проинформировано о положении дел[17].

В ходе сеноуборочной кампании стало ясно, что заготовка кормов в колхозах срывается. В августе 1940 г. Ю.Н. Голощапов лично обращался к председателю облисполкома Г.Н. Годовицину с просьбой принять конкретные решения, обязывавшие райисполкомы и колхозы направить больше усилий на заготовку кормов. На что Годовицын ответил: «Сейчас нужно заниматься хлебом, по вопросам заготовки кормов указания даны и больше никаких указаний давать не требуется»[18].

Зная, что во многих колхозах нечем кормить свинопоголовье, Ю.Н. Голощапов в конце декабря 1940 г. вновь обратился к Г.Н. Годовицину с просьбой возбудить перед правительством вопрос о выделении концентрированных кормов для области. Сам Годовицын этим вопросом заниматься не стал, заявив, что по этому вопросу нужно переговорить с третьим секретарем обкома Ф.Д. Кузнецовым. Последний отреагировал следующим образом: «У нас не закончено с хлебопоставками, а поэтому возбуждать этот вопрос не можем и нецелесообразно»[19]. Минуя обком и облисполком, Голощапов написал докладную записку начальнику главного управления животноводства наркомата земледелия СССР. От него получил ответ, что пока проблема не будет поставлена областными организациями, реакции от Москвы не последует. Таким образом, все ходатайства остались без внимания[20].

В марте 1941 г. правительством в порядке оказания помощи Новосибирской области все же было отпущено 10 тыс. т жмыха и других концентрированных кормов. Несмотря на востребованность помощи, колхозы выбрали менее 3 тыс. т, а остальные корма остались на

[14] РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 81.
[15] Там же. Д. 36. Л. 129–149.
[16] Там же. Л. 130.
[17] Там же. Л. 131.
[18] Там же. Л. 136.
[19] Там же. Л. 137.
[20] Там же. Л. 135–137.

станционных складах. Большая их часть не попала в артели из-за того, что корма отпускались по линии облпотребсоюза по розничным высоким ценам. Вследствие этого колхозы отказывались от их покупки несмотря на бескормицу[21].

Показания Ю.Н. Голощапова указывают на одну из основных негативных черт системы управления сельским хозяйством. Централизация лишала ее гибкости, когда обком и облисполком в условиях многозадачности занимались теми направлениями работы, которые считались приоритетными и не требующими отлагательств (в сельском хозяйстве это хлебозаготовки, которые начинались во второй половине года), оставляя другие вопросы на периферии внимания.

В немалой степени такое положение было следствием аграрной политики государства, форсировавшей в 1930-е гг. зерновое производство в регионе. Полеводство оттягивало значительную часть столь ограниченных трудовых ресурсов, которые были востребованы и в животноводстве. Прибавим к этому крайне низкое качество принятия управленческих решений как на региональном, так и на центральном уровне власти, неповоротливость и косность управленческого аппарата. Система в то же время отказывалась признавать наличие внутренних проблем, подменяя объективные причины кризиса субъективными, т.е. «вредительством» конкретных лиц. По «чекистской» версии аппарат областного и районных земотделов был наполнен «контрреволюционерами». По области прокатилась волна арестов ответственных за животноводство работников. Например, «за подрывную работу в области животноводства» был арестован старший ветврач Ордынского райземотдела Таран, «сын кулаков». Таран признался, что «на путь борьбы с советской властью <…> он встал на почве классовой мести»[22]. В частности, Таран заявил, что отдавал распоряжения отдельным колхозам о перегоне скота из зараженных ящуром местностей в благополучные[23].

Животноводство области в условиях войны. Как уже было отмечено, 1940 г. стал отправной точкой кризиса в животноводстве области, который был усугублен условиями начавшейся в 1941 г. войны. В первую очередь по животноводству области ударили воинские мобилизации, лишив отрасль многих столь необходимых квалифицированных кадров. В целом обострившаяся до предела проблема нехватки трудовых и тягловых ресурсов в деревне негативно сказывалась на состоянии животноводства. Дефицит рабочих рук и растянутые сроки весенних посевных работ приводили к тому, что колхозники не успевали подготовиться к работам по обеспечению скота грубыми кормами. В сенокос колхозы вступали с запозданием, в связи с чем значительные площади трав оставались нескошенными. Если в 1938 г. скошенная площадь равнялась 2034 тыс. га, то в 1942 г. она составила только 1614,8 тыс. га[24].

В связи с общим снижением валовых сборов зерна резко сократилось производство концентрированных кормов для общественного скота. Если в 1938 г. при распределении зерновой продукции на заготовку кормов было выделено 316,2 тыс. т, то в 1942 г. – только 35,1 тыс. т[25]. Таким образом, за несколько лет производство концентрированных кормов колхозами области сократилось почти в 10 раз, что губительно отразилось на состоянии поголовья.

Отвлечение рабочих рук от животноводства на полевые работы отрицательно сказалось также и на уходе за скотом и его содержании. Колхозы не успевали своевременно справляться с подготовкой помещений для зимовки. В колхозах Новосибирской области большинство животноводческих помещений было построено в период с 1930 по 1935 г. Ввиду недостатка рабочей силы и строительных материалов в 1940-е гг. они фактически не ремонтировались, пришли в негодность, а новое строительство большинство колхозов было не в состоянии осилить. Поэтому скот в значительной части колхозов находился в примитив-

[21] РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 138–140.
[22] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 151. Л. 59.
[23] Там же.
[24] Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 142.
[25] Там же.

ных неприспособленных помещениях или в разрушенных старых скотных дворах, кошарах и телятниках[26].

Бескормица, плохое содержание, недостаточное ветеринарное обслуживание, распространение эпизоотий, нехватка рабочих рук приводили к массовому падежу скота, особенно среди приплода. В 1943 г. доля павшего молодняка от числа народившегося в колхозах составила у жеребят – 22,6 %, у телят – 22,9, у ягнят – 29,3, у поросят – 15,5 %[27]. Снижалась и продуктивность общественного животноводства: удой на одну фуражную корову сократился с 1321 л в 1938 г. до 960,2 л в 1942 г., настриг шерсти с одной овцы – с 2,5 кг в 1938 г. до 2,07 кг в 1942 г. Средний вес одной головы скота, сдаваемого на мясо, за этот период сократился по КРС с 225 до 191 кг, по свиньям – с 88 до 57 кг, по овцам – с 38 до 33 кг[28]. Нехватка кормов особенно пагубно сказалась на поголовье лошадей. Нагрузка полевых работ на одну лошадь с 1938 по 1942 г. возросла почти в два раза[29]. Увеличение нагрузки вкупе с сокращением кормовой базы приводило к истощению конепоголовья и массовому падежу.

Поголовье колхозного скота сокращалось на протяжении всего военного периода (табл. 2). Сломить эту тенденцию не помогли даже резко увеличившиеся в годы войны объемы закупки скота из ЛПХ колхозников в порядке контрактации. С началом войны государственные планы контрактации значительно возросли[30]. Историки уже обращали внимание на то, что контрактация проводилась зачастую принудительно, а государственные расценки были гораздо ниже рыночных[31]. 11 марта 1942 г. было издано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах», в котором контрактация была определена одним из основных средств пополнения общественного стада[32]. В докладной записке о выполнении постановления Новосибирской областью указывалось, что за первые 7 месяцев 1942 г. количество голов КРС в колхозах выросло на 54,2 тыс.[33] При этом более 90 % прироста составили закупки у колхозников[34]. Тем не менее конец 1942 г. показал, что тенденцию сокращения колхозного стада сломить не удалось (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности скота в Новосибирской области
в 1941–1945 гг., тыс. голов*

	1941**	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот					
Госхозы	117,3	121,7	125,8	108,2	113,3
Колхозы	512,9	392,8	387,2	276,8	271,4
ЛПХ колхозников	218,9	178,4	180,9	189,9	221,0

[26] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 389. Л. 162.
[27] Там же. Л. 161.
[28] Там же. Л. 158.
[29] Там же. Л. 163.
[30] *Андреенков С.Н.* Колхозное животноводство в восточных регионах РСФСР в годы Великой Отечественной войны: основные факторы и тенденции развития // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск, 2010. С. 483.
[31] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 182; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 76.
[32] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 320–352.
[33] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 230. Л. 28.
[34] Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 114.

Окончание табл. 1

	1941**	1942	1943	1944	1945
Коровы					
Госхозы	49,7	49,4	47,2	42,6	42,9
Колхозы	190,0	151,3	129,3	95,7	80,9
ЛПХ колхозников	140,0	130,0	135,6	136,8	139,9
Свиньи					
Госхозы	55,4	37,2	35,5	32,1	31,6
Колхозы	90,0	81,7	75,5	29,4	28,9
ЛПХ колхозников	66,8	33,0	40,6	38,3	42,4
Овцы и козы					
Госхозы	91,4	103,9	107,7	84,2	81,7
Колхозы	748,0	612,0	644,1	439,5	409,1
ЛПХ колхозников	489,9	296,5	302,3	267,0	316,9
Лошади					
Госхозы	53,9	34,6	38,0	30,6	28,8
Колхозы	246,0	181,4	150,8	104,6	85,2
ЛПХ колхозников	0,1	–	–	–	–

Составлено по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 120–122.
* В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1945 г.
** Сведения приводятся на начало каждого года.

Нетрудно заметить, что динамика поголовья в колхозах и ЛПХ значительно отличается, особенно во второй половине военного периода. Если количество скота в колхозах неуклонно снижалось из года в год, то численность поголовья, находящегося в личной собственности колхозников, стабилизировалась и перешла в рост уже в 1943–1944 гг. Данной тенденции не смогла помешать даже постоянная перекачка скота в общественный сектор (только в 1944 г. у колхозников было закуплено 51 620 голов молодняка КРС, 10 904 овец и коз и 702 свиньи[35]).

Наличие коровы для большинства семей являлось условием выживания в военные годы, поэтому личные интересы заставляли проявлять заботу по отношению к собственному скоту порой в ущерб общественному. Государству так и не удалось создать значимых экономических стимулов для подобного же отношения к колхозному стаду. Во время обсуждения на заседании бюро обкома положения дел в Коченевском районе в 1942 г. заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом А.Б. Озирский докладывал: «Вместо того чтобы убирать колхозное сено, колхозники в первую очередь бросились убирать свое

[35] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 3.

собственное сено и под различными предлогами <…> стараются пораньше уйти с поля, идут косить сено для себя и стараются приходить позже на работу, чтобы покосить сено для своей коровы. Мне кажется, что на это надо серьезно посмотреть. Именно это обстоятельство, что у нас дело запущено, бывает потому, что колхозники свои личные интересы ставят выше интересов общественного производства»[36].

На наш взгляд, основная причина неуклонного сокращения общественного стада с 1940 г. заключалась в системе заготовок сельскохозяйственной продукции, блокировавшей саму возможность роста поголовья и в целом продуктивного использования животноводческого потенциала районов, который, несмотря на условия военного времени, оставался относительно высок.

Заготовки животноводческой продукции. В 1940 г. произошел переход к так называемой погектарной системе обложения колхозов обязательными поставками. Советское правительство признало неэффективным прежний порядок, при котором объемы изъятия продукции животноводства определялись по плановому или наличному поголовью скота. С точки зрения правительства, такой принцип заготовительной политики подталкивал руководителей хозяйств к искусственному сокращению поголовья ради уменьшения налоговой нагрузки[37]. Теперь для продукции животноводства планы обязательных поставок определялись количеством гектаров облагаемой земли, в которую входили пашни, пастбища и луга. Основной изъян данной системы заключался в том, что размеры угодий практически никак не коррелировали с наличным поголовьем скота. Для многоземельных колхозов Сибири погектарный принцип обернулся установлением чрезмерно завышенных и заведомо невыполнимых планов.

Принятая система обязательных поставок приводила к поистине абсурдным ситуациям. Так, например, в 1943 г. колхоз «Ленинградский рабочий» Чановского района Новосибирской области, имевший на один колхозный двор 87 га облагаемой земельной площади, должен был сдать в счет мясопоставок почти в два раза больше скота, чем имелось в хозяйстве. В то же время для колхоза «Путь к социализму» того же района при 41 га облагаемой земли на один колхозный двор процент изъятия скота по плану составлял только 23,8 %. Колхоз «На страже» Чулымского района имел такое же поголовье, что и колхоз «Путь к социализму», но облагаемой земли в нем приходилось на один колхозный двор 82 га, и процент скота, который надлежало сдать государству, составлял уже 52,4 %[38].

Положение дел усугублялось тем, что при переходе к погектарному принципу учет облагаемой земли был произведен неправильно. За основу были взяты данные земельного баланса 1938 г. В ходе проверки выяснилось, что замеры облагаемой площади были неточны и преувеличены. Оказалось, что в Новосибирской области облагаться поставками животноводческой продукции должна была значительно меньшая территория. Так, размер облагаемой площади составлял 7030 тыс. га, тогда как по уточненному земельному балансу 1943 г. облагаться должны были 6757,3 тыс. га (в границах региона 1944 г.). Кроме того, в состав 6757,3 тыс. га было включено 145,4 тыс. га заболоченных лугов, не используемых колхозами, которые также не должны были подлежать обложению. Таким образом, из-под обложения должно было быть выведено 418,1 тыс. га земли[39].

Нельзя сказать, что центральное правительство не было проинформировано о неправильном учете земельных фондов. Еще летом 1941 г. А.А. Андреев, инспектировавший область, в донесениях И.В. Сталину указывал, что критическое положение в сельском хозяйстве в немалой степени было вызвано обложением натуральным налогом неиспользуемых земельных площадей[40]. Данное обстоятельство, между прочим, было объявлено следствием «вредительской» деятельности, а некоторые ответственные работники управления земле-

[36] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 629. Л. 57 об.
[37] *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 129.
[38] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 150.
[39] Там же. Оп. 9. Д. 213. Л. 21.
[40] РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 37. Л. 14.

устройства облземотдела были арестованы. Удивительно, но, несмотря на признанный «вредительский» характер учета облагаемой земли, частичное списание излишков произошло только в 1945 г.[41] Очевидно, что завышенные планы служили формальным оправданием произвола заготовителей, а пределы изъятия продукции фактически оказывались ничем не ограничены. При этом государство наращивало налоговую нагрузку, создав в 1943 г. мясной фонд Красной армии, сдача скота в который была обязательной и осуществлялась по тому же погектарному принципу.

Динамика заготовок животноводческой продукции показывает, что количество сданного мяса в порядке обязательных поставок из года в год увеличивалось, а процент выполнения планов уменьшался (табл. 3). Для сравнения, в 1939 г. для выполнения плана колхозы должны были сдать 30 кг мяса с одной головы КРС, а в 1943 г. данный показатель вырос уже до 83,7 кг. Фактически же в 1939 г. было сдано 31,3 кг с одной головы, а в 1943 г. – 50 кг. Если к этому прибавить переданный государству скот в счет других поставок и за семена, то колхозы сдали с одной головы крупного рогатого скота в 1943 г. 72,6 кг мяса[42]. Разумеется, по многим колхозам, особенно многоземельным, выполнение обязательных поставок по мясу шло за счет сокращения основного стада.

Столь же невыполнимыми были планы и по другим видам животноводческой продукции. Некоторые колхозы, получавшие самые минимальные нормы поставок молока, не в состоянии были выполнить планы. Так, например, Кожевниковский район в 1944 г. должен был сдать 8 л молока с каждого с гектара облагаемой земли, или 960 л с каждой имевшейся коровы. В то же время фактический удой в колхозах Кожевниковского района составлял 800–900 л на корову[43].

Таблица 3

Заготовки животноводческой продукции по обязательным поставкам колхозов в Новосибирской области*

	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Мясо, т	12 892	15 451	20 294	17 503	19 867	22 747	18 771
Процент выполнения плана	102,3	104,9	95,4	82,6	85,8	83,1	78,8
Молоко, тыс. л	110 155	115 026	112 461	92 851	96 209	64 134	56 463
Процент выполнения плана	96,4	96,3	93,0	63,2	43,7	68,3	58,5
Шерсть, ц	–	–	6 222	6 327	6 921	6 062	6 348
Процент выполнения плана	–	–	90,5	74,3	67,4	54,2	56,3

Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 36–38.

* В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1944 г.

В связи с систематическим невыполнением планов росли недоимки колхозов. Так, если в 1940 г. недоимки по сдаче мяса составляли 1379 т, то в 1943 г. они выросли до 8987 т[44]. Рассчитаться с государством было невозможно. Следует вдобавок учитывать, что навязанная в регионы зерновая специализация препятствовала реализации выигрышных экономических стратегий для тех районов, в которых имелись лучшие условия для развития животноводческой отрасли. Ярким примером тому служит история семнадцати районов Барабинской степи, исторически имевших животноводческую специализацию, но вопреки экономической рациональности искусственно переориентированных на зерновое производство.

[41] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 24–25.
[42] Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 148.
[43] Там же. Л. 150–151.
[44] Там же. Оп. 7. Д. 389. Л. 159.

Животноводство Барабинской степи. Районы Барабинской степи исторически специализировались на молочном животноводстве, производя в 1920-е г. до четверти всей маслодельной продукции Западной Сибири. В 1927 г. с одной коровы в Барабинском округе получали 38,2 кг товарного масла, тогда как в среднем по Сибири аналогичный показатель равнялся 13,7 кг. В том же 1927 г. животноводство давало 90 % стоимости всей произведенной Барабинским округом сельскохозяйственной продукции, тогда как доля полеводства составляла всего 8,2 %[45].

После коллективизации районы Барабинской степи сохранили животноводческую специализацию. Здесь было организовано 40 мясомолочных совхозов, переоборудовано и построено 84 маслозавода. Это позволило в 1936 г. довести производство масла в этих районах до 92,7 тыс. ц по сравнению с 60,2 тыс. ц в 1932 г. Удельный вес животноводческой продукции в денежных доходах колхозов составлял 73,4 %, а по отдельным колхозам – 80–85 %[46].

Развитию молочного животноводства в этих районах способствовало изобилие болотно-луговых, болотно-подзолистых и засоленных почв. В то же время такой почвенный состав с низким содержанием гумуса делал земледелие малопродуктивным. Бедные почвы, поздние весенние и ранние осенние заморозки ограничивали в районах Барабы возможность получения устойчивых урожаев зерновых культур. В связи с этим удобные земли главным образом использовались под выпасы и сенокосы.

Значительная часть населения Барабинского округа жила за счет закупок хлеба. Основным источником доходов была продукция животноводства. В северных районах Барабинского округа, где особенно было развито животноводство, обеспеченность одного хозяйства посевом составляла всего 1,8 га[47].

С 1940 г. барабинское животноводство оказывается в глубоком кризисе. Экстремальные условия военного времени наложились на последствия долговременной аграрной политики государства, ведшей к деградации отрасли. Одним из негативных факторов была запущенность мелиоративной системы Барабинской степи. Активная фаза осушительных работ пришлась на рубеж XIX–XX вв. С 1885 по 1918 г. было построено 3145,3 км осушительных каналов, проводились работы по расчистке речных русел, сооружению мостов и гатей. В результате проведенных мероприятий было осушено 403,2 тыс. га болот[48].

С 1918 г. мелиоративные работы в Барабинской степи перестали производиться. Некогда созданная осушительная система пришла в запустение, что привело к прогрессирующему повторному заболачиванию недавно пригодных для сельского хозяйства местностей. Сокращение кормовых угодий заставляло крестьян переселяться в другие районы[49].

Другой причиной деградации животноводства Барабинской степи стала проводимая правительством в 1930-е гг. политика форсирования зернового производства в регионе. Несмотря на то, что условия почвенного покрова Барабинской степи отнюдь не благоприятствовали высокотоварному земледелию, под давлением со стороны государства посевные площади с 1928 по 1942 г. увеличились с 409 тыс. га до 1027,8 тыс. га[50]. Если в целом по Новосибирской области за указанный период площадь посевов увеличилась в два раза, то по районам Барабинской степи – в два с половиной раза.

Расширение посевных площадей привело к изменению исторически сложившегося направления хозяйства колхозов Барабинской степи. Резко увеличились объемы работ по производству зерна. Характер почв с малым содержанием гумуса позволял собирать устойчивый урожай только в течение 3–4 лет. Учитывая, что расширение посевов в основном происходило без соблюдения агротехнических правил, за счет сокращения площадей

[45] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 153.
[46] Там же. Л. 154.
[47] Там же. Л. 155.
[48] Там же. Л. 157–158.
[49] Там же. Л. 158.
[50] Там же. Л. 160.

паровой обработки, к началу 1940-х гг. продуктивность зернового хозяйства была чрезвычайно низкой[51].

Увеличивающийся объем полевых работ не давал возможности колхозам Барабинской степи использовать богатые природные условия для развития животноводства. Вопреки здравому смыслу колхозы были вынуждены растрачивать большую часть труда на производство зерна в ущерб экономически выгодному направлению хозяйства. Многоземельные колхозы Барабинской степи в годы войны страдали от непосильных заготовительных планов.

Все это сказывалось на общественном поголовье. По районам Барабинской степи с 1 января 1940 г. по 1 декабря 1943 г. поголовье КРС в колхозах сократилось на 207,4 тыс. голов, коров – на 73,9 тыс., овец – на 151,8 тыс., лошадей – на 74,3 тыс. голов[52]. Данные показывают, что сокращение поголовья колхозного стада по области произошло в основном за счет районов Барабинской степи. Вместе с тем снижалась продуктивность животноводства: если в 1938 г. сдаточный вес головы КРС составлял 22 кг, то в 1942 г. – 191 кг. В 1938 г. удой на одну фуражную корову составлял 1376 л, в 1942 г. – только 1130 л[53].

Заключение. Острая фаза кризиса в животноводстве Новосибирской области началась в 1940 г. Начало Великой Отечественной войны в 1941 г. поэтому вряд ли можно считать прямой его причиной, скорее фактором, углубившим кризисные тенденции. Все же войну, не столько понимаемую в данном случае как непосредственные боевые действия, а как актуальную угрозу, к которой большевистское правительство готовилось в 1930-е гг., необходимо иметь в виду. Тот мобилизационный нажим, который ощущался в 1940 г. и привел к обвальному сокращению поголовья в колхозах Новосибирской области и Алтайского края, разумеется, стоит рассматривать в контексте начавшейся Второй мировой войны и угроз, которые сулила она советскому государству. Основная проблема заключалась в том, что усиливавшаяся мобилизационная политика проводилась в отношении уже истощенной к концу 1930-х гг. отрасли. Животноводство оказалось в своего рода управленческом «вакууме». Для региональных властей животноводство оставалось проблемой второго порядка, которая меркла на фоне задач зернового производства. Колхозная система так и не смогла создать достаточных стимулов для самих крестьян, лишая их интереса в развитии отрасли «снизу». В документах областного земельного отдела военного времени положение животноводства называлось не иначе как «беспризорным»[54]. В этом, на наш взгляд, основная причина низкой продуктивности отрасли относительно дореволюционного периода или даже 1920-х гг.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Андреенков С.Н. Колхозное животноводство в восточных регионах РСФСР в годы Великой Отечественной войны: основные факторы и тенденции развития // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 482–485.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

[51] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 161.
[52] Там же. Л. 156.
[53] Там же.
[54] Там же. Л. 143.

Николаев А.А. Сибирское маслоделие – не состоявшийся тренд российской модернизации // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 80–89.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.

Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 81–88.

References

Andreenkov, S.N. (2010). Kolkhoznoe zhivotnovodstvo v vostochnykh regionakh RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: osnovnye faktory i tendentsii razvitiya [Collective Farm Animal Husbandry in Eastern Regions of the RSFSR During the Great Patriotic War: Main Factors and Development Trends]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2010*. Irkutsk, Izd-vo BGUJeP, pp. 482–485.

Arutyunyan, Yu.V. (1970). Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 466 p.

Il'inykh, V.A, Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2011). Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1930-e gg.: dokumental'no-monograficheskoe izdanie [Agrarian Policy of the Soviet State and Agriculture of Siberia in the 1930s: A Documentary-Monographic Edition]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.

Il'inyh, V.A. (2004). Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg. [Taxation of Siberian Village. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RASHN. 167 p.

Il'inyh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2012). Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy [Agriculture in Siberia in 20th Century: Problems of Development and Crises]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 408 p.

Kornilov, G.E. (1990). Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Ural Village During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta. 223 p.

Nikolaev, A.A. (2021). Sibirskoe maslodelie – ne sostoyavshiysya trend rossiyskoy modernizatsii [Siberian Buttermaking – A Failed Trend of Russian Modernization]. In *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy stoletiyu nachala NEPa*. Novosibirsk, Parallel', pp. 80–89.

Sharapov, S.V. (2021). Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: ekonomicheskiy i sotsial'no-politicheskiy aspekty [Agriculture of the Novosibirsk Region and Altai Territory on the Eve of the Great Patriotic War: Economic and Socio-Political Aspects]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1, pp. 81–88.

В.А. Зверев
И.И. Пономарев*

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО: ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ КАЗАКОВ И НЕКАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-13
УДК 930(571)"1894/1915"+314(571)(09)

Выходные данные для цитирования:
Зверев В.А., Пономарев И.И. Сибирское казачье войско: возобновление поколений казаков и неказачьего населения в конце имперского периода // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 148–163. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-13.pdf

V.A. Zverev
I.I. Ponomarev*

SIBERIAN COSSACK ARMY: RENEWAL OF GENERATIONS OF COSSACKS AND NON-COSSACK POPULATION AT THE END OF THE IMPERIAL PERIOD

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-13

How to cite:
Zverev V.A., Ponomarev I.I. Siberian Cossack Army: Renewal of Generations of Cossacks and Non-Cossack Population at the End of the Imperial Period // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 148–163. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-13.pdf]

Abstract. The article provides a specific historical, mostly quantitative description of the process of reviving the generational reproduction in the area inhabited by the Siberian Cossack Host in 1894–1915. Using military statistics, the authors determined the scale, rate and manner of the total population increase within the Host and its main categories during the specified period. The findings confirm the predominance of the natural growth of the Cossack population, which constituted the majority of the Host, over the mechanical growth, already noted earlier in the literature. The authors highlight the higher rates of growth in the number of non-Cossacks ('miscellaneous commoners', or raznochintsy, and non-Russians) due to the one-time inclusion of over 70 thousand nomadic Kazakhs into the Host in 1899 and the appearance of peasant settlers that moved into the Host's lands, especially in the years of Stolypin's agrarian reform. The authors calculate the absolute and relative annual indicators describing the natural movement of the Cossacks and other population categories, put them into dynamic sequences, present them in tables and charts, and subject them to comparative analysis. This allows for discovering the long-term factors and specific causes of strong fluctuations in the dynamic sequences. As a result, the authors make conclusions about the fairly good reproductive potential of the Host's population, and a consistent mortality rate reduction among both the Cossacks and other population categories. The drop in mortality was also accompanied by declining birth rates, but at a much slower pace and only among the Cossacks. Due to the imbalance in the rates of transformation of mortality and procreation, there was an increase in the indicators of natural population growth; notably, among the Cossacks, it reached the scale of a demographic boom. Thus, at the end of the Imperial Period of Russian history, the community residing on the Siberian Cossack Host's lands showed the early signs of entering a transitional phase that would have led to the gradual replacement of the traditional type of generational renewal with the modern dynamics. However, in 1915, the second year of World War I, those sprouts of modernization were trampled by the demographic crisis.

* **Владимир Александрович Зверев,** доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: sosna232@yandex.ru
Vladimir Aleksandrovich Zverev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: sosna232@yandex.ru
Илья Игоревич Пономарев, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: Ilya.ponomarev96@mail.ru
Ilya Igorevich Ponomarev, Graduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: Ilya.ponomarev96@mail.ru

Keywords: Cossacks, Siberian Cossack Host, 1894–1915, birth-rates, mortality, natural population growth, reproduction of population, demographic transition.

The article has been received by the editor on 16.03.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дается конкретно-историческая, преимущественно количественная характеристика процессов возобновления поколений жителей на территории Сибирского казачьего войска в период 1894–1915 гг. Используя войсковую статистику, авторы определили масштабы, темпы и способы увеличения численности всего населения войска и основных его категорий в этот период. Подтвержден уже отмеченный ранее в литературе факт преобладания естественного прироста казачьего населения, составлявшего в войске большинство, над механическим приростом. Отмечены более высокие темпы роста численности неказаков (разночинцев и инородцев) – за счет разовой приписки к войску более 70 тыс. кочевых казахов в 1899 г. и оседания на войсковых землях крестьян-переселенцев, особенно в годы Столыпинской аграрной реформы. Авторы произвели подсчеты погодовых абсолютных и относительных показателей естественного движения казачьего и прочего народонаселения, свели их в динамические ряды, представили в таблице и диаграммах, провели сравнительный анализ этих рядов. Выделены долгосрочные факторы и конкретные причины сильных колебаний показателей в динамических рядах. В результате сделаны выводы о достаточно хорошем воспроизводственном потенциале населения в войске, о последовательном сокращении со временем масштабов смертности и у казачества, и у прочих. Одновременно сокращалась и рождаемость, но гораздо медленнее и только за счет казачества. В силу разбалансированности темпов трансформации мортальности и прокреации происходило нарастание показателей естественного прироста населения, причем у казаков – до масштабов демографического «взрыва». Таким образом, в сообществе людей, живших на территории Сибирского казачьего войска, в конце имперского периода истории России наблюдались ранние признаки вступления в переходную фазу постепенной замены традиционного типа возобновления поколений современными порядками. Однако в 1915 г., на втором году Первой мировой войны, ростки модернизации были растоптаны демографическим кризисом.

Ключевые слова: казачество, Сибирское казачье войско, 1894–1915 гг., смертность, рождаемость, естественный прирост населения, воспроизводство населения, демографический переход.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022

Справочно-энциклопедические и обобщающие исторические труды[1] повествуют нам, что на рубеже XIX–XX вв. Сибирское казачье войско (СКВ) своими станицами, поселками, выселками и хуторами размещалось на северных окраинах Степного края и юго-западе Томской губернии, полосой 10–30-верстной ширины и вкраплениями в алтайских предгорьях, казахской степи. Право войска на вечное владение занимаемыми государственными землями было закреплено в 1906 г. Казачество отбывало особую воинскую повинность, осно-

[1] *Андреев С.М., Шулдяков В.А.* Сибирское казачье войско // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 88–90; *Зуев А.С.* Казачество Азиатской России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 8–13; История казачества Азиатской России / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 2; Сибирское казачье войско [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/3660409 (дата обращения: 15.01.2022); и др.

Рис. 1. Занятия по строевой подготовке с казачатами ведет урядник

ванную на принципе самоснаряжения, и наделялось определенными правами и льготами. В частности, правом пользования обширными общественными наделами войсковой земли. Кроме казачества, в составе здешнего населения учитывались проживавшие на войсковой территории представители иных сословий, неказаки. Они покупали постройки в казачьих селениях, но получить в станичном обществе земельный надел не могли, за проживание и хозяйствование платили в доход общества «посаженную» арендную плату.

Степень историко-демографической изученности СКВ рубежа XIX–XX вв., цель исследования. Знакомство с многочисленными исследованиями по истории казачества Азиатской России и конкретно СКВ конца имперского периода показывает, что ученые сосредоточились в основном на административно-политических, военных, социально-экономических, социокультурных сюжетах. Демографические же аспекты этой истории намечены пока в общих чертах и не получили детальной разработки. Определенную ценность с историко-демографической точки зрения все же имеют труды, в которых нашли отражение динамика численности населения в СКВ, изменение его состава, расселение и миграции.

Генерал-лейтенант в отставке, историк-краевед *Г.Е. Катанаев* в 1916 г. опубликовал небольшую статью, где проследил происходившее в период 1890–1915 гг. увеличение численности населения в СКВ. По его подсчетам, за 25 лет оно выросло в своей совокупности более чем в полтора раза – со 191 тыс. до 308 тыс. человек[2]. Катанаев принял в расчет деление жителей войсковых территорий на три сословные категории: служилых казаков, «всякого рода разночинцев» и «киргизов» (так называли тогда инородцев-казахов). Выяснилось, что темпы прироста численности разных категорий заметно различались. Количество казаков выросло на 54,8 %, разночинцы приросли даже на 260,8 %. Казахский сектор выглядел малоподвижным: прирост его численности зафиксирован лишь на 20,5 %. Однако Катанаев включил в ту часть своих расчетов, что относится ко времени до 1899 г., кочевых казахов, пользовавшихся казачьими землями, хотя степняки в то время состояли на учете не в СКВ, а у гражданской администрации Акмолинской и Семипалатинской областей. Получилась такая картина: за четверть века доля казачества в войсковом населении сократилась с 58,1 до 55,8 %, уменьшилась и доля инородцев – с 33,3 до 24,9 %. Зато повысили свой удельный вес разночинцы – с 8,6 до 19,3 %. Суммарно представители неказачьих сословий составили в 1915 г. почти 80 % по отношению к численности казачества[3]. К сожалению, Г.Е. Катанаев не привел сведений или выводов, относящихся к динамике рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста населения в СКВ, которые позволили бы раскрыть причины и «механизмы» обнаруженных им демографических подвижек.

Историко-демографический интерес представляют некоторые положения, сформулированные также в трудах, относящихся к современному этапу историографии.

Г.И. Панковская отметила сбалансированную половую структуру сибирского казачества (у неказаков соотношение количества мужчин и женщин было менее благоприятным), высокую брачность в казачьей среде, большую долю в ней детей и молодежи, что поддерживало в войске хороший воспроизводственный потенциал. Основным фактором роста

[2] *Катанаев Г.Е.* Сибирское казачье войско за последние 25 лет // Сибирские войсковые ведомости. 1916. № 3. Ч. неофиц. С. 8–9.

[3] Там же. С. 9. Некоторые относительные показатели, приведенные Г.Е. Катанаевым, нами уточнены и исправлены путем пересчета абсолютных данных, помещенных краеведом в таблице.

численности казачества в конце XIX в. автор считает естественное движение населения, а в начале XX в. – массовое аграрное переселение[4].

С.М. Андреев и *Д.В. Колупаев* плодотворно использовали, наряду с иными источниками, войсковую статистику, публиковавшуюся в регулярных «Отчетах о состоянии СКВ». Это позволило им проследить развертывание некоторых демографических тенденций в населении войска до конца XIX в. (Д.В. Колупаев)[5] и даже до Первой мировой войны (С.М. Андреев)[6]. Сравнивая естественный и механический прирост населения, ученые подчеркивали ведущую роль первого из них в казачьей среде, в неказачьей доминировал второй. Констатировали факт повышения темпов естественного прироста у казаков к рубежу XIX–XX вв. до показателей более 20 ‰[7] (объективно – «взрывных»), но недооценили его. С.М. Андреев сделал явно ошибочный вывод: «…Темпы естественного прироста сибирского казачества были традиционно низкими…»[8]. Он же перечислил долгосрочные факторы и конкретные события, повышавшие смертность и снижавшие естественный прирост количества казаков в СКВ: неблагоприятные природно-климатические условия, регулярные эпидемии, низкий уровень развития медицинского обслуживания, неблагополучное санитарно-гигиеническое состояние станиц, недостаток качественной питьевой воды во многих из них, неурожаи и массовый голод в начале 1890-х, в 1901–1902 гг., ежегодный призыв «под ружье» всех казаков, достигших призывного возраста, их длительную службу с отлучкой из семей, поголовную мобилизацию в годы военных действий (1900, 1904, 1914) и пр. Разумеется, большинство этих факторов затрудняло воспроизводство не только казачества, но и прочего населения в СКВ.

Д.В. Колупаев пришел к более оптимистичным выводам. Уже в 1890-х гг. он зафиксировал «явную тенденцию к снижению количества смертей» в казачьей среде (несмотря на сохранение таких факторов мортальности у мужчин, как участие в военных действиях и опасных промыслах, пьянство), опережающие темпы этого снижения у женщин. Историк связал эти явления с «распространением среди казаков медицинских знаний, повышением их общей культуры»[9].

Итак, в научной литературе *раскрываются внешние по отношению к социально-демографической сфере* условия, в которых осуществлялась смена поколений в СКВ на излете имперского периода истории. Изучается динамика численности населения, его полового, этнического состава, расселение по войсковой территории. Конечно, такие вопросы находятся в поле зрения исторической демографии, но не являются ключевыми для этого научного направления. Определяющая задача исторической демографии – «раскрытие исторических закономерностей *воспроизводства населения* как одного из главных процессов воспроизводства общества, в основе длящейся жизнедеятельности которого находится непрерывное возобновление (смена) поколений»[10]. В наличной литературе обнародованы показатели рождаемости, смертности, естественного прироста казачества за отдельно взятые годы, сделаны на их основе небезынтересные выводы. Но никто из исследователей до сих пор не выстраивал погодовые или поэтапные динамические ряды показателей, охватывающие длительный хронологический период. Поэтому имеющаяся литература не содержит характеристик режима и типа воспроизводства населения, господствовавших на рубеже XIX–XX вв. в СКВ, выводов о развивавшихся там тенденциях изменения демографической

[4] *Панковская Г.И.* Славянское население Восточного Казахстана и Томской губ. в конце XIX – начале XX в.: к вопросу о формировании состава населения // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2010. С. 344.

[5] *Колупаев Д.В.* Демографические процессы в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 3. С. 71–72; *Колупаев Д.В.* Сибирское казачество во второй половине XIX в. – 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2011. С. 19.

[6] *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск, 2006. С. 28–30.

[7] Символ «‰» (промилле) здесь и далее означает «на каждую 1 000 человек населения».

[8] *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско... С. 30.

[9] *Колупаев Д.В.* Демографические процессы… С. 70–71.

[10] Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 333.

Рис. 2. Ученики и их наставники в станичной школе

ситуации, тем более в компаративном плане, в сравнении казачества и неказачества.

Целью настоящей статьи как раз является *конкретно-историческая характеристика процесса возобновления поколений жителей* на территории Сибирского казачьего войска рубежа XIX–XX вв. Близкими по значению к термину «возобновление поколений» являются термины «воспроизводство населения», «естественное движение населения». Естественное движение населения в демографии «характеризуется показателями числа родившихся и умерших, изменяющих численность населения так называемым естественным путем»[11]. Поэтому мы предполагаем раскрыть в статье в хронологической динамике масштабы, темпы и тренды рождаемости, смертности и естественного прироста казачьего и прочего неказачьего населения в СКВ.

Источники информации, методология исследования. *Начальный хронологический рубеж исследования* в нашей статье обусловлен завершением строительства в 1894–1895 гг. Западно-Сибирского участка Транссибирской железной дороги, проходившего по Пресногорьковской казачьей линии СКВ и через Омск. Дорога способствовала усилению переселенческого движения на земли СКВ, интенсификации других демографических перемен в войсковом сообществе. К 1890-м гг. историки относят важные трансформации в социально-экономической жизни войскового сообщества, утверждение в СКВ достаточно полного текущего учета демографических событий. *Конечная граница исследования* связана с началом Первой мировой войны, во время которой Сибирь вместе со всей Россией испытывала острый демографический кризис. При этом мы учитываем, что кризисные явления в сфере воспроизводства населения на востоке страны серьезно развернулись только с 1915 г.[12] К 1894–1915 гг. относятся данные нашего *основного исторического источника – «Отчетов о состоянии Сибирского казачьего войска»*, которые позволили построить динамические ряды показателей естественного движения населения.

Отчеты, адресованные императору, составлялись ежегодно по распоряжению и под контролем войскового наказного атамана. Их гражданская часть за многие годы опубликована. Этот источник содержит в себе богатую статистическую информацию как о казачьем, так и о прочих сегментах населения. В частности, приведены интересующие нас сведения о численности населения на территории войска, о количестве людей, умерших и родившихся в отчетном году или за несколько смежных лет. При составлении отчетов данные, полученные от войскового командования, медицинских служб, церковного руководства, сопоставлялись и при необходимости проверялись, так что с некоторыми оговорками можно говорить о достаточной степени достоверности этого источника[13]. О приемлемом качестве текущего учета жителей в СКВ говорит такой факт: первая Всеобщая перепись населения Российской империи учла в начале 1897 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях, Томской губернии 113 653 человека, относящегося к казачьему сословию[14]. Это меньше на

[11] Демографическая энциклопедия… С. 279.

[12] Население / С.Г. Скобелев, В.А. Зверев, В.А. Исупов и др. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 435–436.

[13] *Андреев С.М.* Отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска как исторический источник // Катанаевские чтения. Омск, 2008. С. 260.

[14] Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 168–169; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губ. С. 40–41; Т. 81: Акмолинская обл. С. 27–28; Т. 84: Семипалатинская обл. С. 30.

3,1 %, чем следует из данных «Отчета о состоянии СКВ за 1898 г.». Такое отличие малосущественно. Оно наверняка связано с тем, что не все казаки сумели или захотели принять участие в переписи, предоставить полные сведения о своих семьях.

Используя абсолютные демографические показатели, содержащиеся в отчетах, мы рассчитали общие коэффициенты смертности, рождаемости и естественного прироста населения в СКВ (отдельно казаков и прочих неказаков) за каждый год, свели их в динамические ряды. Полученные ряды представлены в статье в табличной форме и на рисунках в виде диаграмм с добавленными линейными трендами[15].

В качестве *иллюстраций, сюжетно не связанных с текстом*, в статье помещено несколько фотографий из числа тех, что были сделаны казачьим офицером Н.Г. Катанаевым в станицах Иртышской и Пресногорьковской линий СКВ в 1909 г. при подготовке к Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке 1911 г. В сети Интернет доступны электронные версии фотоснимков из альбома «Типы казаков. Сибирские казаки на службе и дома», хранящегося в Омском государственном историко-краеведческом музее (инв. № ОМК 4025)[16]. Эти фотографии хотя и имеют постановочный характер, но в некоторой степени отражают преемственность поколений сибирского казачества в имперскую эпоху.

Ключевым методологическим инструментом исследования в данном случае служит *теория демографического перехода*. Демографическим переходом (в широком смысле) называют важную составную часть модернизации традиционного общества – «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости», который «кардинально обновляет… тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений»[17]. Как показано А.Г. Вишневским, в России демографический переход начался на рубеже XIX–XX вв., когда успехи в экономическом и культурном развитии страны обусловили системное сокращение смертности, при том что рождаемость снижалась не столь заметно[18]. Б.Н. Миронов обнаруживает исходную точку транзиции раньше – в середине XIX в.[19] В работах В.А. Зверева аргументируется положение о том, что

Рис. 3. Станичные мальчишки возле школы между занятиями

[15] Количественные характеристики населения в СКВ, использованные далее в тексте статьи, в таблице и рисунках, если не указано иное, подсчитаны по: Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска в течение 1894 г. Омск, 1895. Ч. 2, гражд. С. 19; Отчет… за 1896 г. 1897. Ч. 2, гражд. С. 3–4; Отчет… за 1898 г. 1899. Ч. 2, гражд. С. 5; Отчет… за 1900 г. 1901. Ч. 2, гражд. С. 23; Отчет… за 1901 г. 1902. Ч. 2, гражд. С. 32; Отчет… за 1902 г. 1903. Ч. 2, гражд. С. 16; Отчет… за 1903 г. 1904. Ч. 2, гражд. С. 11, 15; Отчет… за 1907 г. 1908. Ч. 2, гражд. С. 11, 14; Отчет… за 1910 г. 1911. Ч. 2, гражд. С. 10–11, 14; Отчет… за 1912 г. 1913. Ч. 2, гражд. С. 10, 13; Отчет… за 1913 г. 1914. Ч. 2, гражд. С. 12, 15; Отчет… за 1914 г. 1915. Ч. 2, гражд. С. 7–8, 11; Отчет… за 1915 г. 1916. Ч. 2, гражд. С. 6–9.

[16] Фотоальбом «Типы казаков. Сибирские казаки на службе и дома» [Электронный ресурс] // Перуница. URL: https://www.perunica.ru/stfoto/8824-fotoalbom-tipy-kazakov-sibirskie-kazaki-na-sluzhbe-i-doma.html (дата обращения: 15.01.2022) и др. Некоторые фотографии в альбоме имеют названия, но в настоящей публикации им даны более информативные подписи. На заставке статьи – четыре поколения мужчин в семье казаков-сибирцев.

[17] Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 9.

[18] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112–157; *Вишневский А.Г.* Демографический переход [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/economics/text/1946892 (дата обращения: 15.01.2022) и др.

[19] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1. С. 561–625; *Миронов Б.Н.* Российская революция 1917 г. сквозь призму демографической модернизации // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 7 и др.

демографическое развитие Сибири мало отставало от Европейской России, здесь тоже на рубеже XIX–XX вв. появились стартовые признаки демографического перехода[20]. Настоящая статья призвана внести вклад в проверку достоверности этого положения применительно к основным категориям населения СКВ.

Численность и сословная структура населения на территории СКВ. Посмотрим, в каких количественных «рамках» и какими темпами осуществлялась смена поколений в Сибирском казачьем войске на рубеже XIX–XX вв. Если учитывать только *служилых казаков и членов их семей*, то СКВ было тогда вторым по численности иррегулярным воинским формированием к востоку от Урала. В 1880–1916 гг. численность казачества здесь увеличилась с 94,5 тыс. человек до 172 тыс., или на 82 %. За это же время количество представителей казачьего сословия в Забайкальском казачьем войске возросло со 147,3 тыс. до 265 тыс., или на 79,3 %[21]. Прирост числа казаков-сибирцев происходил быстрее, чем прирастало количество казаков-забайкальцев.

Как уже говорилось, кроме служилого казачества, именуемого в источниках «войсковым сословием», войсковая статистика учитывала неказачье население – людей, живших на казачьей территории, отбывавших здесь натуральные и денежные повинности, плативших налоги в войсковую казну. В «Отчетах о состоянии СКВ» неказачье население либо фигурирует как единое целое, либо делится еще на две категории – разночинцев и инородцев-«киргизов» (казахов). Разночинцы в наших источниках именуются еще «невойсковым сословием». Кроме преобладавших в этой категории крестьян, сюда включались вместе с членами их семей неслужилые казаки, представители городских сословий, духовенство, немногочисленное дворянство и пр.

По данным Г.Е. Катанаева, количество *разночинцев* в СКВ выросло в 1890–1915 гг. с 16,5 тыс. человек до 59,5 тыс., т.е. в 3,6 раза. Наиболее заметный рост, скачкообразный по масштабу, произошел между 1905 и 1910 гг. – сразу в 2,1 раза[22]. Дело в том, что в 1890-х гг., и особенно в годы Столыпинской аграрной реформы юг Западной Сибири активно заселялся аграрными мигрантами, преимущественно русскими и украинскими крестьянами из Европейской России. Некоторые из них оседали на территории СКВ, но только небольшая часть переселенцев либо уже принадлежала к казачьему сословию, либо теперь зачислялась в казаки-сибирцы. В основном иммигранты, приселившись к станичным обществам, попадали в категорию разночинцев.

Что касается *инородцев-казахов*, кочевавших на войсковых территориях, то они стали фиксироваться в составе неказачьего населения СКВ только с 1899 г.[23] Руководство войска поставило их на учет, желая увеличить количество налогоплательщиков, активизировать военно-хозяйственное освоение казахской степи, упорядочить пользование войсковыми землями. Добавление более 70 тыс. казахов привело в 1899 г. к скачкообразному увеличению сразу на 31 % доли неказачьего сектора в населении, в 1,6 раза – общей численности «зарегистрированных» жителей в СКВ. В начале XX в. численность инородческой части населения в войске менялась мало и составляла в среднем 76 тыс. человек[24].

Далее при характеристике естественного движения населения в СКВ мы различаем в нем *две категории – казачество и прочее неказачье население*, объединяя во второй категории разночинцев и инородцев. Правда, в начале изучаемого периода весь неказачий сектор составляли разночинцы. Но в 1900–1915 гг. в этом секторе, сильно выросшем в размерах за счет казахов, разночинцы оказываются в меньшинстве. Их доля со временем увеличивается

[20] *Зверев В.А.* Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографической модернизации // «Сибирь – мой край…». Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; *Зверев В.А.* Тренды смертности населения в восточных регионах Российской империи за 30 лет (1887–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 64–71 и др.

[21] *Кабузан В.М.* Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII – начале XX в. // Труды Института российской истории РАН. М., 2008. Вып. 7. С. 310.

[22] *Катанаев Г.Е.* Сибирское казачье войско… С. 9.

[23] *Андреев С.М.* Отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска… С. 258–259.

[24] Подсчитано по: *Катанаев Г.Е.* Сибирское казачье войско… С. 9.

от 18,6 до 43,7 %, но недотягивает даже до половины[25]. Казачество на протяжении всего изучаемого периода оставалось численно доминирующей частью населения в СКВ, но со временем ситуация менялась. Если в 1894 г. казаки и члены их семей составляли 87,8 % и имели подавляющее большинство, то к 1915 г. у них сохранился только небольшой перевес. Эта позиция сильно отличалась от положения дел в Забайкальском казачьем войске, где на протяжении десятилетий казачество составляло около 95 % населения[26]. Поскольку количество жителей на территории СКВ почти удвоилось, в том числе за счет инородцев и разночинцев, на рубеже XIX–XX вв. это войско прочно закрепилось на первом месте по общей численности населения среди зауральских казачьих сообществ, обогнав забайкальцев.

Рис. 4. Девочки-казачки со своими матерями и старшими сестрами

Мы неслучайно остановили внимание на сословном и этническом составе сообщества жителей в СКВ и на изменениях этого состава. Русские и казахи, казаки и крестьяне – разные социальные группы, явившиеся носителями своеобразных форм культуры и образа жизни, которые предопределяли различия в демографическом поведении своих представителей. Параметры рождаемости, смертности и естественного прироста населения, о которых пойдет речь далее, при всех общих чертах, предопределенных исторической эпохой, все же зависели от особенностей демографических представлений и демографического поведения тех людей, из которых состояло население.

Масштабы и темпы возобновления поколений в казачестве и неказачьей среде. Обратимся теперь к выяснению *общих и особенных черт процесса возобновления поколений* в среде казачьего и прочего неказачьего населения. Воспользуемся для этого данными за 1894–1915 гг., помещенными ниже в таблице. Востребованный нами комплекс источников имеет хронологические лакуны, но отсутствие сведений за некоторые годы (досадней всего пропуск 1904–1906 гг.) все же позволяет выстроить достаточно информативные динамические ряды. Сомнение вызывает лишь основанный на данных соответствующего войскового отчета слишком большой показатель рождаемости у неказаков, относящийся к 1894 г., который влечет за собой и очень большой у них показатель естественного прироста. В силу этих сомнений мы не включили данные за 1894 г. в дальнейший анализ демографических рядов рождаемости и прироста у неказаков, а также в помещенные ниже диаграммы, относящиеся к приросту и соотношению рождаемости и смертности у обеих основных категорий населения. Ситуацию 1915 г., несущую на себе отпечаток разразившегося в годы мировой войны демографического кризиса, мы рассматриваем в конце статьи отдельно от анализа динамических рядов, относящихся к относительно мирному времени.

Таблица демонстрирует последовательное, со среднегодовым темпом в 102,1 %, *увеличение в 1894–1915 гг. абсолютных показателей средней численности* казачества. В неказачьей части войскового населения такой прирост тоже происходил и до, и после скачкообразного увеличения, вызванного причислением к войску в 1899 г. казахов, арендовавших участки войсковых земель. В 1900–1915 гг. среднегодовой коэффициент общего прироста численности неказачьего населения составил 102,5 %, т.е. был несколько выше, чем у казачества. Этот факт был обусловлен отнюдь не превосходством в масштабах естественного прироста. Наоборот, в 1900–1914 гг. у неказаков годовой естественный прирост, равный в среднеарифметическом выражении 13,2 ‰, был меньше, чем у казаков с их 20,5 ‰. Малый показатель в неказачьей среде определялся ситуацией у инородцев, которые здесь составляли

[25] Подсчитано по тому же источнику.

[26] Отчет о состоянии Забайкальского казачьего войска в 1914 г. по гражданской части. Чита, 1915. С. 5.

большинство. По подсчетам Н.В. Алексеенко, сделанным на основе официальной областной статистики, на рубеже XIX–XX вв. у казахов в Акмолинской и Семипалатинской областях среднегодовой естественный прирост составлял лишь 8 ‰[27]. В неблагоприятный период 1903–1905 гг. в Акмолинской области он опускался до 6,8 ‰, в то время как у казаков равнялся 17,1[28]. Совершенно закономерно неказачье население СКВ в большей степени, чем казачество, прирастало механическим путем – за счет разовой приписки к войску кочевых казахов и систематического притока аграрных переселенцев из центра страны.

Таблица

Естественное движение казачьего и прочего населения в СКВ: погодовые параметры на рубеже XIX–XX вв.*

Год	Казачье население				Неказачье население			
	Среднегодовая численность, чел.	Родилось, ‰	Умерло, ‰	Прирост, ‰	Среднегодовая численность, чел.	Родилось, ‰	Умерло, ‰	Прирост, ‰
1894	111 166	52,3	34,2	18,1	15 969	73,1	43,6	29,5
1896	116 188	51	32,9	18,1	18 711	51,6	28,9	22,7
1898	120 036	56,6	28,7	27,9	15 832	29,7	16,9	12,8
1900	125 889	59,5	38,1	21,4	91 937	36,4	29,7	6,7
1901	128 565	53,2	32,7	20,5	93 570	34,3	25,6	8,7
1902	130 219	53,8	43,2	10,6	95 012	44,8	33,6	11,2
1903	132 280	50,6	29,8	20,8	96 125	41,5	30,2	11,3
1907	144 209	50	30,5	19,5	106 938	43,8	27,8	16
1910	155 012	52	30,5	21,5	128 753	44,4	25,6	18,8
1912	162 434	50	29	21	129 046	42,2	25,7	16,5
1913	166 033	49,8	26,8	23	129 966	36,1	22,7	13,4
1914	168 907	52	25,4	26,6	130 945	41,8	25,4	16,4
1915	170 750	45,4	34,4	11	133 882	34,9	15,5	19,4

* Среднегодовая численность населения определялась как полусумма численности жителей в начале отчетного и начале следующего года. Общие коэффициенты смертности и рождаемости измерены тысячекратным отношением годовых чисел умерших и рожденных к среднегодовой численности населения. Коэффициенты естественного прироста являются разностями между коэффициентами смертности и рождаемости.

Сравним по данным таблицы среднеарифметические *погодовые масштабы рождаемости* у казаков и прочего населения. У первых в 1894–1914 гг. они округленно равнялись 53 ‰, у вторых в 1896–1914 гг. были гораздо меньшими – 41 ‰. Среди неказаков численно доминировали инородцы-казахи, а у них рождаемость была невысокой в силу низкого уровня брачности, позднего вступления в брак многих мужчин (из-за невозможности уплатить калым), полового дисбаланса в населении: на 100 мужчин у казахов приходилось только 85–87 женщин[29].

[27] *Алексеенко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав), 1870–1914 гг. Алма-Ата, 1981. С. 46.
[28] Обзор Акмолинской обл. за 1903 г. Омск, 1905. С. 31; Обзор… за 1905 г. 1907. С. 51–52.
[29] *Алексеенко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана… С. 45–46.

Смертность, особенно младенческая и детская, в 1894–1914 гг. во всех категориях населения в СКВ была очень высокой, но уступала рождаемости, что обеспечивало расширенное воспроизводство населения и у казачества, и у неказаков. Все же у последних мортальность, составляя в среднем 28 ‰, выглядела умереннее, чем у казачества с его показателем, равным 32 ‰. Более высокий уровень смертности у казаков можно объяснить, во-первых, большими у них параметрами рождаемости (при сверхвысокой младенческой летальности чем больше детей рождалось, тем больше и умирало); во-вторых, тесной связью мужчин-казаков с воинской службой, чреватой их травмированием и гибелью, особенно в условиях вооруженных конфликтов рубежа XIX–XX вв.

Динамические ряды аналогичных по содержанию показателей у казачества и прочего населения в СКВ сильно отличаются друг от друга. Между рядами, характеризующими естественный прирост населения в 1896–1914 гг., связь почти не обнаруживается (коэффициент линейной корреляции равен 0,04). Ряды, характеризующие рождаемость в эти же годы, имеют среднюю обратную корреляцию (коэффициент –0,51). Только смертность в 1894–1914 гг. демонстрирует средний уровень прямой корреляции (коэффициент 0,55). Яркая черта своеобразия – непомерно большая рождаемость в 1894 г. у неказаков, в данном случае разночинцев. Здесь вероятна ошибка источника, но не исключено, что всплеск рождаемости – это демографическая компенсация огромной смертности в годы голода и холерной эпидемии начала 1890-х гг. Экстремальный уровень рождаемости у разночинцев в 1894 г. повлек за собой и очень высокий прирост населения, даже несмотря на повышенную смертность. У казачества похожий, но все же не столь масштабный скачок рождаемости произошел в 1898–1900 гг., он сопровождался повышенным естественным приростом в 1898 г. и всплеском уровня смертности в 1900 г. Не имел аналога в казачьей среде спад естественного прироста у неказаков до минимальных значений в 1900–1901 гг.

Обнаруживаются и общие черты в естественном движении населения в двух основных сословных категориях СКВ. В таблице заметный момент – соответствие интенсивных рождаемости и смертности и малого естественного прироста у казаков и прочих в 1902 г. Можно уверенно предположить, что подобное соответствие наблюдалось также в 1905–1906 гг. В обеих группах населения сначала резко упали рождаемость и, соответственно, естественный прирост. Смертность при этом на год запоздала в своем падении, что в сочетании с компенсаторным всплеском прокреации привело к резкому скачку прироста. К сожалению, сравнительных данных за эти годы в источниках не обнаружено, и такая картина остается гипотетической.

Тренды естественного движения казачьего и прочего населения в СКВ. Относительные показатели естественного движения населения в СКВ, помещенные в таблице, демонстрируют противоречивые колебания, не позволяющие понять, в каком направлении менялись масштабы смертности, рождаемости и прироста в казачьей и неказачьей среде в изучаемый период. В свете теории демографического перехода особый интерес представляет динамика смертности. История показывает, что демографическая модернизация в конкретной стране, определенном регионе начинается с систематического сокращения смертности при том, что большая рождаемость сохраняется или уменьшается слабо, поэтому усиливается естественный прирост населения, в большинстве случаев до «взрывных» параметров. На последующих этапах происходит опережающее снижение рождаемости, и в итоге характерный для традиционного общества баланс высокой рождаемости и смертности заменяется современным относительным равновесием низкой рождаемости и смертности[30].

Чтобы ответить на вопрос о том, *проявился ли первый признак начала демографического перехода* на рубеже XIX–XX вв. в основных категориях населения СКВ, наблюдалось ли здесь снижение смертности, рассмотрим линейчатую диаграмму (диаграмма 1).

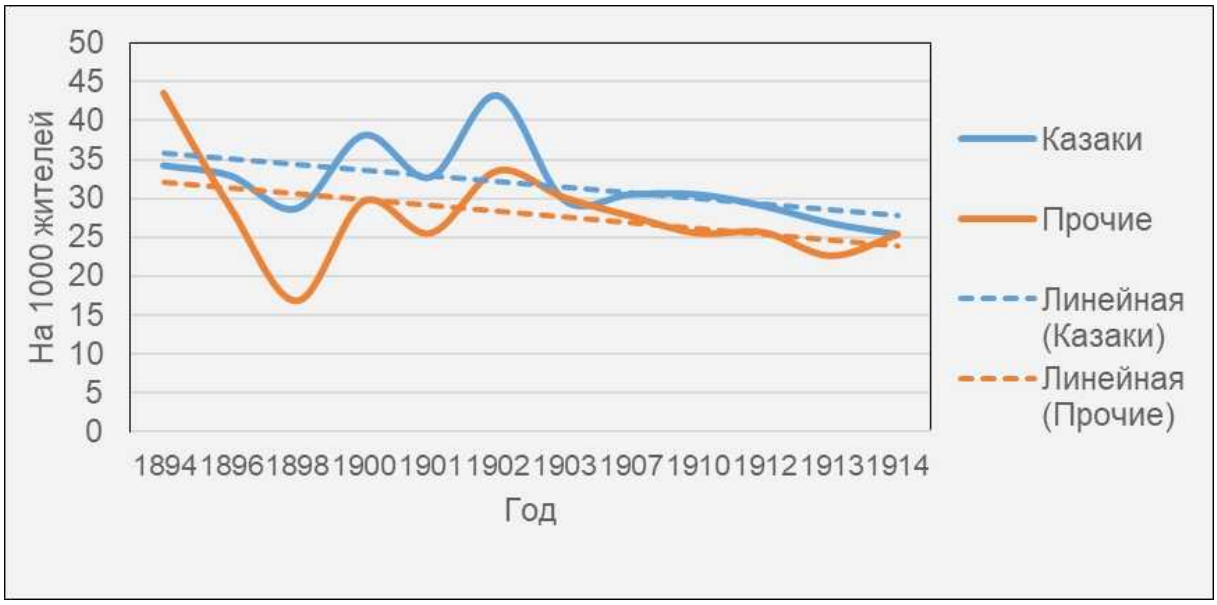
Нисходящие тренды на диаграмме в динамических рядах у обеих категорий населения определенно свидетельствуют, что при всех погодовых колебаниях показателей в период 1894–1914 гг. происходило *выраженное сокращение смертности* и казачества, и неказачьего

[30] Демографическая энциклопедия… С. 241–242.

населения в СКВ. Нисходящие тренды практически параллельны, имеет место средний уровень линейной корреляции между двумя рядами.

Диаграмма 1

Смертность казачьего и неказачьего населения в СКВ:
погодовая динамика на рубеже XIX–XX вв., ‰



Чтобы не усложнять настоящую статью, мы не стали помещать в нее диаграмму, отражающую *тренды изменения рождаемости*. Прокреация в начальной фазе демографического перехода может немного слабеть или усиливаться, здесь тренд не имеет принципиального значения. Поступим проще: сравним среднеарифметические годовые показатели, относящиеся к начальному и конечному этапам изучаемого периода. При подсчете выясняется, что рождаемость у казачества со временем немного сократилась (с 54,4 в 1894–1902 гг. до 50,7 ‰ в 1903–1914 гг.), а у прочих обитателей казачьих земель слабо выросла (с 39,4 в 1896–1902 гг. до 41,6 ‰ в 1903–1914 гг.). О противоположной направленности двух трендов свидетельствует и отмеченная выше отрицательная линейная корреляция между двумя динамическими рядами показателей. Поскольку казачий сектор в населении численно преобладал, нисходящий тренд динамики рождаемости был доминирующим в совокупном населении СКВ, но прокреация сокращалась медленнее, чем смертность.

Обратимся к диаграмме 2, отражающей *тренды естественного прироста* населения в СКВ. У казачества прирост увеличился с 19,4 ‰ на начальном этапе изучаемого периода (в 1894–1902 гг.) до 22,1 ‰ на заключительном этапе (1903–1914 гг.). Если исключить из подсчетов очень большой и сомнительный показатель прироста в 1894 г. у неказаков, то и в их среде обнаруживается восходящая тенденция динамики. Естественный прирост у неказаков в период 1896–1902 гг. составлял 12,4 ‰, а в 1903–1914 гг. – уже 15,4 ‰. Хотя линейная корреляция рядов показателей у казаков и прочего населения близка к нулю, восходящие тренды на диаграмме 2 идут почти параллельно.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют применить еще один измеритель степени благополучия системы воспроизводства населения – *индекс жизненности, или индекс Покровского* (он назван по имени одного из его разработчиков). Этот показатель можно рассчитать как отношение числа родившихся за год людей к числу умерших. На диаграмме 3 демонстрируется в сравнительном разрезе ежегодное изменение индекса жизненности у казаков и прочего населения СКВ. Оба динамических ряда отражают положительный естественный прирост населения, масштабы которого колеблются, но со временем повышаются, судя по траекториям трендов. Между рядами наблюдается средний уровень линейной корреляции (коэффициент равен 0,53). Казачество выглядит при этом благополуч-

нее неказаков: среднее значение индекса жизненности у него равняется 1,65 (у прочих – только 1,55), рост показателя со временем идет быстрее.

Диаграмма 2

Естественный прирост казачьего и неказачьего населения в СКВ:
погодовая динамика на рубеже XIX–XX вв., ‰

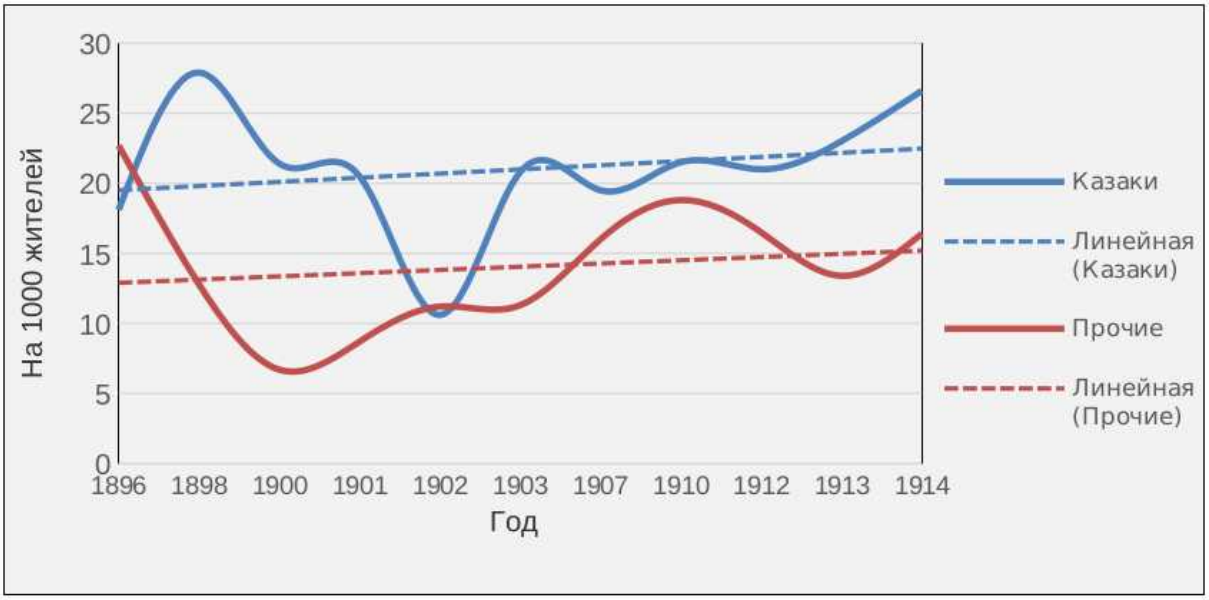
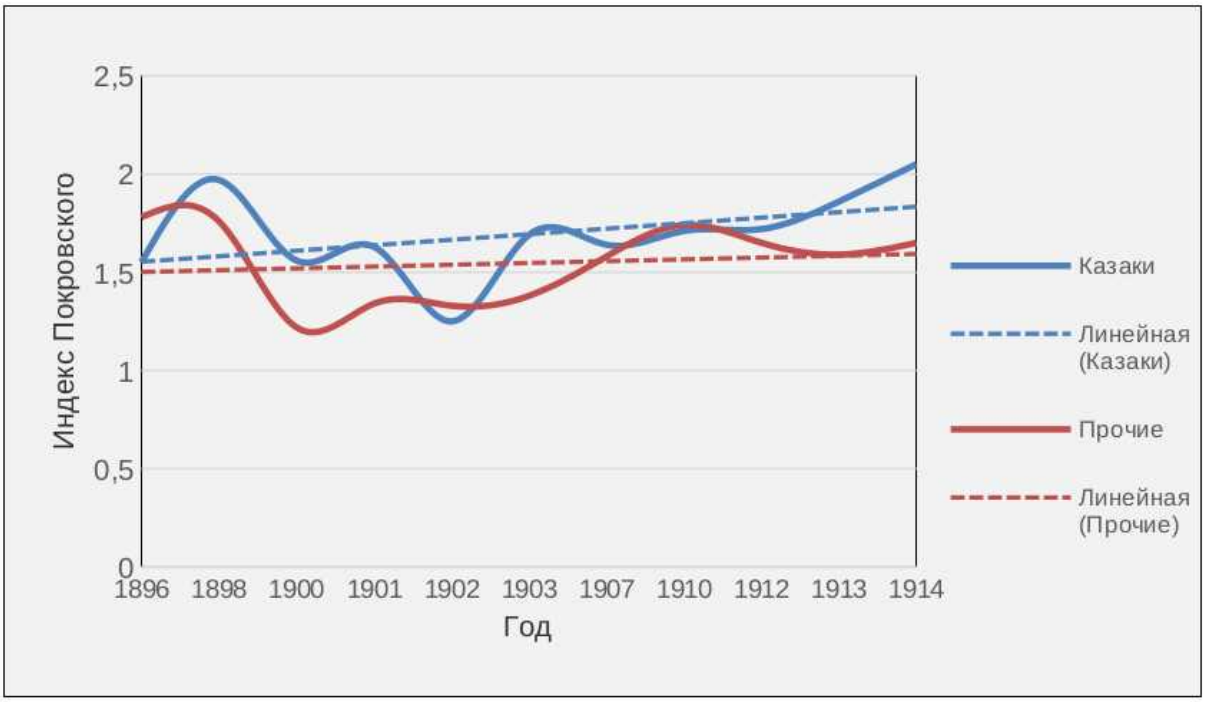


Диаграмма 3

Соотношение рождаемости и смертности казачьего и неказачьего населения в СКВ:
погодовая динамика жизненности на рубеже XIX–XX вв.



Можно сказать, что смертность у казачества и прочих в изучаемое время сокращалась умеренными темпами одновременно, а увеличение естественного прироста во всем войсковом населении складывалось прежде всего благодаря безусловному господству этой

тенденции на всем протяжении 1894–1914 гг. в казачьем населении, составлявшем большинство на территории СКВ.

Рис. 5. Старики-станичники, ветераны казачьей службы

Особняком в построенных нами рядах абсолютных и относительных показателей стоит *1915-й, второй год Первой мировой войны*. Данные «Отчетов о состоянии СКВ» свидетельствуют: в демографической истории войска, как и во всей стране, он был ознаменован начальными признаками демографического кризиса. По сравнению с уровнем двух предвоенных лет (1912–1913), главным образом по причине военной мобилизации молодых здоровых мужчин, на войсковой территории в 1915 г. обвально сократилось количество браков – на 45,1 %; число рожденных младенцев упало на 6,3 %, у неказаков – даже на 7,8 %. Естественный прирост во всем населении «просел» сразу на 19,5 %, в том числе у казаков – на 48,1 %. Демографическим кризисом было ознаменовано и последующее время войн и революции – последние четыре года истории СКВ.

Начало становления переходного типа воспроизводства населения в СКВ. Подводя итоги, констатируем, что масштабы почти неконтролируемой рождаемости и экзогенно обусловленной смертности населения в Сибирском казачьем войске в конце имперского периода истории России оставались очень большими, особенно у казачества, что характерно для *традиционного типа воспроизводства населения*. К тому же в годы экстраординарных экономических трудностей и политических потрясений, которыми был богат изучаемый период, демографическая ситуация экстремально ухудшалась. Однако вопреки временным трудностям смертность сходными темпами сокращалась вплоть до Первой мировой войны и у казачества, и в среде прочих жителей войсковой территории – разночинцев и инородцев-казахов.

Причины сокращения мортальности в СКВ требуют специального углубленного изучения, но наверняка здесь играло свою роль формирование сети образовательных и медицинских учреждений и, как следствие, некоторое улучшение медицинского обслуживания, повышение уровня общей и санитарной грамотности, подвижки в гигиенической культуре и самосохранительном поведении людей, особенно заметные в городах. Например, исследование Ф.Н. Усова и «Отчеты о состоянии СКВ» свидетельствуют о последовательном увеличении доли грамотных среди казаков-мужчин старше 7 лет: от 28 % в 1876 г. до 33,5 в 1895 г. и 66,5 % в 1915 г. Важно при этом, что ускоренными темпами прирастала доля грамотных женщин-казачек, достигнув в 1915 г. уже 33,5 %[31]. Рост удельного веса учащихся и грамотных в населении, опережающие темпы повышения грамотности женщин – родительниц и главных воспитателей подрастающих поколений – создавали базу для распространения в обществе рационального демографического поведения – важнейшего условия демографической модернизации.

Рождаемость в СКВ в целом тоже уменьшалась, но гораздо медленнее, чем смертность, и только за счет казачества. Дисбаланс в темпах сокращения смертности и прокреации порождал восходящую тенденцию естественного прироста населения и у казачества, и у прочих жителей войсковых территорий. Естественный прирост, составлявший в среде казаков в

[31] *Усов Ф.Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 140; Отчет… за 1896 г. 1897. Ч. 2, гражд. С. 20; Отчет… за 1915 г. 1916. Ч. 2, гражд. С. 55. См. также: *Ермачкова Е.П.* К вопросу об организации народного образования в Сибирском казачьем войске в дореволюционный период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 55.

1880-х гг. в среднем 17 ‰, в 1890-х гг. увеличился уже до 20[32], а в 1912–1914 гг. достиг 23,5 ‰. Таким образом, в течение многих лет он держался на уровне демографического «взрыва», что типично для начальной фазы демографического перехода. В силу численного доминирования казачества все население войска, взятое в совокупности, тоже демонстрировало «взрывные» показатели.

Войсковая статистика, использованная в настоящей статье, показывает: в населении Сибирского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. наметились признаки вступления в *переходную фазу постепенной замены традиционного типа возобновления поколений порядками, характерными для современного типа* воспроизводства населения. Первая мировая война (начиная с 1915 г.), затем революция 1917 г. и Гражданская война временно прервали этот едва наметившийся процесс.

Литература

Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав), 1870–1914 гг. Алма-Ата: Наука Казах. ССР, 1981. 112 с.

Андреев С.М. Отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска как исторический источник // Катанаевские чтения: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Наука, 2008. С. 257–260.

Андреев С.М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск: Акад. МВД России, 2006. 259 с.

Андреев С.М., Шулдяков В.А. Сибирское казачье войско // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 3. С. 88–90.

Вишневский А.Г. Демографический переход [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/economics/text/1946892 (дата обращения: 15.01.2022).

Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Катанаев Г.Е. Сибирское казачье войско за последние 25 лет // Сибирские войсковые ведомости. 1916. № 3. Ч. неофиц. С. 8–9.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.

Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. 944 с.

Ермачкова Е.П. К вопросу об организации народного образования в Сибирском казачьем войске в дореволюционный период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 54–60.

Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографической модернизации // «Сибирь – мой край…». Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 130–153.

Зверев В.А. Тренды смертности населения в восточных регионах Российской империи за 30 лет (1887–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 64–71.

Зуев А.С. Казачество Азиатской России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 2. С. 8–13.

История казачества Азиатской России / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. Т. 2. 255 с.

Кабузан В.М. Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII – начале XX в. // Труды Института российской истории РАН. М.: Наука, 2008. Вып. 7. С. 302–326.

Колупаев Д.В. Демографические процессы в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 3. С. 69–72.

Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX в. – 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2011. 33 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.

[32] *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско… С. 28.

Миронов Б.Н. Российская революция 1917 г. сквозь призму демографической модернизации // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 6–58.

Население / С.Г. Скобелев, В.А. Зверев, В.А. Исупов и др. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 2. С. 434–441.

Панковская Г.И. Славянское население Восточного Казахстана и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: к вопросу о формировании состава населения // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск: Либриус, 2010. С. 340–349.

Сибирское казачье войско [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/3660409 (дата обращения: 15.01.2022).

Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб.: Гл. упр. иррегуляр. войск, 1879. 284, 51, V с.

References

Alekseenko, N.V. (1981). *Naselenie dorevolyutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav), 1870–1914 gg.* [Population of Pre-Revolutionary Kazakhstan (Number, Location, Composition), 1870–1914]. Alma-Ata, Nauka Kazakh SSR. 112 p.

Alekseev, V.V. (Chief Ed.). (1995). *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii* [History of the Cossacks of Asian Russia]. Yekaterinburg, Ural Branch of the RAS. Vol. 2. 255 p.

Andreev, S.M. (2006). *Sibirskoe kazach'e voysko: vozniknovenie, stanovlenie, razvitie (1808–1917 gg.)* [The Siberian Cossack Army: Emergence, Formation, Development (1808–1917)]. Omsk, Academy of the Ministry of internal affairs of Russia. 259 p.

Andreev, S.M. (2008). Otchety o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voyska kak istoricheskiy istochnik [Reports on the State of the Siberian Cossack Army as a Historical Source]. In *Katanaevskie chteniya: materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, Nauka, pp. 257–260.

Andreev, S.M., Shuldyakov, V.A. (2010). Sibirskoe kazach'e voysko [The Siberian Cossack Army]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 3, pp. 88–90.

Ermachkova, E.P. (2013). K voprosu ob organizatsii narodnogo obrazovaniya v Sibirskom kazach'em voyske v dorevolyutsionnyy period [To the Question of the Organization of Public Education in the Siberian Cossack Army in the Pre-Revolutionary Period]. In *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 54–60.

Kabuzan, V.M. (2008). Chislennost' i razmeshchenie kazakov Rossiyskoy imperii v XVIII – nachale XX v. [The Number and Placement of the Cossacks of Russian Empire in 18th – Early 20th Century]. In *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. Moscow. Iss. 7, pp. 302–326.

Katanaev, G.E. (1916). Sibirskoe kazach'e voysko za poslednie 25 let [Siberian Cossack Army over the Past 25 Years]. In *Sibirskie voyskovye vedomosti*. No. 3, part is unofficial, pp. 8–9.

Kolupaev, D.V. (2011). Demograficheskie protsessy v Sibirskom kazach'em voyske vo vtoroy polovine XIX v. [Demographic Processes in the Siberian Cossack Army in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 69–72.

Kolupaev, D.V. (2011). Sibirskoe kazachestvo vo vtoroy polovine XIX v. – 1850–1900 gg.: sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie [Siberian Cossacks in the Second Half of the 19th Century – 1850–1900: Socio-Economic Development], Dr. hist. sci. diss. abstract. Irkutsk. 33 p.

Mironov, B.N. (2014). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From Tradition to Modernity]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. Vol. 1. 896 p.

Mironov, B.N. (2017). Rossiyskaya revol'yustyya 1917 g. skvoz' prizmu demograficheskoy modernizatsii [The Russian Revolution of 1917 Through the Prism of Demographic Modernization]. In *Demograficheskoe obozrenie.* Vol. 3, Iss. 4, pp. 6–58.

Pankovskaya, G.I. (2010). Slavyanskoe naselenie Vostochnogo Kazahstana i Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: k voprosu o formirovanii sostava naseleniya [Slavic Population of East Kazakhstan and Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Century: On the Question of the Formation of the Population]. In *Etnodemograficheskie protsessy v Kazahstane i sopredel'nyh territoriyah: XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Ust'-Kamenegorsk, pp. 340–349.

Sibirskoe kazach'e voysko [Siberian Cossack Army]. In *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: URL: https://bigenc.ru/military_science/text/3660409 (date of access 15.01.2022).

Skobelev, S.G., Zverev, V.A., Isupov, V.A. et al. (2010). Naselenie [Population]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2, pp. 434–441.

Tkachenko, A.A. (Chief Ed.). (2013). *Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic Encyclopedia]. Moscow, Entsiclopedia. 944 p.

Usov, F.N. (1879). *Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voyska* [Statistical Description of the Siberian Cossack Army]. St. Petersburg, Main directorate of irregular troops. 284, 51, V p.

Vishnevskiy, A.G. (1998). *Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, United humanitarian publishing house. 432 p.

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

Vishnevskiy, A.G. Demograficheskiy perekhod [Demographic Transition]. In *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: URL: https://bigenc.ru/economics/text/1946892 (date of access 15.01.2022).

Zuev, A.S. (2010). Kazachestvo Aziatskoy Rossii [Cossacks of Asian Russia]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2, pp. 8–13.

Zverev, V.A. (1999). Vosproizvodstvo sibirskogo naseleniya na nachal'nom etape demograficheskoy modernizatsii [Reproduction of the Siberian Population at the Initial Stage of Demographic Modernization]. In *"Sibir' – moy kray…". Problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya*. Novosibirsk, NSPU, pp. 130–153.

Zverev, V.A. (2019). Trendy smertnosti naseleniya v vostochnyh regionah Rossiyskoy imperii za 30 let (1887–1917 gg.) [Trends of Population Mortality in the Eastern Regions of the Russian Empire over 30 Years (1887–1917)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 4, Iss. 26, p. 64–71.

О.Б. Дашинамжилов*

РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1959–1970-Х ГОДАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-14
УДК 94:314.14(571.14)"1959/1970"

Выходные данные для цитирования:
Дашинамжилов О.Б. Рождаемость и смертность городского населения Новосибирской области в 1959–1970-х годах: региональные факторы и особенности // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 164–174
URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-14.pdf

O.B. Dashinamzhilov*

FERTILITY AND MORTALITY OF THE URBAN POPULATION OF THE NOVOSIBIRSK REGION IN 1959–1970: REGIONAL FACTORS AND FEATURES

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-14

How to cite:
Dashinamzhilov O.B. Fertility and Mortality of the Urban Population of the Novosibirsk Region in 1959–1970: Regional Factors and Features // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 164–174.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-14.pdf]

Abstract. The article examines the changes in the birth rate and mortality of the urban population of the Novosibirsk region in 1959–1970. With the involvement of a large number of sources, it was revealed that the historical development of the region affected the reproduction of the local population. By the beginning of the period under review, the structure of its economy was dominated by manufacturing enterprises, a large number of educational institutions were located on its territory, a large regional center dominated urban settlement. As a result, the urban population was more educated, there were more employees in its social structure, fewer workers and those engaged mainly in physical labor than on average in Western Siberia. As a result, the total coefficient in the Novosibirsk region in 1958/1959 amounted to 2,073 children per woman, while in general in Western Siberia – 2,369. During the 1959–1970 period, the birth rate in the region decreased by almost a quarter – from 2,073 to 1,585 children per woman. This was mainly due to the restriction of personal subsidiary farms and the involvement of women in public production. The drop in the birth rate in the region was slightly smaller than in the economic district as a whole due to the initially greater employment of the female population. The average life expectancy in the cities and villages of the Novosibirsk region in 1958/1959 became one of the highest in Western Siberia – 68.16 years against 67.79. This is also directly related to the peculiarities of its social and economic development. Since the region had on average a more educated urban population, this had a positive impact on life expectancy indicators. The mortality rate among those engaged mainly in mental work and employees was also lower. Over 11 years, the average life expectancy increased by only 0.9 %, from 68.16 to 68.77 years. Moreover, in the age cohorts of 25 years and older, mortality rates have increased. There was an increase in indicators in all classes of causes of death, including from exogenous causes. The increase in mortality among people of working age was caused mainly by the spread of alcoholism and, in part, smoking. The study revealed that both the birth rate and mortality in the Novosibirsk region were lower than the average in Western Siberia. Consequently, despite the unity of the economic, legal, educational and cultural space in the country, there were local features of demographic processes that need further detailed study.

* **Одон Борисович Дашинамжилов,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Odon@bk.ru
Odon Borisovich Dashinamzhilov, Candidate of Historical Science, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: Odon@bk.ru

Keywords: historical demography, urban population, fertility, mortality, population reproduction factors, Novosibirsk region.

The article has been received by the editor on 17.05.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников доказано, что историческое развитие Новосибирской области повлияло на воспроизводство местного городского населения в 1959–1970 гг. К началу рассматриваемого периода в структуре региональной экономики преобладали предприятия обрабатывающей промышленности, на территории области располагалось большое количество учебных заведений, в городском расселении доминировал крупный областной центр. В результате городское население было более образованным, в его социальной структуре было больше служащих, меньше рабочих и занятых преимущественно физическим трудом, чем в среднем в Западной Сибири. Суммарный коэффициент в Новосибирской области в 1958/1959 г. составил 2,073 ребенка на одну женщину, тогда как в целом в Западной Сибири – 2,369. За 1959–1970 гг. рождаемость в области уменьшилась почти на четверть – с 2,073 до 1,585 ребенка на одну женщину. Это произошло главным образом за счет сокращения размеров личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения и вовлечения женщин в общественное производство. Падение рождаемости в области было немного меньшим, чем в экономическом районе, за счет изначально большей занятости женского населения. Средняя продолжительность жизни в городах и пгт Новосибирской области в 1958/1959 г. стала одной самых высоких в Западной Сибири – 68,16 лет против 67,79. Это также напрямую связано с особенностями ее социального и хозяйственного развития. Так как в регионе было более образованное городское население, это позитивно повлияло на показатели ожидаемой продолжительности жизни. Уровень смертности у занятых преимущественно умственным трудом и служащих также был ниже. За 11 лет средняя продолжительность жизни увеличилась всего на 0,9 % – с 68,16 до 68,77 лет. Причем в возрастных когортах 25 лет и старше коэффициенты смертности повысились. Произошел рост показателей во всех классах причин смерти, в том числе от экзогенных причин. Рост смертности у лиц трудоспособного возраста был вызван главным образом распространением алкоголизма и частично курения. По итогам исследования выявлено, что и рождаемость, и смертность в Новосибирской области были ниже, чем в среднем в Западной Сибири. Следовательно, несмотря на единство экономического, правового, образовательного и культурного пространства в стране, существовали локальные особенности демографических процессов, которые нуждаются в дальнейшем детальном изучении.

Ключевые слова: историческая демография, городское население, рождаемость, смертность, факторы воспроизводства населения, Новосибирская область.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022

При изучении сибирских регионов внимание демографов в позднесоветский период было приковано в основном к районам нового освоения. Строительство городов, появление большого количества предприятий, огромный приток мигрантов вызвали серьезные экономические, социальные и демографические сдвиги, изменили повседневный быт людей, что вызывало повышенный научный интерес. В то же время внимание к «старым» промышленным регионам было намного меньшим, несмотря на то, что там проживала основная часть населения, в том числе и городского. Именно поэтому представляется необходимым

исследование протекавших в них демографических процессов, в том числе и в Новосибирской области.

В советское время региональные демографические исследования проводились редко и касались лишь отдельных регионов и автономных республик. В основном изучались Западная и Восточная Сибирь, или Сибирь в целом, новые промышленные районы. Единственной исторической работой этого периода, имеющей отношение к рассматриваемой проблеме, стала совместная статья Н.Н. Решетникова и В.А. Исупова о формировании населения Новосибирска начиная с основания города вплоть до конца 1980-х гг.[1] После распада СССР, рыночных реформ изучение региональных процессов народонаселения активизировалось. Прежде всего, необходимо отметить труды А.А. Бурматова, в которых автор рассмотрел динамику общих коэффициентов смертности, ее возрастные особенности, показатели ожидаемой продолжительности жизни[2]. Отдельные вопросы естественного движения населения рассмотрены в двухтомной монографии под редакцией А.А. Кисельникова[3]. Работа носила преимущественно информационно-статистический характер. В результате на сегодняшний день по-прежнему существуют малоизученные аспекты проблемы, особенно касающиеся городского населения области. Недостаточно проанализированы динамика рождаемости и смертности в условных поколениях, социальные и экономические факторы, которые обусловили специфику его воспроизводства.

Основными источниками настоящего исследования стали материалы Всесоюзных переписей о численности, возрастном, образовательном, социально-классовом, профессиональном составе городского населения. Данные текущего учета были необходимы для расчетов суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. Большая часть сведений извлечена из центральных и региональных государственных архивов и библиотек.

Методологической базой работы стала концепция демографического перехода, согласно которой изучаемый нами период отнесен к его третьему этапу[4]. Принимая в целом эту периодизацию, мы исходим из того, что характеристики воспроизводства населения, несмотря на близость показателей, имеют свои особенности на территориальном уровне, обусловленные действием местных социальных, экономических и культурных условий. В исследовании был использован комплекс исторических и демографических методов: историко-генетический, историко-сравнительный, статистический, условного поколения.

Прежде чем приступить к анализу воспроизводства населения, необходимо кратко остановиться на исторических особенностях экономического и социального развития Новосибирской области. Хотя современные административные границы области были окончательно оформлены в 1944 г., еще до этого времени проявилась специфика урбанизации районов, вошедших в ее состав. Так, согласно переписи 1939 г., доля городских жителей на данной территории достигла почти трети (31,3 %) от всего населения области[5]. По этому параметру она вышла на второе место в Западной Сибири после Кузбасса (55 %). На территории будущей области располагался крупнейший город на востоке России – Новосибирск с населением более 400,0 тыс. чел. Второй по величине и располагавшийся по соседству город Омск заметно уступал ему (288,9 тыс. чел.). Росту численности Новосибирска способствовал высокий административный статус центра Сибирского края, а затем Западно-Сибирского края, благодаря чему в городе концентрировались государственные структуры, образовательные учреждения, активно строились новые предприятия, в том числе оборонные.

[1] *Решетников Н.Н., Исупов В.А.* Динамика численности населения Новосибирска (1893–1986 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 210–221.

[2] *Бурматов А.А.* Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 75–81; *Бурматов А.А.* Смертность населения Новосибирской области в 1950–1960 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2019. С. 402–409.

[3] Население Новосибирской области: информ. изд. Новосибирск, 2005. Т. 1; Население Новосибирской области: информ. изд. Новосибирск, 2007. Т. 2.

[4] Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 47.

[5] В административных границах исследуемого периода.

Это, в свою очередь, способствовало притоку высокообразованных кадров, инженеров, педагогов.

В системе городского расселения доминирование областного центра уже в 1930-е гг. было заметным. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г., в Новосибирске проживало почти 70 % от всего городского населения будущей области. Численность жителей десяти других городов была невелика. Во втором по размерам городе – Барабинске – насчитывалось 30,0 тыс. чел., в Татарске и Болотном – около 20,0 тыс. чел. и т.д.[6] В годы Великой Отечественной войны благодаря эвакуации предприятий промышленный и научный потенциал областного центра значительно усилился. Дело в том, что на новом месте заводам были необходимы электроэнергия, тепло, сырье, подготовленные производственные площадки, к которым было бы подведено железнодорожное сообщение. Рабочие коллективы нуждались в жилье.

Из центральных районов страны перемещались главным образом предприятия машиностроения с образованной и квалифицированной рабочей силой, в том числе научные учреждения. Только с июня по ноябрь 1941 г. Новосибирск принял оборудование 50 заводов вместе с рабочими и членами их семей[7]. Доля машиностроения и металлообработки достигла 80,0 % в общем индустриальном производстве к концу войны по сравнению с 23,3 % в ее начале. По официальным данным, промышленное производство в области за 1940–1950 гг. увеличилось в 3,7 раза[8]. Индустриальное развитие части городов (кроме Новосибирска) активизировалось в основном уже в послевоенный период. Новые крупные предприятия появились в Бердске, Куйбышеве, Искитиме, благодаря чему численность их населения за 1939–1959 гг. увеличилась существенно больше, чем в других городских поселениях.

К началу рассматриваемого периода в области сохранилась моноцентричная система городского расселения с определенными социальными, образовательными и культурными характеристиками населения. Так, на тысячу человек в возрасте 10 лет и старше, проживавших в городских поселениях, приходилось 33 человека с высшим и 403 с незаконченным высшим и средним (полным и неполным) образованием, тогда как в Западной Сибири в целом – 26 и 385[9]. В социально-классовой структуре служащих было больше, а рабочих меньше. Так, если в среднем по экономическому району доля рабочих составляла 71,4 %, то в Новосибирской области – 68,5 %, служащих – соответственно 25,9 и 29,1 %.

Также регион отличался высокой занятостью женского населения. Если в городских поселениях Западной Сибири она находилась на уровне 37 %, то в области – 40,1 %[10].

Специфика экономического и социального развития оказала воздействие на рождаемость следующим образом. По материалам проведенных еще в советское время исследований самые низкие репродуктивные установки были у женщин, проживавших в крупнейших городах. Так, согласно социологическому обследованию 1972 г., когда было опрошено примерно 350,0 тыс. чел. в РСФСР, в городах с количеством жителей свыше 500,0 тыс. чел. ожидаемое число детей у женщин оказалось примерно на четверть меньше, чем в городских поселениях до 20,0 тыс. чел.[11] Среди более образованных женщин рождаемость тоже была ниже. По данным известного советского демографа В.А. Беловой, ожидаемое число детей у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием было примерно на треть меньше, чем у лиц с начальным образованием и ниже[12]. Одновременно с этим в семьях служащих детей было меньше, чем в семьях рабочих. Высокая занятость в общественном производстве также

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1963. С. 37.
[7] *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986. С. 118.
[8] Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Стат. ежегодн. М., 1958. С. 64.
[9] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Стат. сб. Т. III: Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. М., 1989. С 256–263.
[10] *Дашинамжилов О.Б.* Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 146.
[11] Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М., 1977. С. 75.
[12] *Белова В.А.* Число детей в семье. М., 1975. С. 140.

являлась понижающим фактором рождаемости, так как работа забирала то время, которое женщины могли бы посвятить уходу за детьми.

В итоге суммарный коэффициент рождаемости в области в 1958/1959 гг. составил 2,073 ребенка на одну женщину, тогда как в целом в Западной Сибири – 2,369. Наши расчеты подтвердили выводы советских демографов о существовании различий в репродуктивном поведении населения городов разных размеров. В государственном архиве Новосибирской области (ГАНО) были обнаружены необходимые для этого статистические сведения. На их основе было установлено, что суммарный коэффициент в Новосибирске (включая Пашино) был равен 1,925 ребенка на одну женщину, в остальных городах и поселках городского типа он был существенно выше – 2,479[13].

Высокая рождаемость в малых городских поселениях объясняется достаточно просто. Прежде всего, их население являлось менее образованным, так как в структуре их образовательных учреждений, кроме школ, превалировали техникумы и училища. К тому же они в основном располагались в городах, а не в поселках городского типа. Например, в Куйбышеве в 1965 г. было три техникума, в Карасуке располагалось педагогическое училище, в Тогучине – лесотехнический техникум, в Искитиме – индустриальный техникум и медучилище[14]. Это косвенно указывает на низкую долю лиц с высшим образованием. Недостаточное промышленное развитие малых городских поселений в рассматриваемый период, отмеченное даже на государственном уровне, привело к снижению занятости населения, в первую очередь женщин. В 1965 г. доля женщин среди незанятого населения Барабинска, Искитима, Карасука и Тогучина составила приблизительно 90,0 %. Культурное развитие небольших городских поселений тормозилось из-за недостатка клубных учреждений, кинотеатров, библиотек, что замедляло распространение норм малодетности. В меньшей степени это относилось к населенным пунктам, располагающимся в зоне влияния областного центра.

За последующие 11 лет рождаемость снизилась. Причем общий коэффициент уменьшился значительно сильнее. В этой связи обычно указывают на сокращение количества лиц, вошедших в 1960-е гг. в репродуктивный возраст, так как они появились на свет в годы войны, когда рождаемость резко упала. Согласно нашим расчетам, в снижении общего коэффициента на 36 % в городских поселениях Западной Сибири доля сокращения непосредственно рождаемости составила 21,3 %, тогда как вклад структурного компонента – только 14,7 %.

Это подтверждают показатели рождаемости в условных поколениях. Суммарный коэффициент в городских поселениях Новосибирской области уменьшился почти на четверть – с 2,073 до 1,585 ребенка на одну женщину[15]. Снижению рождаемости способствовали два главных фактора – ограничение личных подсобных хозяйств и вовлечение в больших масштабах женщин в общественное производство. Политика ограничения ЛПХ оказала воздействие на репродуктивные установки населения следующим образом. Их роль в сельскохозяйственном производстве была в то время существенной. В 1960 г. в ЛПХ производилось около двух третьих производства картофеля, более 40 % молока, мяса и овощей. Они позволяли экономить средства, затрачиваемые семьями на приобретение продуктов питания.

В результате проведенной кампании размеры приусадебных участков у рабочих и служащих уменьшились более чем на четверть. Занятость женщин-горожанок в ЛПХ снизилась за межпереписной период в десятки раз. Сократилось предложение молока и мяса на городских рынках[16]. Судя по данным официальной статистики, упали сборы картофеля, ово-

[13] Рассчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. М., 1963. (ДСП). С. 55–67; ГАНО. Ф. Р-11, Оп. 2. Д. 7250. Л. 36–36 об.; Д. 8350, Л. 169–169 об.

[14] ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 4818. Л. 61.

[15] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 39. Д. 1354. Л. 4 об. – 6 об.; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 74.

[16] См.: *Горбачев О.В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1956–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 77.

щей, уменьшилось количество коров, овец, свиней, коз в ЛПХ[17]. Кроме того, в 1962 г. увеличились цены на мясо и масло (на 30 и 25 %), что привело к социальным протестам в Новочеркасске. Начались закупки зерна за границей. Ухудшение продовольственного обеспечения, судя по всему, затронуло городских жителей в меньшей степени, так как они приобретали большую часть продуктов питания в организациях государственной торговли. Тем не менее значение ЛПХ было высоким в малых городских поселениях, где образ жизни населения был близок к сельской местности, а учреждения государственной торговли были развиты слабее.

Вторым важным фактором снижения рождаемости стала государственная политика, нацеленная на повышение занятости женщин в народном хозяйстве, которая имела тесную взаимосвязь с действиями по ограничению ЛПХ. Вероятно, кроме идеологических причин, под которыми подразумевалась ликвидация неравенства в быту, преследовались и чисто практические цели, а именно увеличение количества трудовых ресурсов. Для снижения женской нагрузки на дому предполагалось ускорить строительство детских садов, яслей, столовых, увеличить производство стиральных машин и других бытовых приборов. В Западной Сибири женская занятость в городских поселениях за 11 лет существенно выросла: с 37 до 49 %, в том числе в Новосибирской области – с 40,1 до 50,9 %. При этом мужская занятость за эти годы осталась почти неизменной[18]. Такое повышение трудовой нагрузки не могло не отразиться на рождаемости, так как существенно сократилось время, уделяемое домашним заботам, воспитанию детей. К тому же обеспеченность населения бытовой техникой и детскими садами, несмотря на прилагаемые усилия, продолжала оставаться низкой.

На сокращение рождаемости продолжали оказывать воздействие культурный рост населения, повышение уровня образования. За 1959–1970 гг. количество лиц с высшим образованием увеличилось на три четверти (с 33 до 59 на 1 000 чел. в возрасте 10 лет и выше), с незаконченным высшим и средним – на четверть (с 403 до 508). Количество людей с начальным образованием снизилось (с 312 до 266). В социально-классовой структуре общества увеличилась доля служащих с 29,1 до 32,4 % при одновременном сокращении удельного веса рабочих. Увеличился, хотя и ненамного, демографический вес Новосибирска в городском населении (с 69,5 до 70,9 %). Однако влияние этих причин на снижение рождаемости было второстепенным. Действие факторов, оказывающих сдерживающее влияние на падение ее уровня, было ограниченным. К ним, например, можно отнести повышение брачности за межпереписной период (1959–1970 гг.) во всех пятилетних возрастных когортах[19], законодательные меры, нацеленные на увеличение неоплачиваемого отпуска по уходу за новорожденным ребенком.

Если рассматривать рождаемость более подробно, то выяснится, что среди 20–24-летних женщин она почти не изменилась. В этой пятилетней когорте семьи заводили детей, главным образом первенцев, от которых они практически не отказывались. При этом она возросла на 12,5 % среди самой молодой когорты 15–19 лет. В то же время среди 25–34-летних рождаемость снизилась на треть, более чем наполовину – среди 35–44-летних, и примерно на 40 % – среди 45–49-летних женщин. Это говорит о том, что от рождения детей отказывались те семьи, которые уже обзавелись детьми. На это косвенно указывает значительное снижение суммарных коэффициентов высоких очередностей рождения, третьих детей и выше. В конечном итоге падение рождаемости в городских поселениях области оказалось несколько меньшим, чем в Западной Сибири (23,5 % против 26,6). Это связано с тем, что в регионе занятость женского населения была на более высоком уровне, хотя, как и в других западносибирских регионах, тоже существенно увеличилась.

[17] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Стат. ежегодн. М., 1965. С. 240, 243, 250, 253.

[18] Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Новосибирской области. М., 1970. (ДСП). С. 20–21.

[19] Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 года). Новосибирск, 1971. (ДСП). С. 37.

Далее перейдем к анализу смертности городского населения. В послевоенный период произошел быстрый рост ожидаемой продолжительности жизни, в том числе и на востоке страны. Это произошло под действием множества факторов, среди которых необходимо отметить рост жилищной обеспеченности, увеличение потребления продуктов питания, продаж обуви, одежды, улучшение жилищно-коммунального обслуживания. Возросла доля домов, к которым были подведены канализация, водопровод, центральное отопление. В результате значительно улучшились санитарно-гигиенические условия жизни. В послевоенный период происходило активное переселение из бараков, приспособленных под жилье, и подлежащих сносу помещений в благоустроенные дома[20]. В 1961–1970 гг., по данным С.А. Рафиковой, благодаря интенсивному строительству жилищная обеспеченность городского населения Западной Сибири увеличилась более чем на треть[21].

Существенно окрепла система здравоохранения, ее материально-техническая база. Количественное увеличение сети медицинских учреждений шло в Сибири опережающими темпами, по обеспеченности врачами и медицинским персоналом она приблизилась к средним показателям по республике. Усовершенствовалась структура системы здравоохранения, увеличились расходы на ее содержание. Несмотря на то, что здравоохранение финансировалось по остаточному принципу, промышленность нарастила выпуск лекарств, современной аппаратуры[22].

Вследствие повышения уровня образования в обществе быстрее распространялись знания о факторах смерти. Качественные изменения произошли после внедрения в медицинскую практику новейших лекарственных препаратов – антибиотиков и сульфаниламидов, которые помогли существенно снизить смертность от экзогенных причин. К тому же если первая половина XX в. была наполнена острыми социальными кризисами, которые прерывали нормальное течение демографических процессов, то период с конца 1940-х гг. вплоть до второй половины 1980-х гг. характеризовался высокой общественной стабильностью.

Итак, средняя продолжительность жизни в городах и пгт Новосибирской области в 1958/1959 г. стала одной самых высоких в Западной Сибири – 68,16 лет против 67,79[23]. Это также напрямую связано с особенностями ее социального и хозяйственного развития. Так как в регионе было в среднем более образованное городское население, это позитивно повлияло на показатели ожидаемой продолжительности жизни. Как показывают расчеты, основанные на данных переписи 1979 г., возрастные коэффициенты смертности у лиц с высшим образованием являлись самыми низкими почти во всех пятилетних когортах. Такие вычисления стали возможны благодаря тому, что статистические органы в указанном году впервые собрали сведения об умерших по возрасту с распределением по образовательному уровню.

Определенное значение имели характеристики социально-классовой структуры и занятости населения. По данным, представленным в коллективной монографии «Неравенство и смертность в России» (М., 2000), различия в смертности между работниками умственного и физического труда были достаточно велики. В 1979 г. разрыв в ожидаемой продолжительности жизни для мужчин в возрасте 20–64 лет составил 3,4 года, а для женщин – 1 год. По материалам Всесоюзной переписи, правда, относящимся к 1970 г., удельный вес занятых преимущественно умственным трудом среди всего (а не только городского) населения области достиг 30,2 %, тогда как в целом в Западной Сибири – 27,5 %. Это был второй показатель по экономическому району после Томской области[24]. Можно также утверждать,

[20] *Букин С.С.* Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1984. С. 123–125.
[21] *Рафикова С.А.* Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск, 2007. С. 238.
[22] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 125–133.
[23] Рассчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. М., 1963. (ДСП). С. 55–67; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 7250. Л. 41–41 об.; Д. 8350. Л. 109–109 об.
[24] Профессиональный состав населения РСФСР по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. (ДСП). С. 72.

что у служащих смертность была ниже, чем у рабочих. На это, например, косвенно указывает то, что среди рабочих, проживавших в городах области в 1959 г., насчитывалось лишь 16 человек с высшим, незаконченным высшим, средним специальным образованием из каждой тысячи, тогда как среди служащих – 280[25].

Как и в случае с рождаемостью, данные текущего учета дают возможность определить среднюю продолжительность жизни в Новосибирске. Закономерно, что в областном центре она была несколько выше, чем в среднем по региону – 68,48 лет. В то же время в малых городских поселениях она была на год меньше – 67,43 лет. Это связано с тем, что организации здравоохранения в крупных городах были лучше укомплектованы медицинским персоналом. Так, в 1960 г. почти 80 % врачей всех специальностей работали в областном центре, хотя в нем проживало примерно 70 % городского населения. По количеству среднего медперсонала и больничных коек самой высокой была обеспеченность населенных пунктов, входивших в состав Новосибирской агломерации, и крупнейших городов. Так, например, если в Новосибирске на 10 тыс. населения приходилось 34,6 врачей (без зубных), то в Бердске – 24,8, Искитиме – 19,9, Барабинске – 19,2, Куйбышеве – 18,6, Татарске – 18,4. В удаленных городских поселениях положение складывалось хуже[26].

Следует отметить, что и уровень образования в областном центре был выше, в нем располагались все вузы и множество средних специальных учебных заведений. Так, в Новосибирске в 1959 г. на каждую тысячу населения в возрасте 10 лет и старше приходился 41 чел. с высшим и 436 чел. со средним (полным и неполным) образованием (всего по городским поселениям области 33 и 403). Тогда как, например, в Бердске – 18 и 364, Искитиме – 15 и 333, Куйбышеве – 17 и 368, Барабинске – 14 и 344, Татарске – 14 и 317[27].

Возможно, более высокая смертность в малых городах была обусловлена также недостаточным развитием учреждений коммунального хозяйства. В целом Новосибирская область в этом отношении была обустроена лучше других регионов Западной Сибири. В 1966 г. ровно три четверти городского обобществленного жилого фонда было оборудовано водопроводом, 73 % – канализацией.

В малых городах показатели были совсем иными. Лишь в самых крупных из них, где работали предприятия союзного подчинения, коммунальное хозяйство было более или менее развито. Так, в Барабинске лишь каждый десятый дом был подключен к водопроводу и канализации, в Бердске – каждый четвертый, в Куйбышеве водопровод был в каждом третьем доме, а канализация – в каждом четвертом. В Болотном, Карасуке, Татарске, Тогучине, Чулыме и Купино обеспеченность домов коммунальными услугами варьировала от 1 до 5 %[28].

Здесь необходимо отметить, что в первой половине XX в. отсутствие водопровода и канализации являлось важным фактором смертности, так как потребление неочищенной воды и неустроенность отхожих мест благоприятствовали возникновению и быстрому распространению эпидемий. В эпоху широкого внедрения в медицинскую практику антибиотиков и популяризации знаний о вреде бактерий это уже не имело сильного значения, так как больничные учреждения, врачи и необходимые лекарства имелись в каждом районе, а население повсеместно пользовалось средствами личной гигиены.

В 1960-е гг. темпы снижения смертности значительно упали. Общий коэффициент даже увеличился с 6,9 до 7,5 ‰. По нашим расчетам, это произошло за счет ухудшения возрастной структуры населения и повышения в ней доли старших возрастных когорт, тогда как непосредственно смертность уменьшилась. Это подтверждают показатели ожидаемой продолжи-

[25] Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Новосибирской области. М., 1972. С. 5–6.
[26] Здравоохранение Новосибирской области. Стат. сб. Новосибирск, 1970. (ДСП). С. 28.
[27] Население по городским поселениям и сельским районам Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1972. (ДСП). С. 78–79.
[28] Краткие технико-экономические характеристики малых и средних городов, рекомендуемых для размещения в них промышленных предприятий. РСФСР. Западно-Сибирский экономический район СССР. Т. V. М., 1967. (ДСП). С. 77–137.

тельности жизни, которая за 11 лет увеличилась всего на 0,9 %, с 68,16 до 68,77 лет[29]. Как уже говорилось выше, значительно повысился уровень образования. Численность врачей всех специальностей на 10 тыс. чел. увеличилась за 1960–1970 гг. почти в полтора раза, продолжала расти обеспеченность больничных учреждений средним медперсоналом и больничными койками. В социально-классовой структуре повысилась доля служащих и занятых преимущественно умственным трудом, выросло потребление продуктов питания. Благодаря интенсивному строительству улучшилась жилищная обеспеченность населения.

Больше всего уменьшилась смертность среди детей в возрасте до 14 лет, в зависимости от возрастной когорты – от 28,7 до 40 %. Среди 15–19-летних она сократилась на 22,5 %, а у 20–24-летних – только на 5,8 %. В других возрастных группах (кроме 55–59-летних) коэффициенты смертности повысились. Аналогичные процессы происходили и в РСФСР в целом. Если рассматривать смертность населения по ее причинам на 100 тыс. населения, то выяснится, что за 1960–1970 гг. она уменьшилась только от инфекционных и паразитарных заболеваний (на 45,8 %), по остальным классам она в той или иной степени увеличилась. Коэффициенты смертности, рассчитанные на 100 тыс. чел., обладают такими же недостатками, что и общий коэффициент, так как сильно зависят от возрастной структуры. Рост смертности от болезней кровообращения и новообразований еще можно объяснить постепенным повышением среднего возраста горожан. Однако остаются вопросы по поводу увеличения смертности от экзогенных причин, которая, если следовать логике эпидемиологического перехода, должна была уменьшиться. Так, возросла смертность от болезней органов дыхания (на 7,9 %), несчастных случаев, отравлений и травм (на 28,8 %), на 14, 6 % увеличилась смертность в результате убийств[30].

Планы социально-экономического развития области не предполагали серьезных перемен. Наоборот, в 1956 г. Новосибирск включили в список городов, в которых было запрещено строительство крупных предприятий. В то же время интенсивное промышленное освоение северных районов привело к снижению ожидаемой продолжительности жизни в Томской и особенно Тюменской областях[31]. Следовательно, хозяйственное развитие шло последовательно и не могло, если не брать в расчет ухудшения экологической ситуации, резко отрицательно сказаться на здоровье населения. В этой связи необходимо согласиться с мнением А.В. Немцова, что рост смертности у лиц трудоспособного возраста был вызван главным образом распространением алкоголизма. По его данным, произошел огромный всплеск потребления спиртных напитков в РСФСР – более чем на 80,0 %[32]. Собственно, во многом с этим связаны колоссальные гендерные различия в смертности, которые за межпереписной период только усилились. Негативное влияние этого фактора на здоровье населения хорошо прослеживается по результатам антиалкогольной кампании, которая привела к снижению показателей во всех, за исключением новообразований, классах причин смертности. Кроме того, в 1960-е гг. значительно увеличилось потребление табачной продукции.

В заключение работы можно констатировать, что и рождаемость, и смертность в Новосибирской области были ниже, чем в среднем в Западной Сибири. Количественные отличия показателей воспроизводства городского населения на первый взгляд не являлись существенными. Тем не менее они были достаточными, чтобы говорить о том, что специфика местного индустриального и социального развития оказала на них определенное влияние. Несмотря на единство экономического, правового, образовательного и культурного пространства страны, существовали локальные особенности демографических процессов, которые нуждаются в дальнейшем детальном изучении.

[29] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 39. Д. 1354. Л. 4 об. – 6 об.; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 83–84.
[30] Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2. Л. 16.
[31] *Дашинамжилов О.Б.* Воспроизводство городского населения Тюменской области в 1959–1970 гг.: сравнительный анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. № 1. С. 201–214.
[32] *Немцов А.В.* Алкогольная история России: Новейший период. М., 2009. С. 62.

Литература

Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. 160 с.

Белова В.А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.

Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 271 с.

Бурмато А.А. Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 75–81.

Бурматов А.А. Смертность населения Новосибирской области в 1950–1960 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 402–409.

Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.

Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1956–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: МПГУ, 2002. 158 с.

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, СО РАН, 2018. 368 с.

Дашинамжилов О.Б. Воспроизводство городского населения Тюменской области в 1959–1970 гг.: сравнительный анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. № 1. С. 201–214.

Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.

Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М.: Либроком, 2009. 320 с.

Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск: СибГТУ, 2007. 254 с.

Решетников Н.Н., Исупов В.А. Динамика численности населения Новосибирска (1893–1986 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М.: Статистика, 1977. 104 с.

References

Balandin, S.N. (1986). *Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva. 1945–1985 gg.* [Novosibirsk. The History of Urban Planning. 1945–1985]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo. 160 p.

Belova, V.A. (1975). *Chislo detey v sem'e* [Number of Children in the Family]. Moscow, Statistika. 176 p.

Belova, V.A., Bondarskaya, G.A., Vishnevskiy, A.G. et al. (Eds.). (1977). *Skol'ko detey budet v sovetskoy sem'e (rezul'taty obsledovaniya)* [How Many Children will There Be in a Soviet Family (Survey Results)]. Moscow, Statistika. 104 p.

Bukin, S.S. (1984). *Zhiznennyy uroven' rabochey sem'i v Sibiri (1946–1960 gg.)* [The Standard of Living of a Working Family in Siberia (1946–1960)]. Novosibirsk, Nauka. 271 p.

Burmatov, A.A. (2017). Evolyutsiya smertnosti naseleniya Zapadnoy Sibiri v 1950–1970-e gg. [Evolution of Mortality of the Population of Western Siberia in 1950s–1970s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 75–81.

Burmatov, A.A. (2019). Smertnost' naseleniya Novosibirskoy oblasti v 1950–1960 godakh [Mortality of the Population of Novosibirsk Region in 1950–1960]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik.* Irkutsk, pp. 402–409.

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Urban Population of Western Siberia in 1960s–1980s: Historical and Demographic Research]. Novosibirsk, Nauka, SO RAN. 368 p.

Dashinamzhilov, O.B. (2021). Vosproizvodstvo gorodskogo naseleniya Tyumenskoy oblasti v 1959–1970 gg.: sravnitel'nyy analiz [Reproduction of Urban Population of Tyumen Region in 1959–1970: Comparative Analysis]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* No. 1, pp. 201–214.

Gorbachev, O.V. (2002). *Na puti k gorodu: sel'skaya migratsiya v Tsentral'noy Rossii (1956–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizatsii* [On the Way to the City: Rural Migration in Central Russia (1956–1985) and the Soviet Model of Urbanization]. Moscow, MPGU. 158 p.

Isupov, V.A. (1991). *Gorodskoe naselenie Sibiri: Ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Catastrophe to Rebirth (Late 30s – Late 50s)]. Novosibirsk, Nauka. 291 p.

Maksimov, G.M. (1990). *Gorod, stroyashchiy goroda* [The City That Builds Cities]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo. 176 p.

Nemtsov, A.V. (2009). *Alkogol'naya istoriya Rossii: Noveyshiy period* [Alcoholic History of Russia: The Newest Period]. Moscow, Librokom. 320 p.

Rafikova, S.A. (2007). *Byt rabochey sem'i Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody* [The Life of a Working Family in Western Siberia in the 1960s]. Krasnoyarsk, SibGTU. 254 p.

Reshetnikov, N.N., Isupov, V.A. (1987). Dinamika chislennosti naseleniya Novosibirska (1893–1986 gg.) [Dynamics of the Population of Novosibirsk (1893–1986)]. In *Urbanizatsiya sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, pp. 210–221.

Vishnevskiy, A.G., Volkov, A.G. (Eds.). (1983). *Vosproizvodstvo naseleniya SSSR* [Reproduction of Population of the USSR]. Moscow, Finansy i statistika. 303 p.

Р.В. Павлюкевич*

ВЛИЯНИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ Н.С. ХРУЩЕВА НА МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ МЕЖДУ КРАСНОЯРСКОМ, КАЗАХСКОЙ ССР И РЕСПУБЛИКАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1960-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-15
УДК 93. 314.728

Выходные данные для цитирования:
Павлюкевич Р.В. Влияние преобразований Н.С. Хрущева на миграционные потоки между Красноярском, Казахской ССР и республиками Средней Азии в 1960-е годы // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 175–186. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-15.pdf

R.V. Pavlyukevich*

THE IMPACT OF KHRUSHCHEV'S TRANSFORMATIONS ON MIGRATION FLOWS BETWEEN KRASNOYARSK, THE KAZAKH SSR, AND THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS IN THE 1960S

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-15

How to cite:
Pavlyukevich R.V. The Impact of Khrushchev's Transformations on Migration Flows between Krasnoyarsk, the Kazakh SSR, and the Central Asian Republics in the 1960s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 175–186. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-15.pdf]

Abstract. This article analyzes the impact of Khrushchev era transformation reforms on the development of migration flows between Krasnoyarsk, Kazakh SSR and the Soviet republics of Central Asia in 1961–1970. In the course of the analysis the author concludes that the migration balance between Krasnoyarsk, Kazakh SSR and Central Asia was negative, except for the only republic, the Kazakh SSR, which is a consequence of rather contradictory state policy. During the period under consideration Krasnoyarsk was a recipient of new population within RSFSR, but relative to Central Asian republics it was a donor. At the same time the total share of these flows in relation to all migration, connected with Krasnoyarsk, was not high.

Keywords: migration flows, arrivals, departures, Krasnoyarsk, Kazakh SSR, Central Asian Republics, 1960s.

The article has been received by the editor on 25.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется влияние реформ и преобразований эпохи Н.С. Хрущева на развитие миграционных потоков между городом Красноярском, Казахской ССР и советскими республиками Средней Азии в 1961–1970 гг. В ходе анализа автор приходит к выводу, что миграционное сальдо между Красноярском, Казахской ССР и Средней Азией было отрицательным за исключением единственной республики – Казахской ССР, что является следствием достаточно противоречивой политики государства. В рассматриваемый период Красноярск был реципиентом нового населения в рамках РСФСР, но относительно республик Средней Азии он выступал донором. В то же время общая доля этих потоков относительно всей миграции, связанной с Красноярском, была невысокой.

* **Руслан Витальевич Павлюкевич,** кандидат исторических наук, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: autocrator@yandex.ru
Ruslan Vitalievich Pavlyukevich, Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: autocrator@yandex.ru

Ключевые слова: миграционные потоки, прибытие, выбытие, Красноярск, Казахская ССР, республики Средней Азии, 1960-е гг.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022

Введение. С момента своего образования Советское государство попыталось взять под свой контроль миграционные потоки в стране, воспринимая миграцию как один из ключевых инструментов осуществления государственной политики в области развития гигантской социально-экономической системы, которой являлся Советский Союз. Наиболее заметно это стремление было в сталинскую эпоху, когда активно проводилась политика принудительного переселения и депортации целых народов в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию. После смерти И.В. Сталина подобная практика ушла в прошлое и была подвергнута острой критике в ходе XX съезда КПСС. Но это не означало отказ государства от использования миграционных процессов в качестве одного из инструментов политики.

В рамках задуманных Н.С. Хрущевым преобразований и реформ миграция была одним из неотъемлемых элементов, но проводилась она на добровольных началах. Одной из областей ее применения выступали Сибирь, Казахская ССР и советские республики Средней Азии. Так, в ходе XXII съезда КПСС Н.С. Хрущев заявил о необходимости движения СССР в сторону настоящего интернационализма посредством сближения и слияния народов[1]. Это фактически можно было понимать как призыв к усилению миграционных потоков между различными республиками СССР с последующей миксацией этносов[2].

Усиления потоков миграции потребовала и целинная кампания Н.С. Хрущева. В ее рамках десятки, сотни тысяч активного населения, преимущественно из западной и центральной части СССР, были призваны и направлены на освоение целинных и залежных земель, находившихся в Средней Азии и в Сибири. Целинная кампания потребовала тысячи рабочих рук, причем требовались люди не из самой Средней Азии, а из традиционных районов пашенного земледелия, т.е. жители РСФСР, УССР и БССР. Это великолепно понимало советское руководство в лице самого Н.С. Хрущева. Впрочем, как и местное руководство в Казахстане и республиках Средней Азии, что он позже сам описал в своих мемуарах:

«Я стал допытываться: какое количество земли находится в распашке? Какие площади пригодны под распашку, но не распахиваются? <...> Каковы перспективные возможности земель, которые могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или совсем нет. <...> У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические, точнее, националистические мотивы. Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обрабатывать их казахи сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, и никто этого не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. <...> А он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане»[3].

Казахское руководство опасалось, что порожденная целиной миграция не будет носить временный характер и новые поселенцы останутся в республике. Это изменило бы уже существующие пропорции между коренным и пришлым населением. Следует заметить, что на миграционные процессы огромное влияние оказала не только целинная кампания, но и преобразования в области промышленности. Со второй половины 1950-х гг. шел поиск новых

[1] XXII съезд КПСС. Стенографии. Отчет. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/52747/22_sezd._chast_1._1962.pdf (дата обращения: 17.04.2022).
[2] *Олкот М.Б.* Советское наследие Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie.ru/2011/11/30/ru-pub-46097 (дата обращения: 17.04.2022).
[3] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://biography.wikireading.ru/hf7hb8Maz6 (дата обращения: 17.04.2022).

путей развития промышленности, завершившийся реформой управления промышленностью 1957 г., в результате которой для управления народно-хозяйственным комплексом создавались советы народного хозяйства (СНХ). Реформа подстегнула множество новых промышленных проектов в Восточной Сибири, Казахстане и республиках Средней Азии. Так, в Красноярске в конце 1950–1960-х гг. шло строительство Красноярской ГЭС, Красноярского алюминиевого завода, Красноярского завода медицинских препаратов, в Казахской ССР и республиках Средней Азии возникали новые предприятия энергетики, транспорта, химии и строительства. Процессы промышленного освоения рассматриваемых экономических районов требовали множества опытных кадров, которые предстояло заимствовать со всего СССР. Так, в начале 1960 г. руководство Красноярского СНХ в целях скорейшего ввода в эксплуатацию новых предприятий химической промышленности активно вербовало кадры из центральной части СССР, обещая готовое жилье[4]. Схожие программы и методы наблюдались в Казахской ССР и советских республиках Средней Азии.

Миграция в рамках преобразований Н.С. Хрущева играла роль одного из центральных элементов социально-экономического развития отстающих регионов СССР, которыми можно справедливо назвать Сибирь, Казахскую ССР и республики советской Средней Азии. Политика поощрения миграции из более развитых регионов в менее развитые становилась одним из руководствующих принципов советского руководства в этом направлении. Один из классиков изучения процессов миграции в Сибири Ж.А. Зайончковская называла целину последним этапом аграрной колонизации, постепенно уступившей роль ведущего фактора миграционных процессов урбанизации. В 1960-е гг. районы Средней Азии и Сибири обладали наиболее высокими темпами урбанизации, что привлекало в них переселенцев[5].

Историография. История изучения проблемы уходит своими корнями в 1960–1970 гг., когда специалисты, интересующиеся процессами и проблемами миграционных потоков, начали изучение еще идущих процессов. Одними из первых к данному вопросу на сибирском материале обратились Ж.А. Зайончковская и В.И. Переведенцев[6]. Конечно же, на данное исследование сильнейшее влияние оказывал контекст времени, когда оно было проведено. Для авторов все процессы рассматривались преимущественно с точки зрения индустриального развития региона, а соответственно как движение трудовых ресурсов. Но, несмотря на это, многие из их замечаний и идей актуальны и сегодня, о чем ниже будет упомянуто. Более того, Ж.А. Зайончковская продолжала исследования в области миграции на протяжении всей второй половины XX в., заложив по сути основы для всех исследователей миграционных процессов на сибирском пространстве[7]. Крупным центром исследований миграций выступает Сибирское отделение Российской академии наук. Под его эгидой был выпущен крупный и обстоятельный труд «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.». В данной работе были рассмотрены вопросы влияния государственной политики на миграционные процессы начала XX в.[8]

Влияние миграционных процессов на развитие демографических процессов нашло отражение в трудах сибирских востоковедов. Так, В.Г. Дацышеным были проанализированы источники по миграции казахов в Восточную Сибирь в 1930-е гг.[9] Активно изучаются миграционные процессы демографами и историками-урбанистами Сибири. В их работах рассматривается влияние, которое оказывали миграционные потоки в регионе на развитие местных сибирских городов. Среди исследователей, активно работающих по данному направлению,

[4] Государственный архив Красноярского края (КАКК). Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 183. Л. 28.

[5] *Зайончковская Ж.А.* Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 23.

[6] *Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964.

[7] *Зайончковская Ж.А.* Внутренняя миграция…; Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4.

[8] Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2011.

[9] *Дацышен В.Г.* Документы Государственного архива новейшей истории Иркутской области о миграции казахов в Восточную Сибирь в 1930-х гг. // Казахская диаспора Центральной Азии: история – культура – памятники: материалы Междунар. науч. конф. (Алма-Ата, 5 декабря 2014 г.). Алматы, 2014. С. 66–168.

следует назвать Л.Н. Славину[10], И.В. Копылова[11], Н.В. Гонину[12]. В их работах освещается общее влияние миграции на те или иные аспекты демографии Красноярского края в частности или Восточной Сибири в целом. Среднеазиатский или казахский вектор миграции при этом не рассматривается отдельно или же упоминается как незначительный фактор для общей картины демографических процессов, как в работе Р.И. Резванова[13].

Большинство же работ, посвященных именно казахскому и среднеазиатскому вектору миграционных процессов, выполнено на постсоветских материалах.

Цели и задачи. Целью статьи выступает анализ влияния преобразований и реформ Н.С. Хрущева на миграционные потоки между городом Красноярском и Казахской ССР и республиками Средней Азии в 1960-е гг., когда стали проявляться как неудачи, так и успехи хрущевских преобразований. Выбор географических рамок обусловлен схожестью условий данных регионов в рассматриваемый период. Так, миграция из и в Казахскую ССР, в документах крайстата Красноярского края, вплоть до 1963 г. шла в одном блоке с прочими среднеазиатскими республиками и лишь после 1963 г. была выделена в самостоятельную[14]. Задачей является исследование прибытия, выбытия населения, а также миграционного сальдо между Красноярском и советскими республиками Средней Азии, Казахской ССР.

В рассматриваемый период Красноярский край в целом и Красноярск в частности выходят на этап форсированной интенсивной урбанизации, о чем неоднократно писали исследователи по проблемам сибирской урбанизации[15]. Сибирские молодые города привлекали возможностью начать новую жизнь[16]. Урбанизация требовала новых горожан, источником которых выступала не только сельская местность Красноярского края, но и другие регионы СССР. Так, именно в 1960–1961 гг. городское население Красноярского края впервые превысило сельское население[17]. Поэтому вызывает интерес также вопрос о соотношении и механическом приросте между Красноярском и Казахской ССР и республиками Средней Азии. Указанные регионы выступали в качестве реципиентов населения в общем масштабе СССР.

Материалы и методы. В основы исследования лежит анализ материалов и документов фонда 1300 Государственного архива Красноярского края за 1961–1970 гг. Данный фонд формировался из материалов, передаваемых красноярским крайстатом. В этих документах красноярскими статистиками были представлены данные по выбытию, прибытию населения в Красноярский край, города Красноярского края, сельскую местность, а также сам город Красноярск. Подобные отчеты создавались в Красноярске ежегодно на основе данных, передаваемых советским органам власти.

Миграционные процессы изучаются не только историками, социологами, но и политологами, экономистами, специалистами в области государства и права. Поэтому в современной науке существует огромнейшее количество теорий и подходов к изучению данного вопроса. В случае с миграционными процессами на территории СССР во второй половине XX в. следует согласиться с десятым законом миграции Э.Г. Равенштейна, согласно которому главные причины миграции экономические[18]. Следует заметить, что большинство

[10] *Славина Л.Н.* Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2005. № 7. С. 316–322.

[11] *Копылов И.В.* Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 4; *Копылов И.В.* Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 164–173. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

[12] *Гонина Н.В.* Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4.

[13] *Резванов Р.И.* Сибирский кейс советской социоэкономической практики: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950–1980-х гг. // Развитие территорий. 2018. № 2.

[14] ГАКК. Ф. Р-1300. Оп 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

[15] *Гонина Н.В.* Благоустройство городов и квартирный вопрос в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2.

[16] *Гонина Н.В.* Влияние миграционных процессов… С. 29.

[17] *Зайончковская Ж.А.* Миграция населения СССР… С. 9.

[18] *Grigg D.B.* E.G. Ravenstein and the “laws of migration” // Journal of Historical Geography. 1977. № 3.

современных теорий сосредотачивают свое внимание на международной миграции. Конечно же, СССР был единой страной, но в то же время он представлял собой сложнейшую экономическую систему, в которой различия между республиками были колоссальны, поэтому данные теории также могут позволить нам глубже понять советскую миграцию. В основе исследования лежат две близкие друг другу теории рисков и социальных сетей. Согласно первой, интенсивность потоков миграций зависит от соотношения издержек и возможных преимуществ для мигранта от переселения. Теория социальных сетей утверждает, что одним из важнейших факторов миграции выступает наличие диаспор, которые способствуют переселениям. Чем больше людей оказывается на новом месте, тем больше они способствуют переселению своих друзей, родственников и знакомых. Имеющиеся между регионом-донором и реципиентом связи образуют своеобразные социальные сети, определяющие миграцию.

Основная часть. Прибытие. Отправной точкой в рамках исследования выступает анализ прибытия нового населения из советских республик Средней Азии и Казахской ССР. В рамках исследования были рассмотрены потоки из Узбекской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Казахской ССР, а также сводные данные по всем республикам. Кроме того, по каждой из республик будут показаны потоки по месту их выбытия. Прибыли мигранты из городской, сельской местности или же при сборе в государственных органах регистрации не удалось выяснить, из какой местности они прибыли. Ниже представлены сводная таблица (табл. 1) и диаграмма (диаграмма 1) по прибытию населения из республик советской Средней Азии в рассматриваемые годы.

Исходя из приведенных данных табл. 1 и диаграммы 1, наибольший поток в рассматриваемые годы приходился на Казахскую СССР. Так, 65 % от всех прибывших в г. Красноярск мигрантов были именно из этой республики. Доля оставшихся республик в процентах составляет: 14 % – Узбекская, 13 % – Киргизская, 5 % – Таджикская и 3 % – Туркменская ССР. По сути, суммарное количество прибывшего населения из Казахстана в рассматриваемое десятилетие практически в два раза превышало число прибывшего населения из других республик. Забегая вперед, следует отметить, что в принципе миграционные потоки между Красноярском и Казахстаном были самыми интенсивными в 1960-е гг.

Таблица 1

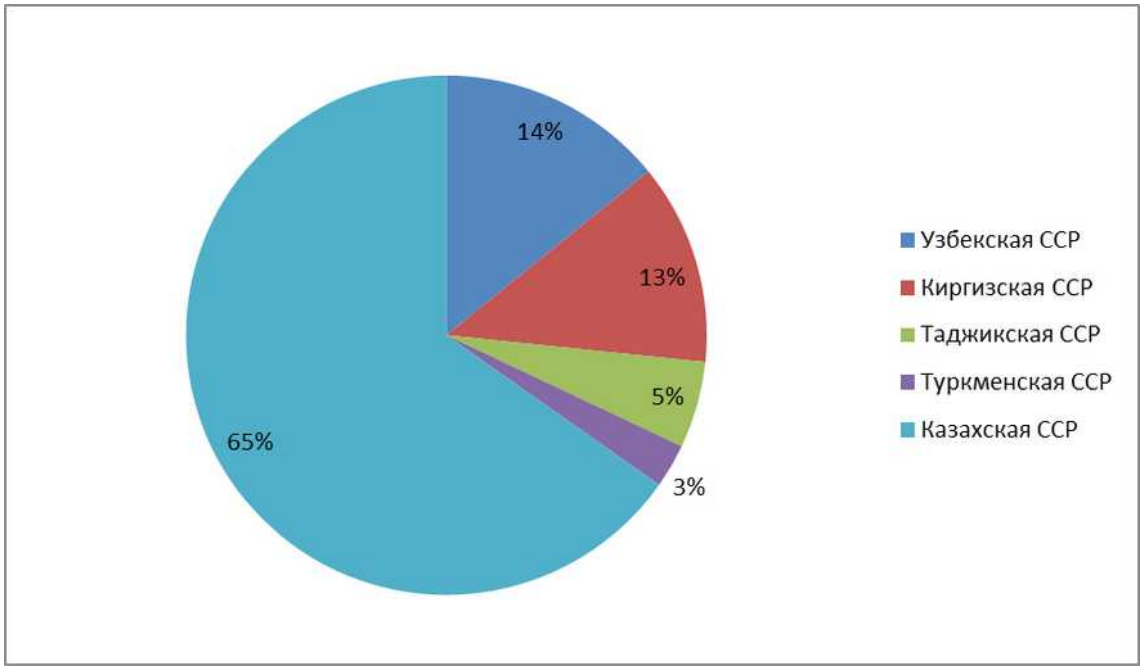
Сводные показатели прибытия населения в г. Красноярск из республик Средней Азии 1961–1970 гг., чел.

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Узбекская ССР	1 604	288	103	1 996
Киргизская ССР	1 292	338	136	1 766
Таджикская ССР	644	56	60	760
Туркменская ССР	328	36	24	388
Казахская ССР	5 966	2 260	980	9 206
Итого по Средней Азии и Казахской ССР	9 542	2 966	1 667	14 136
Доля от всей иммиграции в г. Красноярск, %	4	2	2	3

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

Диаграмма 1

Распределение потоков прибывшего населения в Красноярск
в 1961–1970 гг. по республикам Средней Азии



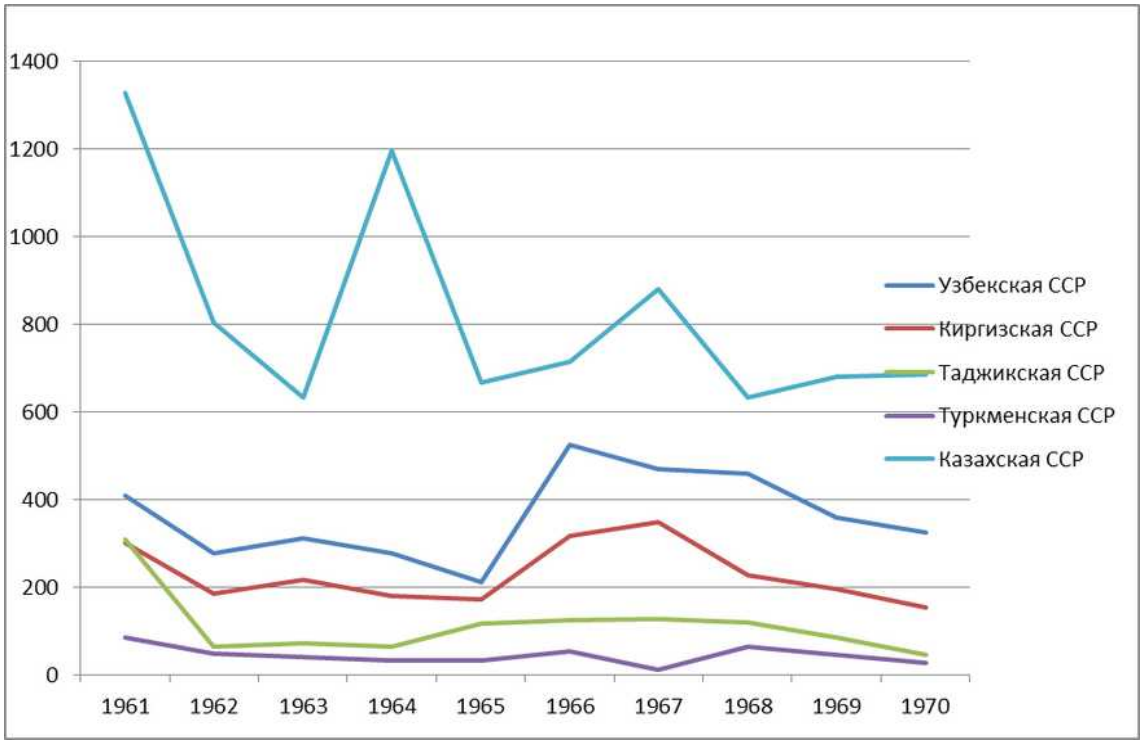
Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

При этом в сам Красноярск переселялись преимущественно жители среднеазиатских городов, на их долю приходится практически 67 % от всей совокупной доли, в то время как доля сельских переселенцев составляет лишь 21 %. Впрочем, это достаточно стандартная ситуация. Как показывают исследования, население городов более подвержено миграции на дальние расстояния. Сельское население, как правило, предпочитает передвижения в пределах родных республик. Поэтому сельское население Средней Азии скорее отважилось бы на переезд в города родной республики, чем на переезд в далекий сибирский город. К тому же следует заметить, что значительная доля миграции здесь приходится на возвратную, о чем будет сказано ниже. При этом доля среднеазиатских потоков миграции в общем масштабе прибытия населения в Красноярск была относительна невысокой, только 3 % переселенцев в Красноярск в 1960-е гг. прибывали из республик Средней Азии (причем 4 % – из городской среды и 2 % – из сельской соответственно). Продолжая анализ потока прибывшего населения со Средней Азии и Казахстана, обратим внимание на диаграмму 2.

Данные диаграммы 2 позволяют заметить, что наибольший отток населения из республик Средней Азии в Красноярск приходится на начало и середину 1960-х гг. Причем в начале десятилетия всплеск приезжих был в основном связан с Казахстаном. Так, количество переселенцев из Казахстана в 1961 г. на треть выше, чем их количество в 1970 г. Второй всплеск приходится на середину 1960-х гг. Объяснение данных всплесков лежит в русле реформ и преобразований Н.С. Хрущева, в том числе и их неудачи. Как уже говорилось выше, Казахская ССР была центральной областью реализации кампании по поднятию целинных земель, и здесь же наблюдались наиболее заметные промышленные преобразования. Часть участников этой кампании оседала не только в сельской, но и в городской местности. К 1961 г. часть временных мигрантов выполнила свою задачу и, не пожелав остаться в Казахстане на постоянное место жительство, стала возвращаться в РСФСР. В середине 1960-х гг. реформы и начинания Н.С. Хрущева были свернуты, что приводит ко второму всплеску возвратной иммиграции из Средней Азии. В отличие от предыдущего этапа нашей истории, переселенческая кампания Хрущева проводилась на добровольных началах, и многие, столкнувшись с трудностями на новом месте, с разочарованием в нем, могли его покинуть и вернуться.

Диаграмма 2

Прибытие населения в г. Красноярск из республик Средней Азии
в 1961–1970 гг. (по годам)



Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

Выбытие населения. Как и в случае с прибытием, были проанализированы потоки в Узбекскую, Киргизскую, Таджикскую, Туркменскую и Казахскую ССР, а также сводные данные по всем республикам. Кроме того, по каждой из республик были рассмотрены потоки по месту их прибытия. Прибыли мигранты в городскую, сельскую местности или же при сборе в государственных органах регистрации не удалось выяснить, куда они отправились на место нового жительства из Красноярска. В табл. 2 и диаграмме 3 расположены сводные данные по потоку в рассматриваемое десятилетие.

Таблица 2

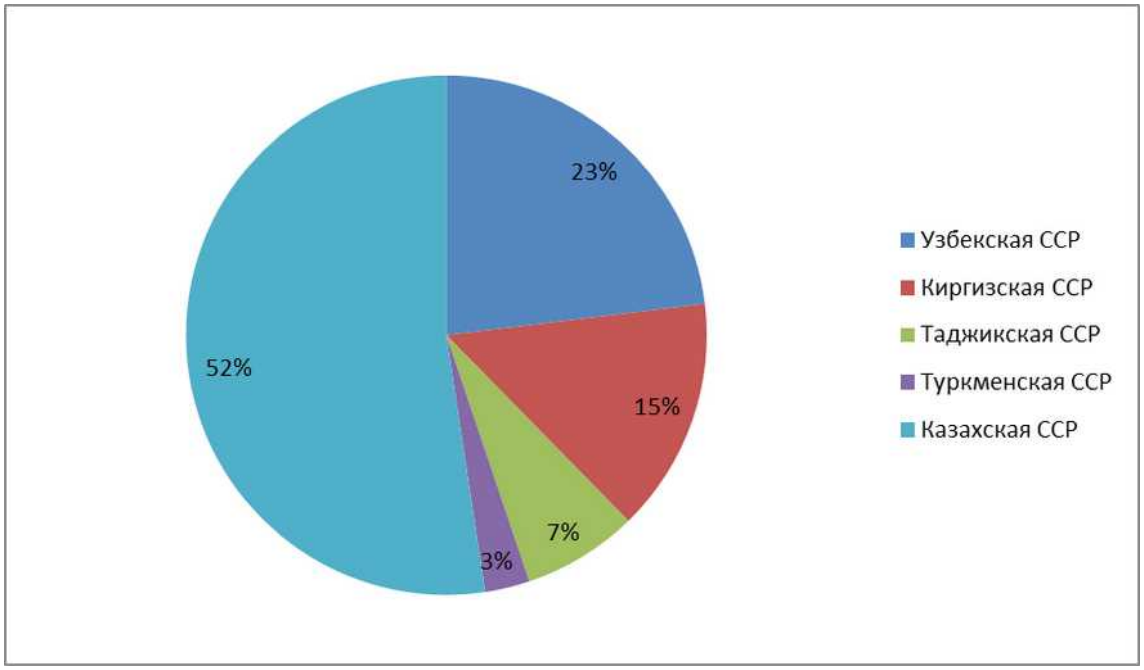
Сводные данные по выбытию населения из г. Красноярск
в республики Средней Азии в 1961–1970 гг., чел.

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Узбекская ССР	3 420	119	76	3 619
Киргизская ССР	2 080	156	56	2 292
Таджикская ССР	1 044	56	24	1 124
Туркменская ССР	408	4	24	436
Казахская ССР	6 626	940	652	8 218
Итого по Средней Азии и Казахской ССР	13 578	1 275	832	15 689
Доля от всей эмиграции, %	5	2	2	4

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

Диаграмма 3

Распределение потоков выбытия населения из Красноярска
в республики Средней Азии 1961–1970 гг.



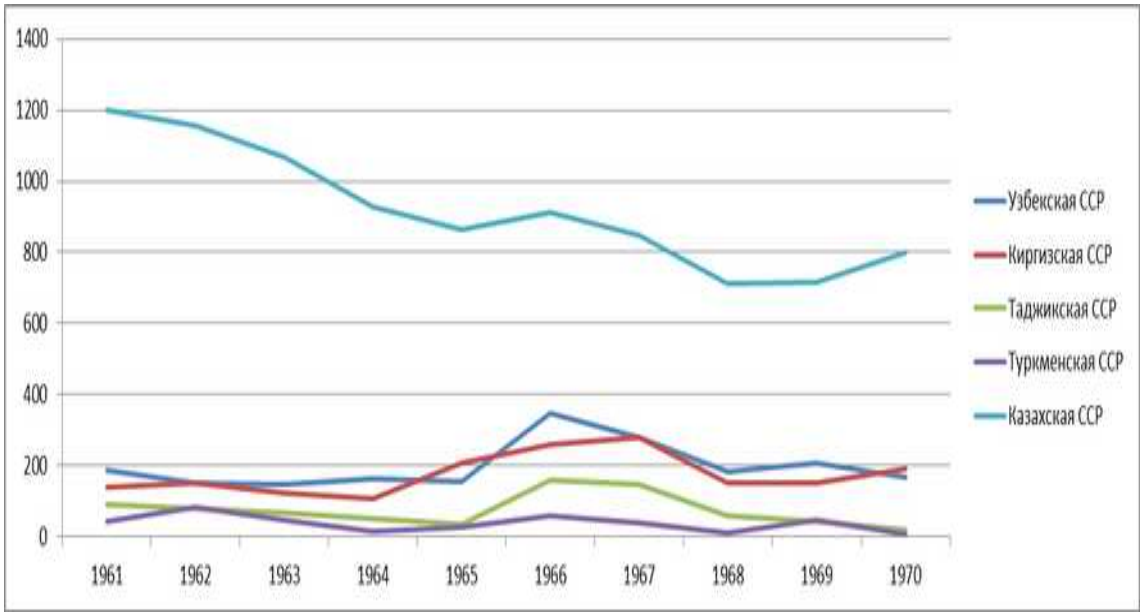
Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

Как видно из табл. 2 и диаграммы 3, динамика данных миграционных потоков в республики Средней Азии в общем совпадает со структурой соответствующих потоков выбытия. Наиболее привлекательным для красноярцев в 1960-е гг. была Казахская ССР, на ее долю приходится 52 % всех эмигрантов, следом идут Узбекская (23 %), Киргизская (15 %), Таджикская (7 %) и Туркменская ССР (3 %). Эти данные во многом свидетельствуют об уровне развития среднеазиатских республик и уже существующих ранее потоков миграции. Казахская ССР была наиболее развитой в Средней Азии, здесь уже достаточно долго существовала крупная русская община. Поэтому большая интенсивность потоков в Казахстан была закономерна, тем более что именно он в прежние годы был в центре целинной кампании Н.С. Хрущева и здесь шли наиболее крупные промышленные стройки. Переселение в Казахстан имело меньше издержек, чем в любую другую республику, а поэтому он обладал большим притяжением. При этом разница в количестве переселенцев по республикам не настолько сильно разнится, как это было в рамках иммиграции. Так, Казахская ССР обходит следующую после нее Узбекскую ССР чуть более чем в два раза, а не в четыре раза. В то же время закономерно и то, что большинство красноярцев переселялось именно в города среднеазиатских республик (84 %). Крайне редко горожане меняют свое место проживания на сельскую местность. Как правило, это происходило вследствие назначения или распределения. Доля среднеазиатского потока в общем масштабе эмиграции из Красноярска в 1960-е гг. была выше, чем ее доля в иммиграции, составляя 4 % (5 % в города Средней Азии и по 2 % по оставшимся направлениям). Все же в общей картине среднеазиатское направление имело больше факторов, отталкивающих от переселения.

Анализ потоков выбытия населения из Красноярска в республики Средней Азии подтверждает выводы, полученные при анализе процессов прибытия. С 1961 г. начинается спад количества переселенцев в республики Средней Азии, в первую очередь в Казахстан, что было следствием провала целинной кампании, неудачи преобразований Н.С. Хрущева. В середине 1960-х гг. также наблюдается относительный всплеск миграции по остальным республикам Средней Азии. Это было следствием уже неоднократно упоминаемой советской политики развития среднеазиатских окраин СССР.

Диаграмма 4

Выбытие населения из Красноярска в республики Средней Азии
в 1961–1970 гг. (по годам)



Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

Механический прирост. Если же перейти к сопоставлению данных по прибытию и выбытию населения г. Красноярска и республик Средней Азии (представлены в табл. 3), то в первую очередь бросается в глаза тот факт, что в целом Красноярск имел по отношению к ним отрицательный механический прирост, за исключением Казахстана. Лишь с ним у Красноярска был положительный прирост за рассматриваемое десятилетие. Это было следствием не только реформ эпохи Н.С. Хрущева, но и следствием социально-экономического развития республик Средней Азии. Советское правительство вело политику поощрения переселения из развитых районов СССР в те, которые нуждались в дополнительном импульсе для своего развития. Это осуществлялось не при помощи силовых, директивных методов, как в предыдущую эпоху, но мягче, оставляя возможность вернуться. Это вело к тому, что население преимущественно переселялось в более экономически развитые республики. В них уже существовала достаточно многочисленная русская диаспора, поэтому Казахстан, Узбекистан или Киргизия обладали большей притягательностью для переселения. Однако целинная кампания привела к усилению потоков миграции в Среднюю Азию, а ее завершение и неудачи закономерно породили отток населения. Особенно это заметно на примере Казахской ССР, бывшей центром реализации кампании, оказавшейся также единственной республикой, с которой у Красноярска был в рассматриваемые годы положительный механический прирост.

Таблица 3

Механический прирост между Красноярском
и республиками Средней Азии 1961–1970 гг.

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Узбекская ССР	–1 820	169	28	-1 623
Киргизская ССР	–788	174	88	-526
Таджикская ССР	–400	0	32	-368
Туркменская ССР	32	0	-48	-16
Казахская ССР	–660	1 320	328	988

Окончание табл. 3

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Итого по Средней Азии и Казахской ССР	–3 636	1 663	428	-1 545

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2749–2756, 2758, 2759.

Заключение. В целом наблюдалась достаточно парадоксальная ситуация, так как и сам Красноярский край в 1960-е гг. был регионом, нуждавшимся в новых силах, в переселенцах. Город в частности и Красноярский край в целом выступали реципиентом для западных районов СССР, но в то же время уровень развития Красноярска был выше, чем у большинства городов советской Средней Азии, что делало его донором населения для них. Правительство считало, что ускорение развития данных республик за счет мигрантов из РСФСР – более приоритетная задача, и видело в данных потоках один из ключевых инструментов достижения данной задачи.

Реформы и преобразования Н.С. Хрущева, безусловно, оказали влияние на развитие миграционных потоков, подстегнув все эти процессы. Они породили отток населения из Красноярска в республики Средней Азии, преимущественно в Казахстан. В то же время они спровоцировали и обратные потоки позже. Первая волна обратной миграции в 1960–1961 гг. была связана с реформами и преобразованиями Н.С. Хрущева. К этому времени часть переселенцев, не настроенных оставаться в республиках и выполнивших те задачи, за которыми они туда ехали, стала возвращаться обратно. Второй всплеск возвращения связан уже с серединой 1960-х гг. и свертыванием преобразований Н.С. Хрущева, что также привело к решению отдельных людей вернуться обратно. Это подтверждается фактом положительного прироста Красноярска относительно лишь Казахстана. Уровень развития этой республики был достаточно высок, и она была центром целого ряда преобразований. Но с их свертыванием необходимость удерживать данные кадры снизилась. В то время как уровень социально-экономического развития других республик требовал закрепления всех приезжающих специалистов. Впрочем, говорить о сильной роли данных потоков для социально-демографического развития Красноярска нельзя, так как их доля была относительно небольшой и колебалась в пределах 3–5 %.

Красноярск, как и республики Средней Азии, привлекал переселенцев возможностью высоких зарплат и получения жилой площади. Как отмечает Н.В. Гонина, самой распространенной причиной для переселения были личные, что, по мнению социологов, было связано с возможностью изменить свой статус[19]. Как отмечает Ж.А. Зайончковская, наиболее мощная волна русской миграции пришлась на пик урбанизации: русские стремились туда, где города быстро росли, а сельское население еще не было готово к переселению[20]. В этих условиях Сибирь была привлекательна для переселенцев, но не менее привлекательной была и Средняя Азия.

Причину относительно невысокой доли среднеазиатских потоков миграции в Красноярске следует искать в теории рисков. Выбирая место для миграции, человек взвешивает риски и возможные издержки, связанные с этим. Как Красноярск, так и республики Средней Азии были регионами, обладавшими высокой привлекательностью для переезда. Оба места привлекали возможностью начать новую жизнь в более высоком статусе, возможно жилье. При этом Средняя Азия в теории могла предложить более высокий статус в связи с нехваткой местных специалистов. Но в то же время расстояние до нее было колоссальным и возможные риски и издержки выше. Казахстан из всех республик привлекал к себе именно минимальными рисками благодаря высокому уровню развития, наличию крупной русской диаспоры. В то время как другие республики Средней Азии этого предложить не могли. Как

[19] *Гонина Н.В.* Влияние миграционных процессов… С. 30.
[20] *Зайончковская Ж.А.* Внутренняя миграция… С. 22–23.

отмечал В.И. Переведенцев, высокий уровень мобильности в городах Сибири в 1960-е гг. был связан с размерами самих городов. В более крупных городах можно было найти новую работу на месте[21]. Схожая ситуация наблюдалась в Казахстане, где крупных городов было не очень много, но в то же время сам он был достаточно уже развит, чтобы не держать специалистов любой ценой. Поэтому уволившийся/уволенный специалист покидал регион, возвращаясь обратно в место выбытия или иной регион. В то же время в других республиках советской Средней Азии острый дефицит требовал сохранять специалистов у себя любой ценой.

Красноярец, столкнувшись с необходимостью смены места жительства, имел огромный выбор, так как новые города в рассматриваемую эпоху возникали по всей Сибири. В этих условиях гораздо безопаснее было сменить Красноярск на другой город внутри Сибирского региона, чем рискнуть переездом в Среднюю Азию, где риски были выше. Именно с этим следует связать относительно невысокий процент данных потоков в общем масштабе миграций Красноярска.

Литература

Гонина Н.В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34.

Гонина Н.В. Благоустройство городов и квартирный вопрос в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 75–79.

Дацышен В.Г. Документы Государственного архива новейшей истории Иркутской области о миграции казахов в Восточную Сибирь в 1930-х гг. // Казахская диаспора Центральной Азии: история – культура – памятники: материалы Междунар. науч. конф. (Алма-Ата, 5 декабря 2014 г.). Алматы: Ултаным баспасы, 2014. С. 166–168.

Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 22–34.

Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. 105 с.

Копылов И.В. Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 4. С. 259–263.

Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 164–173. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, 2011. 391 с.

Олкот М.Б. Советское наследие Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie.ru/2011/11/30/ru-pub-46097 (дата обращения: 17.04.2022).

Резванов Р.И. Сибирский кейс советской социоэкономической практики: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950–1980-х гг. // Развитие территорий. 2018. № 2. С. 6–13.

Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2005. № 7. С. 316–322.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 1 [Электронный ресурс]. URL: https://biography.wikireading.ru/hf7hb8Maz6 (дата обращения: 14.01.2022).

Grigg D.B. E.G. Ravenstein and the “laws of migration” // Journal of Historical Geography. 1977. № 3. P. 41–54.

[21] *Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И.* Современная миграция населения… С. 61.

References

Dacyshen, V.G. (2014). Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva noveyshey istorii Irkutskoy oblasti o migratsii kazahov v Vostochnuyu Sibir' v 1930-h gg. [Documents of the State Archive of Contemporary History of Irkutsk Region on the Migration of Kazakhs to Eastern Siberia in the 1930s]. In *Kazahskaya diaspora Central'noy Azii: istoriya – kul'tura – pamyatniki*. Almaty, pp. 166–168.

Gonina, N.V. (2016). Vliyanie migratsionnyh protsessov na formirovanie gorodskogo naseleniya v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1950-h – nachale 1980-h gg. [The Influence of Migration Processes on the Formation of Urban Population in Krasnoyarsk Region in the Second Half of 1950s – early 1980s]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4, pp. 28–34.

Gonina, N.V. (2017). Blagoustroystvo gorodov i kvartirnyy vopros v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Improvement of Cities and Housing Problem in Krasnoyarsk Region in the Second Half of 1950s – Early 1980s]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (94), pp. 75–79.

Grigg, D.B. (1977). E.G. Ravenstein and the "laws of migration". In *Journal of Historical Geography*. No. 3, pp. 41–54.

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsii naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XX vv.* [Migration of Population of Asian Russia: The End of the 19th – Beginning of 20th Centuries]. Novosibirsk, Ros. Akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t istorii. 391 p.

Khrushchev, N.S. *Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast'. Kn. 1* [Memories. Time. People. Power. Book 1]. Available at: URL: https://biography.wikireading.ru/hf7hb8Maz6 (date of access 14.01.2022).

Kopylov, I.V. (2013). Starenie gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v zerkale forsirovannoy industrializatsii (1960–1980-e gg.) [Aging of Urban Population of Krasnoyarsk Region in the Mirror of Forced Industrialization (1960–1980s)]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. No. 4, pp. 259–263.

Kopylov, I.V. (2020). Vliyanie migratsii na rozhdaemost' gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v 1960–1980-e gody [Influence of Migration on the Birth Rate of Urban Population of Krasnoyarsk Region in 1960s–1980s]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4, pp. 164–173. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf (date of access 17.04.2022)

Olkot, M.B. Sovetskoe nasledie Kazahstana [Soviet heritage of Kazakhstan] Available at: URL: https://carnegie.ru/2011/11/30/ru-pub-46097 (date of access 17.04.2022).

Rezvanov, R.I. (2018). Sibirskiy keys sovetskoy socioekonomicheskoy praktiki: goroda, migratsii i stsenarii razvitiya v kontekste 1950–1980-kh gg. [Siberian Case of Soviet Socio-Economic Practice: Cities, Migration and Development Scenarios in the Context of 1950s–1980s]. In *Razvitie territoriy*. No. 2, pp. 6–13.

Slavina, L.N. (2005). Migratsiya i razvitie sel'skogo naseleniya Vostochnoy Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg. [Migration and Development of Rural Population of Eastern Siberia in 1960s – Early 1990s]. In *Vestnik KrasGAU*. No. 7, pp. 316–322.

Zayonchkovskaya, Zh.A. (1999). Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsial'noy modernizatsii [Internal Migration in Russia and USSR in 20th Century as a Reflection of Social Modernization]. In *Mir Rossii*. No. 4, pp. 22–34.

Zayonchkovskaya, Zh.A. (2000). Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX v.: evolyutsiya skvoz' kataklizmy [Migration of USSR and Russian Population in 20th Century: Evolution Through Cataclysms]. In *Problemy prognozirovaniya*. No. 4, pp. 3–15.

Zayonchkovskaya, Zh.A., Perevedencev, V.I. (1964). *Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya* [Modern Migration of Population of Krasnoyarsk Region]. Novosibirsk. 105 p.

А.А. Бурматов*

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ (1989–2002 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-16
УДК 94(47)+314(571)

Выходные данные для цитирования:
Бурматов А.А. Воспроизводство населения Западной Сибири в условиях перехода к рынку (1989–2002 годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 187–202. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-16.pdf

A.A. Burmatov*

REPRODUCTION OF THE POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO THE MARKET (1989–2002)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-16

How to cite:
Burmatov A.A. Reproduction of the Population of Western Siberia in the Conditions of Transition to the Market (1989–2002) // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 187–202. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-16.pdf]

Abstract. Author of the article examines demographic situation in one of the largest regions of Russia – Western Siberia in 1989–2002. This was a period of radical economic and social reforms, purpose of which was transition to market relations. Population of the USSR lived most of their lives under the planned system. Change in economic model of development had involuntary effect on the sphere of reproduction of population. Birth rate significantly decreased, mortality rates increased, life expectancy of population sharply decreased. This process was not unidirectional. Periods of deterioration in demographic situation were replaced by times of relative well-being. Infant mortality showed positive dynamics. Requirements for recognizing a fetus as stillborn were tightened by law. Statistics on death of children under one year old became more comparable with international data. These processes are considered in more detail on example of population of Western Siberia. Continuous dynamic series of fertility, mortality, infant mortality and life expectancy are presented. Negative consequences of ill-conceived reforms are traced. Causes and consequences of changes in demographic processes are identified. It is concluded that the processes taking place in dynamics of population of Western Siberian regions show in more detail the essence of changes taking place in the country. Everything is considered at the macro level – variant of development at regional level, and at the micro level – on example of Kuibyshev, a small town in Novosibirsk region, where all the processes taking place are most clearly identified and analyzed by the author. Some of the materials presented in the article are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Western Siberia, population reproduction, mortality, infant mortality, birth rate, Altai Territory, Novosibirsk Region, Kemerovo Region, Omsk Region, Tomsk Region, Altai Republic.

The article has been received by the editor on 28.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Александр Анатольевич Бурматов,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: al-burmatov@yandex.ru
Alexander Anatolievich Burmatov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается демографическая ситуация в одном из крупнейших регионов России – Западной Сибири в 1989–2002 гг. Это период радикальных экономических и социальных реформ, цель которых – переход к рыночным отношениям. Население СССР прожило большую часть жизни при плановой системе. Смена экономической модели развития сильно отразилась на сфере воспроизводства населения. Существенно сократилась рождаемость, выросли показатели смертности, резко уменьшилась продолжительность жизни населения. Этот процесс не был однонаправленным. Периоды ухудшения ситуации в демографической сфере сменялись временами относительного благополучия. Младенческая смертность показывала позитивную динамику. Требования к признанию плода мертворожденным законодательно были ужесточены. Статистика о смерти детей до года стала более сопоставима с международными данными. Процессы более подробно рассмотрены на примере населения Западной Сибири. Представлены непрерывные динамические ряды рождаемости, смертности, младенческой смертности и продолжительности жизни. Прослежены негативные последствия непродуманных реформ. Выявлены причины и последствия происходивших изменений демографических процессов. Сделан вывод о том, что процессы, происходившие в населении западносибирских регионов, более детально показывают суть происходивших в стране изменений. Все рассмотрено на макроуровне – вариант развития на уровне регионов, и микроуровне – на примере Куйбышева, небольшого города в Новосибирской области, где все происходящие процессы наиболее ярко выявляются и анализируются автором. Некоторые материалы, представленные в статье, вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Западная Сибирь, воспроизводство населения, смертность, младенческая смертность, рождаемость, Алтайский край, Новосибирская область, Кемеровская область, Омская область, Томская область, Республика Алтай.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022

Обозначенная в заглавии тема остается все же малоизученной. При переходе к рыночным отношениям население испытало социальный стресс. По Западной Сибири историческая литература накопила неплохой запас исследований по переходу населения к рынку и адаптации его к новым реалиям. По горячим следам опубликована коллективная монография по населению Западной Сибири в XX в.[1], где авторами произведен анализ демографической ситуации к середине 1990-х гг. По г. Куйбышеву Новосибирской области имеется монография А.А. Бурматова[2], написанная в годы радикальных реформ. Этот же автор[3] опубликовал многочисленные статьи, посвященные анализу населения Новосибирской области[4]. А.А. Бурматов защитил диссертацию по населению вышеуказанной области[5]. Имеются исследования А.В. Белькова, К.А. Заболотской[6] по Кемеровской области (Кузбассу)[7]. Демографические процессы у сельского населения Кемеровской области анализировала

[1] Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.
[2] *Бурматов А.А.* Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск, 1997.
[3] *Бурматов А.А.* Смертность населения Новосибирской области в 1990-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск, 2020. С. 424–433.
[4] *Бурматов А.А.* Рождаемость в Новосибирской области в 1990-е гг. // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: в 2 т. Екатеринбург, 2019. Т. 1. С. 45–50.
[5] *Бурматов А.А.* Население Новосибирской области: 1937 г. – конец XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2001.
[6] *Бельков А.В., Заболотская К.А.* Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории, 1920–2015 гг. Кемерово, 2015.
[7] *Заболотская К.А.* Особенности формирования населения Кузбасса в условиях современной России // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 131–135.

Е.П. Добрыгина[8]. Экономисты по итогам переписи населения в РФ 2002 г. подготовили двухтомное издание по Новосибирской области, в котором отразили демографическую ситуацию в ее динамическом развитии на основе данных переписи населения[9]. Исследователи (например, А.А. Еремин, Н.И. Быков) плодотворно изучают население Алтайского края и его районов[10]. Коллективная монография по демографической истории Западной Сибири стала подведением итогов по XX в. Автором соответствующего раздела является О.Б. Дашинамжилов, который обозначил ситуацию как «системный кризис». Монография не отразила всей специфики развития региона в конце столетия[11].

Последний период существования СССР с 1989 по 1991 г. преподносил бесконечную череду проблем и сюрпризов для населения. Утраченная стабильность в эпоху перестройки не вызывала радикального изменения общественного устройства, трудности были знакомы, предсказуемы, имелся опыт их преодоления. Снижение рождаемости в 1989–1991 гг. воспринималось как естественная реакция на экономическую ситуацию. Цены в последний период существования СССР росли постоянно.

Со 2 апреля 1991 г. произошло масштабное повышение розничных цен. Буханка хлеба в цене выросла с 20 до 60 коп. за 800 г, молоко с 20 до 41 коп. за литр, яйца с 1 руб. 20 коп. до 3 руб. 20 коп. за 1-ю категорию. Повышение было анонсировано в конце января 1991 г. Стресс был заметным, и это сказалось на числе абортов и зачатий. Через девять месяцев (октябрь 1991 г.) число смертей превысило число рождений в Новосибирской области. В России превышение смертей над числом рождения отмечалось в сентябре 1991 г. Проиллюстрируем это на примере города Куйбышев Новосибирской области. В нем падение рождаемости наблюдалось с 1988 г. В 1990 г. оно замедлилось, но в 1991 г. ускорение снижения рождаемости наступило в 3–4-м кварталах года. В результате в октябре-декабре 1991 г. смертность постоянно превышала рождаемость на 20–30 человек[12]. Естественная убыль шла с нарастанием интенсивности. Число смертей за 1991 г. в городе уменьшилось. Показатель смертности в 1990 г. составил 10,7 ‰, а в 1991 г. – 9,8 ‰. В первой половине 1991 г. смертность была ниже рождаемости, а с октября выше. За год естественный прирост составил 1,1 ‰. За первые три квартала он составлял 2,6 ‰, а в четвертом квартале естественная убыль оказалась таковой, что более чем вдвое снизила прирост за весь 1991 г.[13] Ежемесячная убыль в конце года нарастала в 1,3–1,5 раза.

Это было предсказуемо и неожиданно одновременно. Прогнозы говорили о высокой вероятности начала естественной убыли населения, но относили это на более поздний период. Число смертей в данный момент не увеличивалось. Прогноз разошелся из-за резкого отказа населения от деторождения или смещения реализации планов по деторождению на лучшие времена[14].

Начало 1992 г. в РФ ознаменовалось либерализацией цен. Это привело к резкому удорожанию жизни. Первое время население продолжало верить государству и надеялось, что через 8 месяцев (как обещалось с высоких трибун) жизнь начнет улучшаться. В первую половину 1992 г. уровень рождаемости немногим отличался от предыдущего года. Резкое снижение отмечалось ближе к осени. Рост смертей в РФ был постоянным, но небольшим. Скачкообразное повышение смертей отмечалось в ноябре-декабре 1992 г. За 10 месяцев 1992 г. показатель смертности оценивался в 11,7 ‰ в годовом исчислении, за 11 месяцев – 12,0 ‰. По итогам года он оказался 12,2 ‰. Прирост смертей в октябре-декабре был ускоренным и такими, что существенно менял общую картину по смертности за год. Настоящий социаль-

[8] *Добрыгина Е.П.* Особенности демографических процессов в сельских районах Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 128–131.
[9] *Кисельников А.А., Бессонова Г.А., Харченко Л.П.* Население Новосибирской области. Новосибирск, 2005.
[10] *Еремин А.А., Быков Н.И.* Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.). Барнаул, 2011.
[11] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. С. 330–344.
[12] Трудовая жизнь (Куйбышев). 1992. 2 февр.
[13] Текущий архив отдела ЗАГС г. Куйбышева Новосибирской области.
[14] Трудовая жизнь (Куйбышев). 1992. 2 февр.

ный стресс произошел в августе 1992 г. Хлебопеки 1 августа объявили, что «как не хочется повышать цены на хлеб»[15]. В этот день булка первого сорта весом в 800 г стоила в Куйбышеве Новосибирской области 6 руб., 4 августа ее цена поднялась до 8 руб., 6 августа до 12 руб., 8 августа до 18 руб., 10 августа до 33 руб., 12 августа достигла 42–43 руб. Одновременно подорожали в 2–5 раз растительное и сливочное масло, сахар, макаронные изделия. Запасы населения заканчивались, обнищание становилось очевидным. Неизбежно с некоторым временным лагом должна была начать расти смертность. Длительный стресс, уход в «запой» (алкоголь перестал быть дефицитным и оказался дешевым) наслоились на начавшиеся сокращения работников на предприятиях и организациях. Повышение зарплат бюджетников на 20 % и выдача «приватизационных чеков» – то немногое, что государство смогло предложить населению. Рост смертности в Куйбышеве увеличился с 9,8 ‰ в 1991 г. до 11,8 ‰ в 1992 г.. В значительной мере он обеспечивался доступностью алкоголя. В 1993 г. приращение смертности замедлилось – она выросла до 13,1 ‰. В 1994 г. изменение смертности было незначительным – до 13,3 ‰: в первую половину года она росла, а во вторую снижалась[16]. Рост смертности в 1993 г. был обеспечен употреблением некачественного импортного алкоголя. Население хотело попробовать «запретный плод» – резко возросли отравления и психические состояния, приводившие к самоубийствам или убийствам в пьяных конфликтах. В 1994 г. граждане в массовом порядке отказывались от импортного алкоголя, переходили на продукцию местных предприятий. В результате значительно снизилось число смертей, вызванных внешним воздействием на организм.

В 1995 г. снижение смертности в Куйбышеве составляло 0,5 ‰, что было в 3 раза меньше среднего областного уровня[17]. В 1996 г. этот показатель не изменился. В 1997 г. снижение стало существенным – с 12,8 до 11,3 ‰. Адаптация к новым условиям произошла. Задержка пенсий и зарплат у многих вызывала панику, особенно у пожилых и больных («на что будут хоронить»). В 1998 г. начался новый прирост смертей. Он произошел ранее, чем августовский дефолт, и никакого отношения к нему не имел. В 1999 г. рост продолжился, но по своим масштабам не отличался от областного уровня. Рождаемость имела такую же тенденцию, что и у всего населения области. Отток населения принял скрытый характер и был выявлен в ходе переписи населения в 2002 г. Динамика населения в г. Куйбышеве при переходе к рынку развивалась типично.

Макроуровень. Рассмотрев ситуацию на микроуровне, можно провести анализ демографической ситуации на макроуровне на уровне Западной Сибири. Формально некоторые особенности развития в демографической сфере можно отнести к случайностям, но на макроуровне они становятся закономерностью, приобретают статистически значимую величину. Макроуровень не отражает региональные особенности, в нем не прослеживаются многие детали развития. Особенности микроуровня – это стечение мелких и случайных факторов, но в них и заложен главный результат и последствия реформ.

Численность населения изучаемых сибирских регионов, несмотря на постоянный миграционный отток, росла до самого начала радикальных реформ. Максимальная численность отмечалась в Кемеровской области. Кузбасс был самым густонаселенным в азиатской части России. Здесь плотность населения превышала 33 чел./км. Монопрофильность большинства городов и экологическая составляющая приводили к усиленному оттоку из шахтерского края. Зарплаты, ускоренное социальное и культурное развитие, лучшее снабжение удержать население не могли. Относительно равными по численности жителей были Алтайский край (с автономной областью) и Новосибирская область. Плотность населения в последней была 15,7 чел./км. В Омской области плотность составляла 15,4 чел./км. В Алтайском крае она едва превышала 10,8 чел./км. Численность населения и плотность в Томской области были самыми низкими в Западной Сибири (3,2 чел./км.) (табл. 1).

[15] Трудовая жизнь (Куйбышев). 1992. 1 авг.
[16] Текущий архив отдела ЗАГС г. Куйбышева Новосибирской области.
[17] *Бурматов А.А.* Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи… С. 121.

Таблица 1

Численность и плотность населения регионов Западной Сибири

Регион	Численность жителей, тыс. чел.		Изменение численности жителей (1989–2002)	
	1989	2002	абс., чел.	относит. %
Республика Алтай	191,6	203	11,4	5,9
Алтайский край	2 630,5	2 621	–9,5	–0,4
Кемеровская обл.	3 171,1	2 918	–253,1	–6,0
Новосибирская обл.	2 778,7	2 688	–90,7	–3,3
Омская обл.	2 141,9	2 075	–66,9	–3,1
Томская обл.	1 001,7	1 046	44,3	4,4
Весь регион	11 915,5	11 551	–364,5	–3,06

Составлено по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 56–57; Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 28–29. Данные переписи 1989 г. В 2002 г. – на 1 января.

В Кузбассе горожане составляли почти 90 % населения. Этому способствовала специализация региона. В Новосибирской области больше 74 % населения проживало в городах. Аналогичной была доля горожан в Томской области. В Омской области удельный вес горожан приближался к 70 %. Алтайский край оставался самым малоурбанизированным (58 % горожан) регионом.

В Новосибирской и Омской областях резко доминировали областные центры. Новосибирск к 1991 г. вплотную подошел к полуторамиллионному рубежу. Концентрируя 51 % жителей в самом городе и примерно 17 % в ближайшем окружении (в том числе втором по величине населения городе области Бердске и третьем – Искитиме, а также г. Оби), областной центр в принципе не давал развиваться в промышленном отношении прочим районам области. Решением республиканских властей в плановом порядке с конца 1940-х гг. началось развитие г. Барабинска как транспортного центра и промышленности в г. Куйбышев (бывший Каинск), что привело к формированию небольшой агломерации к 1991 г., достигшей с прилегающими селами 103,8 тыс. Куйбышев с населением 52,6 тыс. стал единственным, перешагнувшим планку в 50 тыс. среди городов области за пределами фактического притяжения Новосибирска. Специализация Куйбышева – пищевая и военная – в 1990-е гг. оказалась под мощным ударом реформаторов, и он быстро терял население. Не был исключением и Барабинск. В нем доминантой стал не миграционный отток, а естественная убыль. За период 1991–2002 гг. Куйбышев потерял 3,8 тыс. (7,2 %), а Барабинск – 2,6 тыс. (7,5 %) жителей[18]. Сам процесс сбора данных при переписи населения 2002 г., когда учитывалось постоянное население, мог привести к занижению численности жителей Куйбышева – студентов первых курсов обоих высших учебных заведений (филиалов педагогического и технического университетов) и средних специальных учебных заведений (политехнического и сельскохозяйственного техникумов, педагогического и медицинского училищ, профессиональных училищ). По методологии сбора данных студенты нового набора – приезжие – переписи не подлежали, а их число было достаточно велико и вполне возможен недоучет численности жителей г. Куйбышеве в 200–300 человек (примерно 0,5 %[19]). В Барабинске такой проблемы не было.

[18] Текущий архив инспектуры госстатистики Куйбышевского района Новосибирской области (г. Куйбышев); Текущий архив инспектуры госстатистики Барабинского района Новосибирской области (г. Барабинск).
[19] Рассчитана по данным: Текущий архив госстатистики Куйбышевского района (г. Куйбышев).

Не давал развиваться другим городам области и центр Прииртышья – Омск. В области не было городов, которые смогли преодолеть рубеж в 50 тыс. человек. На Алтае Барнаул с 700 тыс. человек не стал одним центром притяжения. Росли Рубцовск, Бийск, в которых жителей было свыше 100 тыс. человек. Относительно хорошо прирастали Славгород, Новоалтайск и Горно-Алтайск.

Существенную роль в изменении численности городского населения Западной Сибири сыграло рассекречивание закрытых городов. В результате данного обстоятельства было уменьшено население Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, но увеличилось население Томской области. Город Северск – закрытое территориальное образование Томск 7 – имел в своей численности свыше 100 тыс. человек. Примерно 50 тыс. человек были распределены в Новосибирскую область, остальные – по другим территориям Западной Сибири. Это приводило к занижению численности и плотности населения Томской области, но увеличивало число горожан на Алтае и в Новосибирской области. Влияния на общую численность населения Западной Сибири это не оказывало. Фактически произошло перераспределение между территориями.

В период между переписями населения приросли Томская область (сыграло роль перераспределение числа жителей ранее закрытого города) и Горный Алтай, где наблюдался естественный прирост. Увеличение за 13 лет было невелико (около 5 %). Незначительно снизилась численность населения Алтайского края (менее 1 %). Несколько сильнее снизилось число жителей в Омской и Новосибирской областях (по 3 %). Особенно пострадала от перераспределения жителей закрытых территорий последняя (50 тыс. человек, или 1,9 %). Существенно (на 6 %) сократилось население Кузбасса – этому способствовала высокая естественная и миграционная убыль населения. Остальные территории немного прирастали за счет миграций, хотя этот процесс не был постоянным.

Рождаемость. Падение рождаемости в Западной Сибири произошло в 1984 г., когда меры, стимулирующие деторождение с 1981 г., себя практически исчерпали. Новосибирская область больше не отмечала повышение общего показателя рождаемости до конца изучаемого периода. В 1986 г. он просто не снижался, тогда как по всей стране прирост составил существенную величину (на 0,7 ‰). Весьма слабо реагировали на позитив первого периода перестройки жители Алтайского края, где прирост был всего 0,3 ‰. В Омской области реакция населения была схожа с Алтайским краем на 0,4 ‰. Хорошо отреагировали жители добывающих регионов. В Кузбассе прирост равнялся общероссийскому, а в Томской области оказался даже выше (на 0,9 ‰). В них же к 1988 г. падение рождаемости было большим, чем в других регионах. Это говорило о смещении в календаре рождений, а не росте рождаемости[20].

В 1989 г. тенденция снижения рождаемости продолжилась. Быстрое падение отмечалось по всем регионам. В Кузбассе рождаемость стала ниже, чем в Новосибирской области, и самой низкой в Западной Сибири. В Томской области снижение стало рекордным. Новосибирская область была аутсайдером по темпам падения рождаемости. В 1990 г. Алтайский край, Томская область и Кузбасс стали иметь схожие показатели рождаемости, и получилось, что территории, которые хорошо реагировали на меры, направленные на повышение рождаемости, стали снижать ее быстрее (табл. 2). В 1991 г. рождаемость по регионам слабо варьировала. Полюс высокой рождаемости находился в Горном Алтае и оставался там постоянно. Томская область стала регионом с самой низкой рождаемостью до 1994 г. В 1995 г. ее сместили с этого «почетного» места Алтайский край, Кузбасс и Новосибирская область. Последняя оказалась опять аутсайдером по уровню рождаемости. В ней в 1999 г. был отмечен минимальный уровень рождаемости в 7,9 ‰. Такого уровня не наблюдалось нигде. Близко к нему подошла Омская область с 8,3 ‰ и Кемеровская с 8,4 ‰. Рост рождаемости зафиксирован с 2000 г. Многочисленные когорты, рожденные в середине 1970 – начале 1980-х гг., стали реализовывать планы по деторождению. Откладывать их дальше уже не

[20] Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 93.

было смысла. По уровню воспроизводства конец 1990-х гг. был самым худшим для всего существования территорий в XX в.

Таблица 2

Рождаемость в регионах Западной Сибири, ‰

Год	Республика Алтай	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1989	14,9		13,8	14,3	16,0	15,2
1990	19,3	12,9	12,9	13,2	14,9	12,6
1991	18,2	11,7	11,8	12,1	13,8	10,9
1992	16,6	10,4	10,3	10,4	12,2	9,5
1993	14,6	9,1	9,1	8,9	10,8	8,1
1994	14,8	9,2	9,2	8,8	10,6	8,1
1995	14,3	8,7	8,9	8,6	10,3	9,2
1996	13,5	8,4	8,5	8,4	9,9	9,1
1997	13,4	8,4	8,4	8,3	9,2	8,9
1998	14,5	8,8	8,7	8,3	9,3	9,5
1999	13,6	8,7	8,4	7,9	8,3	9,1
2000	14,3	9,3	9,0	8,5	8,6	9,5
2001	14,9	9,6	9,5	9,2	8,7	9,7
2002	16,0	10,3	10,1	10,0	9,8	10,5

Составлено по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 87; Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970–2011, 2011–2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=73; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=77; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=85; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=86; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=87; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=88 (дата обращения: 22.04.2022).

Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной) в 1999–2000-х гг. составлял в регионах Западной Сибири: в Республике Алтай – 1,750–1,891; в Алтайском крае – 1,177–1,241; в Кузбассе 1,151–1,214; в Новосибирской области 1,065–1,123; в Омской – 1,090–1,120; в Томской 1,153–1,188. Минимальное значение отмечалось в 1999 г. В 2000 г. наблюдался некоторый прирост рождаемости[21]. Женщины производили на свет по одному ребенку, только 10–12 % из них решались на второго. Горный Алтай был некоторым исключением – в нем уровень рождаемости был как в конце 1970-х гг. по России. Чистый коэффициент воспроизводства населения составил по регионам Западной Сибири примерно 0,49. Двух родителей заменял один ребенок.

Смертность. Смертность, как общая, так повозрастная, стала подниматься с конца 1980-х гг. Сказывалось послабление антиалкогольных мероприятий, увеличение потребления суррогатов и наркотиков. Внесло свою лепту и постарение населения. До самого 1992 г. общие показатели смертности (табл. 3) и средняя продолжительность жизни населения оста-

[21] Демографический ежегодник России. 2001. М., 2001. С. 102–103.

вались более благоприятными, чем до 1985 г. Эффект от антиалкогольной кампании сказывался вплоть до 1991 г. В 1991 г. показатели от внешних причин и сердечно-сосудистых заболеваний были ниже, чем в 1984 г.

Таблица 3

Смертность в Западной Сибири, ‰*

Год	Республика Алтай	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1989	10,7		10,5	10,3	9,4	6,6
1990	10,9	11,1	11,3	10,8	9,3	8,7
1991	10,5	11,3	11,6	10,9	9,9	8,9
1992	11,5	11,8	13,1	11,6	10,2	9,8
1993	13,4	14,0	15,7	14,4	11,9	12,5
1994	14,5	15,1	17,3	15,8	13,0	12,9
1995	13,2	14,7	16,7	14,2	12,4	13,0
1996	12,8	14,3	16,2	13,9	12,3	13,3
1997	12,7	13,8	15,3	13,2	12,3	12,4
1998	11,8	12,8	14,4	12,9	11,6	11,9
1999	12,6	13,8	15,8	13,6	13,0	12,5
2000	13,0	14,3	16,7	14,2	13,5	13,2
2001	14,1	14,7	16,9	14,5	13,6	13,4
2002	15,1	15,7	17,7	15,4	14,6	14,4

Составлено по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 87; Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970–2011, 2011–2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=73; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=77; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=85; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=86; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=87; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php?reg=88 (дата обращения: 22.04.2022).

Рост смертности начался с 1992 г. До конца этого года казалось, что происходит восстановление утраченного тренда, который отмечался до 1985 г. Смертность увеличилась в тех возрастных категориях, в которых существенно была снижена в годы борьбы с пьянством и алкоголизмом. Возвратились прежние показатели средней продолжительности жизни (табл. 4). По предварительным итогам декабря 1992 г. стало понятно, что отмечается другая тенденция. Только этот один месяц увеличил показатель смертности за год на 0,2 ‰. Выросли показатели смертности от инфарктов и инсультов у относительно молодых мужчин 35–45 лет и увеличилось число суицидов. У населения рушились надежды, уничтожались сбережения, многие стали терять работу.

Таблица 4

Продолжительность жизни в Западной Сибири, лет

Год	Республика Алтай	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Все население						
1989	68,7		68,1	69,3	69,8	68,4
1990	64,4	68,9	67,5	68,9	69,7	69,1
1991	65,3	68,4	67,1	68,9	69,4	69,2
1992	63,5	67,7	65,2	68,1	68,9	67,9
1993	61,4	65	62	64,6	66,3	64,1
1994	59,7	64	60,8	63	65,4	64,2
1995	61	64,3	61,3	65,1	66,2	63,9
1996	62,1	65,3	62,2	65,8	66,8	64
1997	62,6	66	63,3	66,9	67	65,3
1998	63,8	67,8	64,5	67,6	68	66,3
1999	63,2	66,8	63,2	66,8	66,7	65,7
2000	62,8	66,6	62,7	66,3	66,2	64,9
2001	61,7	66,3	62,6	66,1	66,4	65,3
2002	60,7	65,6	62,1	65,6	65,8	64,4
Мужчины						
1989	63,7		62,7	63,9	64,6	63,4
1990	58,9	63,5	62	63,4	64,6	64
1991	59,8	63	61,8	63,6	64	63,5
1992	57,3	61,9	59,2	62,3	63,4	62,2
1993	55,3	59	56	58,4	60,3	58,1
1994	53,4	57,9	54,6	56,7	59,4	58,1
1995	55,2	58,1	55	58,8	60,4	57,8
1996	55,9	59,2	55,9	59,8	61,1	58,1
1997	56,8	60	57	61,1	61,4	59,5
1998	58,1	62,1	58,6	61,9	62,4	60,5
1999	57,7	61	57,1	61	60,7	60
2000	56,8	60,5	56,4	60,1	60	59

Окончание табл. 4

Год	Республика Алтай	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
2001	56	60,3	56,3	59,9	60,1	59,4
2002	54,7	59,4	55,9	59,6	59,7	58,2
Женщины						
1989	73,9		73,3	74,3	74,4	73,3
1990	69,6	74,1	73	74	74,4	74
1991	70,8	73,7	72,5	73,8	74,3	74,9
1992	69,9	73,7	71,6	73,6	74,1	73,8
1993	67,9	71,4	68,9	71,2	72,5	70,9
1994	67	70,8	68,2	70	71,8	71,2
1995	67,5	71,2	68,8	71,8	72,3	71
1996	69	72	69,4	72,2	72,7	70,8
1997	69	72,5	70,4	72,8	72,7	71,6
1998	69,9	73,7	71	73,4	73,7	72,4
1999	69,3	72,9	70,1	72,9	73	71,9
2000	69,5	73,1	69,8	73	72,7	71,5
2001	68,2	72,7	69,6	72,7	73	71,7
2002	67,6	72,3	69,1	72,1	72,3	71,4

Составлено по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1992. С. 397–398. За 1989 г. приведены данные 1989–1990 гг.; Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по субъектам Российской Федерации (1990–2018) (лет) [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php?reg=78; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php?reg=81; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php?reg=87; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php?reg=88; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php?reg=89; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php?reg=90 (дата обращения: 22.04.2022).

Подъем смертности, отмечавшийся до 1994 г., сменился неожиданным снижением показателей в 1995 г. Это произошло на фоне продолжавшегося экономического кризиса и увеличения потребления алкоголя и наркотиков. Удивительными являются колебания смертности за 1993–1996 гг. В некоторых регионах наблюдался принцип «качелей». В 1994 г. смертность резко возрастала, но в 1995 г. возвращалась к уровню 1993 г. В Западной Сибири примером является Новосибирская область. По данным расчетов в 1993 г. смертность в ней составляла 14,1 ‰, в 1994 г. – 15,7 ‰, в 1995 г. – снова 14,1 ‰. После переписи 2002 г., когда население оказалось на 0,5 % меньше расчетного, а закрытые административные территории были выделены в статистике открыто, ситуация стала еще более очевидной: 14,4 ‰, 15,8 ‰ и 14,2 ‰. Аналогичная ситуация отмечена в Республике Алтай. Здесь после резкого подъема смертности в 1992–1994 гг. в 1995 г. смертность оказалась ниже, чем в 1993 г. Данные стати-

стики свидетельствуют, что этого не произошло в Омской и Томской областях, в Кузбассе и в Алтайском крае. Там в 1995 г. смертность была существенно выше, чем в 1993 г. Продолжительность жизни на всех территориях, кроме Томской области, оказалась выше, чем в 1993 г. В Томской области показатель смертности продолжал расти до 1996 г. Это свидетельствует о более существенном изменении возрастной структуры, более поздней адаптации населения к экономической ситуации. Существенно снизилась только младенческая смертность. В 1996 и 1997 гг. снижение смертности во всех регионах отличалось незначительно[22]. Новосибирская область выиграла от снижения смертности в 1995–1998 гг. сильнее. Подъем смертности в 1992–1994 гг. был примерно одинаков по территориям, за исключением Кузбасса (существенно выше) и Томской области (ниже, но растянут во времени).

По причинам смертности всего населения можно судить о социально-экономическом развитии региона и его составляющих. На 100 тыс. жителей в субрегионах Западной Сибири наиболее высокий уровень смертности отмечался от следующих причин: сердечно-сосудистые, онкологические заболевания и внешнее воздействие на организм. Новосибирская область: от несчастных случаев и прочих внешних причин в ней умерло на 100 тыс. жителей в 1999 г. 190,2, в 1997 г. – 177,2, в 1998 г. – 181,1; от новообразований соответственно – 209,5, 212,5 и 212,3; от заболеваний органов дыхания – 69,7, 61,3 и 51,2. Доминировали болезни кровеносной системы. От них скончались на 100 тыс. жителей в 1996 г. 686,2, в 1997 г. – 658,2 и в 1998 г. – 640,2. Новосибирская область имела показатели смертности от онкологии выше, чем от внешних воздействий. Такое же соотношение наблюдалось в Омской области. В Алтайском крае и Томской области смертность от внешних причин иногда превышала показатели смертности от новообразований или равнялась им. В Республике Алтай и Кемеровской области внешние причины смерти доминировали над смертностью от новообразований. В Горном Алтае превышение составляло 2 и более раза, а в Кузбассе – 1,5 раза[23]. Продолжительность жизни была ниже, ибо в травмах погибают более молодые и здоровые люди, в первую очередь мужчины. Прослеживается закономерность. Смертность от суицидов и убийств снижается быстрее, чем общая смертность. К концу изучаемого периода из-за роста смертности, который отмечался после дефолта 1998 г., происходит более быстрый рост смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних воздействий. В 2000 г. показатели смертности от болезней органов кровеносной системы выросли на 10 % (Новосибирская область), 15 % (Кемеровская, Томская область), 20 % (Омская область) и на 25 % (Алтайский край). Повсеместно росли показатели смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний в 1,2–1,5 раза. Смертность от внешних причин возросла от 10 до 30 % повсеместно. Число умерших от онкологии превышало число погибших от внешних причин в Омской, Томской, Новосибирской областях и Алтайском крае. Разрыв между этими классами причин существенно сократился. Число погибших от внешних причин росло быстрее, чем от новообразований. Ранжирование смертности по причинам сохранялось: заболевание органов кровеносной системы, новообразования и внешние причины, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения[24].

Колебания смертности населения и продолжительности жизни в Западно-Сибирском регионе мало отличались от ситуации в РФ. Снижение смертности в западносибирских регионах в середине 1990-х гг. было меньшим, чем в РФ. Подъем смертности в начале 1990-х гг. выше, чем по России. От всех перипетий регион проиграл больше, чем страна. В 1998 г. смертность в большинстве территорий региона оказалась ниже, чем в 1993 г. Уровня смертности 1992 г. не достиг ни один из регионов. Самым близким к этому оказался Горный Алтай. В 1998 г. в первую половину года смертность снижалась на всех территориях. Рост начался в сентябре-октябре 1998 г. Дефолт – это пусковой механизм, который вызвал очередной подъем смертности. Люди искали убежище в алкоголе, наркотиках, суицидах.

[22] Демографический ежегодник России. 1999. М., 1999. С. 63–64.
[23] Там же. С. 241.
[24] Демографический ежегодник России. 2001. М., 2001. С. 232–233.

Резко возросло число смертей от заболеваний системы кровообращения и пищеварения. Тенденция увеличения смертности продолжилась до 2004 г.

Смертность детей до 1 года к моменту распада СССР прошла подъем и снова начала снижаться. Процесс не был столь однозначным даже для РСФСР. Более остро он стоял в Сибири (табл. 5). Снижение смертности младенцев в 1980-е гг. происходило не по всем причинам, но по основным она существенно выросла. По Западной Сибири за 1981–1989 гг. удалось более чем вдвое снизить численность новорожденных, погибших от инфекционных и паразитарных заболеваний, болезней органов дыхания, на 1/3 от внешних причин и болезней органов пищеварения. Выросли на 1/3 показатели летальности малышей до 1 года от врожденных аномалий и на 70 % от некоторых перинатальных причин. В результате снижение смертности детей до 1 года выглядело незначительной величиной. Указанные тенденции отмечались во всех территориях Западно-Сибирского экономического района. Отмечается более быстрое снижение смертности от болезней органов дыхания в Новосибирской области (почти в 4 раза), прирост смертности младенцев в Кузбассе от болезней органов пищеварения. Он наблюдался от микроскопических величин, и поэтому в данном случае возможен статистический казус. От врожденных аномалий в регионах Западной Сибири в 1989 г. умирало на 10 тыс. родившихся от 31,6 в Алтайском крае до 48,4 в Томской области. Наблюдалось повышение смертности от этих причин. Практически постоянно прирастало число умерших малышей от некоторых причин перинатальной смертности. В 1989 г. от них скончалось (на 10 тыс. родившихся) от 71,3 (Алтайский край) и 71,6 (Омская область) до 88,7 (Новосибирская область) и 89,9 (Кемеровская область). В 1989 г. в Новосибирской и Кемеровской областях отмечено некоторое снижение летальности. В других регионах рост смертности продолжился. Связано это было с ужесточением контроля и улучшением статистической регистрации умерших новорожденных, когда путем манипулирования, т.е. с перебросом некоторой части умерших вскоре после рождения в число к мертворожденным, уточнялось само понятие «мертворождение»[25]. В 1990 и 1991 гг. младенческая смертность в западносибирских субъектах России выросла. Исключение составила Томская область, где отмечено небольшое снижение с 18,3 до 17,8 ‰ на 1000 родившихся, и Республика Алтай, где снижение было существенно – с 31,4 до 22,5 ‰ (на 28 %). В Алтайском крае рост смертности составил 20 % (с 15,0 до 18,0 ‰), в Кузбассе 8 % (с 19,7 до 21,1 ‰), в Омской области 5 % (с 17,3 до 18,1‰), в Новосибирской области 2 % (с 18,9 до 19,3 ‰). Во всех регионах, где произошел прирост смертей младенцев, он отмечался в сельской местности. В Новосибирской и Омской областях у горожан младенческая смертность снижалась, а в сельской местности росла. В остальных территориях смертность детей до 1 года росла и в городе, и в селе – сказалось ухудшение экономической обстановки и улучшение статистического учета[26].

Таблица 5

Младенческая смертность в Западной Сибири, ‰

Год	Алтай Республика	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1989	18,4		20,4	19,1	18,0	19,6
1990	31,4	15,0	19,7	18,9	17,3	18,3
1991	22,5	18,0	21,1	19,3	18,1	17,8
1992	30,1	18,7	19,1	19,1	17,5	19,3
1993	27,0	22,6	21,9	20,6	20,3	23,8

[25] Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 243–244.
[26] Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1992. С. 357.

Окончание табл. 5

	Алтай Республика	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1994	26,4	20,2	19,3	18,7	16,9	19,0
1995	27,9	20,8	19,6	15,9	16,3	21,2
1996	33,1	17,8	19,1	16,9	15,1	20,1
1997	25,3	16,6	17,9	17,2	17,9	20,8
1998	23,6	14,6	18,2	14,9	14,3	17,3
1999	28,5	16,8	20,8	15,5	14,0	22,1
2000	23,6	15,3	16,6	15,2	13,3	19,5
2001	19,9	13,6	15,2	14,8	13,5	16,7
2002	22,4	13,5	13,8	14,0	13,2	17,9

Составлено по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 234; Младенческая смертность по субъектам Российской Федерации (1990–2018) (лет) [Электронный ресурс].

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php?reg=78;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php?reg=81;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php?reg=87;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php?reg=88;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php?reg=89;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php?reg=90 (дата обращения: 22.04.2022).

В 1992 г. ситуация со смертностью новорожденных оставалась напряженной. Ее показатели были выше, чем в целом по РФ. В 1992 г. они практически не изменились. По Западной Сибири роста смертности не наблюдалось. В Республике Алтай произошло возвращение к уровню 1990 г., т.е. приращение составило 1/3. Рост смертности на 4 % отмечен в Алтайском крае, на 8 % в Томской области. В Кузбассе младенческая смертность снизилась на 10 % (вернувшись к 1990 г.). В Новосибирской области снижение смертности было на 1 %, в Омской на 3 %, но полного возвращения к уровню 1990 г. не произошло. Младенческая смертность в регионах Западной Сибири медленно росла с некоторыми колебаниями до 1993 г. В последнем отмечен резкий рост смертности детей до 1 года, вызванный ужесточением требований к признанию плода мертворожденным. Произошел рост показателей смертности младенцев. В Алтайском крае прирост составил 21 % (с 18,7 до 22,6 ‰), в Кузбассе 15 % (с 19,1 до 21,9 ‰), в Новосибирской области 8 % (с 19,1 до 20,6 ‰), в Омской области 16 % (с 17,5 до 20,3 ‰), в Томской области 23 % (с 19,3 до 23,8 ‰). В Горном Алтае смертность младенцев снизилась на 10 % (с 30,1 до 27,0 ‰)[27]. Сыграл роль некоторый недоучет событий и отмечались случайные колебания из-за небольшого числа событий. В смертности младенцев произошло существенное приращение числа умерших от врожденных аномалий развития. В 1992 г. этот показатель составлял по Западной Сибири 497,6 на 10 тыс. родившихся, в 1993 г. – 602,2, т.е. больше на 21%. Рост смертности от этих причин был повсеместным: в Республике Алтай – на 21,6 %, в Алтайском крае – на 18,6 %, в Кузбассе – на 21,6 %, в Новосибирской области – на 26,1 %, в Томской – на 24,5 %, в Омской области – на 15 %. Смертность младенцев от такой специфической причины, как «некоторых состояний перинатального периода», также существенно возросла: в Горном Алтае прирост составил 22 %, в Алтайском крае – 25 %, в Кузбассе – на 1/3, в Новосибирской области – на 23 %, в Омской области – на 30 %, в Томской – на 50,2 %. Наиболее пострадали от прироста Ново-

[27] Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 232–233.

сибирская и Томская области, в меньшей степени – Омская область. Соотношение причин смертности сместилось в пользу врожденных аномалий и некоторых состояний перинатального периода. Приросли случаи смертности от инфекционных заболеваний (на 10–20 %), от новообразований (на 5–18 %), от болезней пищеварительной системы (на 15–20 %), от внешних воздействий (на 15–30 %). Структура смертности новорожденных не изменилась. Доминировала триада: аномалии развития, внешние причины и онкологические заболевания[28]. Внешние причины занимали устойчиво 2-е место, но они были устранимыми. Необходимо было усилить внимание к младенцам в семье.

С 1994 г. снижение смертности новорожденных возобновилось и продолжилось с некоторыми колебаниями до конца изучаемого периода. Некоторый подъем смертности младенцев отмечался в 1996–1997 гг. в Новосибирской, Омской и Томской областях. Частично он был вызван улучшением статистического учета, ибо сохранялась практика переброса умерших вскоре после рождения в мертворожденные. Частично увеличение смертности связано с ухудшением питания беременных, ибо пособие по рождению ребенка и выплаты на мать-одиночку были выше, чем минимальная зарплата, особенно в сельской местности, которую еще зачастую задерживали. Выше стала доля рождений в неблагополучных семьях, где уход за новорожденным был хуже. Увеличилась доля умерших детей от инфекций, в том числе и от внутрибольничных. Смертность в Омской области от инфекционных и паразитарных заболеваний составляла в 1996 г. на 10 тыс. родившихся 10,3, а в 1997 г. – 18,9, в 1998 г. – 18,0. В Томской области соответственно 10,3, 12,9 и 12,0. В Новосибирской области такой закономерности не прослеживается. Здесь число умерших от инфекций в 1996 и 1997 гг. снижалось, хотя отмечен некоторый подъем в 1998 г., но он не достиг уровня 1996 г. Частично рост смертности связан с малочисленностью родившихся вообще. Отмечается «игра малых цифр», т.е. большие колебания показателей из-за малого числа событий. В Кемеровской области подъема смертности от инфекций у младенцев не отмечено, а в 1998 г. смертность от них снизилась на 14 %. Специфической была ситуация в Алтайском крае, где подъем смертности от инфекций в 1997 г. был в 1,5 раза выше, но на следующий год наблюдалось снижение вдвое. Может, это связано с какими-то статистическими манипуляциями. В регионе смертность от этой причины в 1996 г. на 10 тыс. родившихся составляла 9,7, в 1997 г. – 12,5, а в 1998 г. – 6,0[29].

Снижались показатели смертности от заболеваний органов дыхания и пищеварения. Последние стали незначительны в структуре смертности младенцев. По регионам они колебались от 0,8 до 2,1 на 10 тыс. родившихся. Относительно высокими оставались показатели смертности от несчастных случаев и других внешних причин. Наиболее низкие показатели смертности отмечались в Омской области – от 4,0 до 7,4 на 10 тыс. родившихся. В Новосибирской области и Алтайском крае за 3 года снизились с 10 до 7 на 10 тыс. родившихся. В Томской области выросли вдвое – с 8,2 до 17,0. В Кузбассе рост был меньшим – с 17,5 до 22,7, при снижении в 1997 г. до 21,7[30].

Основными причинами смерти младенцев стали врожденные аномалии (класс 14 по номенклатуре причин смертности) и отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде (класс 15). Вместе они составляли 60–65 % всех смертей младенцев. Зачастую такие причины смерти оказывались неустранимыми в медицинской практике. Смертность от этих причин снижалась. Наиболее низкие показатели смертности от этих причин отмечались в Томской области. От причин класса 14 в Томской области скончалось на 10 тыс. родившихся в 1996 г. 21,6, в 1997 г. – 32,4, а в 1998 г. – 14,0. За данный период в Кемеровской области снижение составило 9 % (с 39,3 до 36,6), в Алтайском крае с 39,1 до 29,4 (25 %), в Новосибирской области с 37,9 до 33,6. Отмечены значительные колебания в Омской области: в 1996 г. – 40,8, в 1997 г. – 48,1 и, в 1998 г. – 33,6; Республике Алтай – 76,4, 44,6 и 76,4 соответственно. Значительную жатву смерть собирала по классу 15 по причинам смерти –

[28] Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат, 1994. С. 282–283.
[29] Демографический ежегодник Российской Федерации. 1999. М., 1999. С. 319.
[30] Там же. С. 319.

отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде. Минимальное число умерших от этих причин отмечалось в Омской области – 56–31 на 10 тыс. родившихся. Выше показатели были в Кемеровской области – 65–70, в Новосибирской области – 68–76. В Республике Алтай они были 109 в 1996 г. и снизились до 60,2 в 1998 г., в Томской области соответственно с 106,7 до 78,9. На Алтае снижение составило с 80,8 до 60,2. На всех территориях отмечалась тенденция к снижению смертности младенцев от этих причин[31].

Литература

Бельков А.В., Заболотская К.А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории, 1920–2015 гг. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2015. 112 с.

Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск: НГПУ, 1997. 162 с.

Бурматов А.А. Население Новосибирской области: 1937 г. – конец XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2001. 24 с.

Бурматов А.А. Рождаемость в Новосибирской области в 1990-е гг. // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. ст. X Уральского демографического форума: в 2 т. Екатеринбург: ИЭУрО РАН, 2019. Т. 1. С. 45–50.

Бурматов А.А. Смертность населения Новосибирской области в 1990-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2020. С. 424–433.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.): колл. моногр. / Н.С. Коробейникова, М.А. Семенов, В.Б. Лапердин и др.; отв. ред. В.А. Зверев, В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.

Добрыгина Е.П. Особенности демографических процессов в сельских районах Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Ч. 1. С. 128–131.

Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.). Барнаул: АЗБУКА, 2011. 272 с.

Заболотская К.А. Особенности формирования населения Кузбасса в условиях современной России. // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Ч. 1. С. 131–135.

Кисельников А.А., Бессонова Г.А., Харченко Л.П. Население Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. Т. 1. 544 с.

Кисельников А.А., Бессонова Г.А., Харченко Л.П. Население Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. Т. 2. 560 с.

Население Западной Сибири в XX в. / Т.М. Бадалян, Л.М. Горюшкин, Н.Я. Гущин и др.; отв. ред. Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 172 с.

References

Belkov, A.V., Zabolotskaya, K.A. (2015). *Ocherki po istorii naseleniya Kuzbassa v noveyshiy period otechestvennoy istorii. 1920–2015 gg.* [Essays on the History of Kuzbass Population in the Newest Period of National History, 1920–2015]. Kemerovo, Kemerovskiy gos. un-t. 112 p.

Burmatov, A.A. (1997). *Demograficheskaya istoriya Kainska-Kuybysheva i ego okrugi* [Demographic History of Kainsk-Kuibyshev and Its Districts]. Novosibirsk, NGPU. 162 p.

Burmatov, A.A. (2001). Naseleniye Novosibirskoy oblasti: 1937g. – konets XX v [The Population of the Novosibirsk Region: 1937 – the End of the Twentieth Century]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Omsk. 24 p.

[31] Демографический ежегодник России. 1999. М., 1999. С. 319.

Burmatov, A.A. (2019). Rozhdayemost v Novosibirskoy oblasti v 1990-e gg. [Birth Rate in Novosibirsk Region in 1990s.]. In *Sotsialno-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizatsii natsionalnykh proektov v regione. Sbornik statey X Uralskogo demograficheskogo foruma*. Ekaterinburg, Vol. 1, pp. 45–50.

Burmatov, A.A. (2020). Smertnost naseleniya Novosibirskoy oblasti v 1990-e gg. [Mortality of Novosibirsk Region Population in 1990s]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2020*. Irkutsk, pp. 424–433.

Gushchin, N.Ya., Isupov, V.A. (Eds.). (1997). *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX v.* [The Population of Western Siberia in 20th Century]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 172 p.

Dobrygina, E.P. (2007). Osobennosti demograficheskikh protsessov v selskikh rayonakh Kemerovskoy oblasti na rubezhe XX–XXI vv. [Features of Demographic Processes in Rural Areas of Kemerovo Region at the Turn of the XX–XXI Centuries]. In *Aktualnye voprosy istorii Sibiri*. Barnaul, Vol. 1, pp. 128–131.

Eremin, A.A., Bykov, N.I. (2011). *Demograficheskaya situatsiya v Altayskom krae na sovremennom etape (1990–2010 gg.)* [Demographic Situation in Altai Territory at the Present Stage (1990–2010)]. Barnaul, AZBUKA. 272 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX v.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Centuries)]. Novosibirsk, II SO RAN. 350 p.

Kiselnikov, A.A., Bessonova, G.A., Kharchenko, L.P. (2005). *Naselenie Novosibirskoy oblasti* [Population of Novosibirsk Region]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. Vol. 1. 544 p.

Kiselnikov, A.A., Bessonova, G.A., Kharchenko, L.P. (2005). *Naselenie Novosibirskoy oblasti* [Population of Novosibirsk Region]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. Vol. 2. 560 p.

Zabolotskaya, K.A. (2007). Osobennosti formirovaniya naseleniya Kuzbassa v usloviyakh sovremennoy Rossii [Features of Formation of Kuzbass Population in Conditions of Modern Russia]. In *Aktualnye voprosy istorii Sibiri*. Barnaul, Vol. 1, pp. 131–135.

Д.С. Орлов*

РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ (ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ВЕТЕРИНАРНОГО ОТДЕЛА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМИТЕТА АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-17
УДК 94:636(571.150)“1985/1991”

Выходные данные для цитирования:
Орлов Д.С. Развитие животноводства в Алтайском крае во второй половине 1980-х годов (объяснительная записка ветеринарного отдела агропромышленного комитета Алтайского края) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 203–213. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-17.pdf

D.S. Orlov*

THE DEVELOPMENT OF ANIMAL HUSBANDRY IN THE ALTAI TERRITORY IN THE SECOND HALF OF THE 1980S (EXPLANATORY NOTE OF THE VETERINARY DEPARTMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMMITTEE ALTAI TERRITORY)

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-17

How to cite:
Orlov D.S. The Development of Animal Husbandry in the Altai Territory in the Second Half of the 1980s (Explanatory Note of the Veterinary Department of the Agro-Industrial Committee Altai Territory) // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 203–213. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-17.pdf]

Abstract. The explanatory note of the veterinary department of the Altai Regional Agro-Industrial Committee “To the veterinary report on the Gorno-Altai Autonomous Region for 1986”, found in the funds of the State Archive of the Altai Territory, is introduced into scientific circulation. Its content is important for understanding the development of the agricultural sector in the second half of the 1980s. The publication is preceded by an introductory article, which analyzes the dynamics of the region’s animal husbandry in the last Soviet five-year plan. The pace of development of animal husbandry in this period was significant. The increase in meat production was mainly ensured by the early maturing sub-sectors – poultry and pig breeding. The intensive development of animal husbandry became possible, among other things, thanks to achievements in breeding. The Gorno-Altai breed of downy goats was created, work was underway to create a breed of semi-fine-fleeced sheep. Beef cattle breeding, sheep breeding and goat breeding were further developed. A significant part of livestock production was produced in the Gorno-Altai Autonomous Region, where cattle breeding was the leading industry. The region had a specific structure of livestock with a predominance of sheep and goat breeding, as well as cattle, with practically undeveloped industrial pig and poultry breeding. The influence of natural and climatic factors (mountainous terrain, sharply continental climate) was also significant. The Gorno-Altai Autonomous Region made a significant contribution to the national fund, producing about a third of the volume of goat down, a significant amount of sheep wool. Despite the increase in the production of meat and other livestock products, the situation with the organization of veterinary services for livestock farms remained difficult. The construction of specialized premises was carried out at a slow pace, a number of agricultural enterprises lacked the necessary equipment, and there was a shortage of qualified veterinary personnel.

Keywords: agrarian policy of the state, Agriculture, animal husbandry, veterinary care, Altai region.

* **Дмитрий Сергеевич Орлов,** доктор исторических наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск, Россия, e-mail: orlovd2010@mail.ru
Dmitry Sergeevich Orlov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical-Legal and Social-Humanitarian Disciplines, Altai State Humanitarian-Pedagogical University named after V.M. Shukshina, Biysk, Russia, e-mail: orlovd2010@mail.ru

The article has been received by the editor on 29.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводится объяснительная записка ветеринарного отдела Алтайского краевого агропромышленного комитета «К ветеринарному отчету по Горно-Алтайской автономной области за 1986 год», выявленная в фондах Государственного архива Алтайского края. Ее содержание имеет важное значение для понимания особенностей развития аграрного сектора во второй половине 1980-х гг. Публикация предваряется вводной статьей, в которой проводится анализ динамики животноводства региона в последней советской пятилетке. Темпы развития животноводства в Алтайском крае в указанный период были достаточно высокими. Наращивание производства мяса в основном обеспечивалось за счет скороспелых подотраслей – птицеводства и свиноводства. Интенсивное развитие животноводства стало возможным в том числе и благодаря достижениям в селекции. Была создана горноалтайская порода пуховых коз, велась работа над выведением породы полутонкорунных овец. Получили дальнейшее развитие мясное скотоводство, овцеводство и козоводство. Значительная часть продукции животноводства края производилась в Горно-Алтайской автономной области, где скотоводство являлось ведущей отраслью. Область имела специфическую структуру поголовья скота с преобладанием овцеводства и козоводства, а также крупного рогатого скота при практически неразвитом промышленном свиноводстве и птицеводстве. Существенным было влияние и природно-климатических факторов (горная местность, резко-континентальный климат). Горно-Алтайская автономная область вносила существенный вклад в общегосударственный фонд, производя около трети объема козьего пуха, существенное количество овечьей шерсти. Несмотря на увеличение производства мяса и другой скотоводческой продукции, сложной оставалась ситуация с организацией ветеринарного обслуживания животноводческих хозяйств. Низкими темпами велось строительство специализированных помещений, в ряде сельхозпредприятий недоставало необходимого оборудования, не хватало квалифицированных ветеринарных кадров.

Ключевые слова: аграрная политика государства, сельское хозяйство, животноводство, ветеринарное обслуживание, Алтайский край.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022

Изучение особенностей развития основных отраслей сельского хозяйства СССР и его регионов во второй половине 1980-х гг. представляется актуальным, поскольку должно способствовать оценке недостатков и достоинств аграрного строя на завершающем этапе существования СССР. Неполное отражение данного вопроса в научной исторической и экономической литературе стимулирует ее разностороннее изучение. В данной работе делается попытка реконструировать развитие животноводства в обозначенный исторический период на примере одного из крупнейших аграрных регионов Западной Сибири – Алтайского края, включавшего в свой состав Горно-Алтайскую автономную область. Рассматриваемая научная проблема получала частичное освещение в работах ряда авторов[1].

Основными подотраслями животноводства в Алтайском крае в исследуемый период были скотоводство, овцеводство, свиноводство и птицеводство. В 1985 г. на территории региона во всех категориях хозяйств содержалось 2 257,2 тыс. голов крупного рогатого скота

[1] Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012; История Алтая. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века). Барнаул, 2019; *Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н.* Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск, 2018.

(КРС) (в том числе 812,3 тыс. коров), 867,7 тыс. свиней, 3 177,4 тыс. овец и коз (табл. 1). Удельный вес КРС, свиней, овец и коз в общем стаде продуктивного скота равнялся 35,8, 13,7 и 50,5 % (табл. 2). Бóльшая часть продуктивного скота содержалась на совхозных и колхозных фермах. Важную роль в животноводстве играл личный сектор аграрной экономики.

Таблица 1

Поголовье продуктивного скота в Алтайском крае в 1985–1989 гг., в хозяйствах всех категорий, тыс. голов (на конец года)

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Крупный рогатый скот	2 257	2 338	2 357	2 341	2 316	2 229
в том числе коровы	812	810	805	802	802	786
Свиньи	868	905	874	870	865	796
Овцы и козы	3 177	3 158	3 091	3 073	2 993	2 751

Составлено по: Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 151. Д. 129. Л. 9; *Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н.* Сельское хозяйство Западной Сибири… С. 273.

Таблица 2

Структура поголовья продуктивного скота в Алтайском крае в 1985–1989 гг., в хозяйствах всех категорий, % (на конец года)

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Крупный рогатый скот	35,8	36,5	37,3	37,3	37,5	38,6
Свиньи	13,7	14,1	13,8	13,9	14,0	13,8
Овцы и козы	50,5	49,4	48,9	48,8	51,5	47,6

Составлено по: ГААК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 129. Л. 9; *Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н.* Сельское хозяйство Западной Сибири… С. 275.

Ведущей отраслью животноводства в Горном Алтае было овцеводство. Основным направлением овцеводства в сельхозпредприятиях области в исследуемый период являлось шерстно-мясное тонкорунное. В личном секторе аграрной экономики доминировало мясо-шерстное овцеводство. Помимо овец разводились и козы.

Динамика поголовья мелкого рогатого скота определялась процессами концентрации производства. Овцеводство сосредотачивалось в крупных специализированных совхозах. В овцесовхозах стали широко использоваться прогрессивные технологические приемы: специализация ферм и бригад, скоростная стрижка овец, интенсивный нагул. В рамках ветеринарного обслуживания использовались профилактика заболеваний, защита животных от клещей и гнуса, дезинфекция ферм, диспансеризация маточного стада, строительство ветеринарных пропускников со стационарными изоляторами.

Интенсивное развитие животноводства стало возможным в том числе и благодаря достижениям в селекции. В племзаводах и племсовхозах региона осуществлялась работа по созданию высокопродуктивных племенных стад алтайской породы овец с целью повышения их продуктивности на 15–20 %. Для улучшения качества шерсти алтайской породы овец велась работа по прилитию крови австралийских баранов. В Горно-Алтайской автономной области применялось скрещивание местных пород КРС с казахской белоголовой породой. Совхоз «Чарышский» был племенным хозяйством по герефордам, совхоз «Шебалинский» специализировался на выведении пород для тебеневки (круглогодичного выпаса). Совхоз

«Мельниковский» разводил скот абердин-ангусской породы. Горно-Алтайская область являлась крупным производителем козьего пуха. В 1970-е гг. этими хозяйствами была создана горноалтайская порода пуховых коз. Ее выведение было осуществлено в колхозах «50 лет СССР» и «Путь к коммунизму» Кош-Агачского района, колхозах «Искра» и «Ининский» Онгудайского района и в племенном козоводческом совхозе «Эдиганский» Шебалинского района Горного Алтая. Горно-Алтайская автономная область производила треть от общесоюзных объемов козьего пуха.

Важным фактором развития животноводства являлась комплексная механизация. Наиболее активно интенсифицировались скороспелые отрасли – птицеводство и свиноводство. Существенный вклад в рост производительности труда в молочном скотоводстве внесло машинное доение. Оно было внедрено в абсолютном большинстве молочно-товарных ферм региона. В колхозах и совхозах происходил процесс концентрации молочного животноводства. Мелкие фермы закрывались, вместо них строились более крупные. Вводились в эксплуатацию молочные комплексы. К середине 1980-х гг. в регионе действовало 29 молочных комплексов с поголовьем 21,5 тыс. коров. Большая часть поголовья в колхозах и совхозах содержалась на молочно-товарных фермах, на которых в среднем находилось по 200 коров[2]. В овцеводстве и козоводстве процент комплексной механизации был невысоким, значительная часть поголовья размещалась в приспособленных помещениях. Как правило, механизировались лишь отдельные производственные процессы – например, стрижка овец.

Несмотря на достижение определенных результатов, в полной мере не удалось решить задачи интенсификации отрасли. На развитии отрасли отрицательно сказывались болезни скота. Значительным оставался объем незавершенного строительства.

К 1991 г. численность КРС на сельхозпредприятиях и в личных подсобных хозяйствах населения Алтайского края сократилась по сравнению с 1985 г. на 1,2 %, свиней – на 3 %, овец и коз – на 13 % (см. табл. 1). Минимальные изменения претерпела и структура поголовья сельскохозяйственных животных. Удельный вес КРС, свиней, овец и коз в общем стаде продуктивного скота составил 38,6, 13,8 и 47,6 %. Несмотря на небольшое снижение поголовья скота, объемы производства мяса и молока за двенадцатую пятилетку в целом по краю существенно выросли. Среднегодовое производство данных продуктов в 1986–1990 гг. увеличилось по сравнению с предшествующим пятилетием на 18,6 и 11,4 % соответственно. В то же время настриг шерсти снизился на 5,6 %. В Горно-Алтайской области динамика была иной. Производство мяса выросло на 23,5 %, шерсти – на 6,1, а молока сократилось на 7,8 % (табл. 3).

Таблица 3

Производство основных видов продукции животноводства в Алтайском крае за одиннадцатую и двенадцатую пятилетки в хозяйствах всех категорий

Продукция животноводства	Алтайский край		в том числе Горно-Алтайская АО	
	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.
Мясо в убойном весе, тыс. т	248	294	17	21
Молоко, тыс. т	1 765	1 966	103	95
Шерсть, т	10 748	10 146	2 134	2 264

Составлено по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 году. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 466, 469, 483.

[2] *Мкртчян Ш.А., Кондратьев А.М.* Развитие животноводства на Алтае за 50 лет. Барнаул, 1987. С. 9.

Ниже в соответствии с существующими правилами публикуется объяснительная записка ветеринарного отдела Алтайского агропромышленного комитета «К ветеринарному отчету по Горно-Алтайской автономной области за 1986 год», выявленная в фонде Р-1794 (Агропромышленный комитет Алтайского края исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов) Государственного архива Алтайского края (ГААК). Документ публикуется с минимальными правками орфографии, пунктуации и явных опечаток, сохранено оригинальное выделение текста подчеркиванием.

В записке сообщается, что область успешно справилась с планом продажи государству животноводческой продукции. Областью было продано молока государству 109 % к плану, мяса – 110, шерсти – 108, козьего пуха – 159 %. В сравнении с прошлым годом падеж телят уменьшился на 5 %, ягнят – на 6,8, козлят – на 10,6 %. Несмотря на увеличение производства мяса и выполнение планов, сложной оставалась ситуация с организацией ветеринарного обслуживания. Недостаточными темпами велось строительство необходимых помещений, не хватало специального оборудования, ветеринарных врачей и фельдшеров.

* * *

Объяснительная записка ветеринарного отдела агропромышленного комитета Алтайского края «К ветеринарному отчету по Горно-Алтайской автономной области за 1986 год»

г. Горно-Алтайск [март] 1987 г.

В зимовку 1986–1987 года пошло: лошадей – 60 852 головы, крупного рогатого скота – 142 062, в т.ч. коров 50 537, мелкого рогатого скота – 118 666 голов, в т.ч. овцекозоматок – 550 546, маралов – 17 979, оленей – 8 515 и верблюдов – 921 голова, что составляет 370 157 условных голов.

На это поголовье заготовлено 185 083 тонн кормовых единиц грубых, сочных и концентрированных кормов. Обеспеченность на условную голову – 5,4 центнеров кормовых единиц, а в сутки 2,5 килограммов кормовых единиц.

Приведенные данные показывают, что кормообеспеченность общественного животноводства низкая, поэтому колхозы и совхозы Кош-Агачского, Улаганского, Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского и Шебалинского районов широко используют в зимний период тебеневочное содержание лошадей, сарлыков, овец и коз.

Несмотря на низкую обеспеченность кормами, область успешно справилась с планом продажи государству животноводческой продукции. Областью продано молока государству 45 376,5 тонн, что составляет 109 % к плану, мяса 29 609,1 тонн, или 110 % к плану, шерсти 15 724 центнеров в зачетном весе 108 % к плану, [козьего] пуха 1 423 центнера (159 % к плану), а пантов маралов 1 554 центнеров или 108 % к плану, пантов оленей 1 096 центнеров или 110 % и меда – 1 209 центнеров, что составляет 105 % к плану.

План выходного поголовья на 1 января 1987 года выполнен по лошадям на 102 %, крупному рогатому скоту на 104 %, мелкому рогатому скоту 99 %, по маралам и оленям на 102 %.

По данным ЦСУ отход сельскохозяйственных животных составил: по лошадям – 1 915 голов, по крупному рогатому скоту – 6 461 голова (3,4 % к обороту стада), по мелкому рогатому скоту – 121 714 голов (8,2 % к обороту), по маралам – 1 076 голов, оленям – 312 голов.

Падеж молодняка рождения текущего года к приплоду составил по телятам 6,8 %, по ягнятам – 11,9 % и козлятам – 18,4 %.

В сравнении с прошлым годом падеж телят уменьшился на 5 %, ягнят – на 6,8 %, козлят – на 10,6 %.

В цифровом выражении падеж телят текущего года рождения составил 3 404 головы, ягнят и козлят – 56 173 головы.

От общего числа павших на долю молодняка крупного рогатого скота 1986 года рождения падает 52,6 %, мелкого рогатого скота 46,1 %. Общий процент падежа крупного рогатого скота 5 %, мелкого рогатого скота 12 %.

Хозяйства области несут большие потери от незаразных заболеваний. В 1986 году ветеринарными специалистами была оказана лечебная помощь 374 094 больным животным.

Из числа заболевших животных на долю молодняка текущего года и прошлых лет приходится 50 %, что является следствием неудовлетворительного кормления маточного поголовья в период беременности и плохого кормления и содержания молодняка в постнатальный период[1].

Лечебный эффект по незаразным болезням по всем видам животных к числу павших составил 67 %, а по заразным 60,7 %.

ЭПИЗООТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Инфекционные болезни

Область в течение года оставалась благополучной по острым инфекционным заболеваниям. Однако встречались спорадические случаи возникновения пастереллеза[2], эмкара[3], злокачественного отека среди крупного рогатого скота[4], отдельные локальные очаги брадзота[5], листериоза[6] среди овец и коз.

В 1986 году в хозяйствах Майминского, Шебалинского, Чойского районов наблюдались выделения положительно-реагирующих на бруцеллез[7].

За год выделено 87 голов крупного рогатого скота, в т.ч. 83 в общественном секторе. Алтайская НИВС[8] в 66 случаях выделила вакцинный штамм возбудителя. Остальные животные также реагировали на вакцину.

За отчетный период выделено в совхозах и частном секторе Усть-Коксинского района 126 голов крупного рогатого скота, положительно реагирующих на туберкулин, из них 34 – в общественном секторе.

При убое на Бийском мясокомбинате изменений, свойственных туберкулезу, за исключением единичных случаев не наблюдалось.

Взят пат[ологический]материал от 3-х туш, микроскопия отрицательная, биопроба продолжается.

В 1986 году в совхозе «Эдиганский» на основании клинических признаков, пат[ологический] картины, аллергии и лабораторных методов диагностики установлен паратуберкулез[9] у овец и коз. При обследовании 12 738 голов аллергическим методом с помощью туберкулина птичьего ППД[10] здесь выделено 576 овец и коз. При контрольном убое положительно-реагирующих животных (по одному из неблагополучной отары) диагноз подтвердился.

Подтвердила диагноз на паратуберкулез и лаборатория туберкулеза ВИЭВ[11].

С помощью заведующего этой лабораторией кандидата ветеринарных наук т. Шарова В.А. в хозяйстве разработаны мероприятия по ликвидации названной инфекции. Больные животные сданы на мясокомбинат.

При контрольном аллергическом обследовании нескольких отар коз в хозяйствах Онгудайского, Усть-Канского и Кош-Агачского районов также выделялось небольшое количество животных, положительно реагирующих на туберкулин ППД.

В 1987 году обследование мелкого рогатого скота на паратуберкулез будет расширено.

По эпидидимиту сняты ограничения с последних 3 пунктов в Усть-Коксинском районе.

Копытная гниль[12] и некробактериоз[13] среди мелкого рогатого скота в овцеводческих районах хотя и снижены в 8 раз, но еще причиняют значительный экономический ущерб. Для эффективной борьбы необходим области параформ[14] (жидкий формалин неудобен при перевозках на летние альпийские пастбища).

В области остаются один неблагополучный пункт (АЭХ СО АН СССР[15]) по бруцеллезу маралов и 7 хозяйств по туберкулезу маралов.

В связи с тем, что хозяйства не строят новых изолированных парков для выращивания молодняка от отрицательно реагирующих маралух, борьба с туберкулезом очень осложня-

ется. Практически бессмысленно проводить исследования рогачей, т.к. забой их не разрешается, а свободных садов для раздельного содержания в хозяйствах нет.

В октябре-феврале силами ветслужбы области проведено аллергическое обследование 6 633 голов маралов (маралух, маралушек прошлого года рождения, телят).

Из них реагировали положительно 81 голова.

В ноябре-декабре 1986 года 2 775 маралят текущего года рождения привиты вакциной БЦЖ[16] и 1 725 голов молодняка 1985 года рождения ревакцинированы названной вакциной. С помощью старшего научного сотрудника НИЛПО[17] т. Луницина проведен эксперимент по вакцинации маралят разными дозами вакцины БЦЖ. Результаты уточняются.

Построены новые изолированные парки лишь в совхозах «Карагайский» – 10 километров и «Коргонский» – 8 километров. Первый парк заполняется телятами прошлого и нынешнего года рождения, в парк совхоза «Коргонский» переводится все поголовье Санаровской фермы совхоза «Талицкий», благополучной в отношении туберкулеза.

Инвазионные болезни[18]

Все еще остается широко распространенным гиподерматоз[19] крупного рогатого скота. В среднем по области поражение составляет 5,5 %.

В отдельных гуртах молодняка он значительно выше.

Причиной распространения подкожного овода является неполный охват животных, особенно на отдаленных стоянках животноводов, ранней химиотерапией и значительное распространение кожно-оводовой инвазии среди диких парнокопытных животных (маралов, косуль, лосей).

Не снижается пораженность мелкого рогатого скота ценурозом[20] и эхинококкозом[21]. В Ябоганском совхозе, например, поражены ценурозом 4 % овец, пораженность эхинококкозом достигает в отдельных хозяйствах до 14 и даже 60 процентов.

Для усиления борьбы с этими опасными болезнями, причиняющими до 3–4 млн рублей ущерба, в г. Горно-Алтайске строится помещение, монтируется станок для изготовления фенасальных[22] брикетов мощностью 100 тысяч штук в год. С марта этот агрегат будет запущен в работу.

С этой же целью усилен контроль за ограничением содержания собак, особенно на чабанских стоянках, улучшением ветеринарно-санитарного состояния животноводческих ферм, строительством биотермических ям для утилизации трупов.

В Теньгинском совхозе построен цех по утилизации трупов, переработке их на мясокостную муку. Сюда с марта будут собираться трупы с хозяйств Онгудайского района.

В ряде хозяйств стала правилом доставка голов от павших животных в совхозную лечебницу, где они сжигаются. Без доставки головы чабан не получит акта на выбытие животного.

В настоящее время решается вопрос о издании типографским способом регистрационных удостоверений на собак, в которых будут фиксироваться все вакцинации и обработки.

В 1986 г. в 12 отарах совхоза «Барагашский» зарегистрирована чесотка среди овец в совхозе им. 60-летия СССР среди крупного рогатого скота.

Для механизации трудоемкой работы – купки овец 9 совхозов закупили механизированные купочные ванны марки ОКБ.

Совхоз «Барагашский» через такую ванну пропустил свое 40-тысячное поголовье овец 5–6 раз.

С начала зимовки псороптоз[23] в области не регистрируется.

На 1987 год ванны ОКБ заказали еще несколько хозяйств.

Ежегодно овцеводству большой ущерб наносят кишечные и легочные гельминтозы. Для борьбы с этим злом в области практикуется изготовление травяных гранул с антигельминтиками, в частности с панакуром, мебенветом, фенасалом, тетрамизолом-гранулятом.

Анализ показал, что наиболее эффективными из перечисленных препаратов оказался панакур, с его помощью до 100 % животных освобождаются от кишечных нематод, мониезий и диктиокаул[24]. Однако мы испытываем фактический недостаток панакура.

В 1985 году было изготовлено гранул с антигельминтиками – 33 тонны, в 1986 году – 103 тонны. В настоящее время уже 15 хозяйств имеют дозаторы 1ЦД-3А. Если нам дадут в достатке панакур или мебенвет, кишечные гельминтозы можно резко сократить.

В 1986 году впервые в Турочакском районе на двух пасеках зарегистрирован европейский гнилец пчел. Заболели 100 пчелосемей. Возбудитель болезни занесен с вощиной.

Ветеринарные кадры

Ветеринарная служба на конец 1985 года имеет:

ветеринарных врачей 146 человек, штаты укомплектованы на 71 %. Недостает 57 ветврачей, в том числе в совхозах – 6, в колхозах – 3.

Ветфельдшеров со средним образованием – 348, с курсовой подготовкой – 32 человека;

ветеринарных санитаров – 89 человек.

На ветеринарных факультетах институтов разных городов учится заочно 7 человек.

В 1986 году в область прибыли после окончания высших учебных заведений 13 ветеринарных врачей. Все они трудоустроены по специальности в колхозах, совхозах и учреждениях госветсети.

В марте в хозяйства области из Горно-Алтайского совхоза-техникума прибыло 37 ветеринарных фельдшеров.

В отчетном периоде прошли переподготовку на ФПК[25] Ленинградского, Новосибирского и Алтайского институтов 10 ветврачей, а в Барнаульской школе управления АПК[26] 10 ветфельдшеров.

Ветеринарными специалистами области в истекаемом году проведена определенная работа по профилактике инфекционных и инвазионных заболеваний животных, контролю за соблюдением ветеринарного Устава Союза СССР, внедрению прогрессивных технологий в ветеринарную практику и практику животноводства, пропаганде ветеринарных знаний среди работников животноводства.

В области трудится ряд высококвалифицированных специалистов, которые своим трудом вносят посильный вклад в дело развития общественного животноводства.

К ним относятся:

Мальков Михаил Николаевич – главный ветврач ОПХ[27] «Чуйское». Он умело внедряет передовые, прогрессивные методы профилактики заразных и незаразных болезней, четко организовал работу по воспроизводству стада. В прошедшем году в хозяйстве получено по 96 телят на 100 коров и нетелей. Это наивысший показатель в области.

ОПХ «Чуйское» является опорным хозяйством по ветеринарии, а его главный ветврач руководителем практики ветврачей-стажеров хозяйств области.

Руководство Горно-Алтайской сельхозопытной станции оформляет материалы для присвоения т[оварищу] Мелькову М.Н. звания «Заслуженный ветеринарный врач РСФСР».

Икамбаев Анайбек Бельгебаевич – главный ветврач колхоза им. Калинина Кош-Агачского района. Проявил инициативу в создании ГСП[28], где на высоком уровне организована лечебная работа, применяется групповой аэрозольный метод лечения респираторных болезней, используется инфракрасное и ультрафиолетовое облучение животных. Сохранение в целом по хозяйству составило: крупного рогатого скота – 96,81, овец и коз – 97 %, лошадей – 97, верблюдов – 93 %. Деловой выход телят – 85 %, ягнят и козлят – 78 %.

Настрижено шерсти с одной головы 2 кг 338 гр (107 % к плану), начесано пуха с одной козы 683 грамма (106 % к плану).

Значительных успехов в сохранении поголовья добились ветеринарные специалисты Шебалинского, Турочакского и Чойского районов, в совхозах этих районов отход крупного рогатого скота и овец сокращен в 2–3 раза.

Пользуется заслуженным авторитетом среди работников животноводства главный ветврач совхоза «Оленевод» Карамаев В.В., главный ветврач Турочакского района Кузнецов А.И., главный ветврач Алтайского экспериментального хозяйства СО АН СССР Земиров В.С., ветврач совхоза им. 60-летия СССР Ничков А.Е. и другие, посвятившие многие годы нелегкой профессии ветеринарного специалиста.

Благодаря их трудовому вкладу в 1986 году падеж крупного рогатого скота сокращен на 4649 голов или на 42 % к прошлому году, овец и коз на 45 477 голов (28 %).

Получено на 100 коров и нетелей 76 телят, на 100 маток 78 ягнят и козлят, что больше в сравнении с прошлым годом соответственно на 3 и 2 головы.

Сокращение падежа, увеличение делового выхода молодняка позволили выполнить план продажи мяса и молока, создали определенный резерв на 1987 год.

В 1986 году ветспециалисты 5 районов уделили больше внимания выращиванию телят на открытом воздухе в индивидуальных домиках – профилакториях.

В 862 «берложках» выращено 1 657 новорожденных телят – сохранность 94 %. В Турочакском, Шебалинском, Усть-Коксинском районах, где технология выращивания телят соблюдалась, сохранность составила 100 %. На Гусевской ферме совхоза «Чойский», Алферовской ферме совхоза-техникума, где в одну клетку-домик помещали по 2–3 теленка, отсутствовала борьба с сыростью, результаты получены отрицательные. Отход здесь составил соответственно 13 % и 7,2 %.

В целях усиления борьбы с кишечными и легочными гельминтозами в 15 хозяйствах осенью овец обработали групповым методом кормовыми гранулами с панакуром, мебенвентом и тетрамизол-гранулятом. Всего этим методом обработано 93,7 тысячи голов. Эффективность высокая.

Для предупреждения безоарной болезни[29] применяются минеральные брикеты с макро- и микроэлементами.

В 1985–86 году на базе совхозов «Теньгинский», «Шебалинский», «Эдиганский» проведен производственный опыт по применению с профилактической целью новорожденным ягнятам комбинированных терапевтиков по прописям профессора Ю.Я. Дольникова. Под опытом находились 9750 новорожденных ягнят и козлят. Результаты хорошие. Отход новорожденного молодняка сокращается в 2–6 раз.

Настойчиво внедряется прогрессивная форма ветеринарного обслуживания – организация лечебной работы в ЛСП[30]. В настоящее время в области функционируют в приспособленных помещениях 20 ЛСП. Совхозы: «Семинский», «Еловский», колхоз им. Калинина Кош-Агачского района намерены строить типовые стационарные лечебно-санитарные пункты. Исходные данные уже подготовлены.

По автотранспорту и дезотехнике.

На 1 января 1987 года госветсеть, колхозы и совхозы имеют в наличии: ветамбулатории на шасси ГАЗ-52, ГАЗ-53 – 14 штук, УАЗ-469 – 33, ДУКов[31] – 28, параформалиновая камера ДА-3 – 1 штука.

Техническое состояние спецавтотранспорта удовлетворительное.

И тем не менее резины и запасных частей хронически не хватает. Ощущается острый недостаток в спецавтотранспорте в совхозах и особенно в колхозах области.

Ветеринарное строительство.

За счет средств госстраха в 1986 году построено 4 двухквартирных жилых дома, начато строительство гаража на 3 автомобиля в Чойской ветстанции, произведен текущий ремонт ряда объектов производственного назначения.

На эти цели израсходовано 46 тысяч рублей из средств госстраха, 15 тысяч рублей за счет местного бюджета и 29 тысяч рублей за счет средств, отпущенных на мелиоративные работы.

Из 157 тысяч рублей, отпущенных на строительство областной ветаптеки, за год израсходовано лишь 9 тысяч рублей.

Ряд объектов госветсети требует срочного капитального ремонта. Чёрно-Ануйская участковая лечебница, например, находится в аварийном состоянии. В большинстве совхозов и колхозов центральные ветлечебницы располагаются в приспособленных помещениях, где часто нет элементарных условий для работы, медикаменты и особенно биопрепараты хранятся с грубейшими нарушениями.

Вопросы строительства ветаптек, объектов ветеринарно-санитарного назначения в области практически не решаются.

Ветеринарно-просветительная работа.

Специалисты госветсети, колхозов и совхозов в своей повседневной работе уделяют достаточное внимание пропаганде среди населения и работников животноводства ветеринарных знаний.

С этой целью регулярно проводятся беседы, лекции, выступления по радио и в печати.

За 1986 год проведено 674 беседы, прочитано 101 лекций и докладов на специальные темы, проведено 285 совещаний с работниками животноводства, проведено 25 областных и районных семинаров, организовано 4 радиопередачи, опубликовано 37 статей в районной и областной печати, изданы типографским способом рекомендации по организации ветеринарных лечебно-санитарных пунктов.

Предложения по улучшению работы.

1. Улучшить снабжение колхозов и совхозов медикаментами, инструментами, сложным ветеринарным оборудованием через систему «Зооветснаб». Выделять больше иньекторов БИ-7, дезинфекционной техники, дезосредств (параформа, каустической соды).

2. Выделять за счет средств госстраха ежегодно по 100 тысяч рублей на капитальный ремонт производственных помещений и жилья, принадлежащего госветсети области.

Начальник ветотдела
областного агропромышленного
комитета М.Н. Прасолов

ГААК. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 476. Л. 16–24.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Комментарии

1. Постнатальный (послеродовой) период включает в себя только ранний период внеутробной жизни.
2. Пастереллез – контагиозная инфекционная болезнь животных, характеризующаяся при остром течении септическими явлениями, крупозным воспалением легких, плевритом, отеками в различных областях тела, а при подостром и хроническом течениях – гнойно-некротизирующей пневмонией, поражением глаз, суставов, молочной железы и геморрагическим энтеритом.
3. Эмкар – острое неконтагиозное заболевание КРС, вызываемое бактериями. Характеризуется хромотой, крепитирующим отеком и быстрой гибелью животных.
4. Злокачественный раневой газовый отек – острое инфекционное заболевание, развивающееся после ранений и тяжелых отелов.
5. Брадзот – острое инфекционное заболевание овец, характеризующееся быстрым отравлением организма, поражением желудка, печени и других внутренних органов.
6. Листериоз – инфекционное заболевание сельскохозяйственных животных, характеризующееся преимущественным поражением лимфоидной ткани и нервной системы, развитием специфических образований в органах (в основном в печени).
7. Бруцеллез КРС – бактериальное заболевание, которое характеризуется патологиями в половой структуре, а также поражениями нервной системы, сердца, сосудов, костей и суставов.
8. НИВС – научно-исследовательская ветеринарная станция.
9. Паратуберкулез – хроническая инфекционная болезнь КРС, овец, коз и других жвачных животных. Протекает в основном латентно и характеризуется клинически прогрессирующим исхуданием, периодической диареей и летальным исходом.
10. Туберкулин очищенный ППД – препарат предназначен для туберкулинодиагностики.
11. ВИЭВ – Всероссийский институт экспериментальной ветеринарии.
12. Копытная гниль – инфекционная, хронически протекающая контагиозная болезнь овец и коз, характеризующаяся мацерацией и воспалением кожи свода межкопытной щели, прогрессирующим гнойно-некротическим распадом копытного рога и хромотой.
13. Некробактериоз – инфекционная болезнь, характеризующаяся гнойно-некротическими поражениями, локализующимися на нижних частях конечностей, а в отдельных случаях – в ротовой полости, на вымени, половых органах, в печени, легких, мышцах и других тканях и органах.
14. Параформ – дезинфицирующие средство.

15. АЭХ СО АН СССР – Алтайское экспериментальное хозяйство Сибирского отделения Академии наук СССР.
16. БЦЖ – вакцина против туберкулеза, приготовленная из штамма ослабленной живой бычьей туберкулезной палочки.
17. НИЛПО – Научно-исследовательская лаборатория пантового оленеводства.
18. Инвазионные болезни – группа заболеваний, вызываемых паразитами (простейшими, гельминтами и членистоногими), при которых паразит причиняет вред организму хозяина или живет за его счет. Являются составной частью инфекционных болезней.
19. Гиподерматоз – хронически протекающее опасное заболевание КРС, вызываемое подкожными оводами, личинки которых длительно, в течение 6–9 месяцев, паразитируют в организме, травмируют жизненно важные органы, ткани и кожный покров животных, вызывая снижение молочной и мясной продуктивности.
20. Ценуроз – преимущественно хроническое заболевание, проявляющееся характерными симптомами нарушений координации движений, вызываемое гельминтозом, характеризуется поражением головного, реже спинного мозга.
21. Эхинококкоз – гельминтоз из группы цестодозов, характеризующийся образованием в печени, легких или других органах и тканях паразитарных кист.
22. Фенасал – антигельминтный препарат.
23. Псороптоз – заболевание, вызываемое клещами и характеризующееся поражением внутренней поверхности ушной раковины, реже других частей тела, с образованием корок.
24. Нематоды, мониезии и диктиокаулы – паразиты сельскохозяйственных животных.
25. ФПК – факультет повышения квалификации.
26. АПК – агро-промышленный комплекс.
27. ОПХ – опытно-производственное хозяйство.
28. ГСП – государственное специализированное предприятие.
29. Безоарная болезнь – своеобразное заболевание подсосных ягнят, реже телят, характеризующееся извращением аппетита и образованием в сычуге шаров из шерсти – пилобезоары, растительных волокон – фитобезоары и из казеина молока – казеинобезоары, которые нередко вызывают закупорку пилорического отверстия и просвета 12-перстной кишки.
30. ЛСП – лечебно-санитарный пункт.
31. ДУК – дезинфекционная установка Комарова.

Литература

История Алтая: в 3 т. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века). 484 с.

Мкртчян Ш.А., Кондратьев А.М. Развитие животноводства на Алтае за 50 лет. Барнаул, 1987. 26 с.

Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: кол. моногр. / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск, 2012. 408 с.

References

Demchik, E.V. (Ed.). (2019). *Istoriya Altaja: v 3 t. T. 3. Altay v noveyshuyu epohu (XX – nachalo XXI veka)* [History of Altai: in 3 vol. Vol. 3. Altai in the Newest Era (20th – Beginning of the 21th Century)]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. 484 p.

Il'inyh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. (Eds.). (2012). *Sel'skoe hozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Agriculture in Siberia in 20th Century: Problems of Development and Crises]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 408 p.

Mkrtchyan, Sh.A., Kondrat'ev, A.M. (1987). *Razvitie zhivotnovodstva na Altae za 50 let* [Development of Animal Husbandry in Altai for 50 Years]. Barnaul. 26 p.

Orlov, D.S., Il'inyh, V.A., Andreenkov, S.N. (2018). *Sel'skoe hozyaystvo Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1960-kh – 1980-e gg.: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaya i otraslevaya struktura* [Agriculture of Western Siberia in Second Half of 1960s – 1980s: Dynamics, Organizational, Productional and Sectoral Structure]. Novosibirsk, Sibprint. 304 p.

А.В. Кореневский*

ИДЕОЛОГЕМА ОТЛОЖЕННОГО СПРОСА, ИЛИ СКОЛЬКО РАЗ «ИЗОБРЕТАЛИ» ТЕОРИЮ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»? ЧАСТЬ 2**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-18
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? Часть 2 // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 214–233. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-18.pdf

A.V. Korenevskiy*

THE IDEOLOGEME OF DEFERRED DEMAND, OR HOW MANY TIMES THE THEORY OF “MOSCOW AS THE THIRD ROME” WAS “INVENTED”? PART 2**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-18

How to cite:
Korenevskiy A.V. The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of “Moscow as the Third Rome” Was “Invented”? Part 2 // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 214–233. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-18.pdf]

Abstract. The second part of the article, devoted to the circumstances of the genesis and doctrinal formation of the idea “Moscow as the Third Rome”, examines the process of this concept going beyond the Filofei’s Cycle and its grasp by Russian booklore at the end of the Middle Ages. It is shown that despite the categorical rejection of the idea of the Third Rome by Vasily III and Ivan the Terrible, it met with a sympathetic response among the intellectual elite and clergy. The consequence of this was, on the one hand, the widespread dissemination of the Filofei’s works and their transformation into precedent texts, and on the other hand, the inclusion of the verbal image of the Third Rome into other works unrelated to its authentic semantic context. The analysis of these circumstances allows us to conclude that Filofei’s theory was inextricably linked with both the previous and subsequent stages of the development of social mind. The fact that it was claimed by the ruling elite later than by the intellectual one does not indicate the marginal status of this idea or its foreignness to the religious-political tradition of Muscovite Russia, but only that the theory of the Third Rome, like many groundbreaking ideas, was ahead of its time – it was formulated before it became politically urgent. Accordingly, attempts to present the fate of this ideologeme as a validation of the concept of the invention of tradition should be recognized as groundless: primary sources do not allow us to talk about either the randomness of its emergence, or about multiple “forgettings” and “new discoveries”. An alternative concept of selective reactualization of tradition seems to be a more relevant explanatory scheme of fluctuations in the perception of the idea of the Third Rome by society and the authorities.

Keywords: Moscow as the Third Rome, Filofei, the establishment of patriarchate, Kazan History, The Tale of the White Cowl, the invention of tradition, selective reactualization of tradition.

* **Андрей Витальевич Кореневский,** кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: koren@sfedu.ru
Andrey Vitalievich Korenevskiy, Candidate of Historical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: koren@sfedu.ru

** Предыдущая часть: *Кореневский А.В.* Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // Исторический курьер. 2021. No. 6 (20). С. 9–28. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-01.pdf
Previous part: Korenevskiy A.V. The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of “Moscow as the Third Rome” Was “Invented”? // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 9–28. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-01.pdf]

The article has been received by the editor on 17.05.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Во второй части статьи, посвященной обстоятельствам зарождения и доктринального оформления идеи «Москва – Третий Рим», рассматривается процесс выхода данного концепта за пределы «Филофеева цикла» и его усвоения русской книжностью на исходе Средневековья. Показано, что, несмотря на категорическое неприятие идеи Третьего Рима Василием III и Иваном Грозным, она встречала сочувственный отклик в среде интеллектуальной элиты и духовенства. Следствием этого было, с одной стороны, широкое распространение сочинений Филофея и их превращение в прецедентные тексты, а с другой – включение словообраза Третьего Рима в иные произведения, не связанные с его исходным смысловым контекстом. Анализ указанных обстоятельств позволяет сделать вывод о неразрывной связи теории Филофея как с предшествующим, так и с последующими этапами развития общественной мысли. Тот факт, что она была востребована властной элитой позже, чем интеллектуальной, говорит не о маргинальном характере данной идеи или ее чужеродности религиозно-политической традиции Московской Руси, а лишь о том, что теория Третьего Рима, как и многие прорывные идеи, опередила свое время – была сформулирована раньше, чем стала политически актуальной. Соответственно, следует признать безосновательными попытки представить судьбу этой идеологемы в качестве подтверждения концепции «изобретения традиции»: источники не позволяют говорить ни о «случайности» ее возникновения, ни о множественных «забвениях» и «новых открытиях». Более релевантной объяснительной схемой флуктуаций восприятия идеи Третьего Рима обществом и властью представляется альтернативная концепция избирательной реактуализации традиции.

Ключевые слова: Москва – Третий Рим, Филофей, учреждение патриаршества, Казанская история, Повесть о белом клобуке, изобретение традиции, избирательная реактуализация традиции.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022

Время собирать краеугольные камни. Библейская тропика пронизывает все сферы нашей коммуникации, хотя, как правило, вкрапляя в речь те или иные словообразы из Книги Книг, люди удовлетворяются их интуитивным контекстуальным пониманием, не вникая не только в глубинные смыслы, но даже в буквальное значение этих высказываний. Как часто мы цитируем Экклезиаста, не задумываясь, с какой это стати надо «разбрасывать камни»? Еще больше странностей обнаруживает другая семантически близкая сентенция, многократно повторяющаяся и в Ветхом, и в Новом Завете: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Пс. 117, 22; Мат. 21, 42; Мар. 12, 10; Лук. 20, 17; Деян. 4, 11). Большинство комментаторов толкуют иносказательный смысл данного речения, тогда как суждения о его исторической подоплеке и буквальном значении чаще всего достаточно лапидарны. Как правило, они сводятся к тому, что этот псалом возник во время возведения Второго Храма. Как считается, он отражает чувства современников, воодушевленных идеей воссоздания религиозного очага и пристально наблюдавших за ходом строительства: «Псалмопевец, может быть, имел в виду какой-нибудь известный и ему, и другим действительный факт, случившийся при постройке; но какой именно, совершенно неизвестно»[1]. «Пренебрежение» каменщиков комментаторы объясняют их неудовлетворенностью качеством строительного материала для храма: «над материалом (“камнем”), из которого он делался, смеялись даже

[1] Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А.П. Лопухина. Т. 8. СПб., 1911. С. 338.

строители»[2]. Но их скепсис в отношении «малопригодного строительного материала»[3] был посрамлен божественным вмешательством: «Это – от Господа, и есть дивно в очах наших» (Пс. 117, 23).

Однако если не списывать все на вмешательство свыше, но ограничиться логикой здравого смысла, то позволительно спросить: почему строители «отвергают» камень, который явно не только не хуже прочих, но, наоборот, ближе остальных к геометрически правильной форме, коль скоро он затем стал «главою угла»? Ужели же наметанный глаз профессионала не угадал в нем должных качеств строительного материала? Очевидно, все дело в том, что в психологии именуется «каузальной атрибуцией», т.е. приписыванием другому человеку собственного целеполагания, истолкованием мотивов наблюдаемого действия исходя из своего жизненного опыта и понимания ситуации. Иными словами, жители Иерусалима, не обладавшие профессиональным опытом строителей, не могли понять, почему те сначала «отвергают» взятый камень, а затем его же не просто берут вновь, но и кладут во главу угла. Автор данных строк может засвидетельствовать из собственного опыта, что именно так и поступают в ходе кладки стены из природного строительного материала: камень, имеющий геометрически правильные грани, неразумно использовать наряду с прочими, а следует *отложить в сторону*, дабы *приберечь* (но не *отвергнуть*, как это может показаться стороннему наблюдателю) до того момента, когда придет пора выводить угол стены.

Данный экскурс в библейскую тропику и строительную технологию необходим для прояснения мнимой загадки первых десятилетий бытования концепции «Москва – Третий Рим». Теория Филофея была, без сомнения, наиболее развернутой и последовательной формой выражения идеи «византийского наследия», представлявшей собою одно из магистральных направлений в развитии русской средневековой книжности. С другой стороны, назидание, извлекаемое из судеб Рима и Царьграда, служило обоснованием чрезвычайно актуальной для XVI столетия идеи ответственности власти перед Богом и, опосредованно, через церковь как «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15) – перед обществом: *Vox Dei – vox populi*, если перефразировать на христианский лад известное изречение.

Наконец, последнее по счету, но не по значению: эта сумма идей была воплощена в словесные формы высокого литературного качества, а ее квинтэссенцией стала короткая и чеканная формула, звучащая как исповедание веры и боевой клич. Подобные формулы, провозглашаемые в нужный момент, способны превратиться в мощнейший фактор мобилизации и консолидации. В то же время повторяемые без особой нужды, не к месту и не ко времени, лозунги неминуемо девальвируются и как минимум не приносят ожидаемой пользы, а зачастую могут просто оказаться вредны (да не будет сочтено исторической вольностью сравнение с историей знаменитого лозунга «Вся власть советам» – от него ведь тоже в определенный момент вынуждены были отказаться по тактическим соображениям).

Нынешнему историку может показаться странным замалчивание идеи Третьего Рима вплоть до учреждения патриаршества, подобно тому, как жители Иерусалима не понимали, почему строители сначала «отвергли» камень, а потом поместили его во главу угла. Но вряд ли в этом крылась какая-то загадка для современников Филофея и таких его явных симпатизантов, как митрополит Макарий и книжники его круга. Мог ли Макарий пропагандировать идею Третьего Рима в условиях реализации Василием III и его сыном курса на усиление единоличной власти и распыленности сил их оппонентов? Судьба И.Н. Берсень-Беклемишева дает ответ на это вопрос. Но столь же очевидно и то, что противников «самодержавства», чьи убеждения созвучны взглядам Филофея, было немало, а следовательно, каналов распространения идей и текстов псковского старца было предостаточно.

Более того, нет никаких оснований ограничивать знакомство с этими произведениями исключительно кругом митрополита Макария и сторонниками «Избранной Рады». Мы не знаем, дошло ли до Василия III адресованное ему «Послание о крестном знамении», но очень трудно представить, что его сын ничего не знал об идеях псковского старца. Кто как

[2] Толковая Библия… Т. 4. СПб., 1907. С. 362.
[3] Толкование ветхозаветных книг. Киев, 1993. Т. 2: От Первой Книги Царств по Книгу Песни Песней. С. 494.

не Макарий, ставший митрополитом, когда Ивану IV исполнилось двенадцать лет, определял круг чтения юного правителя? И именно ему был предназначен третий, «Царский список» Великих Четий Миней, в который, как и в предшествующий (Успенский), Макарий включил «Послание на звездочетцев и латин»[4]. Ну а то, что второе сочинение «Филофеева цикла» также было хорошо знакомо высшей московской интеллектуальной и политической элите, подтверждается почти дословным его цитированием в Уложенной грамоте 1589 г.

Таким образом, не стоит множить «лишние сущности», описывая перемену в отношении власти к теории Филофея в связи с учреждением патриаршества как реанимацию «давно забытой идеи»[5]. В действительности не было ни «забвения», ни «реанимации», а умолчание отнюдь не равно незнанию или забвению. На самом деле имело место кардинальное расхождение в отношении к данной идее между двумя социально-политическими силами: для сторонников «истиннаго християнского самодержавства, многими владычествы владеющаго»[6] теория Третьего Рима была категорически неприемлема (но из этого не следует, что сама теория была им неизвестна), а их оппонентам недоставало сил и влияния для публичного заявления своей позиции. Однако в том, что идея Третьего Рима была высказана задолго до того, как она могла быть взята на вооружение, нет ничего экстраординарного. Если исходить из того, что ключевое свойство гениальности – проспективное видение, способность видеть дальше других, то подобные идеи *отложенного спроса* – отнюдь не редкость в интеллектуальной истории человечества: то, что с профанной точки зрения могло показаться «отвергнутым», было *отложено* до поры, а когда эта пора пришла – стало «камнем краеугольным».

Итак, смерть Ивана Грозного и приход к власти сил, нацеленных на примирение власти, церкви и общества, радикально изменили политическую ситуацию и сделали востребованными идеи Филофея, а включение развернутой цитаты из «Послания о крестном знамении» в текст грамоты об учреждении патриаршества означало превращение его теории в официальную государственную доктрину. Важно и то обстоятельство, что данная грамота была скреплена печатью и подписью вселенского патриарха, придававшими ей, как отмечала Н.В. Синицына, историко-канонический характер[7]. Более того, следует согласиться с важным уточнением этой точки зрения, предложенной прот. В. Цыпиным. По его мнению, то, что под грамотой подписались не только русские архиереи, но и вселенский патриарх с сопровождавшими его авторитетными греческими иерархами (митрополит Монемвасийский Иерофей, архиепископ Элассонский Арсений, архимандрит Христофор), наделяло этот акт значением, выходящим за рамки политических границ Московского государства и юрисдикции Русской церкви: «С формально-юридической стороны Уложенная грамота является поэтому документом, принадлежащим в равной мере как Москве, так и Константинополю»[8]. Даже достаточно курьезные обстоятельства, предшествовавшие подписанию грамоты, не отменяют данного факта: каковы бы ни были сомнения греков, они тем не менее подписали Уложенную грамоту, «а значит, хотя в ней и могли быть неудобные для них выражения, но совершенно неприемлемых не было»[9]. Это подтверждается последовавшим через год утверждением грамоты на Константинопольском соборе, где рядом с греческими архиереями не было ни Бориса Годунова с его вкрадчивыми речами, ни брутального Андрея Щелкалова с угрозами утопить строптивцев в Москве-реке. В соборе участвовали три патриарха, 42 митрополита, 19 архиепископов и 20 епископов, и хотя, к великой досаде москов-

[4] Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеке. М., 1982. Стб. 501; Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Т. 29. Л., 1974. С. 75.

[5] *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. Вып. 3 (64). С. 11.

[6] Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 13.

[7] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. М., 1998. С. 301.

[8] *Цыпин В.* Уложенная грамота 1589 г. // Da Roma Alla Terza Roma XXXVII Seminario Internazionale di Studi Storici. Campidoglio, 21–22 aprile 2017. URL: https://dirittoestoria.it/15/memorie/Zypin-Carta-costitutiva-Patriarcato-Mosca-1589-ru.htm (дата обращения: 01.05.2022).

[9] Там же.

ских политиков и архиереев, за патриархом Московским было признано лишь пятое место в диптихе, остальное содержание грамоты опротестовано не было. Как справедливо отмечает В. Цыпин, гораздо большее значение имело то, что само учреждение патриаршества признано «благодатным и благославенным», а русский царь провозглашался «единым ныне на земли царем, великим православным»[10].

Казалось бы, и содержание Уложенной грамоты, и последовавшие за этим решения Константинопольского собора 1590 г. в полной мере соответствовали идейному духу филофеевских сочинений. Однако следует отметить, что при относительно точном, почти текстуальном воспроизведении речений псковского старца в грамоте об учреждении патриаршества в ней не нашлось места одному чрезвычайно важному аспекту его идей: была опущена финальная часть знаменитой филофеевской сентенции – «…а четвертому не быти». Размышляя о причинах такого усечения словесного выражения идеи Третьего Рима, В. Цыпин уходит от однозначного ответа, по чьей инициативе – греков или русских – это было сделано, но подчеркивает, что в любом случае указанная редукция филофеевской формулы «лишает рассматриваемый документ апокалиптической остроты и эсхатологической перспективы, столь важной для самого старца Филофея»[11]. Согласимся, что отмеченный аспект чрезвычайно важен. Более того, вполне справедливо утверждение, что уже здесь можно увидеть тенденцию к усилению «триумфалистского» начала в трактовке идеи Третьего Рима. Однако уместно ли из этого делать вывод, часто встречающийся в исторических исследованиях, о кардинальном изменении смысла концепции и утрате ее первоначального содержания, о том, что политическая ситуация рубежа 80–90-х гг. XVI в. «вдохнула новую жизнь»[12] в теорию «Москва – Третий Рим»?

Поставим вопрос шире: может ли вообще содержание идеи остаться неизменным при ее превращении из индивидуального высказывания в официальную политическую декларацию? Опять-таки, обратимся к метафоре «краеугольного камня»: одно дело – камень сам по себе, в качестве сингулярного природного объекта, и совсем другое, когда он становится частью кладки, тем паче – оказывается *во главе угла*. Как писал С.Я. Маршак, «все то, чего коснется человек, приобретает нечто человечье», и камень в руках строителя – это уже артефакт с определяемой его профессиональным взглядом и намерениями иерархией свойств: одни из них принципиально важны, другие – несущественны. И в возведенной строителем стене мы видим лишь одно ребро и две грани краеугольного камня, остальные же стороны сокрыты в толще кладки. Более того, ваятель может не вполне удовлетвориться природной формой камня и посредством своих инструментов доведет его до полного соответствия заданным параметрам.

Подобная эволюция неизбежно происходит с любой идеей, приобретающей статус государственной доктрины, что отнюдь не означает полной утраты ее исходного смысла. Наглядной иллюстрацией данной закономерности является судьба другой политической концепции, возникшей немногим ранее – «Сказания о князьях Владимирских». Бесспорна прямая генетическая связь этого произведения с «Посланием Спиридона-Саввы» – черт сходства между этими текстами гораздо больше, чем различий. И тем не менее целый ряд аспектов сюжета о родословии Рюриковичей и происхождении их коронационных регалий, несущественных или нежелательных с точки зрения политической прагматики (родословие литовских князей, упоминание об их династических связях с тверскими князьями и т.д.), не нашел отражения в «Сказании».

Иными словами, суть проблемы состоит не в том, чтобы признавать или отвергать изменчивость идейного содержания и словесного выражения теории «Москва – Третий Рим», а в осмыслении причин этой изменчивости, выявлении способствовавших тому обстоятельств и характере самих метаморфоз филофеевской идеи: насколько глубоко они затрагивали ее глубинные смыслы; можно ли говорить, что эти перемены радикально меняли

[10] *Цыпин В.* Уложенная грамота…
[11] Там же.
[12] *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима»… С. 10–11.

саму суть теории (и если да, то в каких конкретных случаях), либо эти флуктуации не выходили за рамки естественной и закономерной эволюции, обусловленной изменениями в социально-политической ситуации, интеллектуальном и культурно-историческом ландшафте эпохи?

Метаморфозы Третьего Рима. Едва ли не общим местом современной историографии является тезис о том, что «у Филофея нет формулы “Москва – Третий Рим”, развитой в последующей литературной традиции»[13] и «сам Филофей ни разу не назвал “третьим Римом” именно Москву»[14]. При этом обладателя «авторских прав» на этот «звонкий лозунг»[15] ищут в широком временном диапазоне от XVI в. (боярин Дмитрий Иванович Годунов или безвестный книжник, работавший по его заказу[16]) до XIX столетия (С.М. Соловьев[17]). Однако признать это утверждение верным можно исключительно в узком «формальном» смысле, да и то лишь отчасти. В «Послании на звездочетцев и латин» Филофей говорит о «нынѣшнем православном царствіи пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже въ всей поднебесной единаго христьаном царя и броздодръжателя святых Божіихъ престолъ, святыа вселенскіа апостолскіа церкве, иже вмѣсто римской и костянтинополской, иже есть в богоспасном граде Москвѣ святого и славнаго Успения пречистыя Богородица, иже едина въ вселеннѣи паче солнца свѣтится»[18].

Как видим, псковский старец в данном случае имеет в виду не метафизическое «Ромейское царство», а его реальное политическое воплощение в державе «пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего», прямо называя ее столицу – «богоспасный град Москва» и Успенский собор как ее символический центр и воплощение сакрального характера этого государства. Поэтому вряд ли правомерно говорить, что в записях «годуновских псалтирей» произошла «замена» «Российского царства» на «Москву» [19]. Также некорректно и суждение о том, что Москва в процитированном пассаже «не город (столица), а аллегория государства»[20]. Аллегория – это в буквальном смысле «иносказание», т.е. действительно *замена* одного другим, тогда как в данном контексте мы видим применение синекдохи – тропа, «при котором обозначаемое и обозначающее составляют в мыслимой действительности одно целое», причем, в отличие от метонимии или других тропов, «связь между двумя явлениями в синекдохе есть связь наглядная, отношение не только переносное, но и реальное» [21].

Иными словами, все три компонента этой двойной синекдохи – «царствіе пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего» (оно же в метафизическом плане – «Ромейское царство»), Москва и Успенский собор – семантически абсолютно равнозначны. Подобное словоупотребление характерно и для современного общественно-политического дискурса (Кремль = Москва = Россия, Белый дом = Вашингтон = США), а в Средневековье отождествление страны, столицы и главного (кафедрального) храма было нормой даже для дипломатических документов, не говоря уже о литературных произведениях. Таким образом, словообраз «Москва – Третий Рим» никоим образом не противоречит строю мыслей псковского старца и не идет вразрез с внутренней органикой его текстов, не добавляет в содержание теории ничего того, что не вписывалось бы в ее логику.

---

[13] *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 193.
[14] Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М., 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси. С. 282. См. также: *Синицына Н.В.* Учреждение патриаршества и Третий Рим // 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma, 1991. С. 63; *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима»… С. 10.
[15] *Резников К.Ю.* Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири. М., 2012. С. 216.
[16] *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима»… С. 13.
[17] *Резников К.Ю.* Русская история: мифы и факты… С. 216.
[18] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Примечания. С. 45.
[19] *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима»… С. 13.
[20] *Ульяновский В.И.* Смутное время… С. 193.
[21] *Горнфельд А.Г.* Синекдоха // Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 30а. СПб., 1900. С. 26–27.

Соотношение данной формулы с исходным содержанием идеи Третьего Рима сопоставимо с другим «звонким лозунгом» XVI в. в отношении к породившим его текстам: «Мы от Августа-кесаря родствомъ ведемся»[22]. Эта горделивая фраза Ивана Грозного из послания шведскому королю Юхану III – результат такой же эволюции словесного выражения идейной традиции: от изощренного «плетения словес» Спиридона-Саввы к усеченной редакции сюжета о родословии Рюриковичей и дарах Мономаха в «Сказании о князьях Владимирских» и, наконец, к лаконичной и емкой форме афоризма в устах самодержца. Иными словами, трансформация вербального воплощения идеи от развернутого аргументированного обоснования до расхожей сентенции отражает общие закономерности эволюции концепта по мере его усвоения и освоения коллективным сознанием социума. В то же время афоризм, если он отвечает эстетическим требованиям и ожиданиям современников, рано или поздно начинает жить собственной жизнью и цитироваться вне связи с породившим его семантическим полем.

Ранее уже было отмечено, что именно во второй половине XVI – первой половине XVII в. появляется целый ряд произведений, в которых образ Третьего Рима присутствует в форме некой общеизвестной сентенции, причем степень внутренней согласованности этих лексем как с содержанием текстов-реципиентов, так и с исходным контекстом «Филофеева цикла» может быть самой разной. Например, данный образ в обрамлении весьма вычурного плетения словес присутствует в вышеупомянутой «Казанской истории»: «И возсия нынѣ столный и преславный град Москва, яко вторый Киевъ, не усрамлю же ся и не буду виновенъ нарещи того, – и третий новый великий Римъ, провозсиявший в послѣдняя лѣта, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли, во всѣх градѣхъ, и во всѣхъ людехъ страны сея, красуяся и просвѣщаяся святыми Божиими церквами, древяными же и каменными, яко видимое небо, красяшеся и свѣтяшеся, пестрыми звѣздами украшено и православием непозыблемо, Христовою вѣрою утвержено, и не поколебимо от злых еретикъ, возмущающих церковь Божию о сих»[23].

Согласно сведениям, содержащимся в тексте произведения, его автор провел двадцать лет в казанском плену, где был вынужден принять ислам, а после освобождения поступил на царскую службу. Большинством историков и филологов данная версия принимается с доверием. Считается, что автор начал работу над «Казанской историей» вскоре после взятия города, а завершил в 60-х гг. XVI столетия, на что указывает отражение в тексте произведения политических реалий этого времени[24]. Однако многим исследователям формирование текста «Казанской истории» видится более длительным процессом, в котором участвовал не только автор протографа, но и последующие редакторы. При этом к 60-м гг. они относят лишь начало работы над исходной версией текста. По мнению Я. Пеленского, расширение и редактирование протографа осуществлено во временном интервале между 1584 и 1592/1594 гг.[25] Нетрудно заметить, что это как раз тот период, на который приходится церковно-дипломатическая подготовка учреждения патриаршества, пребывание в Москве вселенского патриарха Иеремии, интронизация Иова и Константинопольские соборы 1590–1593 гг., канонически узаконившие данный акт. Таким образом, содержащиеся в «Казанской

[22] Послание Ивана Грозного шведскому королю Юхану III 1573 года // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 136.

[23] Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 312.

[24] *Моисеева Г.Н.* Автор «Казанской истории» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). М.; Л., 1953. Т. 9. С. 266–290; *Дубровина Л.А.* История о Казанском царстве: (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. Киев, 1989; *Дубровина Л.А.* Предисловие к изданию 2000 г. // История о Казанском царстве (Казанский летописец). Полное собрание русских летописей. Т. 19. М., 2000. С. IV; *Волкова Т.Ф.* Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 450–458; *Волкова Т.Ф.* Сюжетная организация «Казанской истории» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 3. С. 7–24.

[25] *Pelenski J.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974. P. 126–127; *Pelenski J.* Muscovite Imperial Claims to Kazan Khanate [Based on the Muscovite Theory of Succession to the Lands of Kievan Rus’] // Pelenski J. The Contest for the Legacy of Kievan Rus’ (East European Monographs, No. CCCLXXVII). New York, 1998. P. 209.

истории» многочисленные аллюзии и мотивы, прямо или косвенно связанные с темой «византийского наследия», могут быть объяснены высочайшей актуальностью этих идей на фоне интенсивного и весьма непростого диалога между Москвой и Константинополем[26]. С этим согласуются выводы А.С. Орлова[27], в дальнейшем развитые М.Б. Плюхановой, о том, что своеобразным смысловым субстратом «Казанской истории» являются произведения, описывающие гибель Византии, в первую очередь – «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера, а также Хроника Константина Манассии и Русский Хронограф 1512 г. А поскольку указанные произведения традиционно рассматриваются в качестве источников вдохновения Филофея, то и прямая отсылка к образу Третьего Рима, казалось бы, вполне ожидаема. «Как у Филофея, русское царство – Москва – есть царство последнее, и как у Филофея, оно – Третий Рим, великое солнце, средоточие истинной веры, – отмечает М.Б. Плюханова. – Этот фрагмент, сочетающий и преобразующий важнейшие в идеологическом отношении источники, с особой очевидностью демонстрирует принципы организации текста, вообще характерные для “Казанской истории” и определяющие особенности ее идей»[28].

Тем не менее нельзя признать «Казанскую историю» следующим этапом в развитии идеи Третьего Рима. Слишком многое радикально отличает систему взглядов ее автора от теории псковского старца: это и апологетика безграничной самодержавной власти царя, и последовательно утверждаемая идея легитимации царского статуса через завоевание, а не духовную преемственность (по выражению М.Б. Плюхановой, «для воцарения в собственном царстве нужно овладеть другим царством, источником царственной силы»[29]). Да и то, каким образом представлены в «Казанской истории» мотивы «византийского наследия», не позволяет видеть в ее авторе продолжателя Филофея.

В свое время Д.С. Лихачев едва ли не с недоумением указал на характерные для этого произведения более чем странные, если не демонстративные отступления от норм литературного этикета: «Автор “Казанской истории” говорит о русском войске в образах, которые раньше можно было применить только к войску врага»[30]. Эта мысль была развита в исследовании М.Б. Плюхановой: она показывает, что автор использует «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера в тех же политических целях, что и И.С. Пересветов – другой апологет «царской грозы», предвосхитивший идеологию опричнины. Однако он идет значительно дальше, не ограничиваясь заимствованиями из «Повести о Царьграде», а доводя образы, мотивы и оценочные характеристики из произведения Нестора Искандера до полной инверсии – вплоть до того, что «Царьград и Казань оказываются однофункциональны и взаимозаменяемы»[31]. Так, например, рассказ о последней битве казанцев целиком построен на скрытых и явных цитатах из «Повести о Царьграде», воспроизводимых порой с текстуальной точностью: «И страшно бѣ видѣти обоих храбрости и мужества»[32], – восклицает автор «Казанской истории», дословно вторя Нестору Искандеру[33]. Но при этом, как подчеркивает М.Б. Плюханова, «казанцы в “Казанской истории”, заняв позицию греков в “Повести”, оказываются объектом сострадания, не только механически переходящего вместе с заимствованной цитатой, но и культивируемого внутри текста “Казанской истории”»[34].

---

[26] Подробнее см.: Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. М., 1988; *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 345–362; *Ермилов П.П.* Учреждение московского патриаршества и Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг. // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 153–178.

[27] *Орлов А.С.* О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 344–379; *Орлов А.С.* Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь акад. А.И. Соболевского (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 101, № 3). Л., 1928. С. 188–193.

[28] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 178.

[29] Там же. С. 188.

[30] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 98.

[31] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства… С. 190.

[32] Казанская история… С. 518.

[33] *Нестор Искандер.* Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 248.

[34] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства… С. 184.

Таким образом, можно говорить о последовательно применяемом автором центонно-парафразном принципе конструирования нарратива – типичном для Средневековья приеме работы книжника, при котором создаваемый им текст представлял собой мозаику прямых и косвенных цитат (центонов) из авторитетных и гарантированно известных потенциальному читателю произведений, перефразированных в соответствии с авторским замыслом. При этом, в отличие от клишированных конструкций, выполняющих преимущественно декоративную функцию и нередко утерявших – как для читателя, так и для автора – семантическую связь с исходным контекстом, центон эту «память контекста» сохраняет: «всякая цитата, в том числе и немаркированная, не только легко узнавалась, но и неизбежно отсылала его к “тексту-предшественнику”, заставляя вспомнить прежний контекст, из которого она вырывалась»[35]. Иными словами, центон выполнял функцию гиперссылки, посредством которой «создаваемый текст не только связывался со своими литературными истоками, но и последние приобретали совершенно новые, порой неожиданные связи – как с современными им, так и с предыдущими и последующими произведениями»[36]. В «Казанской истории» мы видим пример подобной литературной игры с «текстом-предшественником», каковым в данном случае является «Повесть о Царьграде». Однако новаторство ее автора заключалось в том, что он, сохраняя «память контекста», не просто вносит в исходное содержание новые мотивы, но и придает им зеркально противоположный смысл.

Применяемые автором «Казанской истории» приемы столь очевидно противоречат традициям средневековой книжности, что Д.С. Лихачев даже склонен был видеть в этом произведении проявление «деградации старого этикета» и «начало освобождения литературы от средневекового дидактизма»[37]. Но именно потому, что данное явление в целом не типично для XVI в., нетрудно увидеть в нем сходство с другим феноменом того же столетия, столь же контрастным на фоне господствующей традиции и характеризуемым столь же явной и даже эпатирующей инверсией культурных образцов – «кусательным» стилем Ивана Грозного и свойственной всей опричной идеологии духа «зловещей буффонады»[38], инфернального фиглярства и трикстерства. По сути, автор, следуя в том же русле, что и И. Пересветов, приходит к полной инверсии идеи византийского наследия в том ее виде, в каком она представлена в «Повести о Царьграде», и в еще большей степени контрастирует с той ее линией, которая получила дальнейшее развитие в Хронографе 1512 г. и сочинениях Филофея. Тема уроков, которые России следует извлечь из падения Византии, и у Нестора Искандера, и у составителя Русского хронографа, и у псковского старца теснейшим образом сопряжена с мотивами искреннего сочувствия единоверцам, оказавшимся под пятой «агарян». Даже у Филофея, признающего вину греков за подписание унии, назидание не переходит в злорадство, подобное презрительным высказываниям Ивана III об «изрушившемся» православии греков и «убожестве» вселенского патриарха[39]. В этом смысле «триумфализм», достигающий в «Казанской истории» своего апогея в восхвалении Москвы как Третьего Рима, лишь внешне сходен с сентенциями псковского старца, тогда как по своему внутреннему содержанию он гораздо более созвучен взглядам и суждениям апологетов самодержавия. Таким образом, автор «Казанской истории» утилитарно использует формулу Третьего Рима, вводя ее в смысловой контекст, радикально отличающийся от содержания теории Филофея.

Остается вопрос: является ли пассаж о Третьем Риме неотъемлемой частью исходной версии «Казанской истории» или он был включен в текст в 80-х гг. XVI в.? С одной стороны, появление этой формулы можно рассматривать как отклик на учреждение патриаршества,

[35] *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 59.
[36] Там же.
[37] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы… С. 101.
[38] *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2019. С. 216.
[39] Послание великого князя Ивана Васильевича всея Руси, к архиепископу Ионе Великого Новаграда и Пскова, отчины своея // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1880. Т. VI. Стб. 711.

но, с другой, данный отрывок не противоречит остальному тексту ни содержательно, ни стилистически. Так называемые «текстологические швы» здесь не обнаруживаются: извлечение этого пассажа из общего контекста никоим образом не нарушает и не меняет логики и смысла произведения. Иными словами, равновероятны как изначальное присутствие указанного фрагмента в протографе (и тогда это самый ранний выход формулы Третьего Рима за пределы «Филофеева цикла»), так и более поздняя его вставка. Но если принять вторую версию, то, учитывая стилистическое единство произведения (или, по крайней мере, 5-й главы «Казанской истории», в которой присутствует именование Москвы Третьим Римом), наиболее вероятной представляется его доработка самим автором. Казалось бы, этому хронологически не соответствует содержащееся в тексте утверждение о двадцатилетнем пребывании автора в плену, однако надежно выявленные признаки центонно-парафразного построения «Казанской истории» существенно обесценивают данный аргумент. Коль скоро едва ли не все элементы повествования о взятии Казани в этом произведении – суть «перелицованные» мотивы «Повести о Царьграде», то и разительное сходство автора с «потурченцем» Нестором Искандером может объясняться теми же причинами.

Третий Рим и странствия белого клобука. «Казанская история» – не единственное произведение, в котором образ Третьего Рима присутствует в совершенно ином, кардинально отличном от «Филофеева цикла» смысловом контексте. При этом происхождение и датировка данного текста порождают контроверзы, отчасти сходные с теми, которые были описаны ранее. Речь идет о «Повести о новгородском белом клобуке» – произведении, в содержании которого, как и в «Казанской истории», отчетливо прослеживаются реалии двух эпох, существенно отстоящих друг от друга во времени. Главная загадка этого произведения состоит в том, что по своему содержанию оно созвучно идейным течениям и политической ситуации конца XV в., однако имеются весьма веские аргументы в пользу значительно более поздней датировки. Событийная канва «Повести о новгородском белом клобуке» выражает идею преемственности Руси от Рима и Византии, и поэтому присутствующий в пространной редакции этого произведения словообраз Третьего Рима не кажется чужеродным. Однако в концептуальном плане ничто не связывает «Повесть» ни с одним другим сочинением, воплотившим идею «византийского наследия», и в то же время в ней обнаруживаются мотивы, совершенно несвойственные русской средневековой богословской и политической традиции.

Сюжетную основу «Повести о новгородском белом клобуке» составляет почерпнутая из западных источников – «Псевдо-Константиновой грамоты» (Constitutum Constantini) и «Жития Сильвестра» (Vita Sylvestri) – легенда о римском происхождении святительского убора новгородских архиепископов. Исцеленный крещением от проказы император Константин дарит папе Сильвестру клобук «лицемъ бѣлейшимъ»[40] и уступает ему власть над Римом, перенеся свою столицу в Константинополь. Далее клобук из впавшего в ересь Рима переносится в Новый Рим, а оттуда – в Новгород, который в противовес Москве провозглашается духовным центром Руси – Третьим Римом. Таким образом, в «Повести» обнаруживаются по меньшей мере три момента, выделяющие ее из «мэйнстрима» русской книжности. Во-первых, правопреемником Рима и Византии в ней выступает не государство, а церковная иерархия; во-вторых, обладателем этого наследия оказывается не Москва, а Новгород; в-третьих, теолого-философской основой повести является не православное учение о взаимодействии (синергии) божественной благодати и свободной воли человека, как у Филофея (вспомним: латиняне, в отличие от греков, потому отвергнуты Богом, что «своею волею wтпадше wт православныа христіанскіа вѣры»[41]), а восходящая к Аврелию Августину концепция абсолютного предопределения: странствия клобука совершаются по предписанному свыше «сценарию», еще до впадения латинян в ересь, измены греков православию и, как следствие, превращения Руси в Третий Рим.

[40] Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 210.

[41] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей… Приложения. С. 42.

В пространной редакции «Повести» изложению сюжета предшествует «Послание Дмитрея Грека толмача новгородцкому архиепископу Генадию»[42], в котором излагаются обстоятельства обнаружения в Риме текста о белом клобуке папы Сильвестра. Завершают пространную редакцию «Написания архиепискупа Генадия»[43], излагающие чин чествования белого клобука. Еще одним отличительным признаком данной версии текста «Повести о новгородском белом клобуке» является именование Руси Третьим Римом, отдаленно напоминающее соответствующую сентенцию Филофея: «Ветхий бо Римъ отпаде от вѣры христовы гордостию и своею волею, в новем же Риме, еже есть в Константинеграде, насилиемъ агарянскимъ тако же христианьская вѣра погибнеть. На третьем же Риме, еже есть на Руской земли, благодать святаго духа восия»[44].

Датировка этого произведения является предметом долгой и незавершенной по сию пору дискуссии. На первый взгляд, обращение к образу архиепископа Геннадия, известного своими иерократическими взглядами и прозападными симпатиями, позволяет отнести время возникновения легенды к концу XV в. В пользу этой датировки говорит и то обстоятельство, что именно в эпоху Ивана III тема «византийского наследия» оказалась в фокусе общественного внимания, отразившись в целом ряде публицистических сочинений и государственно-политических актов. Исходя из этого некоторые историки даже считают автором формулы Третьего Рима не Филофея, а создателя «Повести о новгородском белом клобуке»[45].

Однако большинство историков настаивают на поздней датировке «Повести» и вторичности пассажа о Третьем Риме по отношению к посланиям псковского старца[46]. На это, в частности, указывает явное противоречие между общей концепцией произведения и словами о том, что Ветхий Рим отпал от истинной веры «своею волею». То, что было совершенно органично в «Послании на звездочетцев», посвященном опровержению астрологии и католицизма с позиций православного синергизма, выглядит полнейшей нелепостью в тексте, столь же последовательно выражающем идею абсолютного предопределения. По всему видно, переписчик, внесший в текст повести этот пассаж, не обладал должной богословской квалификацией и просто не увидел этого противоречия. О его низком профессиональном уровне говорит и другая оговорка в том же пассаже: предсказание будущего перехода достоинства Рима на Русь он объясняет тем, что вследствие завоевания Константинополя «агарянами» там «христианьская вѣра погибнеть». Совершенно очевидно, что автор этих слов разделял достаточно широко распространенное на Руси в XV–XVI вв. мнение о православии греков, выраженное в цитированной ранее сентенции Ивана III. Однако взгляды Филофея на сей счет, как мы знаем, были совершенно иными: «Агарины внуци греческое царство пріаша, но вѣры не повредиша, ниже насилствуют греком wт вѣры wтступати»[47]. Таким образом, мы видим еще более явный, чем в «Казанской истории», разрыв семантических связей между словесным образом Третьего Рима и его исходным контекстом.

Но для того чтобы концепт превратился в клише, должно пройти определенное время, за которое он приобретет достаточную для этого степень узнаваемости. Иными словами, упоминание Третьего Рима в «Повести о новгородском белом клобуке» не просто вторично по отношению к посланиям Филофея, но и отстоит от них на весьма значительной хронологической дистанции. В подтверждение этого тезиса следует указать на весомый аргумент сторонников поздней датировки данного произведения, в соответствии с которым не только пространная, но и краткая его редакция не могла появиться ранее 1564 г., когда на Москов-

[42] Повесть о новгородском белом клобуке… С. 198–201.
[43] Там же. С. 230–233.
[44] Там же. С. 224.
[45] *Ульянов О.Г.* О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 196–214.
[46] *Павлов А.* Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский временник. 1896. Вып. 3. С. 49–52; *Лурье Я.С.* Повесть о белом клобуке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 214–215; *Синицына Н.В.* Третий Рим… С. 294–299.
[47] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей… Приложения. С. 43.

ском поместном соборе было предпринято разбирательство относительно права новгородских владык на ношение белого клобука. Вердикт, вынесенный участниками собора, звучал абсолютно однозначно: «а писания тому нетъ же, которого для случая архиепископы ноугородцкие белые клобуки носятъ»[48].

В свою очередь, в пространной редакции, помимо именования Руси Третьим Римом, имеются косвенные датирующие признаки, позволяющие отнести ее оформление к еще более позднему времени. В частности, в упомянутой ранее назидательной речи, с которой папа Сильвестр обратился к патриарху Филофею, явившись тому во сне, среди прочих пророчеств о России есть и такое: «И патриаршеский чинъ от царствующего града сего такожде данъ будетъ Рустей земли во времена своя»[49]. Как совершенно справедливо заметил Я.С. Лурье, это «предсказание» «могло быть сделано, очевидно, только после действительного установления патриаршества в 1589 г.»[50]. В самом деле, подобные псевдопророчества – *prophetia post factum* – вполне типичная для средневековой книжности форма «благочестивой лжи». Достаточно привести в качестве примера так называемое «Пророчество о папах», приписываемое ирландскому архиепископу Малахии (1094–1148), в котором признаки данной формы фальсификации отчетливо видны в перечне пап со времени смерти этого прелата до момента публикации источника в 1595 г. Как писал по этому поводу Дж. Дисколл, «в промежутке от Целестина II до Урбана VII мы имеем превосходный образчик *prophetia post factum*, что дает право псевдо-Малахии занять почетное место среди пророков, изображенных Горацием Уолполом: “Мудрейшие из пророков сперва удостоверяются в событии”»[51].

Итак, устанавливаемое по всей совокупности датирующих признаков время возникновения и литературного оформления «Повести о новгородском белом клобуке» – с середины 60-х до конца 80-х гг. XVI в. – хронологически совпадает с периодом формирования текста «Казанской истории». Это позволяет сделать вывод, что на данном отрезке времени происходило все более широкое знакомство русского образованного общества с сочинениями Филофея. Учреждение патриаршества окончательно закрепило за ними значение базиса государственной идеологии и «прецедентных текстов», т.е. произведений, о которых «все говорящие так или иначе знают… – прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке»[52]. Пожалуй, ключевое словосочетание в этой точной и емкой характеристике – «хотя бы понаслышке», поскольку, становясь «прецедентным», текст с неизбежностью превращается в источник цитат и афоризмов, употребляемых к месту и не к месту, далеко не всегда теми, кто знаком с оригиналом, и в контекстах, весьма далеких от исходного смысла.

Тем не менее акцентировать внимание на одной лишь профанации смысла прецедентных текстов в массовом сознании – примерно то же самое, что оценивать место А.С. Пушкина или Ф.М. Достоевского по характеру цитирования классиков в обыденной речи наших современников. Пожалуй, девять из десяти «пользователей» цитат из «Евгения Онегина» не вполне понимают их смысла, а большинство и вовсе не читали это произведение, однако это ничуть не умаляет культурно-исторического значения «энциклопедии русской жизни». Равно как и непомерно частое использование афоризма «красота спасет мир» вовсе не означает, что говорящие знают об источнике цитаты и о том, насколько ее общеупотребимая редакция отличается от аутентичной и по форме, и по смыслу.

Появление образа Третьего Рима в «Уложенной грамоте» (впоследствии включенной в «Кормчую» 1653 г.), записях годуновских псалтирей, «Казанской истории», «Повести о новгородском белом клобуке», позже – в «Послании благоверней шему и вышшему царю и богохранимому государю великому князю Димитрию Ивановичю» (Лжедмитрию I) протопопа Терентия, «Повести о зачале Москвы», «Прениях о вере» Арсения Суханова знаменует собою новый этап в эволюции идей старца Филофея. Во многих случаях можно видеть, как образ Третьего Рима превращается в расхожую цитату вне семантического поля теории

[48] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. С. 333.
[49] Повесть о новгородском белом клобуке… С. 224.
[50] *Лурье Я.С.* Повесть о белом клобуке… С. 215.
[51] *Driscoll J.J.* Pseudo-Malachy and the Popes // American Ecclesiastical Review. 1944. Vol. 110, No. 6 (June). P. 421.
[52] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010. С. 216.

«Москва – Третий Рим». Более того, даже в книжной среде далеко не все способны были вникнуть во все тонкости ее историософского содержания, не чувствовали тех идейных демаркаций, которые были столь важны для Филофея. Так, например, для псковского старца, твердо стоявшего на почве православного синергизма, была неприемлема идея изначально дарованной Руси богоизбранности, отразившаяся как в «Повести о новгородском белом клобуке», так и в более ранних идеях Нового Иерусалима, Нового Израиля и Святой Руси, берущих начало в «Слове о Законе и Благодати» и летописной легенде о хождении апостола Андрея. Именно поэтому в «Слове об обидах церкви» Филофей намеренно разъясняет, почему Русь – как конечный пункт «бежания» Богородицы – «пустыня»: «понеже святыа вѣры пусти бѣша, и иже божественiи апостоли в них не проповедаша, но послѣди всѣх просвѣтисѧ»[53]. Однако в XVII в., неслучайно названном прот. Г. Флоровским «агонией Древней Руси», у многих даже весьма начитанных книжников «притупился инстинкт, потеряно было органическое чувство жизни»[54]. Будучи людьми иного времени, они уже зачастую не улавливают тех тонкостей, которые были принципиально важны для книжников века минувшего. Поэтому в текстах того времени прямые и косвенные цитаты из произведений Филофея оказываются в самом причудливом соседстве с мотивами и образами, выражавшими совершенно иные идеи. Более того, даже в списках сочинений псковского старца обнаруживаются подобные чужеродные вкрапления. Так, например, в сборнике XVII в. РНБ, Погод. 1582, в тексте «Послания о крестном знамении» царь назван «броздодержателем», но не «святых Божiих престолъ», как в оригинале, а «всеѧ святыѧ (Sic!) и великиѧ Росиѧ»[55].

Тем не менее для весьма значительной части русского общества идеи Филофея и круга митрополита Макария в их первозданном смысле сохраняли свою актуальность. Об этом свидетельствует острота общественной реакции на осуществленную патриархом Никоном по инициативе царя Алексея Михайловича церковную реформу, лишь внешне нацеленную на унификацию обрядовой практики по греческому образцу. «И совсем не “обряд”, но “Антихрист” есть тема и тайна русского Раскола»[56], – писал прот. Г. Флоровский. Раскол Русской церкви стал следствием осознания несовместимости затеянных перемен с идеей Третьего Рима как последнего оплота истинного благочестия, уберегающего мир от Конца времен: «главная острота Никоновой “реформы” была в резком и огульном отрицании всего старорусского чина и обряда. Не только его заменяли новым, но еще и объявляли ложным, еретическим, почти нечестивым. Именно это смутило и поранило народную совесть»[57].

Но не только защитники старых обрядов столь болезненно переживали крушение Третьего Рима. И сам зачинщик реформ остро осознавал неизбежность радикального отказа от прежних идеалов. Незадолго до начала преобразований Никон включил в новое издание «Кормчей» текст «Уложенной грамоты», тем самым еще раз подтвердив официальный статус теории Третьего Рима. Но по мере разрастания идейного и социального конфликта, порожденного реформой, его неприятие этой идеи становилось все более категоричным. Более того, когда радикально разошлись пути Никона и царя, он пытался вразумить своего бывшего «собинного друга» и его клевретов, что в новых условиях любые апелляции власти к идее Третьего Рима совершенно нелепы. Когда на соборе 1666–1667 гг. боярин С. Стрешнев прибег к этому аргументу, желая урезонить строптивого патриарха, тот пришел в ярость: «Паки глаголеши, яко римская слава и честь прейде на Москву. Откуду ты то навык? Покажи ми!»[58].

Несмотря на увещевания Никона, власть не прислушалась к критике, и образ Третьего Рима еще продолжал по инерции употребляться в церковно-государственном обиходе. Однако с течением времени его использование становилось все более обременительным,

[53] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей… Приложения. С. 63.
[54] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 58.
[55] РНБ, Погод. 1582. Л. 34 об.; *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей… Приложения. С. 50.
[56] *Флоровский Г.* Пути русского богословия… С. 67.
[57] Там же. С. 65.
[58] Возражение или Разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы // Patriarch Nikon on Church and State. Nikon’s “Refutation”. Berlin; New York; Amsterdam, 1965. P. 135.

поскольку эта идея стала знаменем староверов. Противники «никониан» еще более проникались духом теории, в русле которой все произошедшее получало столь логичное и убедительное объяснение. Идея Третьего Рима уходит в старообрядческие скиты и пустыни, и здесь, в «Древней Руси после Древней Руси», бережно сохраняется в памяти, в оберегаемых и старательно переписываемых текстах на протяжении всего Нового и Новейшего времени. Но именно потому, что обретение своего Китежа – дивного края незамутненного «древлего благочестия» – так и осталось для староверов несбыточной мечтой, им пришлось жить, пусть и обособленно, но рядом с ненавистным им миром «никониан». И уже поэтому идея Третьего Рима не могла быть в полной мере «забыта» – хотя бы потому, что «раскольники» оставались проблемой для светской и духовной власти. Бесчисленное воинство чиновников, полицейских жандармов, священников было брошено на борьбу с адептами старой веры. «Обличению раскола» были посвящены лекционные курсы в семинариях, церковные проповеди, богословские сочинения и труды миссионерских съездов. Возможно ли вообразить, что все эти люди не понимали, с чем и с кем они борются, каковы идеи их оппонентов? Но ведь и эти профессиональные сообщества были отнюдь не герметичны – тысячами нитей они были связаны с остальным обществом. Простой, но весьма показательный пример: чиновник особых поручений МВД Павел Иванович Мельников усердно трудился по «искоренению раскола», а в другой своей ипостаси – литератора Андрея Печерского – облекал полученную по службе информацию в повести и романы, находившие многотысячную читательскую аудиторию. Иными словами, идея Третьего Рима, даже будучи сохранена одними только старообрядцами, в остальной части общества была подвергнута табуированию и вытеснена на периферию коллективного сознания, но полное ее забвение представляется совершенно невероятным.

Tertium datur. В нашем странствии по текстам, запечатлевшим трансмутации идеи Третьего Рима, мы останавливаемся на пороге Нового времени, хотя дальнейшее путешествие таит не меньше интриг и загадок. Оставим это на будущее, пока же закольцуем сюжет, вернувшись к теме, с которой начали статью. Прослеженная нами траектория идеи Третьего Рима – от первого ее появления в послании Филофея «На звездочетцев и латин» до Никоновской реформы – свидетельствует о ее глубокой укорененности в культурном ландшафте Московской Руси и неразрывной связи как с предшествующим, так и с последующими этапами развития общественной мысли. Источники не дают веских оснований говорить ни о «случайности» возникновения теории «Москва – Третий Рим», ни о множественных ее «забвениях» и «новых открытиях». Тот факт, что она была востребована властной элитой позже, чем интеллектуальной, говорит не о маргинальном характере данной идеи или ее чужеродности религиозно-политической традиции Московской Руси, а лишь о том, что теория Третьего Рима, как и многие прорывные идеи, опередила свое время – была сформулирована раньше, чем стала политически актуальной. Несмотря на категорическое неприятие идеи Третьего Рима Василием III и Иваном Грозным, она встречала сочувственный отклик в среде интеллектуальной элиты и духовенства. Следствием это было, с одной стороны, широкое распространение сочинений Филофея и их превращение в прецедентные тексты, а с другой – включение словообраза Третьего Рима в иные произведения, не связанные с его исходным смысловым контекстом. Таким образом, следует признать безосновательными попытки представить судьбу этой идеологемы в качестве подтверждения концепции «изобретения традиции». Соответственно, вполне резонно поставить вопрос шире: насколько вообще валидна указанная концепция?

Безусловно, традиции могут быть «изобретенными» именно в том смысле, который вкладывают в это понятие Э. Хобсбаум и его «соавторы». Вопрос лишь в том, в какой мере репрезентативны подобные кейсы, не говоря уже о надежности их верификации, и можно ли на их основе строить теорию, выдаваемую за универсальную и непреложную истину. Нам нередко свойственно сожалеть о недооцененных достижениях прежних поколений. Однако в случае с концепцией «изобретения традиции» все обстоит с точностью до наоборот. Ее эвристический потенциал явно переоценен, тогда как единственным, хотя и сомнительным достоинством этом концепции является ее «броскость» – «выпячивание дихотомии

между нерефлексируемым “обычаем” и всенепременно конструируемой “традицией”»[59], намеренное и даже утрированное противопоставление одного другому по принципу *tertium non datur*. В действительности же социокультурная реальность столь разнообразна, что «дано» может быть и третье, и четвертое, а нередко число этих вариантов вообще не поддается учету.

Неоправданность противопоставления обычая и традиции была очевидна не только для современников Хобсаума, принявших в штыки данную концепцию, но и для многих его предшественников. Эта проблема обсуждалась задолго до выхода «судьбоносного» сборника, однако большинство антропологов предпочитало более осторожные и взвешенные объяснительные модели. Так, еще в 1961 г. Рэймонд Уильямс (Raimond Williams) выдвинул концепцию «селективной традиции»[60] как формы избирательной реактуализации прошлого коллективного опыта. В 1975 г. Делл Хаймс предложил рассматривать понятие традиции «не во времени, а в социальной жизни» – в качестве ее «функциональной предпосылки», а «традиционализацию» – как универсальную потребность, подчеркивая, что «группы и люди различаются не наличием или отсутствием традиционного – не существует никого, кто бы не “традиционализировался”, – а мерой и формой успешности в удовлетворении этой всеобщей потребности»[61].

В этой связи достойна упоминания и значительно более ранняя трактовка данной проблемы, кардинально противоречащая концепции «изобретения традиции» – при том, что к ее автору Хобсбаум не мог не испытывать пиетета. Заглянем в «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»[62].

Таким образом, основоположник идеологии, к которой причислял себя Хобсбаум, не склонен был переоценивать степень творческой свободы человека и его способность созидать новую ментальную реальность *ex nihilo*. Иными словами, даже если считать традицию продуктом политико-идеологического творчества, она не может быть в полной мере свободна от «обычая», от «духов прошлого»; более того, она в значительной мере зависит от них, от того, насколько новые идеи и образы *узнаваемы* аудиторией. Это именно то, что Р. Уильямс называл «селективной традицией» – избирательной реактуализацией прошлого культурного опыта, результаты которой порой могут существенно отличаться от своих прототипов. Но можно ли на этом основании считать «изобретением» плоды такого символического творчества, а их связь с прошлым – фиктивной? Возможно ли вообще, изучая историю идей, противопоставлять изменчивость и преемственность?

Ответ на это вопрос, подытоживающий наши изыскания в области исторических трансмутаций наследия Филофея, может быть найден у того же Хобсбаума в изданной под его редакцией «Истории марксизма»: «По мере того как совокупность идей переживает того, кто их разработал, она выходит за рамки первоначального содержания и намерений. В весьма широких границах, определяемых способностями людей к истолкованию или даже человеческой склонностью провозглашать связь с любимым избранным предшественником, эта совокупность идей становится объектом целого ряда непредсказуемых широких изменений и трансформаций как практического, так и теоретического свойства»[63]. Пожалуй, лучше о диалектике изменчивости и преемственности не скажешь…

[59] *Bendix R.* In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison, 1997. P. 211.
[60] *Williams R.* The Long Revolution. London, 1961. P. 66.
[61] *Hymes D.* Folklore’s Nature and the Sun’s Myth // Journal of American Folklore. 1975. Vol. 88. P. 353.
[62] *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. М., 1957. Т. 8. С. 115.
[63] *Хобсбом Э.Дж.* Марксизм сегодня: открытый итог // История марксизма. М.: Прогресс, 1986. Т. 4. Вып. 1. С. 14.

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. Т. 1. 606 с.

Возражение или Разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы // Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's "Refutation" / ed. by Valerie Tumans, George Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1965. С. 80–673.

Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 450–458.

Волкова Т.Ф. Сюжетная организация «Казанской истории» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 3. С. 7–24.

Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Т. 29. Л.: Наука, 1974. С. 68–97.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 382 с.

Дубровина Л.А. История о Казанском царстве. (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. Киев: Наук. Думка, 1989. 191 с.

Дубровина Л.А. Предисловие к изданию 2000 г. // История о Казанском царстве (Казанский летописец). Полное собрание русских летописей. Т. 19. М.: Языки русской культуры, 2000. С. IV–XXVI.

Ермилов П.П. Учреждение московского патриаршества и Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг. // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 153–178.

Иванов С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М.: АСТ; CORPUS, 2019. 419 с.

Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Художественная литература, 1985. С. 300–565.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

Лурье Я.С. Повесть о белом клобуке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. С. 214–215.

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев: Типогр. Киево-Печерской лавры, 1901. v, 768 с. Примечания. 106 с. Приложения. 144 с.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 15–227.

Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 9. С. 266–290.

Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267.

Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / отв. ред. И.Н. Данилевский. 528 с.

Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 344–379.

Орлов А.С. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь акад. А.И. Соболевского (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 101, № 3). Л.: Российская гос. академ. типография, 1928. С. 188–193.

Павлов А. Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский временник. 1896. Вып. 3. С. 49–52.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.

Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.

Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Художественная литература, 1985. С. 198–233.

Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеке. М.: Синодальная типография, 1982. IV с., 502 стб.

Послание великого князя Ивана Васильевича всея Руси, к архиепископу Ионе Великого Новаграда и Пскова, отчины своея // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1880. Стб. 707–712.

Послание Ивана Грозного шведскому королю Юхану III 1573 года // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1986. С. 122–143.

Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. / подг. М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. М.: Ин-т истории СССР, 1988. 194 с.

Резников К.Ю. Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири. М.: Вече, 2012. 550 с.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 416 с.

Синицына Н.В. Учреждение патриаршества и Третий Рим // 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma: Herder Editrice, 1991. С. 59–80.

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. 397 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М.: Типогр. Селивановского, 1819. VIII, [20], 612 с.

Толкование ветхозаветных книг / пер. И. Череватой; ред. П. Харчалаа. Киев: Славянское Миссионерское Издательство, 1993. Т. 2. От Первой Книги Царств по Книгу Песни Песней. 617 с.

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А.П. Лопухина. Т. 4. СПб.: Странник, 1911. 502 с.

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А.П. Лопухина. Т. 8. СПб.: Странник, 1911. 478 с.

Ульянов О.Г. О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 196–214.

Ульяновский В.И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 447 с.

Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. Вып. 3 (64). С. 9–17.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. 601 с.

Хобсбом Э.Дж. Марксизм сегодня: открытый итог // История марксизма. Т. 4. Вып. 1. М.: Прогресс, 1986. 418 с.

Цыпин В. Уложенная грамота 1589 г. // Da Roma Alla Terza Roma XXXVII Seminario Internazionale di Studi Storici. Campidoglio, 21–22 aprile 2017. URL: https://dirittoestoria.it/15/memorie/Zypin-Carta-costitutiva-Patriarcato-Mosca-1589-ru.htm (дата обращения: 01.05.2022).

Bendix R. In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison: University of Wisconsin Press, 1997. 306 p.

Driscoll J.J. Pseudo-Malachy and the Popes // American Ecclesiastical Review. 1944. Vol. 110, No. 6 (June). P. 416–425.

Hymes D. Folklore's Nature and the Sun's Myth // Journal of American Folklore. 1975. Vol. 88, No. 350. P. 345–369.

Pelenski J. Muscovite Imperial Claims to Kazan Khanate [Based on the Muscovite Theory of Succession to the Lands of Kievan Rus'] // Pelenski J. The Contest for the Legacy of Kievan Rus' (East European Monographs, No. CCCLXXVII). New York: Boulder distributed by Columbia University Press, 1998. P. 189–212.

Pelenski J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris: Mouton, 1974. XII, 368 p.

Williams R. The Long Revolution. London: Pelican, 1961. 399 p.

References

(1841). *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiey* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 1. 606 p.

Bendix, R. (1997). *In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies.* Madison: University of Wisconsin Press. 306 p.

Danilevskiy, I.N. (2004). *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutical Foundations for the Study of Chronicle Texts]. Moscow, Aspekt-Press. 382 p.

Danilevskiy, I.N. (Ed.). (2020). Stanovlenie obshchestvennoy mysli dopetrovskoy Rusi [The Genesis of Social Thought of Pre-Petrine Rus']. In *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneyshikh vremen do serediny XX veka*: v 4 t. Vol. 1. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 528 p.

Driscoll, J.J. (1944). Pseudo-Malachy and the Popes. In *American Ecclesiastical Review.* Vol. 110, No. 6 (June), pp. 416–425.

Dubrovina, L.A. (1989). *Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets). Spiski i klassifikatsiya tekstov* [The History of the Kazan Kingdom (Kazan Chronicle). Manuscripts and Classification of Texts]. Kiev, Nauk. dumka. 191 p.

Dubrovina, L.A. (2000). Predislovie k izdaniyu 2000 g. [Preface to the 2000 Edition]. In *Istoriia o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets) [History of the Kazan Kingdom (Kazan Chronicle)]. Polnoe sobranie russkih letopisey.* Vol. 19. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, pp. IV–XXVI.

Ermilov, P.P. (2019). Uchrezhdenie moskovskogo patriarshestva i Konstantinopol'skie sobory 1590 i 1593 gg. [Establishment of the Moscow Patriarchate and Councils of Constantinople in 1590 and 1593]. In *Vizantiyskiy vremennik.* Vol. 103, pp. 153–178.

Florovskiy, G. (1937). *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Paris. 601 p.

Goldberg, A.L. (1974). Tri "poslaniya Filofeya" [Three "Epistles of Filofei"]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury RAN (Pushkinskogo doma)*. Vol. 29. Leningrad, Nauka, pp. 68–97.

Harchalaa, P. (Ed.), Cherevatoy, I. (Trans.). (1993). *Tolkovanie vethozavetnykh knig* [Interpretation of the Old Testament Bbooks]. Vol. 2. Kiev, Slavyanskoe Missionerskoe Izdatel'stvo. 617 p.

Hobsbom, E.J. [Hobsbawm, E.J.]. (1986). Marksizm segodnya: otkrytyy itog [Marxism Today: An Open Summary]. In *Istoriya marksizma.* Vol. 4, Iss. 1. Moscow, Progress. 418 p.

Hymes, D. (1975). Folklore's Nature and the Sun's Myth. In *Journal of American Folklore.* Vol. 88, No. 350, pp. 345–369.

Ivanov, P.A. (2019). *Blazhennye pohaby. Kul'turnaya istoriya yurodstva* [The Blessed Cussers. Cultural History of Foolishness]. Moscow, AST, CORPUS. 419 p.

Karaulov, Yu.N. (2010). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian Language and Linguistic personality]. Moscow, Izd. LKI. 264 p.

(1985). Kazanskaya istoriya [Kazan History]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, pp. 300–565.

Lihachev, D.S. (1979). Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of Ancient Russian Literature]. Moscow, Nauka. 360 p.

Lurie, Yu.S. (1989). Povest' o belom klobuke [The Tale of the White Cowl]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Iss. 2, Part 2, pp. 214–215.

Malinin, V. (1901). *Starets Eleazarova monastyrya Filofey i ego poslaniya* [The Story of the Eleazar Monastery Filofei and his Epistles]. Kiev, Tipogr. Kievo-Pecherskoy lavry. V, 768 c. Notes. 106 p. Applications. 144 p.

Marx, K. (1957). Vosemnadtsatoe bryumera Lui Bonaparta [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. In *Marx K., Engels F. Sochineniya. Second edition.* Vol. 8. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 15–227.

Moiseeva, G.N. (1953). Avtor "Kazanskoy istorii" [Author of "Kazan History"]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury RAN (Pushkinskogo doma).* Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. Vol. 9, pp. 266–290.

Nestor Iskander (1982). Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 g. [The Tale of the Capture of Constantinople by the Turks in 1453]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vtoraya polovina XV veka*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, pp. 216–267.

Orlov, A.S. (1908). O nekotorykh osobennostyakh stilya velikorusskoy istoricheskoy belletristiki XVI–XVII vv. [On Some Features of the Style of Great Russian Historical Fiction of the 16th–17th Centuries]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. Vol. 13, Book 4, pp. 344–379.

Orlov, A.S. (1928). Khronograf i "Povest' o Kazanskom tsarstve" [Chronograph and "The Tale of the Kazan Kingdom"]. In *Sbornik statey v chest' akad. A.I. Sobolevskogo (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk. Vol. 101. No. 3)*. Leningrad, Rossiyskaya gos. akadem. tipografiya, pp. 188–193.

Pavlov, A. (1896). Podlozhnaya darstvennaya gramota Konstantina Velikogo pape Sil'vestru v polnom grecheskom i slavyanskom perevode [False Deed of Donation of Constantine the Great to Pope Sylvester in Full Greek and Slavonic Translation]. In *Vizantiyskiy vremennik.* Iss. 3, pp. 49–52.

Pelenski, J. (1974). *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague, Paris, Mouton. XII, 368 p.

Pelenski, J. (1998). Muscovite Imperial Claims to Kazan Khanate [Based on the Muscovite Theory of Succession to the Lands of Kievan Rus']. In *Pelenski J. The Contest for the Legacy of Kievan Rus' (East European Monographs, No. CCCLXXVII).* New York, Boulder distributed by Columbia University Press, pp. 189–212.

(1979). Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu [The First Message of Ivan the Terrible to Kurbsky]. In *Poslaniya Ivana Groznogo Andreyu Kurbskomu*. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie.

Plyuhanova, M.B. (1995). Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva [Themes and Symbols of the Muscovite Kingdom.]. St. Petersburg, Akropol'. 336 p.

(1982). Podrobnoe oglavlenie Velikih Chetiih Miney vserossiyskogo mitropolita Makariya, khranyashihsya v Moskovskoy patriarshey (nyne sinodal'noy) biblioteke [Detailed Table of Chetii Minei of the All-Russian Metropolitan Macarius, Stored in the Moscow Patriarchal (Now Synodal) Library]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. IV p., 502 col.

Poslanie Ivana Groznogo shvedskomu korolyu Yukhanu III 1573 goda (1986) [Message of Ivan the Terrible to the Swedish King Johan III in 1573]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vtoraya polovina XVI veka.* Moscow, Hudozhestvennaya literatura, pp. 122–143.

(1880). Poslanie velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha vseya Rusi, k arhiepiskopu Ione Velikogo Novagrada i Pskova, otchiny svoeya [Epistle of Grand Duke Ivan Vasilievich of All Russia, to the Archbishop Jonah the Great of Novgorod and Pskov, His Ffatherland]. In *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoyu komissieyu.* Vol. VI. St. Petersburg, Tipogr. Imperatorskoy akademii nauk, col. 707–712.

(1988). Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Gretsiey (pravoslavnymi ierarkhami i monastyryami), 1588–1594 gg. [Embassy Book on Russia's Relations with Greece (Orthodox Hierarchs and Mmonasteries), 1588–1594.]. Prep. M.P. Lukichev, N.M. Rogozhin. Moscow, In-t istorii SSSR. 194 p.

(1985). Povest' o novgorodskom belom klobuke [The Tale of the Novgorod White Cowl]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, pp. 198–233.

Reznikov, K.Yu. (2012). *Russkaya istoriya: mify i fakty. Ot rozhdeniya slavyan do pokoreniya Sibiri* [Russian History: Myths and Facts. From the Birth of the Slavs to the Cconquest of Siberia]. Moscow, Veche. 550 p.

Sinitsyna, N.V. (1998). *Tretiy Rim. Istoki i evoliutsiya srednevekovoy kontseptsii* [The Third Rome. Origins and Evolution of the Medieval Concept]. Moscow, Indrik. 416 p.

Sinitsyna, N.V. (1991). Uchrezhdenie patriarshestva i Tretiy Rim [The Establishment of the Patriarchate and the Third Rome]. In *400-letie uchrezhdeniya patriarshestva v Rossii.* Roma, Herder Editrice, pp. 59–80.

Skrynnikov, R.G. (1991). *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv.: Podvizhniki russkoy tserkvi* [State and Church in Russia 14th–16th Centuries: Devotees of the Russian Church]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otdelenie. 397 p.

(1819). *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyachsikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannyh del* [Collection of State Letters and Treaties kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. Part 2. Moscow, Tipogr. Selivanovskogo. VIII, [20], 612 p.

(1911). *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* [Explanatory Bible, or Commentary on All the Bbooks of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Izdanie preemnikov A.P. Lopuhina. Vol. 8. St. Petersburg, Strannik. 478 p.

(1911). *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* [Explanatory Bible, or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Izdanie preemnikov A.P. Lopuhina. Vol. 4. St. Petersburg, Strannik. 502 p.

Tumans, V., Vernadsky, G. (Eds.). (1965). Vozrazhenie ili Razorenie smirennago Nikona, Bozhieyu milostiyu patriarkha, protivo voprosov boyarina Simeona Streshneva, ezhe napisa gazskomu mitropolitu Paisiyu Likaridiusu i na otvety Paisiovy [Objection or Ruin of the Humble Nikon, by the Grace of God, the Patriarch, Against the Questions of the Boyar Simeon Streshnev, Which he Wrote to the Metropolitan of Gaza, Paisius Likaridius, and to the Answers of Paisius]. In *Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's "Refutation"*. Berlin, New York, Amsterdam, Mouton Publishers, pp. 80–673.

Tsypin, V. Ulozhennaya gramota 1589 g. [Statut of 1589]. In *Da Roma Alla Terza Roma XXXVII Seminario Internazionale di Studi Storici. Campidoglio, 21–22 aprile 2017*. URL: https://dirittoestoria.it/15/memorie/Zypin-Carta-costitutiva-Patriarcato-Mosca-1589-ru.htm (date of accesses 01.05.2022).

Uliyanov, O.G. (2010). O vremeni zarozhdeniya na Rusi kontseptsii "Moskva – Tretiy Rim" ("Donatio Constantini Magni" i "Povest' o belom klobuke") [About the time of origin in Russia of the concept "Moscow – the Third Rome" ("Donatio Constantini Magni" and "The Tale of the White Cowl")]. In *Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisanie.* Moscow, IVI RAN, pp. 196–214.

Ulyanovskiy, V.I. *Smutnoe vremya* [Time of Troubles]. Moscow, Europe, 2006. 447 p.

Usachev, A.S. (2015). Ob istorii bytovaniya idei "Tret'ego Rima" v Rossii XVI v. [On the History of the Existence of the Idea of the "Third Rome" in Russia in the 16th Century]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Iss. 3 (64), pp. 9–17.

Volkova, T.F. (1988). Kazanskaya istoriya [Kazan History]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Iss. 2. Part. 1. Leningrad, Nauka, pp. 450–458.

Volkova, T.F. (2019). Syuzhetnaya organizatsiya "Kazanskoy istorii" [The Plot Organization of "Kazan History"]. In *Problemy istoricheskoy poetiki*. Vol. 17, No. 3, pp. 7–24.

Williams, R. (1961). *The Long Revolution.* London, Pelican. 399 p.

В.Н. Мамяченков*

ЖИВОТНОВОДСТВО СРЕДНЕГО УРАЛА В 1953–1964 ГОДАХ

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-19
УДК 94:338(470.5)“1953/1964”

Выходные данные для цитирования:
Мамяченков В.Н. Животноводство Среднего Урала в 1953–1964 годах // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 234–239. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-19.pdf

V.N. Mamyachenkov*

THE ANIMAL HUSBANDRY IN THE MIDDLE URALS IN 1953–1964S

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-19

How to cite:
Mamyachenkov V.N. The Animal Husbandry in the Middle Urals in 1953–1964s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 234–239. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-19.pdf]

Abstract. The article examines the problems of livestock development in one of the most industrialized regions of the Urals – the Sverdlovsk region (Middle Urals). The topic of the article is relevant, since animal husbandry plays an important role in the national economy, largely providing the population not only with food and raw materials for the food industry, but also with medicines, fur, leather, wool, down, and finally, draft power. An analysis was made of the dynamics of the number of livestock of the main types of livestock in all types of farms in the Middle Urals in 1953–1964. When writing the article, the author used materials from the funds of the leading archives of the region – the State archive of the Sverdlovsk region (SASR) and the Center for documentation of public organizations of the Sverdlovsk region (CDPOSR). Various statistical reference books and encyclopedic publications on the Urals and the Sverdlovsk region also served as a source base for writing the article. It is argued that by the beginning of the 20th century, the Middle Urals already had a well-developed livestock sector for its time. It is stated that in the period under study, the country gradually overcame the heavy legacy of Stalinist totalitarianism, implemented very significant economic projects, and carried out a reform of the management of the national economy. Attention is focused on the fact that neither the First world war nor the Civil war had a significant impact on the number of livestock in the Middle Urals. It is proved that, perhaps, the most significant positive moment of the studied period in the Sverdlovsk region was the fairly rapid development of poultry farming. An input is made that in the study period, as in all other periods without exception, the region’s animal husbandry could not meet the needs of its population.

Keywords: 1953–1964, agrarian policy of the state, animal husbandry, number of livestock, productivity, Middle Ural.

The article has been received by the editor on 25.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье исследуются проблемы развития животноводства в 1953–1964 гг. в одном из наиболее индустриально развитых регионов Урала – Свердловской области (на Среднем Урале). Осуществлен анализ динамики численности поголовья основных видов скота во всех категориях хозяйств. Использованы материалы фондов Государственного архива Свердловской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области. Источниковую базу дополнили статистические справоч-

* **Владимир Николаевич Мамяченков,** доктор исторических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: mamyachenkov@mail.ru
Vladimir Nikolaevich Mamyachenkov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, e-mail: mamyachenkov@mail.ru

ники и энциклопедические издания по Уралу и Свердловской области. В исследуемый период времени регион постепенно преодолевал тяжелое наследие сталинского периода, поголовье сельскохозяйственных животных существенно увеличилось. Наиболее значимые показатели были достигнуты в птицеводстве. Сделан вывод, что в исследуемый период животноводство Среднего Урала не смогло обеспечить удовлетворение потребностей его населения.

Ключевые слова: 1953–1964 гг., аграрная политика государства, животноводство, численность поголовья, продуктивность скота, Средний Урал.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022

Животноводство представляет собой специфическую отрасль сельского хозяйства, занимающуюся содержанием и разведением сельскохозяйственных животных в целях производства соответствующей продукции. Как сфера деятельности человека оно является одним из наиболее древних его промыслов, появившимся после того, как люди овладели охотой, рыболовством и, наконец, земледелием. Играя важную роль в народном хозяйстве, животноводство как отрасль в значительной степени обеспечивает население страны не только продуктами питания и сырьем для пищевой промышленности, но и лекарственными средствами, мехом, кожей, шерстью, пухом, наконец, тягловой силой.

Цель настоящей работы – исследование динамики и особенностей развития животноводства на территории Среднего Урала (Свердловской области) в первое послесталинское десятилетие, во время которого фактическим руководителем государства был Н.С. Хрущев (с сентября 1953 г. – в качестве Первого секретаря ЦК КПСС, а с марта 1958-го – еще и Председателя Совета Министров).

Источниковая база исследования представлена прежде всего статистическими сборниками[1]. Кроме того, ряд данных верифицировался нами по материалам, извлеченным из фондов Государственного архива Свердловской области (ГАСО) Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Использовались также сведения из справочной литературы.

Проблемы развития животноводства на Урале затронуты в ряде аналитических работ исследователей аграрной истории региона[2]. Наименее исследованным является развитие животноводства в регионе в первое постсталинское десятилетие. Практически отсутствуют работы, освещающие проблемы отрасли на Среднем Урале.

В исследуемый период страна постепенно преодолевала тяжелое наследие сталинского тоталитаризма. Осуществлялись значительные экономические проекты (освоение целинных земель, строительство крупных гидроэлектростанций и др.), была проведена реформа управления народным хозяйством.

Значимые события происходили и в аграрной сфере страны и региона, в том числе в животноводстве. Наглядное представление о динамике численности сельскохозяйственных животных во всех категориях хозяйств Среднего Урала дают материалы, составляющие табл. 1.

[1] Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: стат. сборник. Свердловск, 1956; Народное хозяйство Свердловской области: стат. сборник. Свердловск, 1962; Свердловская область в цифрах. 1966–1970: стат. сборник. Свердловск, 1971.

[2] *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985). Свердловск, 1991; *Мамяченков В.Н.* Животноводство Свердловской области в советский период: достижения и провалы // Научный диалог. 2016. № 3; *Мотревич В.П.* Экономическая история России. Екатеринбург, 2004; *Мотревич В.П.* Материальное благосостояние колхозников Урала в 50-е – первой половине 60-х гг. Свердловск, 1990; и др.

Таблица 1

Поголовье скота во всех категориях хозяйств Свердловской области в 1916, 1928, 1953–1964, 1991 гг., на начало года, тыс. голов

Год	Крупный рогатый скот		Свиньи	Овцы и козы	Лошади
	всего	в т.ч. коровы			
1916	805	404	395	820	520
1928	809	403	339	1 031	454
1953	573	300	291	581	185
1954	553	294	300	575	182
1955	595	311	309	586	169
1956	624	327	340	552	156
1957	654	342	363	519	143
1958	661	357	433	587	134
1959	657	363	405	564	117
1960	675	360	577	548	108
1961	663	362	604	560	100
1962	743	371	664	539	97
1963	803	382	708	521	92
1964	771	385	414	405	80
1991	845	340	606	207	30

Составлено по: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 477; Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: стат. сборник. Свердловск, 1956. С. 69; Народное хозяйство Свердловской области: стат. сборник. Свердловск, 1962. С. 89; Свердловская область в цифрах. 1966–1970: стат. сборник. Свердловск, 1971. С. 56; ЦДООСО. Оп. 92. Д. 242. Л. 39; Свердловская область в цифрах в 1992 году: в 2 ч. Екатеринбург, 1993. Ч. 2. С. 34.

Прежде всего, укажем на отраженные в таблице негативные последствия форсированной коллективизации. Показателей 1928 г. по численности свиней в области удалось достичь лишь в середине 1950-х гг., поголовье крупного рогатого скота приблизилось к этому уровню в 1963 г., а количество овец, не достигнув и половины от показателей 1928 г. этого уровня к концу 1950-х гг., затем начало снижаться.

В связи с этим интерес представляет то, что 22 мая 1957 г. на митинге в Ленинграде Н.С. Хрущев совершенно неожиданно даже для своих сподвижников выдвинул абсолютно авантюристичный лозунг: «догнать США по производству мяса, масла и молока за 3–4 года». Однако за весь 1957 г. СССР произвел в среднем на душу одного человека всего лишь 36 кг мяса, в то время как США – 97 кг. Из табл. 1 видно, что по крайней мере на Среднем Урале никаких «рывков» в животноводстве во второй половине 1950-х гг. не произошло, да и не могло произойти в принципе.

При этом следует учитывать не только изменения численности скота, но и динамику его продуктивности, которая находилась на недопустимо низком уровне (см. табл. 1, 2). Данные, представленные в табл. 2, показывают продуктивность колхозного животноводства, а в

табл. 3 – «частного сектора», т.е. животноводства в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) колхозников.

Таблица 2

Продуктивность скота в колхозах Свердловской области в 1953–1964 гг.

	Годы				
	1953	1956	1957	1960	1964
Удой молока от одной коровы, кг	965	1 510	1 902	2 423	2 169
Яйценоскость одной курицы-несушки, шт.	39	–	–	–	–
Средний настриг шерсти с одной овцы, кг	1,7	–	–	2,4	2,6

Составлено по: Свердловская область в цифрах. 1966–1970. С. 66; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 171. Л. 3, 56–57; Оп. 58. Д. 191. Л. 1; Оп. 67. Д. 161. Л. 20.

Таблица 3

Продуктивность скота и птицы в ЛПХ колхозников Свердловской области в 1952–1963 гг.

Год	Показатели продуктивности и единицы измерения		
	удой молока от одной коровы, л	яйценоскость одной курицы-несушки, шт.	средний настриг шерсти с одной овцы, кг
1952	1 397	72	1,90
1955	1 572	80	2,20
1960	1 705	78	1,80
1962	2 123	78	0,98
1963	1 971	72	1,02

Составлено по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3161. Л. 75; Д. 3276. Л. 1а.

Приведенные показатели удручающе низки даже для своего времени. Так, из данных табл. 2 следует, что в 1950-е гг. средняя удойность колхозной коровы примерно равнялась продуктивности хорошей козы. Тем не менее отметим, что показатели продуктивности общественного животноводства в течение исследуемого периода значительно возросли, однако все равно не шли в сравнение с аналогичными показателями животноводства в развитых странах.

Если вернуться к данным, приведенным в табл. 1, то нетрудно заметить, что пиковым в смысле достижений животноводства за «хрущевский» период истории СССР стал 1963 г. Исключение составляет только численность мелкого рогатого скота и лошадей. При этом следует отметить, что поголовье указанных сельскохозяйственных животных продолжало снижаться и в последующие годы. Причин данного сокращения было две. Во-первых, государство стремилось ограничить ЛПХ. Во-вторых, ведущей отраслью животноводства было решено сделать мясомолочное скотоводство. В итоге к 1991 г. численность мелкого рогатого скота в общественном секторе сельского хозяйства Среднего Урала составляла немногим более 1 тыс. голов.

В то же время стабильный рост демонстрировало поголовье свиней, численность которого резко снизилась только в 1964 г. из-за дефицита кормов. Как известно, в октябре этого года Н.С. Хрущев был отстранен от власти. Причин этому беспрецедентному в политической истории СССР событию было несколько, но одна из них – серьезное ухудшение продовольственного положения в стране. При этом свою негативную роль (помимо ошибочных действий властей в аграрной сфере) сыграла засуха 1963 г.

Но нельзя сказать, что в животноводстве Среднего Урала в годы правления Н.С. Хрущева совсем не было позитивных сдвигов. Поголовье продуктивного скота увеличивалось вплоть до 1963 г. Наиболее быстрыми темпами в Свердловской области развивалось птицеводство. Впрочем, «быстрое» – в данном случае понятие относительное, так как состояние птицеводства в регионе к началу исследуемого периода было далеко не лучшим, а базовые показатели – весьма скромными. Динамика же птицеводства в регионе была следующей: в 1954 г. численность поголовья птицы в колхозах и совхозах области составила 768 тыс. голов, в 1960 г. – 1107 тыс., в 1964 г. – 1965 тыс. голов, увеличившись за десятилетие более чем в 2,5 раза[3]. Следует отметить, что этот рост продолжался и в дальнейшем. Наращивание потенциала птицеводства позволило в известной мере решить проблему самообеспечения населения региона диетическими продуктами – мясом птицы и куриными яйцами.

Подводя итоги исследования, можно сформулировать несколько вполне обоснованных выводов:

во-первых, для начала исследуемого периода животноводства Среднего Урала был характерно низкий уровень развития, существенно уступающий показателям 1928 и 1916 гг.;

во-вторых, поголовье продуктивного скота стабильно росло до 1964 г., в то же время численность лошадей постоянно снижалась;

в-третьих, показатели продуктивности общественного животноводства постепенно наращивались, но тем не менее так и остались весьма далекими от уровня развитых стран;

в-четвертых, наиболее стабильно развивающейся отраслью животноводства на Среднем Урале за «хрущевское» десятилетие было птицеводство.

В целом же животноводство региона к середине 1960-х гг. так и не смогло обеспечить удовлетворение потребностей его населения. Но, как нам представляется, такая задача перед ним и не ставилась, так как была заведомо невыполнимой для такого типичного старопромышленного региона, каким являлась Свердловская область.

Литература

Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985). Свердловск: Уральское отделение академии наук СССР, 1991. 196 с.

Мамяченков В.Н. Животноводство Свердловской области в советский период: достижения и провалы // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 209–224.

Мотревич В.П. Материальное благосостояние колхозников Урала в 50-е – первой половине 60-х гг.: методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. 36 с.

Мотревич В.П. Экономическая история России: учеб. издание. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2004. 712 с.

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 640 с.

References

Alekseev, V.V. (Ed.). (2000). *Ural’skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg, Akademkniga. 640 p.

Denisevich, M.N. (1991). *Individual’nye hozyaystva na Urale (1930–1985)* [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Sverdlovsk, Ural’skoe otdelenie akademii nauk SSSR. 196 p.

[3] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 92. Д. 242. Л. 39; Оп. 67. Д. 163. Л. 89.

Mamyachenkov, V.N. (2016). Zhivotnovodstvo Sverdlovskoy oblasti v sovetskiy period: dostizheniya i provaly [Animal Husbandry of Sverdlovsk Region in Soviet Period: Achievements and Failures]. In *Nauchnyy dialog*. No. 3 (51), p. 209–224.

Motrevich, V.P. (1990) *Material'noe blagosostoyanie kolhoznikov Urala v 50-e – pervoy polovine 60-h gg.: metodicheskie rekomendaytsii i materialy k spetsseminaru po istorii sovetskogo obshhestva* [Material Welfare of Ural Collective Farmers in the 1950s and First Half of the 1960s: Methodological Recommendations and Materials for a Special Seminar on the History of Soviet Society]. Sverdlovsk, UrO AN SSSR. 36 p

Motrevich, V.P. (2004). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: uchebnoe izdanie* [Economic History of Russia: Educational Publication]. Ekaterinburg, Izd-vo Gumanitarnogo universiteta. 712 p.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ВАДИМА МАРКОВИЧА РЫНКОВА

Вадим Маркович Рынков родился 5 сентября 1972 г. в Новосибирске. В 1994 г. с отличием окончил историческое отделение гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. После трехлетнего обучения в аспирантуре НГУ в 1998 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918–1919 г.)».

В 1997 г. принят на работу в сектор аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН на должность младшего научного сотрудника, затем – научного сотрудника, старшего научного сотрудника. В 2001–2005 гг. был председателем совета научной молодежи Института. В 2021 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 – октябрь 1922 г.)».

В.М. Рынков – известный специалист в области экономической истории России конца XIX – первой четверти XX в., ведет научные исследования по истории России в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. Внес значимый вклад в изучение влияния Первой мировой войны на экономику, экономическую и социальную политику антибольшевистских правительств Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В 2008 г. стал лауреатом премии им. академика П.В. Волобуева Научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории за научные труды молодых ученых. В.М Рынков – автор 250 научных и научно-популярных публикаций, в том числе 3-х индивидуальных и 4-х коллективных монографий, активно занимается подготовкой и изданием документальных источников. В качестве исполнителя и руководителя участвовал в реализации научных проектов, получавших под-

держку Сибирского отделения Российской академии наук, Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского научного фонда, Германского исторического института в Москве, фонда Сороса, Американского совета научных сообществ (ACLS), Фонда «Истории Отечества».

Вадим Маркович считает, что основой профессиональной деятельности историка является работа по выявлению, сбору и анализу первоисточников. Много внимания уделяет работе в архивах и библиотеках от Москвы и Санкт-Петербурга до Петропавловска-Камчатского. Научную мобильность использует для создания и поддержания творческих и профессиональных контактов.

Назначенный в июне 2019 г. на должность директора Института проявил себя как энергичный и целеустремленный руководитель, наладил новые научные контакты с гуманитарными институтами Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН, российскими вузами, архивами, а также научными организациями Казахстана и Монголии, взял курс на обновление структуры организации. Под его руководством Институт продолжает вести работу по разработке фундаментальных научных исследований: выявлению и анализу памятников русской книжности и культуры, государственных стратегий и специфики аграрного и промышленного освоения Сибирского макрорегиона, включая его арктическую зону, сословных, социокультурных, демографических трансформаций населения, специфики политических процессов и определения роли и места Сибири в прошлом и настоящем России. В.М. Рынков координирует работу по подготовке к публикации третьего и четвертого томов крупного масштабного издания «История Сибири». Под его руководством Институт в 2020 г. подготовил историческую справку для присвоения Новосибирску почетного звания «Город трудовой доблести». Существенно активизировалась работа научных журналов «Гуманитарные науки в Сибири» и «Исторический курьер».

По инициативе В.М. Рынкова Институт ежегодно организует и проводит научные мероприятия международного и всероссийского уровня, в том числе посвященные важнейшим историческим событиям в России. В 2020 г. к 75-летию победы в Великой Отечественной войне организована всероссийская конференция «Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретации, уроки прошлого», в 2021 г. – всероссийская научная конференция «Российские экономические реформы в региональном измерении» к столетию нэпа в России, в сентябре 2022 г. состоится Международная конференция, посвященная 100-летию завершения Гражданской войны в России «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности». Научные мероприятия, организуемые Институтом истории СО РАН под руководством В.М. Рынкова, вызывают огромный интерес у широкой научной общественности России и стран ближнего зарубежья.

Активная научная и научно-организационная деятельность органично сочетается с подготовкой научных кадров. В.М. Рынков ведет преподавательскую работу на кафедре отечественной истории гуманитарного факультета (с 2016 г. – гуманитарного института) НГУ. С 2003–2009 гг. заведовал кафедрой гуманитарных дисциплин АНО ВПО «Новый сибирский институт». В 2008–2018 гг. в должности доцента преподавал на кафедре истории и теории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

В.М. Рынков принимает участие в популяризации, исторической науки и гуманитарных знаний среди общественности и молодого поколения, ежегодно выступает с научно-популярными лекциями в вузах, на радио и телевидении. Благодаря тесным научным связям Институт начал привлекаться к мероприятиям, организуемым архивами, музеями и библиотеками Новосибирска, а также городским мультимедийным историческим парком «Россия – Моя история».

В.М. Рынков является заместителем сопредседателей Научного совета РАН по экономической истории, заместителем председателя Новосибирского областного отделения Российского исторического общества, членом Российской ассоциации историков Первой мировой войны, членом новосибирского отделения «Российского общества исследователей экономической истории».

Обладая фантастической работоспособностью, при всей своей занятости юбиляр сохраняет приверженность традиционным семейным ценностям, любит путешествовать и заниматься спортом, сохраняет чувство юмора и оптимизма.

Коллеги